

Министерство науки и высшего образования РФ
Международная ассоциация финно-угорских университетов
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

ЕЖЕГОДНИК
финно-угорских исследований

Том 16
Выпуск 4

“Yearbook of Finno-Ugric Studies”

Volume 16
Issue 4

Ижевск
2022

Редакционная коллегия журнала

Главный редактор: *Загребин Алексей Егорович* (УдГУ, Ижевск, Россия)

Зам. главного редактора: *Кондратьева Наталья Владимировна* (УдГУ, Ижевск, Россия)

Мерзлякова Галина Витальевна (УдГУ, Ижевск, Россия)

Жеребцов Игорь Любомирович (ИЯЛИ Коми ФИЦ УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

Муллонен Ирма Ивановна (ИЯЛИ Карельский ФИЦ РАН, Петрозаводск, Россия)

Тулуз Ева (Институт восточных культур и цивилизаций, Париж, Франция)

Насибуллин Риф Шаκριсламович (УдГУ, Ижевск, Россия)

Надь Золтан (Печский университет, Печ, Венгрия)

Владыкина Татьяна Григорьевна (УИИЯЛ УдмФИЦУрО РАН, Ижевск, Россия)

Зверева Татьяна Вячеславовна (УдГУ, Ижевск, Россия)

Ванюшев Василий Михайлович (УИИЯЛ УдмФИЦУрО РАН, Ижевск, Россия)

Шаланки Жужанна (Университет им. Л. Этвеша, Будапешт, Венгрия)

Шутова Надежда Ивановна (УИИЯЛ УдмФИЦУрО РАН, Ижевск, Россия)

Норманская Юлия Викторовна (Институт языкознания РАН, Москва, Россия)

Кудрявцева Раисия Алексеевна (МарГУ, Йошкар-Ола, Россия)

Миннихметова Татьяна Гильнихметовна (Инсбрукский университет, Инсбрук, Австрия)

Мызников Сергей Алексеевич (Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Матичак Шандор (Дебреценский университет, Дебрецен, Венгрия)

Ответственные редакторы: *Фаттахова Аида Жавдатовна* (УдГУ, Ижевск, Россия)

Тот Силард (Нарвский колледж, филиал Тартуского университета, Нарва, Эстония)

The Editorial Board

Chief Editor: *Aleksey Ye. Zagrebin (Udmurt State University, Izhevsk, Russia)*

Deputy Chief Editor: *Natalia V. Kondratyeva (Udmurt State University, Izhevsk, Russia)*

Galina V. Merzlyakova (Udmurt State University, Izhevsk, Russia)

Igor L. Zherebtsov (Institute of Language, Literature and History of Komi Research Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)

Irma I. Mullonen (Institute of Language, Literature and History of Karelian Research Centre of RAS, Petrozavodsk, Russia)

Eva Toulouze (National Institute of Oriental Languages and Civilizations, Paris, France)

Rif Sh. Nasibullin (Udmurt State University, Izhevsk, Russia)

Zoltán Nagy (University of Pécs, Pécs, Hungary)

Tat'yana G. Vladykina (Udmurt Institute of History, Language and Literature, Udmurt Federal Research Center, Ural Branch of RAS, Izhevsk, Russia)

Tat'yana V. Zvereva (Udmurt State University, Izhevsk, Russia)

Vasilii M. Vanyushev (Udmurt Institute of History, Language and Literature, Udmurt Federal Research Center, Ural Branch of RAS, Izhevsk, Russia)

Zsuzsanna Salánki (EötvösLoránd University, Budapest, Hungary)

Nadezhda I. Shutova (Udmurt Institute of History, Language and Literature, Udmurt Federal Research Center, Ural Branch of RAS, Izhevsk, Russia)

Yulia V. Normanskaya (Institute of Linguistics of RAS, Moscow, Russia)

Raisia A. Kudryavtseva (Mari State University, Yoshkar-Ola, Russia)

Tat'yana G. Minniyakhmetova (Institute of History and European Ethnology, University of Innsbruck, Innsbruck, Austria)

Sergei A. Myznikov (Institute of Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia)

Sándor Maticsák (University of Debrecen, Hungary)

Executive Editors: *Shulga Elena Borisovna (Udmurt State University, Izhevsk, Russia)*

Aida Zh. Fattakhova (Udmurt State University, Izhevsk, Russia)

Szilárd Tóth (Narva College of the University of Tartu, Narva, Estonia)

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Карпова Л. Л.</i> Модификации в системе числительных нижнечепецкого диалекта удмуртского языка	556
<i>Муллонен И. И.</i> Ойконимическая система Южной Карелии в развитии	567
<i>Русинова И. И., Лобанова А. С., Федосеева Е. Л.</i> Коми-пермяцкие фитонимы, содержащие названия животных	578
<i>Синицына Ю. В.</i> Горномарийский суффикс –rak: употребление в компаративных и аттенуативных контекстах	592

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

<i>Ваганова Е. Н., Шестёркина Н. В.</i> ‘Гроза’ как природная событийная ситуация (на материале мордовских и русских загадок)	606
---	-----

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ

<i>Воронцов В. С., Черниенко Д. А.</i> Межнациональные отношения в республиках Марий Эл, Мордовия, Удмуртия в оценках экспертов	618
<i>Галиева Ф. Г.</i> «Башкиризация» костюмных комплексов удмуртов и марийцев Башкортостана	628
<i>Тулуз Ева.</i> «Jõulud»: внешний взгляд на современное эстонское Рождество	641
<i>Мельникова О. М.</i> Удмуртские корреспонденты археолога О. М. Бадера	656
<i>Сунцова Н. Ю., Попова Е. В.</i> Пряные растения в культуре бесермян	667
<i>Ульданова Г.И.</i> Создание и организация куйвозовского (токсовского) финского национального района	681
<i>Ясаков В. С.</i> Межнациональные связи между Южной Азией и Восточной Европой по материалам изделий из раковин (XXX в. до н.э. – VII в. до н.э.)	691
<i>Варнаи Ж., Северени Ш.</i> Идентичность и язык в арктическом городе: коренные народы в Дудинке (на англ. яз.)	701

ИННОВАЦИИ, ТЕХНОЛОГИИ

<i>Балясный Б.</i> Особенности создания и использования двуязычной книги в учебном процессе. Опыт традиционных занятий и инновационного курса ELU	721
---	-----

РЕЦЕНЗИИ

<i>Зверева Т. В.</i> «Гений места»: современная поэзия Удмуртии в интерпретации Ирины Кадочниковой	728
<i>Рогачёв В. И., Ванюшев В. М.</i> Услышать голос сердца. Рецензия на: «Сюлэм куара (Голос сердца)». Жизнь и творчество Егора Загребина: сборник статей	732
<i>Перевозчиков Ю. А., Зайцева Е. Н.</i> Этнограф в поле. Рецензия на: Серафима Лебедева. Полевые заметки музейного этнографа	737

ЮБИЛЕИ

<i>Сергеев О. А.</i> К юбилею М. Т. Ипаковой	740
--	-----

CONTENTS

LINGUISTICS

<i>Karpova L. L.</i> Modifications in the system of numerals in the lower Cheptsá dialect of the Udmurt language	556
<i>Mullonen I. I.</i> Oikonymic system of South Karelia in its development	567
<i>Rusinova I. I., Lobanova A. S., Fedoseeva E. L.</i> Komi-Perm phytonyms containing animal names	578
<i>Sinitsyna Y. V.</i> Hill mari suffix <i>-rak</i> : comparative and attenuative contexts	592

FOLKLORISTICS

<i>Vaganova E. N., Shesterkina N. V.</i> "Thunderstorm" as a natural event situation (on the material of mordovian and russian riddles)	606
---	-----

HISTORY, ARCHAEOLOGY, ETHNOGRAPHY

<i>Vorontsov V. S., Chernienko D. A.</i> Interethnic relations in the republics of Mari el, Mordovia and Udmurtia in the assessments of experts.....	618
<i>Galieva F. G.</i> «Bashkirization» of costume complexes of udmurts and mari people of Bashkortostan	628
<i>Eva Toulouze.</i> "Jõulud": an outsider's glance on today's Estonian Christmas	641
<i>Melnikova O. M.</i> Udmurt correspondents of archaeologist O. N. Bader.....	656
<i>Suntsova N. Yu., Popova E.V.</i> Spice plants in the culture of the besermans	667
<i>Uldanova G. I.</i> Kuivozovsky (Toksovsky) Finnish national district.....	681
<i>Yasakov V. S.</i> Interregional relations between South Asia and Eastern Europe on the materials of shell products (XXX century BC – VII century AD)	691
<i>Varnai Z., Severeni S.</i> Identity and language in an arctic city: the case of the indigenous peoples in Dudinka (in Eng.).....	701

INNOVATIONS, TECHNOLOGIES

<i>Baljasnyj B.</i> Features of the creation and use of a bilingual book in the educational process. Experience of traditional classes and innovative ELU course	721
--	-----

REVIEWS

<i>Zvereva T V.</i> "The genius of the place": modern poetry of Udmurtia interpreted by Irina Kadochnikova ...	728
<i>Rogachev V. I. Vanyshv V. M.</i> "Hear the voice of the heart". Book review: "Sulem kuara" ("The Voice of the heart"). The life and work of Egor Zagrebin	732
<i>Perevozchikov Y. A., Zaitseva E. N.</i> Ethnographer in the field. Review of: Serafima Lebedeva. Field notes of a museum ethnographer	737

ANNIVERSARIES

<i>Sergeev O. A.</i> To the anniversary of M.T. Ipakova	740
---	-----

В статье рассматриваются вопросы функционирования имен числительных в нижнечепецком диалекте, входящем в северное наречие удмуртского языка. Актуальность исследования обусловлена необходимостью комплексного изучения системы числительных в структурно-территориальных разновидностях удмуртского диалектного языка. Нижнечепецкий диалект формировался в условиях изолированности от основного ареала распространения удмуртских диалектов, в результате чего в его языковой системе сформировался ряд особенностей. Отмечается, что в указанном диалекте числительные по своим содержательным и структурным характеристикам во многом совпадают с системой удмуртского литературного языка. Особое внимание уделяется описанию специфических черт, отличающих исследуемый диалект от других говоров севернoudмуртского ареала. Отмечаются различительные явления в образовании и употреблении некоторых нумеральных слов. Освещаются особенности в фонетическом оформлении отдельных простых числительных. Также выявляется территориальная распространенность диалектных модификаций в области числительных в севернoudмуртском языковом ареале. Проводится последовательное сравнение языковых фактов нижнечепецких говоров с аналогичными явлениями северных диалектов и других удмуртских говоров. В настоящее время в нижнечепецком диалекте наряду с исконными названиями чисел активно употребляются русские заимствования. Подобная тенденция в последнее время наметилась и в других удмуртских диалектах. Приведенные данные показывают, что из обследованных говоров в функционировании нумеральных слов больше специфических черт проявляет слободской говор, что в определенной степени обусловлено историей его формирования. Эмпирической базой исследования послужили языковые материалы диалектологических экспедиций автора в районы проживания нижнечепецких удмуртов.

Ключевые слова: удмуртский язык; грамматическая система; диалектная морфология; северные диалекты; числительные; морфологическая структура; фонетическое оформление; диалектное варьирование; функционирование числительных.

DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-4-556-566

В научной литературе, несмотря на наличие серьезных исследований по удмуртским числительным (см., например: [ГСУЯ 1962, 148–166; Серебренников 1963, 214–230; Bartens 2000, 142–148; Csúcs 2005; УКК 2011, 88–106; Стрелкова 2013, 58–63; Максимов 2017, 7–17; 2018, 245–251; и др.]), не нашло должного описания многообразия данного лексико-грамматического класса слов в частных удмуртских диалектных системах. До настоящего времени нерешенным остается целый ряд проблем, затрагивающих вопросы функционирования числительных, их фонетического оформления, а также особенностей проявления морфологических и синтаксических свойств в диалектных вариантах удмуртского языка.

Данное исследование посвящено анализу особенностей в системе числительных нижнечепецкого диалекта (или нижнечепецких говоров), входящего по своим наиболее характерным языковым признакам в северное наречие удмуртского языка. В зоне распространения северного наречия, помимо нижнечепецкого, выделяется еще два диалекта: среднечепецкий и верхнечепецкий. В целях установления специфики исследуемого диалекта в севернoudмуртском языковом ареале фактический материал по возможности анализируется в контексте других удмуртских диалектных микросистем. Исследование основано на материалах, собранных автором во время экспедиций к нижнечепецким удмуртам в 2014–2017 гг.

Нижнечепецкий диалект сложился в периферийной северо-западной зоне удмуртского языкового пространства и функционирует за пределами Удмуртской Республики в Слободском, Унинском, Зуевском, Фаленском и Богородском районах Кировской области. В описываемом диалекте выделяются 2 говора: слободской и косинский (далее в примерах – *сл.*, *кос.* соответственно) [Тепляшина 1970, 157–158; Карпова 2016, 20]. Слободская группа удмуртов, по нашим последним данным, про-

живает в 12 населенных пунктах Слободского района Кировской области: дд. Светозарево (*гырдор*¹), Пески (*пэски*), Красногорье (*чола*), Бурино (*с'ура*), Нижнее Мочагино (*понул*), Верхнее Мочагино (*кунды*), Омсино (*чабйа*), Паскино (*поска*), Подгорная (*подго·рной*), Сизево (*бигра*), с. Карино (*бигэр*) и с. Круглово (*с'эло*). Носители косинского говора ныне компактно живут в 10 населенных пунктах следующих районов: Зуевский район – дд. Березник (*кййонгурт ~ кыйонгурт*), Городище (*поркар*), Поля (*удэга*), Слудка (*урморт горд'д'ар ~ горд'д'ар*); Унинский район – дд. Астрахань (*астаркан*), Сибирь (*пэчкэз'*); Фаленский район – дд. Баженово (*бажгурт*), Полом; Богородский район – дд. Павловка (*павловка*), Караул (*ыктым*).

По наиболее характерным языковым чертам слободской и косинский говоры достаточно близки между собой. Вместе с тем выявляются некоторые различия, связанные с историей формирования этих двух групп говоров, которое происходило разными путями. Косинские удмурты-ватка, как отмечают исследователи, представляют собой локальную группу слободских удмуртов, переселившихся с Вятки, из-под Слободского, примерно в конце XVII века [Атаманов 2005, 67]. Территориальная оторванность привела к ослаблению культурных и экономических связей между слободскими и косинскими удмуртами и способствовала выработке ряда специфических особенностей фонетического, морфологического, лексического и синтаксического характера в их языках.

Морфологическая система числительного нижнечепецкого диалекта по своим структурным и содержательным характеристикам во многом совпадает с системой числительного общенационального удмуртского языка. В то же время в области числительных указанного диалекта наблюдаются особенности в фонетическом оформлении, структуре, моделях образования и употреблении отдельных нумеральных слов.

Анализ собранного материала позволил выявить в морфологической системе числительных нижнечепецкого диалекта определенные тенденции. Остановимся на их рассмотрении.

1. Специфика говоров исследуемого ареала проявляется в фонетическом оформлении некоторых простых числительных.

1.1. Числительное *одиг* 'один', функционирующее в данном оформлении в большинстве удмуртских диалектов и литературном языке, в слободском говоре нижнечепецкого диалекта представлено в форме *ойик*. Примеры: сл. *ойиг казати кэл'ти, чи-сто пако-ст'ит' карэ со бакчайын*. Пас. 'Одного козленка я оставила, всё безобразничает он в огороде'; сл. *ойиг нылы улэ дышэйтис'ын ф а л' о н к иын*. НМоч. 'Одна из моих дочерей работает учителем в Фаленках'; сл. *зёк коркан улэ вал ойиг тиосмурт*. Свет. 'В большом доме жил один мужчина'; сл. *с'э-м-а, во-с'эм-а вал пинал'л'осыз с'эмйайаз, ойигэз но пинал'л'осыз өвён'*. Свет. 'Семь ли, восемь ли детей у нее было в семье, ни одного из детей [в живых] уже нет'. Спорадически фонетический вариант *ойик*, наряду с формой *одиг*, встречается также в косинском говоре. Примеры: кос. *ойик пол но мыным йуртыны вэтлэмэз кй вал, оз' ик кал'л'эн т'анут' кари хоз'айствомэ*. Ас. 'Ни один раз даже не приходил [он] мне помогать, так и потихоньку сама тянула хозяйство'; кос. *одиг пунуйэ мынам, н'эмыри но өвёл кал'*. Ок. 'Одна собака у меня, никого ('ничего') нет у меня сейчас'; кос. *одиг арын н'ыл' шбй' уати*. Ок. 'В один год четырех человек ('труппа') похоронила я'.

Употребление варианта *ойик* отмечается исследователями в бесермянском наречии [Тепляшина 1970а, 207; Люкина 2016, 106], также в отдельных граховских говорах собственно южного диалекта [Атаманов 1981, 51]. По происхождению первичной из указанных форм является вариант *одиг* [КЭСК 1970, 112]. В нижнечепецком диалекте и бесермянском наречии, как полагает Т. И. Тепляшина, данная форма подверглась определенным изменениям: вначале под влиянием переднерядного гласного *и* произошло смягчение предыдущего согласного *д*, затем мягкий согласный *д'* перешел в среднеязычный *й*: *одиг > од'иг > ойик* [Тепляшина 1970а, 207–208]. Считаем, что фонетическая модификация *ойиг* в слободском говоре возникла под влиянием бесермянского языка, носители которого, согласно данным М. Г. Атаманова, переселились из среды граховских, кукморских, нижнеижских, кизнерских (нижневятских) удмуртов [Атаманов-Эграпи 2017, 352–362]. Следует отметить, что в других севернудмуртских диалектах указанное числительное функционирует в единственном варианте – *одиг* 'один'.

1.2. В говоре косинских удмуртов числительное 'четыре' выступает в вариативных формах *н'ил'* и *н'ыл'*, причем более широкое распространение имеет первый вариант. Примеры: кос. *н'ил'*

¹ В скобках даны удмуртские названия населенных пунктов.

с'эстрайос сооз вал. Берез. 'Четыре сестры их было'; кос. *н'ил' парс бас'ти. сойосты вузал'л'ал'л'ай но оз' тин' ули.* Сиб. 'Четырех поросят купила [я]. Их продавала и так вот жила'; кос. *н'ыл' арзэ улыс'ко н'и о к т' а б с к о йын.* Ок. 'Четыре года живу уже в Октябрьском'. В слободском говоре, как и в других северноудмуртских диалектах (за исключением юкаменского говора среднечепецкого диалекта, где он представлен в варианте *н'ил'*), указанное числительное, как правило, выступает в форме *н'ыл'*: сл. *н'ыл' толыз' кыл'л'и к и р о вын бол'н'иццаын.* НМоч. 'Четыре месяца лежала я в Кирове в больнице'; сл. *кўин' ни да н'ыл' ныл кулэмын со ава-риын.* Свет. 'Три парня и четыре девушки погибли в той аварии'. Следует отметить, что фонетический вариант *н'ил'* характерен для говоров южной диалектной зоны, в частности, кырымасских [Кельмаков 1977, 33], граховских [Атаманов 1981, 48; 2005а, 180]. Наряду с формами *н'ыл' ~ н'ул'* он наличествует также в бесермянском наречии [Люкина 2016, 106]. Функционирование фонетических вариантов числительного 'четыре' обусловлено различной рефлексацией праудмуртского *й* в современных удмуртских диалектах. В позиции перед палатальным согласным в качестве субститута гласного *й* в отдельных южноудмуртских говорах, как отмечает В. К. Кельмаков, спорадически выступает гласный *и* [Кельмаков 1977, 33]. В отношении модификации *н'ил'* и *н'ыл'* в косинском говоре нужно сказать, что форма *н'ил'*, по-видимому, возникла под влиянием произносительных норм гласного *и* местных русских говоров, с носителями которых косинские удмурты издавна находятся в тесных и постоянных контактах.

1.3. Некоторое внутрдиалектное различие в оформлении числительных исследуемого ареала наблюдается в названиях, выражающих понятия 'три', 'шесть', 'тридцать'. В слободском говоре, как и в большинстве удмуртских диалектов, в том числе в среднечепецком и верхнечепецком, указанные числительные употребляются в форме *кўин'* 'три', *кўат'* 'шесть', *кўамын* 'тридцать' соответственно. В отличие от этого, в речи косинских удмуртов наблюдается функционирование вариативных форм данных числительных: *квин'* ~ *кўин'* 'три', *кват'* ~ *кўат'* 'шесть', *квамын* ~ *кўамын* 'тридцать'. Примеры: кос. *квин' ар чоож воз'мас'ки.* Берез. 'В течение трех лет пастушила [я]'; кос. *кўин' чоёэн мыним пруд дурэ.* Берез. 'Втроем пошли мы к пруду'; кос. *кват' ад'амийэз ўан' эшишо уд э г аын улыс'эз.* Ок. 'Шесть человек живущих есть еще в [деревне] Поля'; кос. *ныл'л'ос кўат' ми ужам клас-сыс'тымы колхозын.* Ок. 'Шесть девочек из класса мы работали в колхозе'; кос. *со быцца вал д'эрэв'а, квамын дорэ хоз'айство вал.* Берез. 'Такая [большая] деревня была, около тридцати хозяйств насчитывалось'. Отметим, что в современном косинском говоре формы числительных *квин'*, *кват'* и *квамын* встречаются нерегулярно, они зафиксированы нами в речи отдельных диалектоносителей в основном преклонного возраста, поэтому данный диалектный вариант является утрачивающейся особенностью. В прошлом употребление звука *в* вместо неслогового *ў* после анлаутного глухого *к* перед гласными *а* и *и* в нижнечепецком ареале, по-видимому, имело более широкое распространение. Согласно материалам Т. И. Тепляшиной, это явление встречалось и в слободском говоре [Тепляшина 1970, 171].

Спорадическое замещение неслогового *ў* звуком *в* после *к* в позиции перед гласными *а* и *и* нами зафиксировано также в южной части дебесского говора верхнечепецкого диалекта, точнее в тыловыйском подговоре, при этом оно выявлено в основном в речи носителей пожилого возраста [Карпова 2015, 52]. Из других удмуртских диалектов описываемое явление зарегистрировано в отдельных срединных говорах [Кельмаков 1998, 85]. В частности, к таким говорам относится шарканский, входящий в группу средневосточных говоров и примыкающий с юга к тыловыйскому подговору дебесского говора [Максимов 2018, 198]. Следует указать, что формы числительного 'шесть' с сочетанием *кват'* отмечаются во всех коми-зырянских диалектах (в вариантах *кват'*, *квйт'*) [Попова, Сажина 2014, 150] и коми-пермяцком языке (в варианте *квать*) [Баталова 1975, 173].

С. А. Максимов, исследуя историю развития ареалов функционирования консонантного сочетания *кв-* (*ква-*, *кви-*) анлаута слова в пермских языках, приходит к выводу, что в удмуртских диалектах указанное явление формировалось в процессе языкового взаимодействия с коми населением. С точки зрения ученого, звукопереход *ў* в *в* в коми языках произошел после начала контактов коми с русским населением. Толчком для такого изменения, как он считает, послужило проникновение русских слов, содержащих звуко сочетание *хва-* (*ква-*), ср.: кз. *квастайтны*, кп. *квайстатны* < рус. *хвастать*. В результате появления заимствованных слов с не характерным для коми языков фонотаксисом был нарушен общепермский закон дистрибуции согласного *в* (в прапермский период он функционировал только в анлауте). Как продолжает исследователь, данный звук проник за пределы анлаута и начал употребляться в сочетании *ква-* не только в русских заимствованиях, но и в исконных

лексемах на месте *кѳа-*. Описанное инновационное явление в коми фонотаксисе вместе с миграционной волной проникло к нижнечепецким удмуртам. С нижней Чепцы оно распространилось по р. Косе, а также на среднюю и верхнюю Чепцу. Однако, как отмечает С. А. Максимов, «привнесенное извне через коми язык сочетание *кѳа-*, чуждое для удмуртского языка, вступило в противоречие с его фонотаксисом (ср.: сч. *кѳашн'а* < рус. *кѳашня*, удм. диал. *кѳарт'ира* < рус. *квартира*), поэтому в большинстве говоров произошло выравнивание в пользу неслогового *ѳ* (*кѳа-*), в том числе в слободском говоре нижнечепецкого диалекта» [Максимов 2018, 200]. Сохранение в косинском говоре нижнечепецкого диалекта указанного звука исследователь связывает с интенсивным русским влиянием [Там же. С. 199–200]. В этом вопросе мы полностью разделяем данную точку зрения. Что касается употребления сочетания согласных *кѳ-* (*кѳа-*, *кѳи-*) в тыловом подговоре верхнечепецкого диалекта, то указанная черта возникла в результате миграционных волн удмуртов с нижней Чепцы в верхнечепецкий ареал.

1.4. Числительное *т'амыс* 'восемь', выступающее в данном фонетическом оформлении в большинстве удмуртских диалектов и литературном языке, в слободском говоре нижнечепецкого диалекта представлено вариативными формами *кѳамыс* ~ *т'амыс*, причем наиболее интенсивным употреблением характеризуется форма *кѳамыс*. Примеры: сл. *кѳамыс арэс мыным тырмис кэ, мон вэт' карток копаны вэтти н'и*. Кар. 'Когда **восемь** лет мне исполнилось, я ведь картошку ходил уже копать'; сл. *фат'эрын ми ули-мы т'амыс ад'ами, общэжи-т'т'э ой вал*. Бур. 'На квартире мы жили **восемь** человек, общежития не было'. Числительное *т'амыс* (*кѳамыс*) исследователи возводят к общепермскому **kijkjatis* [КЭСК 1970, 140]. С точки зрения Б. А. Серебренникова, «палатализованное *t'* в удмуртской форме *t'jatus* могло возникнуть из сочетания *t'j*. Весьма вероятно, что в удмуртском языке из *kijkjatus* в быстрой речи возникла аллегроформа *kjatis*, откуда позднее возникло *kjatus*» [Серебренников 1963, 22]. В коми-зырянском языке понятие «восемь» передается лексемой *кѳкъямыс*. Использование формы *кѳамыс* в слободском говоре, как нам представляется, могло произойти в результате ареальных связей нижнечепецких удмуртов с коми-зырянами.

2. Специфика слободского говора проявляется в образовании названий десятков от сорока до девяноста. В удмуртском литературном языке и большинстве диалектов, как правило, они образуются по модели «единица + формант *дон/-тон*»: *н'ыл'дон* 'сорок', *вит'тон* 'пятьдесят', *кѳат'тон* 'шестьдесят', *с'из'ым'дон* 'семьдесят', *т'амыстон* 'восемьдесят', *укмыстон* 'девяносто'. В отличие от этого, в слободском говоре соответствующие числительные образуются с помощью компонента *-дас/-тас*: *н'ыл'дас* 'сорок', *вит'тас* 'пятьдесят', *кѳат'тас* 'шестьдесят', *с'из'ымдас* 'семьдесят', *т'амыстас* 'восемьдесят', *укмыстас* 'девяносто'. Примеры: сл. *вит'тас с^бкал'л'ослэс' кэн'а кыс-кис'ко вал мон йёл*. Пес. 'От **пятидесяти** коров сколько выдаивала я молока'; сл. *с'из'ымдас бэраз кулиз мумиз. ой бэн, йун вис'ис со*. Свет. '[В возрасте] старше **семидесяти** [лет] умерла его мама. Ох, как же сильно болела она'; сл. *н'ыл'дас арэс со кышнолы*. Свет. '**Сорок** лет той женщине'.

Аналогичное образование названия десятков с помощью элемента *-дас*, начиная с семидесяти, встречается почти во всех зырянских диалектах. Кроме этого, в южной группе зырянских диалектов (среднесысольском, верхнесысольском, лузско-летском) бытуют названия десятков 'тридцать', 'сорок', 'пятьдесят', 'шестьдесят', также оформленные формантом *-дас*. В коми-пермяцком языке, согласно данным С. А. Максимова, указанный компонент представлен в названиях десятков, включая и число 'двадцать' [Максимов 2018, 247]. По мнению ученого, «коми-пермяцкая система названий десятков вместе с миграционной волной проникла в южные зырянские диалекты, а также в слободской говор удмуртского языка, в котором она является не архаичной, как полагают некоторые исследователи, а представляет собой суперстратное заимствование. Последнее могло иметь место в XVII в. в результате миграции коми на юг» [Максимов 2018, 250].

Следует отметить, что в косинском говоре нижнечепецкого диалекта, как и в других удмуртских диалектах и литературном языке, соответствующие числительные образуются с помощью компонента *-дон/-тон*: *н'ил'дон* 'сорок', *вит'тон* 'пятьдесят', *кѳат'тон* ~ *кѳат'тон* 'шестьдесят', *с'из'ымдон* 'семьдесят', *т'амыстон* 'восемьдесят', *укмыстон* 'девяносто'. Примеры: кос. *н'ил'дон ар улыс'ком н'и мужикэ-ным, род ём улэ, шуо*. Ас. '**Сорок** лет вместе живем уже с мужем, плохо не жили, скажу'; кос. *ко-т'мар дун'н'э мон адзэмын, укмыстон арэс н'и бэн мыным*. Берез. 'Всякую жизнь я повидала, **девяносто** лет уже мне'; кос. *коркайос вит'тон дорэ вал у д эг аын*. Берез. 'Домов около **пятидесяти** насчитывалось в [деревне] Поля'. Данный факт свидетельствует о том, что в слободском говоре система десятков с формантом *-дас/-тас* утвердилась уже после того, когда часть его носителей переселилась в бассейн р. Косы.

3. В слободском говоре определенный интерес вызывает модель образования некоторых составных числительных промежуточных рядов. В частности, в составных числительных от сорока и выше между десятками и единицами вставляется соединительный союз *но* 'и': *н'ыл'дас но вит'* 'сорок пять', *вит'тас но кйамыс* 'пятьдесят восемь', *н'ыл' с'у с'из'ымдас но вит'* 'четыреста семьдесят пять'. Примеры: сл. *н а д' амэ вайыкым, мыным н'ыл'дас но кык арэз вал н'и*. Бур. 'Когда я родила Надю, мне уже **сорок** один год исполнился'; сл. *вит'тас но ойиг луоз н'и солы*. Бур. '**Пятьдесят один** год уже исполнится ему'; сл. *чындыр нэ вэчи со дышэтыс'. эгит өвөн', вит'тас но вит'лэс' бо-л'шэ ужо солы, пожа-лой*. Свет. 'Очень худая эта учительница. Уже не молодая, больше **пятидесяти пяти** [лет ей] уже'; сл. *мумилы кўат'тас но укмыс арэс вал, ку со п о с кала тубиз*. Ом. 'Маме моей **шестьдесят девять** лет было, когда она в Паскино переехала'. Употребление подобных по своей структуре составных числительных в нижнечепецком диалекте впервые было отмечено Т. И. Тепляшиной. В материалах исследователя союз *но* 'и' зафиксирован в названиях чисел второго десятка (между числительным *дас* 'десять' и единицами: *дас но ойик* 'одиннадцать', *дас но кык* 'двенадцать'), в названиях сотен (между числительным, обозначающим число сотен, и числительным *сю* 'сто': *кык но сю* [*кык но с'у*] 'двести', *квинь но сю* [*квин' но с'у*] 'триста'), также между сотнями и десятками (*сю но дас ойик* [*с'у но дас ойик*] 'сто одиннадцать', *кык сю но квамьн ойик* [*кык с'у но квамьн ойик*] 'двести тридцать один') [Тепляшина 1970, 172–173]. Следует указать, что во время экспедиций к слободским удмуртам в 2014, 2015 гг. не все структурные типы числительных с союзом *но*, представленные в материалах Т. И. Тепляшиной, нами были зарегистрированы. В частности, не нашло подтверждения присутствие указанного союза в названиях чисел второго десятка, в названиях сотен (между числительным, обозначающим число сотен, и числительным *с'у* 'сто'), в составных числительных между сотнями и десятками, например: *дас ойиг* 'одиннадцать'; *дас кык* 'двенадцать'; *кык с'у* 'двести'; *вит' с'у* 'пятьсот'; *ныл' с'у дас* 'четыреста десять'; *с'из'ым с'у вит'тон* 'семьсот пятьдесят'. Во всех обследованных населенных пунктах, как показывают наши полевые данные, союз *но* появляется исключительно в структурной модели от сорока и выше и только перед единицами. Примеры: сл. *ми дас ойиг пина'л'лос вал с'эмйаын*. Пес. 'Нас **одиннадцать** детей было в семье'; сл. *вит'тас но вит' арэс тырмис кэ, ой н'и ужа, пэн'с'ийэ поти*. Бур. 'Как исполнилось **пятьдесят пять** лет, не стала я уже работать, на пенсию пошла'.

Аналогичное явление имеет место в ижемском, печорском и вымском диалектах коми-зырянского языка, где в составных числительных от семидесяти (имеющих также в своей структуре компонент *-дас*) и выше между десятками и единицами, между сотнями и десятками вставляется соединительный союз *да* [Баталова 1982, 135; Попова, Сажина 2014, 151].

Относительно специфики функционирования в слободском говоре составных числительных в структурной группе от сорока и выше следует сказать, что данное явление, по-видимому, представляет собой позднюю инновацию, возникшую под воздействием коми диалектов.

4. В косинском говоре некоторая особенность обнаруживается в образовании числительных приблизительного счета. В удмуртском языке одним из распространенных способов образования нумеральных слова данного разряда является синтаксический способ – сочетание количественного числительного с послелогоми *пала*, *мында*, *котыр* со значением 'примерно, приблизительно, около'. Следует отметить, что употребление указанных послелогов не является одинаковым в удмуртских диалектных микросистемах, в том числе и в диалектах северного наречия. В частности, в среднечепецком и нижнечепецком диалектах активно функционируют все указанные послелогии: сч. нч. *кык ар пала* 'около двух лет'; сч. нч. *вит' с'у грамм мында* 'примерно пятьсот грамм'; сч. нч. *вит'тон котыр ад'амийэз* 'примерно пятьдесят человек'. В верхнечепецком диалекте более широким употреблением характеризуются послелогии *пала*, *котыр*, а послелог *мында* встречается намного реже. Специфика косинского говора нижнечепецкого диалекта проявляется в том, что в данном говоре для обозначения приблизительного счета, помимо указанных послелогов, используется также послелог *дорэ* 'приблизительно, примерно': *кык л'итра дорэ* 'около двух литров'; *вит'тон вал'л'ос дорэ* 'около пятидесяти лошадей'; *кыз' ад'ами дорэ* 'около двадцати человек'. Примеры: кос. *кык киломэ-тра дорэ пос'о-локоз' луоз*. Берез. '**Около двух** километров будет до поселка'; кос. *калыкэз ичи ой вал у д э г аын, вит'тон дорэ вал хоз'а-йство отын*. Ок. 'Людей мало не было в [деревне] Поля, **около пятидесяти** было хозяйств там'. Указанный послелог в функции выражения приблизительной семантики не свойственен другим удмуртским диалектам. Отметим, что в данных конструкциях послелог

дорэ, как и другие отмеченные послелого, чаще размещается после сочетания числительного с существительным, реже – после числительного.

В нижнечепецких говорах, как и в других удмуртских диалектах, приблизительная семантика может выражаться также сочетанием двух числительных, первое из которых обозначает меньшую величину, второе – большую: сл. *ойиг-кык ад'ами*, кос. *одиг-кык ад'ами* 'один-два человека'; сл. *вит'-кўат' нунал*, кос. *вит'-кўат' нунал* ~ *вит'-кват' нунал* 'пять-шесть дней'. Примеры: кос. *одик-кык нунал орчыса ти вунэто-ды милэмэс*. Сиб. 'Через **один-два** дня вы забудете о нас'; сл. *кык-кўин' пэрэс'с'ос дэрэвн'а-мы шна ўан'*. Ом. 'Два-три старика в нашей деревне еще есть'; сл. *с'из'ым-кйамыс часын вуоз кэнмы фэрмаыс'*. Свет. 'В **семь-восемь** часов придет наша сноха с фермы'.

5. Дробные числительные для говоров нижнечепецкого ареала, как в целом и для других удмуртских диалектов, являются не совсем характерными и встречаются довольно редко. В литературном языке они образуются сочетанием количественных числительных, одно из которых является числителем, другое – знаменателем. К числительному, выступающему в роли знаменателя, прибавляется суффикс *-мос*. Нижнечепецкому диалекту указанный морфологический способ выражения дробных значений не свойственен. В описываемом диалекте, согласно нашим материалам, наиболее распространенным является образование дробных числительных посредством слова *лыны* 'половина' и союза *но* 'и', при этом союз находится в препозиции по отношению к слову *жыны*. Примеры: кос. *кык но жы-ны кило сахар пони варэн'н'ам, л'экос нап луиз*. Ас. 'Два с **половиной** килограмма сахара положила в варенье, очень густое оно стало'; кос. *кўин но жы-ны тэлыз' кыл'из на внуҷокэлы служит' карыны*. Берез. 'Три с **половиной** месяца осталось служить моему внуку'.

В верхнечепецком и среднечепецком диалектах имеет место описательный способ выражения дробных числительных, например: сч. *кыкэз н'ыл' л'укэтлы л'укьса, кона луоз?* 'Два на **четыре** части разделив, сколько получится?'; вч. *укмыс л'укэт бас'тим но сэрэ отыс' кўин л'укэтсэ гинэ вузам*. 'Девять **частей** купили, а потом оттуда **три** части только продали'. В нижнечепецком диалекте подобные формы нам не удалось зарегистрировать. Отметим, что описательный характер выражения дробных величин распространен в кукморском [Кельмаков 1970, 17], красноуфимском [Насибуллин 1978, 98] говорах южного наречия, а также в средневосточных [Бушмакин 1971, 20] и прикильмезских срединных [Загуляева 1980, 107] говорах.

6. В нижнечепецком диалекте, подобно другим удмуртским говорам, собирательные числительные образуются как синтетическим, так и аналитическим способами. В соответствии с нашими полевыми данными, в указанном диалекте наиболее распространенной формой выражения совместности является аналитический тип, образующийся сочетанием количественных числительных с послелогом *ҷошэн* (~*ҷоҷэн*) в значении 'вместе, совместно' (в таких сочетаниях главное словесное ударение падает на числительное, а второстепенное – на послелог). Примеры: сл. *кал' кык ҷошэн улыс'ком картэным*. *вэ-с'эло улыс'киз пинал'л'осын*. Свет. 'Сейчас **вдвоем** живем с мужем. Весело жилось с детьми'; кос. *ус'сэ ми н'ил' ҷоҷэн маштас'кыны мыном*. Сиб. 'Послезавтра мы **вчетвером** пойдем грести сено'; кос. *классыс'тымы ми квин' ҷоҷэн к и р о вэ дышэтскыны мыним вал*. Сиб. 'Из класса мы **втроем** в Киров поехали было учиться'. Подобный тип образования собирательных числительных активно функционирует в ярском и юкаменском говорах среднечепецкого диалекта. Для верхнечепецкого диалекта характерным является употребление сочетаний с послелогом *куз'а*. В отличие от этого, в ареале глазовского и бalezинского говоров среднечепецкого диалекта наблюдается параллельное употребление конструкций как с послелогом *куз'а*, так и с послелогом *ҷошэн* (~*ҷоҷэн*).

Сочетания с послелогом *ҷошэн* (~*чошэн* ~ *т'ошэн*) характерны также для бесермянского наречия [Тепляшина 1970а, 210; Люкина 2016, 108], наличествуют они в кукморском и шошминском южноудмуртских говорах. В большинстве удмуртских диалектов семантику собирательности выражает конструкция количественного числительного с послелогом *куз'а*.

В нижнечепецком диалекте, как и в других северноудмуртских диалектах, наряду с аналитическим типом представлено также морфологическое оформление собирательных числительных. Они образуются от количественных числительных посредством суффиксов *-на* и *-из*, первый из которых диахронически восходит к общепермскому суффиксу собирательных числительных **-на* [Серебренников 1963, 229], а формант *-из* представляет собой выделительно-указательный суффикс (при этом всегда акцентируется суффикс *-на-*). Примеры: кос. *кыкна-из ныл'л'осы уло з у эфкын*. Ок. 'Обе до-

чери мои живут в Зуевке'; кос. *мил'ам кўйн'на-из ныл'л'ос*. Берез. 'У нас **все четверо** [детей] девочки'. В нижнечепецких говорах собирательные числительные, согласно нашим полевым данным, могут оформляться и без выделительно-указательного суффикса *-из*, например: кос. *вис'э кыкна пьд'эсы*. *эгитыс'эн пьды вис'э*. Ас. 'Болят **обе колени** у меня. С молодости ноги болят'. Аналогичное явление имеет место в среднечепецком и верхнечепецком диалектах, отмечается оно и в бесермянском наречии [Тепляшина 1970а, 212]. В других удмуртских диалектах усеченные формы собирательных числительных не зарегистрированы.

Бытование слов с формантом *-нан-* без притяжательных суффиксов находит параллели в коми диалектах: кз. *кыкнан* (повс.) 'оба, обе' [ССКЗД 1961, 186], кп. *кыкнан кинас* 'обеими руками' [Баталова 1975, 100]. Проанализировав лингвистический материал по диалектам пермских языков, С. А. Максимов приходит к выводу, что собирательные числительные с маркером *-на-* без последующего посессивного суффикса в северной диалектной зоне удмуртского языка и в коми языках представляют собой архаичное явление [Максимов 2018, 257].

7. Касаюсь вопроса функционирования числительных, отметим, что, несмотря на наличие в удмуртском языке полного набора собственных лексических единиц, в настоящее время в нижнечепецком диалекте, как и в целом во всей северной диалектной зоне удмуртского языка, наряду с исконными числительными широко употребляются заимствованные. Эта особенность проявляется не только в речи молодежи, но и людей старшего поколения. Как отмечает С. А. Максимов, русские заимствованные числительные при этом «имеют определенные сферы употребления и известную функциональную дифференциацию» [Максимов 2017, 12]. Наблюдения над диалектной речью показывают, что в первую очередь они используются в случае выражения даты, названия времени, возраста человека, например: сл. *со·рок шйштом году вуиз айи войнаыс'*. Бур. 'В [тысяча девятьсот] **сорок шестом** году отец мой вернулся с войны'; сл. *кал' шна во·с'эм часов, бол'н'ича пьщамын луоз*. Пас. 'Сейчас еще только **восемь** часов, медпункт закрыт будет'; кос. *пийэлы сорок л'эт вал. жёкас со*. Берез. 'Сыну моему **сорок** лет было. Утонул он'; кос. *ско·тн'иком мон ужай д'э·с'эм' л'эт*. Ок. 'Скотником я работал **десять** лет'. Достаточно активно бытуют русские числительные, обозначающие денежные единицы, стоимость предмета, вес, площадь, температуру, оценки учащихся и т. д., например: кос. *кинлэн кэ вит' пинал'л'осыз, соослы ты·с'ачу рубл'эй с'ото*. Ас. 'У кого пятеро детей, тем [одну] **тысячу** рублей выплачивают'; кос. *пийэлэн три·цэт' во·с'эм луэм т'эмперату·райээ*. Берез. 'У сына моего температура поднялась до тридцати восьми ('стала **тридцать восемь**'). Используя русский счет, нижнечепецкие удмурты включают в свою речь не только заимствованные числительные, но и вводят различные счетные конструкции, оформленные по модели русского языка. К примеру, довольно часто отмечаются сочетания типа числительное плюс существительное. Примеры: сл. *эгит на вал ышна айиз. мумиз кулэм со·рок л'этын*. Кар. 'Молодым был еще его отец. Мама его умерла в **сорок лет**'; кос. *во·с'эм человек кыл'эмын на с л у т к айэ*. Мух. '**Восемь человек** [живущих] осталось в Слудке'; кос. *два·цэт'лэс' но бо·л'шэ вал домов ч у г айын*. Сиб. '**Больше двадцати домов** было в Чугае'; кос. *со·рок чэты·рэ л'эт зёкэзлы пийэлы*. Ас. '**Сорок четыре** года старшему сыну моему'; кос. *ял'л'о ужай дойа·ркой три с полови·ной года*. Ас. 'Вначале работала [я] дояркой **три с половиной года**'.

Специфика нижнечепецких говоров, как и других северных диалектов, проявляется также в том, что их носители при счете до десяти активно употребляют русские порядковые числительные: *пэ·рвой* 'первый', *торой* ~ *фторой* 'второй', *трэ·т'м'эй* ~ *трэ·т'м'ой* 'третий', *чэд'вйо·ртой* ~ *чэд'во·ртой* ~ *чэдвйо·ртой* ~ *чэд'вйо·ртой* ~ *чэд'во·ртой* ~ *чэдвйо·ртой* 'четвертый', *пйа·той* ~ *пйа·тый* 'пятый', *шэстой* ~ *шэштой* ~ *шйстой* ~ *шйштой* 'шестой', *с'эд'мой* 'седьмой', *вос'мой* 'восьмой', *дэвйа·той* ~ *дэвйа·тый* 'девятый', *д'эс'а·той* ~ *д'эс'а·тый* 'десятый'. Примеры: кос. *шэштой домын улэ со кышномурт*. Ок. 'В **шестом** доме живет та женщина'; сл. *и л' л' и н д'эн' фторо·ва августа карыс'ком*. Пес. '[Праздник] Ильин день **второго** августа отмечаем'; сл. *мон фэрмээ ужаны вэтти трэ·т'м'эй классыс'эн шна*. ВМоч. 'Я на ферму ходила работать еще с **третьего** класса'.

Аналогичное употребление русских заимствованных числительных отмечается в бесермянском наречии [Люкина 2016, 109], в прикильмезских срединных говорах [Загуляева 1980а, 12]. Подобное явление широко бытует также в коми-зырянских [Попова, Сажина 2014, 157–158] и коми-пермяцких диалектах [Баталова 1975, 175; 1982, 134].

Таковы в целом различительные явления в системе имен числительных нижнечепецкого диалекта. На междиалектном и внутридиалектном уровнях отличия обнаруживаются как в фонетическом оформлении, так и в словообразовательной модели и морфологической структуре некоторых групп числительных. Проведенный анализ показал, что из обследованных говоров в функционировании нумеральных слов больше специфических черт проявляет слободской говор, что в определенной степени обусловлено историей его формирования. В целом можно заключить, что модификации в системе числительных удмуртского диалектного языка свидетельствуют об инновационных процессах в их становлении и развитии.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

а) языки и диалекты: вч. – верхнечепецкий диалект северного наречия удмуртского языка; диал. – диалектная форма; кз. – коми-зырянский язык; кос. – косинский говор нижнечепецкого диалекта; кп. – коми-пермяцкий язык; нч. – нижнечепецкий диалект северного наречия удмуртского языка; рус. – русский язык; сл. – слободской говор нижнечепецкого диалекта; сч. – среднечепецкий диалект северного наречия удмуртского языка; удм. – удмуртский язык;

б) населенные пункты по говорам нижнечепецкого диалекта:

слободской говор: Бур. – д. Бурино, Слободской р-н; Кар. – с. Карино, Слободской р-н; НМоч. – д. Нижнее Мочагино, Слободской р-н; Ом. – д. Омсино, Слободской р-н; Пас. – д. Паскино, Слободской р-н; Пес. – д. Пески, Слободской р-н; Свет. – д. Светозарево, Слободской р-н;

косинский говор: Ас. – д. Астрахань, Унинский р-н; Берез. – д. Березник, Зуевский р-н; ВМоч. – д. Верхнее Мочагино, Зуевский р-н; Мух. – с. Мухино, Зуевский р-н; Ок. – п. Октябрьский, Зуевский р-н; Сиб. – д. Сибирь, Унинский р-н.

ЛИТЕРАТУРА

- Атаманов М. Г.* Граховские говоры южноудмуртского наречия // Материалы по удмуртской диалектологии: образцы речи. Ижевск, 1981. С. 45–96.
- Атаманов М. Г.* От Дондыкара до Урсыгурта. Из истории удмуртских регионов. Ижевск: Удмуртия, 2005. 216 с.
- Атаманов М. Г.* Песни и сказы ушедших эпох. Ижевск: Удмуртия, 2005а. 248 с.
- Атаманов-Эграпи М. Г.* Происхождение удмуртского народа. Ижевск: Удмуртия, 2017. 592 с.
- Баталова Р. М.* Коми-пермяцкая диалектология. М.: Наука, 1975. 252 с.
- Баталова Р. М.* Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (коми языки). М.: Наука, 1982. 168 с.
- Бушмакин С. К.* Фонетические и морфологические особенности средневосточных говоров удмуртского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1971. 28 с.
- ГСУЯ – Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология. Ижевск, 1962. 372 с.
- Загуляева Б. Ш.* Морфологические особенности прикильмезских говоров удмуртского языка // Fenno-Ugristica. Тарту, 1980. Вып. 6. С. 103–110.
- Загуляева Б. Ш.* Прикильмезские говоры удмуртского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1980а. 16 с.
- Карпова Л. Л.* Среднечепецкий диалект удмуртского языка: Образцы речи. Ижевск, 2005. 581 с.
- Карпова Л. Л.* Некоторые особенности фонетической синтагматики в нижнечепецком диалекте удмуртского языка // Ежегодник финно-угорских исследований. 2016. Т. 10, вып. 2. С. 17–36.
- Кельмаков В. К.* Кукморский диалект удмуртского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1970. 24 с.
- Кельмаков В. К.* Краткая характеристика кыркмасских говоров южноудмуртского наречия. I // Вопросы удмуртской диалектологии. Ижевск, 1977. С. 26–61.
- Кельмаков В. К.* Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1998. 386 с.
- КЭСК – Лыткин В. И., Гуляев Е. С.* Краткий этимологический словарь коми языка. М.: Наука, 1970. 386 с.
- Люкина Н. М.* Фонетико-морфологические особенности языка лекминских и юндинских бесермян. Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2016. 200 с.
- Максимов С. А.* Числительные в пермских языках: прошлое и настоящее // Ежегодник финно-угорских исследований. 2017. Т. 11, вып. 3. С. 7–17.

- Максимов С. А. Северноудмуртско-коми ареальные языковые параллели: лексика, фонетика, морфология. Ижевск, 2018. 336 с.
- Насибуллин Р. Ш. Наблюдения над языком красноуфимских удмуртов // О диалектах и говорах южноудмуртского наречия. Ижевск, 1978. С. 86–151.
- Попова Р. П., Сажина С. А. Фонетические и морфологические особенности коми диалектов (сравнительный аспект исследования). Сыктывкар, 2014. 272 с.
- Серебренников Б. А. Историческая морфология пермских языков. М., 1963. 392 с.
- ССКЗД 1961 – Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / Под ред. В. А. Сорвачевой. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1961. 492 с.
- Стрелкова О. Б. Имена числительные удмуртского языка. История и типология. Ижевск: Удм. ун-т, 2013. 238 с.
- Тепляшина Т. И. Нижнечепецкие говоры северноудмуртского наречия // Записки. Ижевск, 1970. Вып. 21. Филология. С. 156–196.
- Тепляшина Т. И. Язык бесермян. М.: Наука, 1970а. 288 с.
- УКК 2011 – Удмурт кыллэн кылкабтодосэз (морфология) (Морфология удмуртского языка). Ижевск: Изд-во «Удм. ун-т», 2011. 408 с.
- Bartens R. Permiläisten kielten rakenne ja kehitys. Helsinki, 2000. 376 s. (= MSFOu 238).
- Csúcs S. Die Rekonstruktion der permischen Grundsprache. Budapest: Akadémiai Kiadó, 2005. 410 S.

Поступила в редакцию 15.08.2022

Карпова Людмила Леонидовна,
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
ФГБУН «Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН»
426067, Россия, г. Ижевск, ул. Барамзиной, 34
e-mail: karpovalud@rambler.ru

L. L. Karpova

MODIFICATIONS IN THE SYSTEM OF NUMERALS IN THE LOWER CHEPTSA DIALECT OF THE UDMURT LANGUAGE

DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-4-556-566

This paper explores the functioning of numerals in the Lower Cheptsä dialect which is a part of the Northern Udmurt dialect. The relevance of the study is due to the need for a comprehensive research of the system of numerals in the context of territorial varieties of the Udmurt language. The Lower Cheptsä dialect developed in isolation from the basic area of distribution of the Udmurt dialects, as a result of which a number of features were formed in its language system. The study demonstrates that in the studied dialect numerals in their substantial and structural characteristics largely coincide with the system of the Udmurt literary language. The author focuses on peculiarities distinguishing the studied dialect from other Northern Udmurt dialects. Specific phenomena in the formation and use of certain numbering words are noted. The researcher focuses on features that are highlighted in the phonetic design of individual simple numerals. The territorial prevalence of dialect modifications of numerals in the Northern dialect space of the Udmurt language is also revealed. Language phenomena of the Lower Cheptsä dialect are compared with analogous phenomena of the Northern Udmurt dialects and other subdialects. At present, in the Lower Cheptsä dialect traditional names of numbers are used together with Russian borrowings. A similar trend has been outlined in other Udmurt dialects in recent years. The data presented show that among the examined subdialects, the Slobodskoy subdialect bears more specific features in the functioning numerals, which to a certain extent is due to the history of its formation. The empirical base of the research is the language materials of the author's dialectological expeditions to the areas of Lower Cheptsä Udmurts.

Keywords: Udmurt language; grammar system; dialectal morphology; Northern dialects; numerals; morphological structure; phonetic design; dialectal variation; functioning of numerals.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2022, vol. 16, issue 4, pp. 556–566. In Russian.

REFERENCES

- Atamanov M. G.** Grakhovskie govory yuzhnoudmurtского narechiya [Grakhovsky subdialects of the Southern Udmurt dialect] // *Materialy po udmurtskoi dialektologii: obraztsy rechi* [Papers on Udmurt dialectology: speech samples]. Izhevsk, 1981. Pp. 45–96. In Russian.
- Atamanov M. G.** *Ot Dondykara do Ursyurta. Iz istorii udmurtskikh regionov* [From Dondykar to Ursyurt. From the history of Udmurt regions]. Izhevsk: Udmurtiya Publ., 2005. 216 p. In Russian.
- Atamanov M. G.** *Pesni i skazy ushedshikh epokh* [Songs and tales of past ages]. Izhevsk: Udmurtiya Publ., 2005a. 248 p. In Russian.
- Atamanov-Ehgrapi M. G.** *Proiskhozhdenie udmurtskogo naroda* [The origin of the Udmurt people]. Izhevsk: Udmurtiya Publ., 2017. 592 p. In Russian.
- Batalova R. M.** *Komi-permyatskaya dialektologiya* [Komi-Permyak dialectology]. Moscow: Nauka Publ., 1975. 252 p. In Russian.
- Batalova R. M.** *Areal'nye issledovaniya po vostochnym finno-ugorskim yazykam (komi yazyki)* [Areal studies on the Eastern Finno-Ugric languages (the Komi languages)]. Moscow: Nauka Publ., 1982. 168 p. In Russian.
- Bushmakin S. K.** *Foneticheskie i morfologicheskie osobennosti srednevostochnykh govorov udmurtskogo yazyka: Aforef. dis. kand. ... filol. nauk* [Phonetic and morphological features of the Middle-Eastern subdialects of the Udmurt language. Extended abstract of Cand. philol. sci. diss.]. 28 p. In Russian.
- GSUYa 1962** – *Grammatika sovremennogo udmurtskogo yazyka: fonetika i morfologiya* [Grammar of the modern Udmurt language: phonetics and morphology]. Izhevsk, 1962. 376 p. In Russian.
- Zagulyaeva B. Sh.** *Morfologicheskie osobennosti prikil'mezskikh govorov* [Morphological features of the Kilmez subdialects] // *Fenno-Ugristica*. Tartu, 1980. Issue 6. Pp. 103–110. In Russian.
- Zagulyaeva B. Sh.** *Prikil'mezskie govory udmurtskogo yazyka. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Kilmez subdialects of the Udmurt language. Extended abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Tartu, 1980. 16 p. In Russian.
- Karpova L. L.** *Srednechepetskii dialect udmurtskogo yazyka: Obraztsy rechi* [The Middle Chepts dialect of the Udmurt language: Speech samples]. Izhevsk, 2005. 581 p. In Udmurt and Russian.
- Karpova L. L.** *Nekotorye osobennosti foneticheskoi sintagmatiki v nizhechepetskom dialekte udmurtskogo yazyka* [Some Features of Phonetic Sintagmatics in the Lower Chepts Dialect of the Udmurt Language] // *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies]. 2016. Vol. 10, Issue 2. Pp. 17–36. In Russian.
- Kel'makov V. K.** *Kukmorskii dialect udmurtskogo yazyka. Aforef. ... kand. filol. nauk* [Kukmor dialect of the Udmurt language: extended abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 1970. 24 p. In Russian.
- Kel'makov V. K.** *Kratkaya kharakteristika kyrykmaskikh govorov yuzhnoudmurtского narechiya. 1* [Brief description of Kyrykmas subdialects of the Southern Udmurt dialect] // *Voprosy udmurtskoy dialektologii* [Issues of Udmurt dialectology]. Izhevsk, 1977. Pp. 26–61. In Russian.
- Kel'makov V. K.** *Kratkii kurs udmurtskoi dialektologii: Vvedenie. Fonetika. Morfologiya. Dialektnye teksty. Bibliografiya* [A short course on Udmurt dialectology: Introduction. Phonetics. Morphology. Dialectal texts. References]. Izhevsk: Udm. Univ. Publ., 1998. 386 p. In Russian.
- KESK 1970** – **Lytkin V. I., Gulyaev E. S.** *Kratkii etimologicheskii slovar' komi yazyka* [A concise etymological dictionary of the Komi language]. Moscow: Nauka Publ., 1970. 386 p. In Russian.
- Lyukina N. M.** *Fonetiko-morfologicheskie osobennosti yazyka lekminskikh i yundinskikh besermyan* [Phonetic and morphological features of the language of Lekminsky and Yundinsky Besermyans]. Izhevsk: Institute for Computer Research Publ., 2016. 200 p. In Russian.
- Maksimov S. A.** *Chislitel'nye v permskikh yazykakh: proshloe i nastoyashchee* [Numerals in the Permic languages: the Past and the Present] // *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies]. 2017. Vol. 11, Issue 3. Pp. 7–17. In Russian.
- Maksimov S. A.** *Severnoudmurtско-komi areal'nye yazykovye paralleli: leksika, fonetika, morfologiya* [North Udmurt-Komi areal linguistic parallels: vocabulary, phonetics, morphology]. Izhevsk, 2018. 336 p. In Russian.
- Nasibullin P. Sh.** *Nablyudeniya nad yazykom krasnoufimskikh udmurtov* [Observations on the language of the Krasnoufimsk Udmurts] // *O dialektakh i govorakh yuzhnoudmurtского narechiya* [On dialects and subdialects of the Southern Udmurt dialect]. Izhevsk, 1978. Pp. 86–151. In Russian.
- Popova R. P., Sazhina S. A.** *Foneticheskie i morfologicheskie osobennosti komi dialektov (sravnitel'nyy aspekt issledovaniya)* [Phonetic and morphological features of the Komi dialects (comparative aspect of the study)]. Syktyvkar, 2014. 272 p. In Russian.
- Serebrennikov B. A.** *Istoricheskaya morfologiya permskikh yazykov* [Historical morphology of the Permic languages]. Moscow, 1963. 392 p. In Russian.

SSKZD 1961 – *Sravnitel'nyi slovar' komi-zyryanskikh dialektov* [The comparative dictionary of the Komi-Zyrian dialects]. Compiled by T. I. Zhilina, M. A. Sakharova, V. A. Sorvacheva; Edited by V. A. Sorvacheva. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo Publ., 1961. 492 p. In Zyrian and Russian.

Strelkova O. B. *Imena chislitel'nye udmurtskogo yazyka. Istoriya i tipologiya* [Udmurt numerals. History and typology]. Izhevsk: Udmurt university Publ., 2013. 238 p. In Russian.

Teplyashina T. I. *Nizhnechepetskie govory severnoumurskogo narechiya* [The Lower Cheptsu subdialects of the Northern Udmurt dialect] // *Zapiski* [Proceedings]. Izhevsk, 1970. Issue 21. Philology. Pp. 156–196. In Russian.

Teplyashina T. I. *Yazyk besermyan* [Language of the Besermyan]. Moscow: Nauka Publ., 1970a. 288 p. In Russian.

UKK 2011 – *Udmurt kyllehn kylkabtodosehz (morfologiya)* (Morfologiya udmurtskogo yazyka) [Morphology of the Udmurt language]. Izhevsk: Udm. Univ. Publ., 2011. 408 p. In Udmurt.

Bartens R. *Permilaisten kielten rakenne ja kehitys*. Helsinki, 2000. 376 s. (= MSFOu 238). In Finnish.

Csúcs S. *Die Rekonstruktion der permischen Grundsprache*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 2005, 410 S. In German.

Received 15.08.2022

Karpova Ludmila Leonidovna,

Doctor of Sciences (Philology), Leading Research Associate
Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
34, T. Baramzinoy st., Izhevsk, 426067, Russian Federation,
e-mail: karpovalud@rambler.ru

И. И. Муллонен

ОЙКОНИМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ЮЖНОЙ КАРЕЛИИ В РАЗВИТИИ¹

В статье анализируется система карельских ойконимов южной Карелии с позиций ее развития во времени. Для этого наряду с современными полевыми материалами привлечен широкий круг исторических источников (писцовые и переписные книги XV-XVII веков, материалы ревизий XVIII-XIX веков, исторические карты, а также некоторые другие документы прошлых веков). В результате исследования прослежены две четких тенденции в развитии ойконимной системы: рождение новых ойконимов – наименований вновь возникших поселений и смена прежних ойконимов на новые. Данные процессы протекали параллельно и были спровоцированы социально-экономическим развитием крестьянского сообщества. Выявлено, что отдельные модели бытовали в определенный временной промежуток и могут благодаря этому служить хронологическими маркерами для исследования формирования поселенческой системы. Такова модель сложных по структуре ойконимов с основным элементом *-selgä / -сельга*, помечающая поселения водораздельного типа, которые начинают появляться в южной Карелии на рубеже XVII-XVIII веков в ходе внутренней миграции населения.

Доказано, что в основе смены ойконима в традиционной ойконимии стоит процесс взаимодействия двух уровней номинации: официального (письменного) и народного (устного). Первый стремился к стабильности, второй, наоборот, отличался неустойчивостью, что приводило к разрыву между ними и необходимости время от времени переводить на официальный уровень неофициальные названия. Масштабное переименование, затронувшее всю южную Карелию, произошло, судя по статистическим документам, в середине XIX века. При этом полевые материалы содержат немало народных вариантов ойконимов, не зафиксированных в официальных источниках.

Показано, что анализ динамики в развитии ойконимической системы перспективен для реконструкции этноязыковых и историко-культурных процессов. Доказывается, что появление в XVII веке на территории древнего карельского административного центра Олонца целого пласта ойконимов с формантом *-la* (карел. *-la*) и выход их на официальный уровень бытования вызван активной миграцией переселенцев из Приладожья. Она сыграла решающую роль в формировании ливвиковского наречия в составе карельского языка.

Ключевые слова: ойконимия, антропонимия, топонимные модели, официальные и народные ойконимы, писцовые книги, ревизские сказки, карельский язык, Карелия.

DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-4-567-577

Введение

Современная ойконимическая система включает элементы разного времени и является результатом длительного развития, отдельные фрагменты, а в некоторых случаях и этапы которого удается реконструировать благодаря закреплению ойконимов в массовых документах статистического характера.

На фоне других топонимных разрядов ойконимия, под которой в данной статье имеются в виду прежде всего именованья сельских поселений, отличается тем, что у нее есть документальная история, причем, подтвержденная массовым образом, целыми линейками документов статистического, картографического, административного характера. Для территории Карелии эта история, засвидетельствованная в относительно массовом порядке на страницах документов, начинается с XV века, с писцовой книги 1496 г. Сама же история крестьянского освоения, сопряженная с появлением первых относительно устойчивых поселений, датируется археологически с рубежа XIII–XIV вв. [Спирidonov 2014, 118]. К моменту составления писцового описания на территории южной Карелии сформировалась уже сеть поселений, объединённых в гнезда большей или меньшей величины, названия которых доживают до наших дней и свидетельствуют, таким образом, о значительной устойчивости ойконимической системы. В более позднем историческом контексте такие гнезда или кусты – конгломераты, включавшие от нескольких до нескольких десятков одно- или малодворных деревень, во-

¹ Публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания КарНЦ РАН (Тема № 121070700122-5 «Фундаментальные и прикладные аспекты исследования прибалтийско-финских языков Карелии и сопредельных областей»).

круг единого центра – стали именоваться волостями. Их названия абстрагировались со временем из формулы документов XV–XVI вв. «деревня на Шелтозере ...», «на Шокше-речке...», «в Великой губе» и др., превратившись в *Шелтозеро*, *Шокиа*, *Великая Губа*. Это не единственный, но преобладающий путь появления именованных поселенческих гнезд.

В данной статье не анализируются названия стабильных во времени кустов поселений. В центре внимания – наименования отдельных малодворных деревень, входящих в состав кустов, а также тех поселений, которые располагаются за пределами кустов и сформировались в ходе внутренней миграции из них. Они как раз отличаются значительной изменчивостью и отражают динамику в развитии ойконимической системы.

Сквозной анализ источников XVI–XX веков позволяет выделить в развитии традиционной ойконимической системы два основных пути изменений: появление новых ойконимов в связи с возникновением новых объектов именованья, т.е. поселений, и смена первоначальных именованья на новые. Оба процесса происходили на протяжении XVI–XIX веков параллельно. Динамика определялась, с одной стороны, социально-экономическими процессами в развитии крестьянского сообщества, с другой – закономерностями развития самой ойконимной системы.

Прежде чем перейти к анализу выделенных трендов, следует пояснить, что он проводится на материале ойконимов Онежско-Ладожского перешейка – сельскохозяйственного в смысле экономики региона Карелии, крестьянское освоение которого началось в первые века II тыс. н. э. населением, которое в смысле этноязыковом может быть квалифицировано как древневепское. Позднее, в результате распространения сюда карельской колонизации из Северного Приладожья и активного карело-вепского контактирования, сформировались два карельских субэтноса – ливвики в западной и центральной части перешейка и людики в восточной. На юго-восточной окраине перешейка сохранилась группа вепских в этноязыковом плане поселений. На протяжении веков, особенно XX–XXI, происходило постепенное обрусение прибалтийско-финского населения территории, особенно в ее восточной части [Народы Карелии 2019]. Складывание сети постоянных поселений началось еще в новгородское время, на вепском этапе истории южной Карелии, а в дальнейшем с миграцией карелов она разрасталась.

Основным источником материала для статьи послужила ойконимическая подборка «Научной картотеки топонимов Карелии и сопредельных областей», содержащая около 10 000 собственно ойконимических фиксаций, а также создающаяся на ее основе ГИС «Топонимия Карелии». Однако сама постановка проблемы потребовала привлечения исторических данных. Поэтому дополнительно широко использован «Электронный каталог населенных мест Карелии XV–XXI вв.» (создан в ИЯЛИ КарНЦ РАН), объединяющий данные рукописных и письменных источников (в том числе писцовых и переписных книг, ревизских сказок, списков населенных мест разных веков)².

1. Развитие ойконимической системы, обусловленное становлением поселенческой сети

Сопоставление статистических источников разного времени позволяет выявить общую тенденцию к поступательному росту количества поселений и, соответственно, ойконимов от XV к XX веку. Бывали периоды откатов, например, в XVII веке, связанные с историческими и экономическими условиями того времени, вызывавшими запустение целых тетрриторий. При этом, однако, писцы сохраняли традицию прежних названий, поскольку дотошно указывали и исчезнувшие поселения, на месте которых позднее возникали новые, сохранявшие в документах в основном прежние названия или память о них: *На Шонд-озере Степанково посиденье* (1563), *На Шондозере Степанково*, *Каменнаволоок тож* (1582), *На Шондо-озере Степанково Каменной наволоок* (1646/47). Причиной такой стабильности было, с одной стороны, ограниченное количество пригодных для обработки земель, с другой, необходимость строго их учета, связанная с отражением налоговых и владельческих отношений. Иначе говоря, исчезновение поселений не вело за собой автоматически исчезновения его названия, во всяком случае, на официальном уровне. Оно, как правило, возрождалось при новом заселении покинутого места. Новые названия возникали при появлении поселений на незаселенных прежде местах.

²Данные исторических источников взяты из «Электронного каталога населенных мест Карелии XV–XXI вв.» (ИЯЛИ КарНЦ РАН). В статье использованы материалы писцовых и переписных книг (1563, 1582, 1617, 1678, 1696, 1707), ревизий (1720, 1749, 1782, 1850, 1858), списков населенных мест (1873, 1905). Отдельных ссылок в тексте статьи на них не делается, при необходимости отмечается дата появления документа.

Последовательное привлечение документов позволяет также выявить набор номинативных моделей, имеющих временные и территориальные рамки существования и увидеть динамику в их смене. Не все из них в равной степени показательны в этом отношении, поскольку в силу относительно длительного бытования моделей их формульность размыта. Но на этом фоне удастся выявить и своего рода маркерные для определения времени появления поселений модели. Далее внимание привлечено к одному такому характерному для южной Карелии ойконимному типу – это названия поселений, включающие в свою структуру карельский термин *selgy*, *selg(e)*, *šelg(e)*, широко бытующий в говорах для обозначения возвышенности, причем, такой, на которой делались подсеки (Гомсельга – люд. *Homšelg*, Каягина Сельга – люд. *Kaiganšelg*). Продуктивность термина в ойконимии южной Карелии даже привела к тому, что в ряде говоров ливвиковского наречия он (ливв. *selgy*) приобрел вторичную семантику ‘деревня’ [Кузьмин 2020, 199]. Прибалтийско-финский термин хорошо известен и в русских говорах (*сельга*) – как в качестве субстратного включения, так и заимствования. Карельские оригиналы сложной структуры передаются в русской интерпретации двояко: и как полукальки (*Кохтусельга*), и как словосочетания (*Исаева Сельга*).

Оказалось, что вплоть до середины XVII века в документах, отражающих поселенческую сеть Олонецкого погоста (а это большая часть Онежско-Ладожского перешейка), населенного карелами-ливвиками, отмечается только один ойконим с основным элементом *-селга*. Это *Сюхтоселга* или *Сехтоселга* на Тулмозере – исчезнувший к настоящему времени топоним с неясной этимологией. Зато начало XVIII века (1707 г.) знаменуется сразу более чем 30 топонимами этой модели. В Прионежье, основным населением которого были карели-людики, модель *-селга* фиксируется с конца XVII – начала XVIII в., при этом с припиской, констатирующей новопоселенный характер сележных деревень: *новый починок Ковко Селга, поселилось на черном лесу после писцов вновь* (1678), *Новый починок Ригой Сельга* (1696), *Новопоселенная после прежней переписи деревня На Видан-селги* (1749) и др. В ареале расселения прионежских вепсов модель впервые отмечает первая ревизия 1720 г. За этим процессом стоит т.н. внутренняя миграция из более ранних поселенческих центров, тяготевших к озерным и речным побережьям, на водоразделы, где на сельгах можно было заниматься подсечным земледелием. Первоначально это были однодворные сельскохозяйственные деревни, которые со временем могли как исчезнуть, так и разрастись в более крупные поселения. Появление их связано, конечно, с ростом населения после преодоления тяжелых последствий Смутного времени. Показательно, что планы Генерального межевания Олонецкой губернии конца XVIII века довольно однозначно свидетельствуют об ареальной дистрибуции ойконимов этой модели. Так, в людиковском Прионежье подавляющее большинство их привязывается к северной периферии ареала – территории в бассейне р. Суны, т.е. к наименее заселенным прежде местам, к водоразделам. Не столь выразительно, но тем не менее достаточно убедительно выглядит ситуация и западнее – в ливвиковском ареале, и южнее – в вепском Прионежье.

Для понимания генезиса самой модели, а также стоящих за ней этноисторических процессов важен еще один ареальный факт. Оказывается, что ойконимическая модель *-сельга* продолжается за северные границы людиковского ареала, на территорию смежной Семчезерской волости, расположенной уже в другой языковой зоне – собственно карельской. При этом за пределами данной волости на собственно карельской территории проявления модели минимальны. Очевидно, этот топонимический факт отражает определенные общие моменты истории двух названных ареалов в XVII-XVIII веках. За ним стоит отмечавшееся еще Д. В. Бубрихом диалектное влияние северных людиков на собственно карел на Суне и к северу от нее, вызванное развитием железорудного производства XVII-XVIII вв. и активным участием в нем северных людиков [Бубрих 1947: 45-46]. Модель *-сельга* / *-selgä* отражает продвижение их вверх по Суне, вторжение вглубь собственно карельской территории. Она вытесняет здесь синонимичную модель *-ваара* / *-vuara* (кар. *vuara* ‘гора, поросшая лесом’), которая активна как раз в собственно карельском ареале за пределами Семчезерской волости.

Появившись в XVII веке, модель продолжала быть активной, т.е. служила базой для рождения новых ойконимов вплоть до начала XX века. Она воспроизведена, к примеру, в наименованиях ряда новых сележных поселений, возникших в конце XIX века в связи сельскохозяйственной реформой, а затем и в начале XX века, как наименования хуторских и отрубных хозяйств, появившихся в рамках столыпинской реформы. Иначе говоря, хронологические рамки бытования модели довольно длинные, однако на всех этапах появление поселений на сельгах связано с разрастанием поселенческой сети, выходом ее за пределы озерных и речных побережий и освоением водоразделов – прежде всего, сележных ландшафтов как наиболее благоприятных для земледелия.

Названия сележных поселений строятся по двум моделям. В первом случае они воспроизводят наименования природных объектов, которые стали предметом внимания, видимо, в связи с разработками подсеки: современная деревня *Мянсельга* в бывшем людиковском Прионежье («д. Мян Селга на черном лесу, поселилась вновь» 1678 г.) в 1720 г. числится как Мянда Селга, что однозначно реконструирует в топониме кар. *mänd* ‘сосна (с рыхлой заболонью)’. В свою очередь, в карельском ойкониме *Нинисельга* (первая фиксация в 1707 г.) – ливв. *Niinselgy* элемент *niini* значит ‘липовое лыко; липа’, т. е. топоним прямым (*niini* ‘липа’) или косвенным (*niini* ‘липовое лыко’) образом указывает на произраставшую на острове липу – маркер плодородных почв на севере. Кстати, модель *Niinselgä* (в зависимости от языка, диалекта или говора *Ninsel’g*, *Niinselgy*, *Niiselgy*) повторяется в регионе южной Карелии неоднократно и может по праву считаться типовой – как номинирующая сельги, пригодные для сельскохозяйственного освоения.

Вторая модель – антропонимическая, естественная для именовании сельскохозяйственных поселений. В них сохраняются карельские варианты православных имен, а также некалендарные имена. Для примера, Гурсельга – люд. *Huršelg*, известная также под говорящим названием *Новожиловская*, содержит в основе кар. *Huroi* ← рус. Гурий. В Тенгусельга – ливв. *Tehnunselgy* сохраняется, видимо, родовое имя основателя поселения *Tenhu*, *Tenho* ← *tenho* ‘знахарь, волхв’ [SSA 3, 283], а в Ваньгинова Сельга – вепс. *Vanhimansel’g* – вепс. **Vanhim*, от приоб.-фин. *vanhin* < **vanhim* ‘самый старший’.

Нижней границей ойконимов «сележной» модели для территории южной Карелии является, таким образом, вторая половина XVII – начало XVIII века. Она маркирует вторичное освоение территории из очагов первоначального заселения. Лишь в исключительных случаях «сележные» ойконимы получают статус именовании гнезд поселений и волостей. И это понятно: сележные ландшафты, имея ограниченную площадь, не давали возможности для роста поселения. Так, из десятка вепсских поселений XVIII века на сельгах лишь одно – Матвеева Сельга (вепс. *Matfejansel’g*) стало селом, имевшим свою церковь и включавшим в свой состав 5 отдельных деревень.

При этом, подобно другим ойконимным группам (см. об этом в следующем разделе статьи), поселения на сельгах далеко не всегда сохраняли первоначальное название. Просматривается явная тенденция к постепенной замене исторических сележных ойконимов, в тренде оказываются именованные, базирующиеся на антропонимах разного рода. В вепсском ареале на месте *Курсельги* в XIX закрепляется *Матвеева Сельга* – вепс. *Matfejansel’g*, при современной фамилии жителей Матвеевы. Деревня Каягина Сельга – люд. *Kajaganšelg*, *Kaiganšelg* возникла во второй половине XVII века и первоначально была записана под именем *Маркова Селга*, затем (видимо, с 1720 г.) оба названия бытовали параллельно [Витов, Власова 1974, 96], пока к середине XIX в. *Каягина Сельга* не закрепилось как единственное (1858, 1873). В ее основе нехристианский людиковский антропоним, родовое имя *Kajag* ← люд. *kajag* ‘чайка’. Имя не входило в число популярных, но его следы сохранились в финской фамилии *Kajava* [Sukunimet 1992]. В ливвиковской ойконимии примерно треть из зафиксированных впервые в 1707 г. «сележных» поселений ныне стала именоваться по-другому: дер. *Койвусельга* – ливв. *Koivuselgy* (*koivu* ‘береза’) известна также как дер. *Еройлу* – ливв. *Jeroilu* (*Jeroi* – ливвиковский вариант календарного русского Еремей), а *Пертусельга* – ливв. *Pertiselgy* (*perti* ‘изба’) по-карельски именуется *Kekšoilu* и соотносится, конечно, с местной фамилией Кекшоевы, которая, в свою очередь, базируется на родовом прозвище **Kekšoi* ← ливв. *kekšoi* ‘большой живот’. Оба ойконима оформлены суффиксом *-lu* с локативной семантикой, первоначально свойственным именованию домов, в которых присоединялся к имени (в том числе родовому) его владельца. Подобные переименования или параллельно существующие отантропонимные именованные многочисленны. И хотя отсутствие документальной базы не позволяет установить во всех случаях конкретную причину переименования, такой сценарий хорошо вписывается в общую парадигму сменяемости наименования на протяжении жизни малодворного поселения. Сельги как объекты рельефа, имевшие названия, становились местами поселений, и закономерным образом имя владельца крестьянского двора переносилось на название поселения. Соответственно, смена владельца могла привести и к смене названия.

В XIX веке продуктивность приобретает модель ойконимов, совпадающих по облику с антропонимом, т. е. именование человека закрепляется в роли именовании поселения. Во многих случаях сележные деревни приобрели новые названия, образованные именно по этой модели: Мурдосельга – ливв. *Griišu*, Нинисельга – ливв. *Vuačči*, Везойсельга – ливв. *Šutti*. В первых двух примерах отразились карельские варианты православных имен (*Griišu* – Григорий, *Vuačči* – Василий), в последнем –

карельский патроним или родовое прозвище жителя: Šutti ‘оборванец; развалина, жалкое существо’ [KKS 5, 576]. Они свидетельствуют, конечно, о развитии системы, о закреплении в народной практике ойконимов, восходящих к именам современных жителей этих одно- или малодворных поселений (см. подробнее в следующем разделе статьи). Очевидно, модель, ставшая особенно востребованной в связи с реформами землевладения конца XIX – начала XX вв., постепенно перекинулась и на другие топонимные типы, вовлекла их в свою сферу. В этом смысле особенно показательны примеры карельских народных соответствий, когда русский официальный отыменный ойконим сложной структуры преобразовался в карельском бытовании в простой: Емельянова Сельга – ливв. *Omel'l'u*, Ефимова Сельга – ливв. *Jouhki*, Терусельга – ливв. *Teru*, Кяписельга – ливв. *Käppi* и др. В первых трех топонимах представлены карельские варианты соответствующих русских календарных имен: *Omel'l'u* – Емельян, *Jouhki* – Ефим, *Teru* – Терентий, в четвертом – карельское прозвищное именование *Käppi* ← *käppi* «тощий, маленький, некрасивый человек».

Неофициальный, народный уровень именованья более подвижен по сравнению с официальным, где продолжали бытовать, переходя из документа в документ, традиционно закрепившиеся на более раннем этапе модели. Поэтому в русском, т.е. официальном, употреблении сохраняются сложные по форме сележные топонимы, которые в карельском и вепском бытовании видоизменились, сократились, практически перешли в другую модель.

2. Из народного в официальное

Как отмечалось выше, что названия т.н. кустов поселений отличались значительной устойчивостью. Большая часть их сохранилась в неизменном виде еще с самых первых письменных фиксаций XV–XVI веков. Наоборот, названия отдельных деревень, входящих в куст, значительно более подвижны: одни исчезают из источников, другие, наоборот, появляются. Показательно, к примеру, что не увенчались успехом поиски названий ни одной из 24 деревень, входивших начале XX века в состав вепской Шелтозерско-Бережной волости в [СНМ 1905, 56], в числе тех, которые отмечены в писцовой книге 1563 года. Это, однако, вовсе не означает, что между деревнями XVI и XX вв. нет преемственности. Сквозной просмотр линейки документов разного времени позволяет констатировать, что подавляющая часть поселений существовала уже к XVI веку, но их названия на протяжении веков менялись. Дер. *Минина Гора* (вепс. *Miinamättaz*, *-mättaz* ‘гора’) в составе вепского села Шелтозера на берегу р. Шелтозерки упоминается впервые в материалах 9-й ревизии 1850 г., при том, что само поселение зафиксировано уже в конце XVI века под названием *Елексеевская*, и пережило на каком-то этапе запустение: дер. *Елексеевская* (1582) → *пустошь Олексеевская* (1617) → *что была пустошь Алексеева у речки Шелтозерки* (1707) → *что была у речки Шелтозерки пустошь* (1749) → *что была у речки Шелтозерки пустошь* (1782) → *у речки Шелтозерки / Минина Гора* (1850) → вепс. *Miinamättaz*. Повторяющееся рефреном из документа в документ определение «у речки Шелтозерки», а также устойчивая последовательность перечисления деревень в документах разного времени позволяют выстроить полный хронологический ряд переименований. Возраст поселения оказывается значительно старше первого упоминания его названия в источниках.

Этот пример отражает характерную для документального уровня преемственность в облике внесенного в реестр названия. Будучи единожды записанным, название, как правило, затем переходило из документа в документ в первоначальном виде. Для официального уровня именованья эта преемственность была существенна с позиций владельческих отношений и налогообложения. В нашем примере память о том, что деревня запустевала на рубеже XVI–XVII в. или в самом начале XVII века, дожила практически до XIX века.

Однако в устной народной среде такой жесткой преемственности не было. Бытовавшие в народной среде ойконимы живо реагировали на изменение обстоятельств, связанных с жизнью поселения, сменой владельца двора и т. д. Здесь складывались свои системы именованья, не привязанные жестко к официальным топонимам реестров. В результате со временем мог образовываться разрыв между записанным и устным названием. Он был известен писцам, и время от времени они были вынуждены уточнять, о каком именно поселении идет речь, и приводить рядом с документальным названием и народное. Для этого использовали формулу «а в волости зовут», «словет» или «тож»: *на реке на Мегре Михеевская, Теряевская тож; На Шокии же Ребуевская словет Парфеевская; В Розмеге Якимовская, Гришинская тож.*

Именно в этом обстоятельстве кроется основная причина смены названия на протяжении жизни поселения. Вначале рядом с официальным именованием, наследованным из предшествующей описи, появляется народное, «волостное», которое затем становится основным и смещает исторический топоним. Особенно масштабная ревизия произошла в середине XIX века. Ее отразили ревизские сказки, особенно 9-я ревизия 1850 г. Во многих случаях она приводит рядом традиционное название, наследуемое еще со времен первых писцовых книг, и более позднее. Без этих материалов было бы затруднительно восстановить исторические корни многочисленных поселений на территории южной Карелии. Процесс был явно характерен для всей южной Карелии. Он доказан, к примеру, для Кижской волости [Воробьева 2014] и актуален для людиковского и вепсского Прионежья [Муллонен, Жуков 2020; Муллонен 2021], а также ливвиковского Сямозерья [Афанасьева 2020]. Видимо, на самом деле он носил масштабный характер и был санкционирован каким-то специальным документом, который, к сожалению, не удалось пока отыскать.

При этом в подавляющем большинстве случаев народный вариант, появившийся впервые в ревизиях середины XIX века, доживает до наших дней. Иначе говоря, с середины XIX века не происходило масштабных переименований. И это понятно: к этому времени уже полностью устоялась структура отдельных деревень, входивших в состав кустов поселений. Они уже не запустевали, как раньше. А значит, не было необходимости их переименовывать, например, в связи со сменой жителей. Да и официальные варианты ойконимов в связи с модернизацией общества получали бытование и в народной среде. Динамика наблюдается в это время в основном в ойконимах, привязанных к поселениям, расположенным за пределами центра волости. Последние образовались в ходе внутренней миграции из волостных центров на протяжении XVIII–XIX веков, были одно- или малодворными, не имели устойчивой длительной письменной (официальной) традиции. Именно среди названий этой группы поселений отмечается несоответствие между русским и национальным (вепсским или карельским) вариантом, уже представленном в предыдущем разделе статьи. В вепсском Прионежье таковы деревни *Isak* (при русском официальном ‘Качезеро’), *Ondr’ušk* (‘Масляная Гора’), *Onašk* (‘Гузозеро’). В то время как официальные русские названия основаны на соответствующих именовании природных объектов, при которых возникли поселения, в народных вепсских закрепился антропоним – фамилия, родовое или личное имя, прозвище поселенца. Эти народные именованья появились или приобрели популярность уже после середины XIX века и не успели войти в процесс перехода в статус официальных. Собственно, об этом же свидетельствует и их структура: ойконимы, идентичные по облику антропонимам, в массе своей возникали на рубеже XIX–XX веков. Отмеченные народные вепсские варианты записаны в ходе полевых сборов топонимии, у них нет официальной истории. Их ценность как раз в том, что они свидетельствуют об инновативном характере народной ойконимической системы и непрерывном процессе формирования новых названий, позволяя тем самым полагать, что такая же модель действовала и в прошлом.

Итак, один из важных элементов в развитии ойконимической системы – это взаимодействие двух уровней функционирования названий: официального и неофициального. При этом ведущим звеном в этом процессе является народная ойконимия, а официальная приводится периодически в соответствие с не официальной. На каком-то конкретном этапе официальный ойконим может быть старше народного, однако в целом, в исторической перспективе, он вырастает из народного, вторичен по отношению к нему. В этом смысле можно говорить о том, что народный ойконим старше официального. Другое дело, недостаточно материалов, чтобы сказать, насколько старше. Редкая удача, если удастся документально доказать возраст народного топонима.

3. Ойконимия Олонца в контексте этнокультурной истории XVII века

В предыдущих разделах статьи приводились уже факты этноисторического потенциала ойконимии, причем, не только как подтверждения известных исторических коллизий, но как источник новых знаний.

Следующий сюжет является показательным примером развития ойконимической системы, вызванного выходом народной топонимии на официальный уровень и притоком нового населения, сопровождавшегося развитием поселенческой сети. Он связан с топонимией древнего Олонцкого погоста, объединявшего территорию в юго-восточном Приладожье и населенного карелами-ливвиками. Здесь в устной карельской практике широко бытует ойконимия т.н. *-l*-ового типа, в которой фонетические варианты *-l*-ового форманта (*-l*, *-la*, *-lu*) присоединяются к основе, выраженной антропонимом:

Āimil – Чимилицы, *Hukkal* – Хуккала). Формант с локативной семантикой имеет глубокие прибалтийско-финские корни [Nissilä 1962, 91-92, Ainiala и др. 2012, 69]. В официальной русской практике карельский формант передается либо способом прямой адаптации (*Hittoilu* – Гиттойла, *Teppul* – Тенпула), либо дополняясь традиционным русским ойконимным формантом *-ицы/-ичи*, который в современном бытовании приобретает нередко вид *-ица*: *Sudal* – Судалица, *Järčyl* – Ярчулицы (Рис. 1).

Рис. 1. Ойконимы с формантами *-ицы / -ицы* и *-лы* (ливв. *-l*, *-lu*) в окрестностях г. Олонца (конец XVIII в.)³

При этом первоначально в документах писцового дела происходило не дополнение, а замещение *-l*-ового суффикса концовкой *-ицы/-ичи* (*Куневици*, *Ваченицы* и др.). Исторические документы свидетельствуют о том, что в XVI – первой половине XVII вв. однозначно господствовала модель *-ицы/-ицы*, а прямое усвоение вдруг становится актуальным в середине XVII века. Иначе говоря, в это время некоторая часть ойконимов переходит из модели *-ицы/-ицы* в прямую адаптацию, т.е., собственно, в документе начинает воспроизводиться карельский оригинал без русского суффиксального оформления: историческое *Валовичи* начинает передаваться как *Валойла* (1657⁴, 1667⁵, 1707) при ливв. *Valoilu*, *Хошкиницы* (более раннее *Кошкиницы*) – как *Гошкила* (1646/47, 1667, 1707), ливв. *Noškil*, *Емчиныцы* – *Емчила* (1657, 1667, 1707), ливв. *Jetčil*, *Чимилицы* – *Чимила* (1657, 1667), ливв. *Āimil* и некоторые другие. И это при том, что еще буквально за десять лет до этого, в писцовой книге 1646/47 года представлена традиционная модель *-ицы/-ицы*. Почему так происходит? Можно с достаточной уверенностью говорить о том, что на официальный уровень бытования выходят неофициальные, народные карельские варианты топонимов. Они зафиксированы в двух документах XVII века, которые имеют иной статус по сравнению с писцовыми книгами: список 1657 года представляет собой солдатскую перепись, а 1667 года – перепись карел-зарубежных выходцев, перебравшихся на территорию Олонецкого погоста из шведской части Карелии. Они, как представляется, не были жестко связаны с материалами писцового дела и оперировали в том числе народными карельскими ойконимами.

У такой трансформации была историческая подоплека. В XVII веке территория Олонецкого погоста активно осваивается приладожскими карелами, «зарубежными выходцами», для которых ойко-

³ Воспроизводится по Плану Генерального межевания Олонецкого уезда Олонцкой губернии 1778–1796 [http://www.etomesto.ru/map-kareliya_pgm-olonetskogo-uezda].

⁴РГАДА. Ф. 137. Поместный приказ. Олонц. Д. 5. 1657 г. Солдатская перепись Ивана Дивова.

⁵РГАДА. Ф. 137. Поместный приказ. Олонц. Д. 3. 1667 г. Переписная книга карел-зарубежных выходцев в Олонцком и Заонежских погостах Олонецкого уезда. 114 л.

нимы на *-la* были обычны, в то время как русская модель *-ичи* мало знакома. Это могло способствовать закреплению карельских *-l*-овых ойконимов и в официальном русском бытовании. Недаром целый ряд этих «карельских» форм отразился и в писцовой книге 1707 года, т.е. произошла некоторая переориентация со старой традиционной модели адаптации, использующей характерный для русской ойконимии формант *-ичи/-ицы*, на новую, опирающуюся полностью на карельский оригинал. Ситуация воспроизводится впоследствии в документах на протяжении XVIII–XIX веков, например, в ревизских сказках. Появление нового населения и, соответственно, поселений внесло коррективы в традиционную ойконимическую систему.

С представленной выше трансформацией в облике официальных олонецких ойконимов, происшедшей в XVII веке, согласуется и другая, относящаяся к этому же времени. Традиционно концовка *-ичи/-ицы* выступала в документах XVI – начала XVII вв. в связке с поссессивными суффиксами *-ин/-ен* и *-ов/-ев-*, т.е. *Ваченицы, Куневичи, Таченицы, Рыпушкиницы* и т.д. Однако в документах второй половины XVI века можно наблюдать, как меняется облик ойконимов и место названных поссессивных формантов занимает *-l*-овый элемент: *Вачелицы, Кунелицы, Тачилицы, Рыпушкалицы*. И если в XVII веке еще наблюдаются колебания, то писцовая книга 1707 года окончательно закрепляет новое написание, которое сохраняется и поныне. За *-l*-овым элементом скрывается, конечно, прибалтийско-финский *-l*-овый ойконимический формант. Карельские оригиналы перечисленных выше русских форм выглядят как *Vuaččil, Kuunil, Taččoilu, Riipuškäl*. Иначе говоря, на этом этапе сменилась сама первоначальная идеология, в соответствии с которой в ходе адаптации русский формант *-ичи* (в связке с *-ов-* или *-ин-*) замещал прибалтийско-финский *-l*-овый суффикс. Здесь же последний сохраняется, очевидно, в силу того, что в это время возрастает его роль в регионе восточного Приладожья в связи со значительным притоком карельского населения из приграничной Карелии, где, повторюсь, *-l*-овая модель отличалась большой продуктивностью. Иначе говоря, оба засвидетельствованных в документах XVII вв. нововведения могли быть спровоцированы развитием этноязыковой ситуации в районе. Показательно, что за пределами территории исторического Олонецкого погоста, в вепском Присвирье и северном Обонежье первоначальный облик русских соответствий *-l*-овых ойконимов сохранился в неизменном виде: *Шеменичи, Руссконицы, Мустиничи, Вачукиницы* и др.

За закреплением модели *-la* в документах Олонца стоит, таким образом, два процесса: с одной стороны, появление новых ойконимов *-l*-ового типа, связанное с миграцией населения, с другой, спровоцированный ею (миграцией) выход на официальный уровень бытования народных названий на *-la*, уже существовавших в округе Олонца деревень. Они были более привычны для новых поселенцев, чем модель *-ицы/-ичи*.

При этом, однако, есть некоторые устойчивые к нововведению ойконимы. Это, засвидетельствованные еще в самых ранних документах названия, облик которых устоялся за столетия. Приверженность традиционной модели *-ичи/-ицы* сохранили *Кунелицы (Куневичи), Рыпушкалицы (Рыпушкиницы), Татчалицы (Таченицы), Мойжевичи, Вачелицы (Ваченицы)* и некоторые другие. Можно предположить с осторожностью, что это наименования наиболее ранних поселений Олонецкой округи, сформировавшихся еще на новгородском этапе. Остается вопросом, могли ли они возникнуть еще в вепское время, до карелизации низовий реки Олонки? Есть целый ряд доказательств как языкового, так и историко-археологического порядка вепского прошлого территории юго-восточного Приладожья и даже шире – Онежско-Ладожского перешейка. Перечисленные ойконимы на *-ицы / -ичи* в Олонецкой округе в принципе входят в единый ареал с соответствующими ойконимами на *-ичи/-ицы* в вепском Присвирье, располагаясь на его северо-западной окраине. Так что в этом контексте вопрос о ранних, еще вепского времени, истоках поселений, в русских названиях которых устойчиво на протяжении веков сохранялся формант *-ичи/-ицы*, вполне допустим, хотя конкретный ответ на него требует дополнительных изысканий. Однако, в любом случае, история функционирования адаптационной модели *-ичи/-ицы* способствует реконструкции событий XVII века, принципиально важных для этнокультурной истории Олонецкой округи и формирования ливвиковского наречия в составе карельского языка.

Выводы

Преимущество ойконимии на фоне других топонимических разрядов заключается в том, что она имеет документальную историю. Анализ целой линейки документов позволил проследить динамику в развитии ойконимической системы южной Карелии на протяжении пятисот лет и доказать,

что ее формировали два процесса: рождении новых ойконимов, связанных с развитием самой поселенческой сети, и смена старого названия на новое. При этом выбор моделей именования менялся от века к веку. Выявлена и проанализирована т.н. «сележная» модель ойконимов, массовым образом появившаяся на территории южной Карелии на рубеже XVII-XVIII веков в связи с сельскохозяйственным освоением водораздельных территорий в условиях роста населения. Нововведения носили и ареальный характер: модель –la XVII века в редких случаях вышла за пределы приладожского / ливвиковского ареала на Онежско-Ладожском перешейке и была связана с массовой миграцией карелов из Северного Приладожья. Ареальные и хронологические рамки бытования топонимических моделей – важный ресурс для этноисторических изысканий.

В свою очередь, смена названия в традиционной ойконимии, вызвана взаимодействием двух уровней функционирования топонима – официального и народного. Первый, призванный фиксировать налогообложение, владельческие отношения, их преемственность, отличается стабильностью. Второй, наоборот, подвижен. На это указывают документы, вынужденные нередко приводить неофициальное именование рядом с официальным, сопровождая его пометками «словет», «тож», «в волости зовут». Об инновативном характере народной ойконимической системы и непрерывном процессе формирования новых названий убедительно свидетельствуют и полевые материалы, которые в целом ряде случаев демонстрируют несовпадение официального и народного ойконима. Время от времени народные именованья переводились на уровень официальных, обеспечивая таким образом динамику в развитии ойконимической системы. За появлением нового названия, как и за исчезновением топонима со страниц официальных документов в значительном числе случаев стоит, таким образом, не рождение или исчезновение поселения, а придание народным названиям или формам статуса официального. Важно, что выявленный в ходе анализа механизм взаимосвязи официального и народного варианта названия позволяет во многих случаях удлинить историю самого поселения.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

вепс. – вепсский язык

ливв. – ливвиковское наречие карельского языка

люд. – людиковское наречие карельского языка

ЛИТЕРАТУРА

Афанасьева А. А. Этапы формирования ойконимической системы Вешкельской волости // Филологические исследования. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2020. Вып. 12. URL: https://academy.petsu.ru/journal/content_list.php?id=12861 (дата обращения: 15.06.2022).

Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа. Петрозаводск: Государственное издательство Карело-Финской ССР, 1947. 52 с.

Витов М. В., Власова И. В. География сельского расселения Западного Поморья в XVI–XVIII веках. Москва: Наука, 1974. 190 с.

Воробьева С. В. Деревни Кижской волости в XVI — начале XX в. (по архивным источникам) // Церковь Преображения Господня на острове Киж: 300 лет на заонежской земле: сборник статей. Петрозаводск: Издательский центр музея-заповедника «Киж», 2014. С. 229–256.

Кузьмин Д. В. Словарь карельской народной географической терминологии. Петрозаводск: Периодика, 2020. 268 с.

Муллонен И. И., Жуков А. Ю. Динамика развития ойконимической системы в северолюдиковском языковом ареале // Научный диалог. 2020. № 5. С. 113–131. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-5-113-131.

Муллонен И. И. Топонимические маркеры эволюции поселенческой сети в вепсском Прионежье // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Т. 43, № 7. С. 8–18. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.675

Народы Карелии. Историко-этнографические очерки. Отв. ред. И. Ю. Винокурова. Петрозаводск: Периодика, 2019. 750 с.

Спирidonov А. М. Западное Прионежье: из «саамского железного века» в Средневековье [Электронный ресурс]. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2014. 162 с. URL: http://carelica.petsu.ru/Reading_hall/SPIRIDONOV/Spiridonov.pdf – (дата обращения: 15.06.2022).

Список населенных мест Олонецкой губернии по сведениям за 1905 год / составил действительный член-секретарь комитета И. И. Благовещенский. Петрозаводск: Олонецкая губернская типография, 1907. 326 с.

Ainiala T., Saarelma M., Sjöblom P. Names in Focus. An Introduction to Finnish Onomastics. *Studia Fennica Linguistica* 17. Helsinki: Finnish Literature Society, 2012. 287 p. DOI: <http://dx.doi.org/10.21435/sflin.17>

Karjalan kielen sanakirja. V. Edit. by R. Koponen. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1997. 634 s.

Mikkonen P., Paikkala S. Sukunimet. Helsinki: Otava, 1992.

Nissilä V. Suomalaista nimistöntutkimusta. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1962. – 220 s.

Поступила в редакцию 24.07.2022

Муллонен Ирма Ивановна,

доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, профессор,
главный научный сотрудник сектора языкознания

Институт языка, литературы и истории РАН

Карельский научный центр

185910, Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11

E-mail: irma.mullonen@hotmail.com

I. I. Mullonen

OIKONYMIC SYSTEM OF SOUTH KARELIA IN ITS DEVELOPMENT

DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-4-567-577

The system of Karelian oikonyms of South Karelia is analyzed from the point of view of its development in time. For this, along with modern field materials, a wide range of historical sources (cadastres, census books of the 15th–17th centuries, revision materials of the 18th–19th centuries, historical maps, as well as some other documents of past centuries) are involved. As a result of the study, two clear trends in the development of the oikonym system were traced: the birth of new oikonyms - the names of newly emerged settlements, and the change of former oikonyms to new ones. These processes proceeded in parallel and were provoked by the socio-economic development of the peasant community. It was revealed that certain models existed in a certain time period and, due to this, can serve as chronological markers for studying the formation of the settlement system. Such is the model of complex oikonyms with the main element *-selgä / -selga*, marking the settlements of the watershed type, which began to appear in southern Karelia at the turn of the 17th–18th centuries during the internal migration of the population.

It has been proved that the process of interaction between two levels of nomination: official (written) and unofficial (oral) is at the heart of the change of oikonym in traditional oikonymy. The first strove for stability, the second, on the contrary, was unstable, which led to a gap between them and the need from time to time to transfer unofficial names to the official level. A large-scale renaming that affected all of southern Karelia occurred, judging by statistical documents, in the middle of the 19th century. At the same time, field materials contain many informal variants of oikonyms that are not recorded in official sources.

It is shown that the analysis of the dynamics in the development of the oikonymic system is promising for the reconstruction of ethno-linguistic and historical-cultural processes. It is proved that the appearance in the 17th century on the territory of the ancient Karelian administrative center Olonets of a whole layer of oikonyms with the formant *-la* (Karelian *-l, -lu*) and their entry into the official level of existence was caused by the active migration of settlers from the Ladoga region. It played a decisive role in the formation of the Livvik dialect as part of the Karelian language.

Keywords: oikonymy, anthroponymy, toponymic models, official and unofficial oikonyms, cadastres, Karelian language, Karelia.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2022, vol. 16, issue 4, pp. 567–577. In Russian.

REFERENCES

Afanasjeva A. A. Etapy formirovaniya oikonimicheskoi sistemy Veckelskoi volosti [Stages of formation of the oikonymic system of the Veshkel volost]. In *Filologiceskije issledovanija* [Philological research]. Petrozavodsk: Izdatel'stvo PetrGU. 2020. Vyp. 1. URL: https://academy.petrso.ru/journal/content_list.php?id=12861 (accessed 15.06.2022). (In Russian).

Bubrikh D. V. Proishozhdenie karel'skogo naroda [The origin of the Karelian people]. Petrozavodsk: Gosudarstvennoe izdatel'stvo Karelo-Finskoi SSR, 1947. 52 p. (In Russian).

Kuzmin D. V. Slovar' karel'skoi narodnoi geograficheskoi terminologii [Dictionary of Karelian Folk Geographical Terminology]. Petrozavodsk: Periodika, 2020. 272 p. (In Russian).

Narody Karelii. Istoriko-etnograficheskie ocherki [Peoples of Karelia. Historical and ethnographic essays]. Edit. by I. Yu. Vinokurova. Petrozavodsk: Periodika, 2019. 750 p. (In Russian).

Spiridonov A. M. Zapadnoye Prionezhye: iz «saamskogo zheleznogo veka» v Srednevekovye [Western Prionezhye: from the “Sami Iron Age” to the Middle Ages.] Petrozavodsk: Izdatelstvo PetrGU. 2014. 162 p. URL: http://carelica.petrstu.ru/Reading_hall/SPIRIDONOV/Spiridonov.pdf (accessed 15.06.2022). (In Russian.)

Spisok naseleennyh mest Olonezkoj gubernii posvedeniyam za 1905 god [List of populated places in the Olonets province according to information for 1905]. Petrozavodsk, 1905. (In Russian).

Vitov M. V., Vlasova I. V. *Geografiya selskogo rasseleniya Zapadnogo Pomorya v XVI—XVIII vekakh* [Geography of the rural settlement of Western Pomor coast in XVI - XVIII centuries]. Moskva: Nauka. 1974. 190 p. (In Russian).

Vorobyeva S. V. Derevni Kizhskoy volosti v XVI — nachale XX v. (poarkhivnym istochnikam) [Villages of the Kizhi volost between XVI and early XX centuries (according to archival sources)]. In: *Tserkov' Preobrazheniya Gospodnya na ostrove Kizhi: 300 letna zaonezhskoy zemle: sbornik statey* [The Church of the Transfiguration on Kizhi Island: 300 years on Zaonezhye land: Collection of articles]. Petrozavodsk: Izdatelskiy tsentr muzeya-zapovednika «Kizhi». 2014. P. 229—256. (In Russian).

Mullonen I. I. Toponimicheskie markery evol'uzii poselencheskoi seti d vepsskom Prionezhye [Toponymic markers of the settlement Network Evolution in veps Prionezhye]. In: *Ucenyje zapiski PetrGU*. 2021, 43, № 7. P. 8—18. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.675. (In Russian).

Mullonen I. I., Zhukov A. Yu. Dinamika razvitiya oikonimicheskoi sistemy v severolydikovskom jazykovom areale [Dynamics of development of oikonymic system in northern Lyudik language area]. In: *Nauchnyi Dialog*. 2020; 5: 113—131. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-5-113-131 (In Russian).

Ainiala T., Saarelma M., Sjöblom P. Names in Focus. An Introduction to Finnish Onomastics. *Studia Fennica Linguistica* 17. Helsinki: Finnish Literature Society. 2012. 287 p. DOI: <http://dx.doi.org/10.21435/sflin.17>

Karjalan kielen sanakirja. V. Edit. by R. Koponen. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1997. 634 s. (In Finnish).

Mikkonen P., Paikkala S. Sukunimet. Helsinki: Otava, 1992.

Nissilä V. Suomalaista nimistöntutkimusta. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1962. – 220 s.

Received 24.02.2022

Mullonen Irma Ivanovna,
Doctor of Sciences (Philology), Corresponding member of the Russian Academy of Sciences,
Professor, Chief Research Fellow,
Department of Linguistics
Institute of Language, Literature and History
Karelian Research Centre of the RAS
11, Pushkinskaya Str., Petrozavodsk, 185910, Russia
E-mail: irma.mullonen@hotmail.com

И. И. Русинова, А. С. Лобанова, Е. Л. Федосеева

**КОМИ-ПЕРМЯЦКИЕ ФИТОНИМЫ,
СОДЕРЖАЩИЕ НАЗВАНИЯ ЖИВОТНЫХ**

В статье рассмотрены коми-пермяцкие фитонимы, включающие в свой состав названия животных. Основным источником единиц послужили «Материалы для словаря коми-пермяцких названий растений»¹. Коми-пермяцкий фитонимический материал исследован в структурном и семантико-мотивационном аспектах. В работе описаны структурные типы двух- и трехкомпонентных единиц, основной и определительный компоненты, приведены примеры фитонимов, образованных по соответствующим моделям. Семантико-мотивационный анализ показал, что в целом зоонимы в структуре сложных фитонимов придают названиям растений значения «не настоящий», «несъедобный», «не освоенный человеком, дикий». Некоторые единицы имеют более конкретную мотивацию, которая зависит от названия животного: зоонимы *юсь* ‘лебедь’, *тури* ‘журавль’, *лягуша* указывают на место произрастания, зооним *балямош* ‘шмель’ – на медоносные свойства растения, компоненты *пытти* ‘блоха’, *лудык* ‘клоп’ – на способность сильно пахнущих растений отгонять насекомых. Единицы, образованные путем метафорического переноса, чаще всего образно представляют структурные части растения: особенности стебля (*порськок* ‘репейник, лопух’ – букв. «свиная нога»), форму побега (*кӧктоин* ‘хвощ полевой’ – букв. «кукушкин пест»), листа (*шыртыж* ‘подорожник’ – букв. «мышинная лодка»), соцветия (*кӧчбӧж* ‘горец змеиный’ – букв. «заячий хвост»), цветка (*кӧккоті* ‘венерин башмачок’ – букв. «кукушкины»). Значительный процент коми-пермяцких сложных фитонимов имеет русские по происхождению зоонимические компоненты: *баран*, *ёж*, *курица*, *лягуша* и др. Некоторые единицы являются кальками с русских наименований: *шыранькытти* ‘мышинный горох’ (рус. *мышинный горошек*), *каньлапка*, *канькок* ‘кошачья лапка’ (рус. *кошачья лапка*), *кӧксинва* ‘кукушкина слеза’ (рус. *кукушкины слезки*) и др.

Ключевые слова: коми-пермяцкий язык, лексика флоры, фитоним, компоненты фитонима, зооним, исконная и заимствованная лексика, семантика, структурная модель, признак номинации.

DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-4-578-591

Введение

Степень изученности фитонимии отдельных финно-угорских языков, по мнению И.В. Бродского, неравномерна: наименее изучены в этом отношении прибалтийско-финские языки (вепский, ижорский, водский, ливский, а также карельские наречия), являющиеся либо бесписьменными, либо младописьменными. Лучше всего изучена фитонимия финского, эстонского и коми языков, имеющих давние письменные традиции [Бродский 2006, 7]. И. В. Бродский приводит ряд крупных монографических работ, вышедших на материале этих языков [Suhonen 1936; Vilbaste 1993; Ракин 1981; 1985]. К данному перечню можно добавить монографию Ю. Э. Коппалевой, выполненную на основе лексики ингерманландских говоров финского языка [Коппалева 2007]. Описание ряда исследований, посвященных изучению фитонимов в финно-угорских языках, содержится в статье О. Г. Рубцовой [Рубцова 2013, 79–83].

Лексика флоры коми-пермяцкого языка на сегодняшний день собрана хуже, чем в других финно-пермских языках, если судить по публикациям [Бродский 2015, 75], и не в полной мере отражена словарями. Поэтому одна из актуальных задач – активный сбор лексического материала и его всестороннее описание. В Перми существуют три научных центра, которые занимаются фиксацией и анализом коми-пермяцкого лексического материала. Первый – это возглавляемый А. С. Лобановой Институт исследований языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа, находящийся в структуре Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Второй –

¹ Материалы для словаря коми-пермяцких названий растений [Электронный ресурс]: монография / авт.-сост.: Е. Л. Федосеева, И. И. Русинова, А. С. Лобанова, Ю. А. Шкуратов, А. В. Кротова-Гарина; Пермский государственный национальный исследовательский университет. – Электронные данные. – Пермь, 2021. – 1 Мб; 116 с. – Режим доступа: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/mono/Materialy-dlya-slovyakomi-permyackih-nazvanij-rastenij.pdf>.

Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения РАН, коми-пермяцкую тематику которого ведет Т. Г. Голева. И третий центр – Пермский государственный национальный исследовательский университет, в котором группа под руководством Ю. А. Шкураток на протяжении последних нескольких лет активно записывает в полевых условиях и изучает коми-пермяцкую лексику. Здесь в 2021 году вышли «Материалы для словаря коми-пермяцких названий растений»² (авторы-составители Е. Л. Федосеева, И. И. Русинова, А. С. Лобанова, Ю. А. Шкураток, А. В. Кротова-Гарина), сведения для которых были извлечены из различных опубликованных источников – словарей, диссертаций, монографий, научных статей, художественных произведений, а также в ходе полевого сбора в населенных пунктах Коми-Пермяцкого округа. Материалами настоящего исследования стали данные этого словаря. Некоторые единицы с контекстами употребления авторам статьи любезно предоставила А. В. Кротова-Гарина, несколько фитонимов взято из дипломной работы Н. Г. Останиной³. В статье исследовались как общеупотребительные фитонимы, так и диалектные единицы (с сохранением фонетического облика слова). Для проверки или подтверждения значения некоторых фитонимов мы обращались к двухтомному «Словарю диалектов коми языка» [КСК].

Заметим, что коми-пермяцкая фитонимическая лексика начинает фиксироваться еще в самых ранних рукописных и изданных источниках начиная с XVIII столетия: в рукописном словаре протоиерея Антония Попова 1785 года: *вёлгормегь* дикой перец, *шырånкычь* мышей горохъ [Попов 1785]; в пермяцком словаре Ф. А. Волегова, составленном в 1833 году, который впоследствии был значительно обработан известным финно-угроведом Карой Редей: *бал'а-мош* медуница | P. bal'a-moš Viene, Hummel (?) [Redei 1968, 18] и др. В XIX веке, исследуя язык и фольклор коми-язьвинцев, финский ученый А. Генетц также фиксирует наименования растительности: *kušman* Rettig [Genetz 1897, 11].

Однако, несмотря на наличие материала, коми-пермяцкая лексика флоры до недавнего времени изучалась исследователями не очень активно. Одной из наиболее крупных работ является диссертация Т. Н. Меркушевой «Лексика флоры и фауны южного наречия коми-пермяцкого языка» [Меркушева 2003]. В данном исследовании лексика обозначенных тематических групп рассмотрена в нескольких аспектах: этимологическом, структурно-словообразовательном, лексико-семантическом и ареальном. В книге Е. Н. Федосеевой «Лексика северного наречия коми-пермяцкого языка» проанализированы среди прочих лексических единиц и фитонимы. Например, на отдельной лингвистической карте размещены названия жимолости [Федосеева 2015, 158]. Фитонимам, рассмотренным в культурологическом ключе, посвящены несколько статей А. С. Лобановой [Лобанова 2017, 2018 и др.]. В двух работах исследователей коми-пермяцкой фитонимии изучены этимологии и этнокультурные особенности названий ягод [Гайдамашко 2019, 19–26; Пономарева, Гайдамашко 2021, 228–249]. Можно привести и другую статью Р.В. Гайдамашко, в которой этимологизируются русские фитонимы *пучка* и *умра* и делается вывод об их заимствовании из финно-угорских языков [Гайдамашко 2017, 298–331].

В коми-пермяцком языке существует множество названий растений, которые в качестве компонентов содержат наименования реалий мира природы: *васõчõн* «кувшинка» (где *ва* 'вода', *сõчõн* 'сочень' – букв. «водный сочень»), *ыбкушман* «сурепка» (где *ыб* 'поле', *кушман* 'редька' – букв. «полевая редька»), *нюрмоль* 'клюква' (где *нюр* 'болото', *моль* 'бусинка (пуговка)' – букв. «болотная бусинка (пуговка)») [КПОС 1992, 248, 252, 251], *изтурун* «багульник» (где *из* 'камень', *турун* 'трава' – букв. «каменная трава»). В КПРС присутствует словарная статья со ссылкой на Н. Рогова [КПРС 1985, 154].

Наиболее широко представлены фитонимы, включающие зоонимы – названия животных, птиц, насекомых. У термина «зооним» есть несколько значений: зооним может пониматься как собственное имя животного, т.е. кличка, и зоонимом могут считать нарицательные существительные, обозначающие животное (можно провести параллель с термином фитоним). В данной работе используется термин «зооним» во втором значении.

Цель настоящей статьи – описать первые результаты анализа именно таких единиц в структурном и мотивационном аспектах. В задачи исследования входит определение структурных типов этих двух- или трехкомпонентных наименований, характеристика основного и определительного компо-

² Способы отбора, группировки и лексикографического представления коми-пермяцких фитонимов ранее были описаны в статье И.И. Русиновой и Е. Л. Федосеевой [Русинова, Федосеева 2019: 134–142].

³ Останина Н.Г. Лексико-тематический и структурный анализ фитонимов коми-пермяцкого языка. Дипломная работа. Пермь, 2011.

нентов; а также семантико-мотивационный анализ, позволяющий показать, какие значения придают названиям растений зоонимические компоненты. Работ, посвященных изучению таких названий растений, на материале коми-пермяцкого языка не предпринималось. В этом состоит новизна предпринятого исследования.

Если говорить о других языках, то финские сложные названия растений, включающие в качестве одного из компонентов название животного, исследовал Я. Карху [Karhu 1998]. Несколько статей И. В. Бродского посвящено финно-угорским названиям растений, содержащим названия животных: медведя [Бродский 2007, 85–90], коровы, быка, теленка [Бродский 2012, 206–220], зайца [Бродский 2016, 54–65], свиньи [Бродский 2017, 16–25], овцы [Бродский 2018, 95–100]. В исследовании А. Н. Ракина в аспекте принципов номинации проанализировано большое количество названий трав и ягод в коми языке, имеющих в своем составе зоонимы [Ракин 1977]. Есть его отдельная работа на эту тему [Ракин 2009, 109–120]. Зоонимические компоненты в многосоставных фитонимах удмуртского языка рассмотрены М.Р. Насибуллиной [Насибуллина 2015, 37–59]. Мотивирующие признаки, в соответствии с которыми в создании славянских диалектных фитонимов используются зоонимы, рассмотрены в статье В. Б. Колосовой [Колосова 2014, 77–84].

Статистика

Нами обнаружено 129 лексических единиц, содержащих зоонимы. Самой многочисленной группой являются фитонимы, включающие названия животных (84 лексем). В составе фитонимов могут быть наименования как диких (41), так и домашних (43) животных.

Среди названий диких животных отметим следующие: *ош* ‘медведь’ (16), *кӧч* ‘заяц’ (12), *шыр* ‘мышь’ (5), *лягуша* ‘лягушка’ (3), *кӧин* ‘волк’ (2), *кӧр* ‘олень’ (1), *ур* ‘белка’ (1), *ёж* (1), *змея* (1).

Среди названий домашних животных можно назвать такие: *вӧв/вӧл* ‘лошадь’ (8), *чань* ‘жеребёнок’ (4), *кӧбыла/кӧбыва/кӧбыа* ‘кобыла’ (2), *жеребеч* ‘жеребец’ (1), *пон* ‘собака’ (13), *кань* ‘кошка’ (4), *баля*, *ыж/иж* ‘овца’ (5), *мӧс* ‘корова’ (3), *порсь* ‘свинья’ (2), *баран* (1).

Вторая группа (40 лексем) объединяет фитонимы, содержащие номинации птиц: *кай* ‘птица’ (4), *кӧк*, *кукку* ‘кукушка’ (9), *тури* ‘журавль’ (7), *каташа* ‘сорока’ (4), *сизь* ‘дятел’ (3), *сьӧла/сьӧва* ‘рябчик’ (3), *курӧг*, *курича* ‘курица’ (2), *петук* ‘петух’ (1), *рака* ‘ворона’ (1), *юсь* ‘лебедь’ (1), *тар* ‘терев’ (1), *дзодзог* ‘гусь’ (1), *уту* ‘утка’ (1).

Фитонимы в коми-пермяцком языке могут содержать и названия насекомых (5): *пыти* ‘блоха’ (2), *баламош* ‘шмель’ (1), *лудык/вудык* ‘клоп’ (2).

Как видно из приведенного перечня, значительный процент коми-пермяцких фитонимов имеет русские по происхождению зоонимы в качестве компонентов: *баля*, *баран*, *вӧв/вӧл*, *ёж*, *жеребеч*, *змея*, *кӧбыла/кӧбыва/кӧбыа*, *куку*, *курича*, *лягуша*, *петук*, *уту*. Причина данного явления кроется в давнем соседстве коми-пермяков с русскими.

Двухкомпонентные сложные фитонимы

В этих названиях можно выделить основной и атрибутивный (определяющий) компоненты. В роли основного компонента выступает существительное, входящее в ту или иную тематическую группу, в роли определяющего компонента – существительное, называющее животное, реже – прилагательное, образованное от названия животного.

Все сложные двухкомпонентные наименования растений, включающие зоонимы, можно разделить на несколько структурных групп.

I группа. В первую группу входят фитонимы, включающие зооним и существительное, указывающее на класс объекта номинации (слово *турун* ‘трава’, название конкретного растения) или его часть (слова, называющие стебель, лист, цветок). Здесь выделяется несколько структурных моделей сложных фитонимов.

Так как в анализируемой группе очень много названий травянистых растений, частым компонентом единиц этой группы является существительное *турун* ‘трава’. Первая модель выглядит следующим образом:

1) зооним + существительное *турун* ‘трава’.

Приведем примеры фитонимов, образованных по этой модели:

лудык/турун, *вудык/турун* ‘багульник болотный’, ‘клоповник’, ‘дурман’ – клоп//трава – букв. «клопа трава»;

ёж//турун 'наполовину погруженное в воду растение с узкими острыми длинными листьями; ежеголовник (?), осока (?) – ёж//трава – букв. «ежовая трава»;
 жеребеч//турун 'зверобой' – жеребеч//трава – букв. «жеребья трава»;
 змей//турун 'змеевик' – змей//трава – букв. «змеиная трава»;
 пыш//турун, пытиш//турун 'душица обыкновенная' – блоха//трава – букв. «блошиная трава»;
 чань//турун 'копытень европейский' – жеребенок//трава – букв. «жеребья трава»;
 юсь//турун 'камыш озерный' – лебедь//трава – букв. «лебединая трава».

1а) Вариантом описываемой модели является следующая – **прилагательное, образованное от зоонима, + существительное турун 'трава'**. Именно таким образом возникли фитонимы *вёловдой турун* 'щавель конский' – лошадиный//трава – букв. «лошадиная трава», *петука//турун* 'кипрей узколистный' – петушинный//трава – букв. «петушиная трава»;

2) В данной подгруппе сложных фитонимов выделяются единицы, содержащие **зооним + название части растения**.

В эту подгруппу входят следующие единицы:

лягуша//цвет 'калужница – лягушка//цветок – букв. «лягушечий цветок (цвет)»,
турун//гум 'дягиль, дудник' – журавль//полый стебель – букв. «журавлиный полый стебель»,
шыр//гөридз 'мышинный горошек' – шыр//стебель – букв. «мышинный стебель».

3) Третья структурная модель двухкомпонентных фитонимов включает в свой состав **зооним + фитоним**

Это очень продуктивная модель, в соответствии с ней образуются следующие номинации:

вөв//гормөг, вөл//гормөг 'волчье лыко' – лошадь//перец – букв. «лошадиный перец»,
вөв//йөн 'чертополох' – лошадь//осот – букв. «лошадиный осот»,
көин//сэтөр 'волчьи ягоды' – волк//смородина – букв. «волчья смородина»,
көинь//ягөд 'волчьеягодник обыкновенный' – волк//ягода – букв. «волчья ягода»,
көр//нитш 'белый мох, ягель' – олень//мох – букв. «олений мох»,
катша//льём 'дикая вишня' – сорока//черемуха – букв. «сорочья черемуха»,
көч//адз, көч//азь 'очиток', 'сныть обыкновенная', 'борщевик' – заяц//рыхлая капуста – букв. «заячья капуста»,
көч//пикан 'сныть обыкновенная' – заяц//сныть – букв. «заячья сныть»,
ош//льём 'крушина' – медведь//черемуха – букв. «медвежья черемуха»,
ош//пу 'бузина чёрная' – медведь//дерево – букв. «медвежье дерево»,
ош//рудзөг, ош//руджөг 'пырей' – медведь//рожь – букв. «медвежья рожь»,
ош//сэтөр 'бузина красная' – медведь//смородина – букв. «медвежья смородина»,
ош//ягөд 'волчьеягодник обыкновенный' – медведь//ягода – букв. «медвежья ягода»,
пон//пистик 'луговой хвощ', 'хвощ лесной, луговой, болотный и т.п. в отличие от хвоща полевого' – собака//хвощ – букв. «собачий хвощ»,
пон//пув 'толокнянка' – собака//брусника – букв. «собачья брусника»,
пон//сэтөр 'волчьи ягоды' – собака//смородина – букв. «собачья смородина»,
понь//ягөд 'волчьеягодник обыкновенный' – собака//ягода – букв. «собачья ягода»,
сьөва//малина 'поленика, княженика' – рябчик//малина – букв. «рябчика малина»,
сьөла//ягөд, сьөва//ягөд 'поленика, княженика' – рябчик//ягода – букв. «рябчика ягода»,
турун//пу 'брусника' – журавль//дерево – букв. «журавлиное дерево»,
турун//пув, турун//пул 'клюква – журавль//брусника – букв. «журавлиная брусника».

Выводы: в данную группу входят разные по структуре и семантике фитонимы. Основная часть этих единиц с помощью зоонима, входящего в их состав, выражает идею отнесенности растений к дикой природе, неосвоенности человеком в каких-либо целях, поэтому, с точки зрения человека «ненастоящих», то есть несъедобных. Некоторые единицы указывают на характерные признаки растений, место их произрастания, применение.

II группа. Во вторую группу входят фитонимы, содержащие зооним и существительное, принадлежащее не «растительной» группе.

1) Это может быть единица, включающая **зооним + название части тела животного:**

баля//нянь, баля//няня 'жимолость' – овца//сосок – букв. «овечий сосок»,
вөв//бөж, вөл//бөж 'полынь', 'щавель конский' – лошадь//хвост – букв. «лошадиный хвост»,

кань//вапка, кань//лапка 'кошачья лапка', 'бессмертник' – кошка//лапка, нога – букв. «кошачья лапка (нога)»,
кань//кок 'кошачья лапка', 'змеевик' – кошка//нога – букв. «кошачья нога»,
катиша//син 'ромашка', 'нивяник, поповник', 'ромашка пахучая' – сорока//глаз – букв. «сорочий глаз»,
кõк//борд 'горицвет' – кукушка//крыло – букв. «кукушкино крыло»,
кõч//бõж 'горец змеиный' – заяц//хвост – букв. «заячий хвост»,
мõс//кыв 'щавель курчавый', 'ятрышник' – корова//язык – букв. «коровий язык»,
ош//вап 'лопух' – медведь//лапа – букв. «медвежья лапа»,
пон//кыл 'щавель конский' – собака//язык – букв. «собачий язык»,
порсь//кок 'репейник, лопух' – свинья//нога – букв. «свиная нога»,
рака//син 'вороний глаз обыкновенный' – ворона//глаз – букв. «вороний глаз»,
сизь//юр 'клевер красный', 'клевер луговой' – дятел//голова – букв. «дятла голова»,
ур//бõж 'полынь, 'взрослое растение хвоща полевого', 'лебеда', 'горец полевой' – белка//хвост – букв. «беличий хвост»,
чань//под 'копытень европейский' – жеребенок//нога – букв. «жеребенка нога»,
уту//вап 'растение наподобие гусиных лапок' – утка//лапа – букв. «утиная лапа»;
ыж//ман, иж//ман 'жимолость' – овца//сосок – букв. «овечий сосок».

Ко второй подгруппе относятся также единицы следующей модели

2) зооним + название предмета:

гундорчача, гундõрчача⁴ 'подснежник' – медведь//игрушка – букв. «медвежья игрушка»,
кõч//вонь 'плаун булавовидный' – заяц//подвязка (шерстяной шнур для подвязывания лаптей) – букв. «заячья подвязка, шнур»,
катиша//матег 'мыльнянка лекарственная' – сорока//мыло – букв. «сорочье мыло»,
кõк//коті 'венерин башмачок' – кукушка//башмачок – букв. «кукушкины коты – низкая кожаная обувь»,
кõк//сю 'кукушкин лен' – кукушка//зерно – букв. «кукушкино зерно»,
кõк//тоин 'хвощ полевой' – кукушка//пест – букв. «кукушкин пест»,
кукку//коті 'венерин башмачок' – кукушка//коты – букв. «кукушкины коты – низкая кожаная обувь без каблука»,
кукку//кõмкõт 'папоротник' – кукушка//обувь – букв. «кукушкина обувь»,
лягуша//паськõм 'калужница болотная', 'ряска' – лягушка//одежда – букв. «лягушечья одежда»,
лягуша//чача 'калужница болотная' – лягушка//игрушка – букв. «лягушечья игрушка»,
ош//сьõктан 'папоротник' – медведь//кочедык – букв. «медвежий кочедык»,
ош//табак 'багульник болотный' – медведь//табак – букв. «медвежий табак»,
ош//чача 'пион уклоняющийся', 'пижма обыкновенная' – медведь//игрушка – букв. «медвежья игрушка»,
тури//моль 'клюква – журавль//бусинка – букв. «журавлиная бусинка (пуговица)⁵»,
шыр//пыж 'подорожник' – мышь//лодка – букв. «мышьяная лодка».

Выводы: Зоонимический компонент лексем данной группы выражает разную семантику. Все зоонимы первой подгруппы имеют метафорический характер и чаще всего основаны на сравнении какой-либо части растения с частью тела того или иного животного. В этом случае зооним в составе фитонима не является свободным словом, а входит в состав сложного слова. Зооним в единицах второй подгруппы может указывать на место произрастания (это касается прежде всего растений, предпочитающих сырые места), особенности частей растения, свойства растения. Как и фитонимы первой группы, эти единицы могут выражать общую идею существования растения в дикой природе.

Трехкомпонентные сложные фитонимы

Довольно часто встречаются коми-пермяцкие фитонимы, включающие в свой состав три компонента. Они тоже образуются по разным структурным моделям.

⁴ Лексема *гундыр* в КПРС не зафиксирована, в диалектах коми языка она имеет значение 'дракон, змей' [КСК 1: 379]. Значение 'медведь' слова *гундыр* в пермских языках рассмотрено в [Напольских 2018, 305–319].

⁵ В Коми-пермяцко-русском словаре не фиксируется для *моль* значение 'ягода' [КПРС, 252], хотя в говорах коми такое значение есть [КСК 1, 926].

Довольно часто к сложному фитониму, содержащему название животного, присоединяется слово *турун* 'трава', в результате чего образуется новый фитоним, состоящий уже из трех основ. В данной структурной модели сложным словом является определительный компонент:

1) сложный фитоним, содержащий зооним, + существительное *турун* 'трава'

Приведем примеры таких единиц:

мӧс//кыв 'щавель курчавый', 'ятрышник' > *мӧскыв//турун* 'щавель курчавый', 'ятрышник',
пон//кыл 'щавель конский' > *понкыл//турун* 'растение наподобие щавеля конского',
порсь//кок 'репейник, лопух' > *порськок//турун* 'репейник, лопух',
сизь//юр 'клевер красный', 'клевер луговой' > *сизьюр//турун* 'клевер',
чань//под 'копытень европейский' > *чаньпод//турун* 'копытень'.

По этой же модели образован фитоним *пон//таг//турун* 'княжник сибирский, дикий хмель' – букв. «собачьего хмеля трава». Только в этом случае не был зафиксирован двухкомпонентный фитоним *понтаг* «собачий хмель».

Бывают случаи, когда сложное слово является двухкомпонентным зоонимом, и тогда модель выглядит следующим образом:

2) сложный зооним + существительное *турун* 'трава'

Именно таким образом складывается фитоним *балямоштурун*, в котором зооним *баля//мош* включает два компонента: *баля* 'овца' и *мош* 'пчела' и приобретает значение 'шмель' или, по данным «Коми-пермяцко-русского словаря», – 'пчела' [КПРС, 25]:

балямош//турун 'медуница', 'клевер красный' – шмель//трава – букв. «шмелиная трава».

3) Сложное слово, содержащее зооним, + существительное *турун* 'трава'

В эту группу можно включить фитоним *дзодзог//сит//турун* 'кровохлебка лекарственная', компоненты которого имеют следующие значения: *гусь//помет//трава* – буквально «гусяного помёта трава». Тёмно-красные соцветия этого растения собраны в овальные головки, которые могут вызвать ассоциации с гусяным пометом.

По этой же модели образован и фитоним *вӧр//турун//турун* 'герань луговая' – *лес//журавль//трава* – букв. «лесного журавля трава».

4) Сложное слово, содержащее зооним, + название части растения

Сюда можно отнести фитоним *баран//сюр//лист* 'щавель конский' – *баран//рог//лист* – букв. «бараньего рога лист». Листья данного растения могут ассоциироваться с разными частями тела животных: с рогами барана, как в приведенном примере, с языком барана, как в фитониме *пон//кыл* 'щавель конский' – букв. «собачий язык».

Иногда сложным словом является основной компонент, тогда структурная модель приобретает следующий вид:

5) зооним + сложный фитоним

Большое количество таких единиц обозначает разные виды щавеля. Щавель чаще всего называют фитонимы *шӧмкор* и *тиӧтишкӧр*.

Номинация *шӧм//кор* состоит из компонентов *шӧм* 'кислый' и *кор* 'ботва' – букв. «кислая ботва»). Фитоним *тиӧтишкӧр* включает компоненты *кӧр* «вкус» и *тиӧтиш*, «растительное» значение которого отсутствует в «Коми-пермяцко-русском словаре» [КРПС: 498]. Т.Н. Меркушева считает, что это «вид лекарственного растения» [Меркушева 2003: 53].

В составе трехосновных фитонимов *шӧмкор* и *тиӧтишкӧр* выступают как основные компоненты, а названия животных – как определительные:

баля//шӧмкор 'щавель конский' – *овца//щавель* – букв. «овечий щавель»,
вӧл//шӧмкор 'щавель конский' – *лошадь//щавель* – букв. «лошадиный щавель»,
кай//шӧмкор 'кислица', 'лебеда', 'щавель воробьиный' – *птица//щавель* – букв. «птичий щавель»,
кӧч//шӧмкор 'кислица' – *заяц//щавель* – букв. «заячий щавель»; *пон//шӧмкор* 'щавель конский' – *собака//щавель* – букв. «собачий щавель»,
сьӧла//шӧмкор 'кислица' – *рябчик//щавель* – букв. «рябчика щавель»,
вӧв//тиӧтишкӧр 'кислица' – *лошадь//щавель* – букв. «лошадиный щавель»,
кай//тиӧтишкӧр 'кислица', 'лебеда', 'щавель воробьиный' – *птица//щавель* – букв. «птичий щавель»,
кӧч//тиӧтишкӧр 'кислица' – *заяц//щавель* – букв. «заячий щавель».

Есть и другие сложные фитонимы этой группы, включающие в свой состав три компонента: *кõч//виртурун* ‘чистотел’, ‘дымянка лекарственная’ – заяц// чистотел – букв. «заячий чистотел» (фитоним *виртурун* содержит компоненты *вир* ‘кровь’ и *турун* ‘трава’ – букв. «кروавая трава»), *ош//сьõктантурун* ‘папоротник’ – медведь//папоротник – букв. «медвежий папоротник» (фитоним *сьõктантурун* состоит из компонентов *сьõктан* ‘кочедык’ и *турун* ‘трава’ – букв. «кочедыка трава» (растение, часть которого похожа на кочедык, – приспособление для плетения лаптей)), *ош//лапкор* ‘мать-и-мачеха обыкновенная’ – медведь//мать-и-мачеха – букв. «медвежья мать-и-мачеха» (фитоним *лапкор* имеет компоненты *лап* ‘лапа’ и *кор* ‘ботва’ – букв. «лапы ботва» (лист в виде лапы)).

Выводы: Название животного в единицах данной группы может формировать сложный фитоним или сложный зооним, создавать сложное слово, присоединяться к сложному фитониму. Присоединение зоонима к двухкомпонентному фитониму чаще всего обеспечивает идею «ненастоящий», «несъедобный». Ряд единиц имеет метафорический характер, зоонимы в таких единицах имеют связанный характер, они являются определительным компонентом сложной единицы, т.е. выражают то или иное значение только совместно с основным словом.

Признаки номинации коми-пермяцких фитонимов, включающих зоонимы

В современной научной литературе, посвященной лексике флоры, отмечаются в том числе и признаки, лежащие в основе наименования растений. Для славянских названий растений В.Б. Колосова отмечает следующие признаки: цвет, размер, форма, свойства поверхности, другие внешние признаки, количество, поведение, время, пространство, вкус, запах, звук, ядовитость, жгучесть, медицинское применение, магия, использование в быту [Колосова 2009, 10–62].

П. Сухонен называет следующие основные признаки, лежащие в основе финских народных названий растений: особенности произрастания, цветения, форма листьев, цветков, цвет, запах, использование в пищу, в лекарственных и других целях [Suhonen 1936, 5]. Многие из таких признаков являются общими для разных языков [Коппалева 2007, 53]. Поскольку в данном исследовании рассматриваются не все коми-пермяцкие названия растений, а только фитонимы, в состав которых входят названия животных, постольку в анализируемых названиях будут отражены не все признаки номинации, отмеченные лингвистами.

Выделим признаки номинации исследуемых коми-пермяцких фитонимов.

1) Номинация по месту произрастания

В эту группу входят фитонимы, обозначающие, как правило, растения, обитающие на сырых местах, вблизи водоемов. Место произрастания растения в таких фитонимах указано не прямо, как это бывает в других номинациях (как правило, такие единицы содержат слова *вода*, *лес*, *камень* и другие: *вапистик* ‘хвощ озерный’ – букв. «водяной хвощ», *вачача* ‘водяная лилия’, ‘кубышка желтая’ – букв. «водяная игрушка» [Материалы 2021, 41], *вымдорчача* ‘ветреница лесная’ – букв. «цветок, растущий возле снега», *прудтурун* ‘рогоз’ – букв. «пруд-трава» [Меркушева 2003б, 12]), а опосредованно – через указание на животное, обитающее в сырых местах или около рек, озер. То есть в этом случае место обитания растения и животного совпадают. В составе таких фитонимов обнаруживаются зоонимы *юсь* ‘лебедь’, *тури* ‘журавль’, *лягуша*: *юсь//турун* ‘камыш озерный’ – букв. «лебединая трава»; *тури//пу* ‘брусника’ – букв. «журавлиное дерево»; *тури//пув*, *тури//пул* ‘клюква – букв. «журавлиная брусника»; *лягуша//паськõм* ‘калужница болотная’, ‘ряска’ – букв. «лягушечья одежда».

2) Номинация по особенностям морфологического строения растения

Чаще всего этот признак выражают фитонимы, образованные путем метафорического переноса. В основе номинации таких единиц лежит сравнение какой-либо части растения (листа, соцветия, стебля и т.п.) с частью животного по форме или другому признаку. В этом случае название растения мотивировано не зоонимом, а словосочетанием, содержащим зооним.

Особенности стебля отражают следующие единицы. Например, фитоним *кõч//вонь* ‘плаун булавовидный’ – букв. «заячья подвязка (шерстяной шнур для подвязывания лаптей)» обозначает растение, которое имеет длинный ползучий стебель. Слово *тури//гум* ‘дягиль, дудник’ – букв. «журавлиный полный стебель» называет растение по его характерному признаку – прямостоящему стеблю дудке. Фитоним *порсь//кок* ‘репейник, лопух’ – букв. «свиная нога» выражает идею твердости стебля взрослого растения. **Форма листьев** находит отражение в наименованиях следующих растений, содержащих зоонимы: *шыр//пыж* ‘подорожник’ – букв. «мышьяная лодка», *кõк//борд* ‘горичвет’ – букв.

«кукушкино крыло», *мӧс//кыв* ‘щавель курчавый’, ‘ятрышник’ – букв. «коровий язык», *пон//кыл* ‘щавель конский’ – букв. «собачий язык», *чань//под* ‘копытень европейский’ – букв. «жеребьячья нога», *чань//кок//турун* – «жеребьячьей ноги трава». Целый ряд единиц образно отражает **форму соцветия**: *кӧч//бӧж* ‘горец змеиный’ – заяц//хвост – букв. «заячий хвост», *ур//бӧж* ‘полынь’, ‘взрослое растение хвоща полевого’, ‘лебеда’, ‘горец полевой’ – букв. «беличий хвост», *вӧв//бӧж*, *вӧл//бӧж* ‘полынь’, ‘щавель конский’ – букв. «лошадиный хвост», *кань//вапка*, *кань//лапка*, *кань//кок* ‘кошачья лапка’, ‘бессмертник’ – букв. «кошачья лапка (нога)», *дзодзог//сӧм//турун* ‘кровохлебка лекарственная’ – буквально «гусяного помёта трава». Указание **на форму цветка** содержит название *кӧк//котӧ* ‘венерин башмачок’ – букв. «кукушкин коты – низкая кожаная обувь без каблука», **форма побега** нашла отражение в фитониме *кӧк//тоин* ‘хвощ полевой’ – букв. «кукушкин пест».

3) Номинация по размеру растения

Размер растения тоже может быть выражен через наличие в составе фитонима названия животного. Названия мелких животных указывают на небольшой размер растения, названия крупных животных – на большой. В коми-пермяцком языке, например, конский щавель или растения с крупными листьями обозначаются сложными фитонимами, содержащими название крупных животных (*вӧв*, *вӧл* ‘лошадь’ – *вӧл//шӧмкор* ‘щавель конский’, *ош* ‘медведь’ – *ош//сьӧктантурун* ‘папоротник’, *ош//ван* ‘лопух’, *ош//лапкор* ‘мать-и-мачеха обыкновенная’, *вӧв//йӧн* ‘чертополох’ – букв. «лошадиный осот»), небольшие растения типа мышиного горошка или кислицы обозначаются единицами, содержащими название мелких животных (*шыр* ‘мышь’ – *шыр//гӧридз* ‘мышинный горошек’ или птиц (*сьӧла* ‘рябчик’ – *сьӧла//шӧмкор* ‘кислица’). К таким же выводам приходят и исследователи русской фитонимической лексики (ср. высказывание С. Ю. Дубровиной о «мышинных», с одной стороны, и «коровых», «медвежьих» растениях – с другой [Дубровина 1991, 13.]).

4) Номинация по запаху растения

Данный признак тоже выражается опосредованно: на него указывают либо лексемы, обозначающие насекомых, которых способен отгонять запах растения: *лудык//турун*, *вудык//турун* ‘багульник болотный’, ‘клоповник’, ‘дурман’ – букв. «клопа трава»; *пыш//турун*, *пытш//турун* ‘душица обыкновенная’ – букв. «блошинная трава»; либо словосочетание, имеющее в ставе зооним. В этом случае носителем признака становится существительное, обозначающее пахучее растение (или продукт его переработки): *ош//табак* ‘багульник болотный’ – букв. «медвежий табак». Зооним в данном случае имеет значение «ненастоящий».

5) Номинация по признаку несъедобности, ядовитости растения

Как правило, несъедобные или ядовитые растения в коми-пермяцком языке получают названия, образованные от зоонимов, обозначающих опасных животных. Особую роль при этом играют зоонимы, называющие хищных диких животных медведя (*ош*), волка (*кӧин*), а также собаку (*пон*): *ошсӧтӧр* ‘бузина красная’ – букв. «медвежья смородина», *кӧинсӧтӧр* ‘волчья ягода’ – букв. «волчья смородина», *понпув* ‘толокнянка’ – букв. «собачья брусника». Причем, сравнивая коми-пермяцкие и русские фитонимы, обозначающие одно и то же растение, в некоторых коми-пермяцких единицах мы находим «медведя» и «собаку» на месте русского «волка»: *ошьягӧд* ‘волчягодник обыкновенный’ – букв. «медвежья ягода», *понсӧтӧр* ‘волчья ягода’ – букв. «собачья смородина», *поньягӧд* ‘волчягодник обыкновенный’ – букв. «собачья ягода».

Пригодность растения в пищу в сложных коми-пермяцких фитонимах иногда подчеркивается путем включения в состав единицы слова *морт* ‘человек’: *мортпикан* ‘снять обыкновенная’ – букв. «человеческая снять», *мортпистик* ‘хвощ полевой’ – букв. «человеческий хвощ». Оба эти растения собирают весной и готовят из них разные блюда [Меркушева 2003: 74, 79]. При этом существуют фитонимы *кӧчпистик*, *понпистик*, обозначающие хвощ лесной, луговой, болотный и т.п. в отличие от хвоща полевого, то есть несъедобные виды хвоща. Таким образом, путем противопоставления «человеческих» и «звериных» фитонимов происходит реализация признака съедобности или несъедобности растения.

Существуют такие дикорастущие растения, пищевая ценность которых невелика. Они используются в качестве еды главным образом детьми, или и взрослым населением во время войны, голода, неурожаев и т.д. [Меркулова 1967, 22–23]. К таким растениям относятся в том числе кислица, некоторые виды щавеля, лебеда, названия которых в коми-пермяцком языке получают зоонимический компонент: *кӧч//шӧмкор* ‘кислица’ – букв. «заячий щавель», *кӧч//тшӧтшкӧр* ‘кислица’ – букв. «заячий щавель»; *кай//шӧмкор* ‘кислица’, ‘лебеда’, ‘щавель воробьиный’ – букв. «птичий щавель»,

кай//тиёттикөр ‘кислица’, ‘лебеда’, ‘щавель воробьиный’ – букв. «птичий щавель», *сьола//шёмкор* ‘кислица’ – букв. «крябчика щавель».

б) Номинация по признаку «дикий», «не освоенный человеком»

«Даже такие растения, которые не являются ядовитыми для человека, получают “звериные” имена, поскольку растут в неосвоенном, диком пространстве, противопоставленном культурному, человеческому» [Колосова 2014, 81–82]. Эти слова исследователя, высказанные применительно к славянским фитонимам, справедливы и по отношению к коми-пермяцкой флористической лексике. Чаще всего это неметафорические единицы, образованные путем присоединения зоонима к словам, называющим растение: *ош//табак* ‘багульник болотный’ – букв. «медвежий табак», *ош//чача* ‘пион уклоняющийся’, ‘пижма обыкновенная’ – букв. «медвежья игрушка», *коч//виртурун* ‘чистотел’, ‘дымянка лекарственная’ – букв. «заячий чистотел» и др.

Выводы

1. «Особенностью народной фитонимической номенклатуры является то, что для одного и того же растения существует много местных наименований. Это относится в первую очередь к тем растениям, которые не имеют большого хозяйственного значения в жизни людей. Наибольшая вариативность ... характерна для дикорастущих травянистых растений» [Коппалева 2007, 147]. Автор процитированного исследования говорит о том, что такая синонимия характеризует и сложные финские фитонимы, содержащие названия разных животных, но обозначающих одно растение: *variksenvarpaat*, букв. вороньи когти, *harakanvarpaat*, букв. сорочьи когти, и *jäniksenvarpaat*, букв. заячьи когти, – ‘плаун булавовидный’ [Там же, 136].

Подобная ситуация наблюдается и в коми-пермяцких фитонимах: названия разных животных в составе единицы могут варьироваться и выступать как синонимические: *коч//шёмкор*, *кай//шёмкор*, *сьола//шёмкор* ‘кислица’; *мёс//кыв*, *пон//кыл* ‘щавель курчавый’, ‘щавель конский’. Этот вывод подтверждается и результатами исследования, проведенного на материале других финно-пермских языков И. В. Бродским, который, анализируя номинации зверобоя, пишет, что «включение названий животных в состав фитонима достаточно произвольно – подобное явление широко распространено в финно-угорской фитонимии» [Бродский 2015, 90].

Зооним в составе фитонима демонстрирует в данном случае не символическое осмысление животного, а образное отражение в языке объективных признаков растения, одинаковые части которого могут ассоциироваться у носителей языка с разными животными или – чаще – их частями тела (в случае метафорических названий), или общие значения ‘дикий’, ‘ненастоящий’, ‘несъедобный’.

2. Эталонными дикими животными для коми-пермяков, по данным фитонимии, являются *ош* ‘медведь’ в группе хищников и *коч* ‘заяц’ в группе травоядных. Если учитывать не только лексему *ош*, но и *гундыр* (*гундөр*), входящую в фитоним *гундорчача*, *гундөрчача* ‘подснежник’ и тоже обозначающую медведя, то «медвежьих» фитонимов будет еще больше. Именно фитонимы с их участием лидируют в количественном отношении (16, 12 соответственно). Интересно, что в том материале, который зафиксирован и собран на сегодняшний день (мы брали не всю лексику флоры, а только названия растений, миконимы не были предметом нашего анализа), очень мало «волчьих» (2), «беличьих» (1) и совсем нет «лисьих» названий, хотя именно волк, медведь, лиса и белка относятся к числу самых распространенных и известных лесных животных.

3. Сложные фитонимы, включающие в свой состав зоонимы, бывают двух- и трехосновными и делятся на структурные типы в зависимости от основного и определительного компонентов.

4. Фитонимы метафорического типа образно отражают в языке чаще всего объективные признаки растения: особенности стебля, соцветия, цветка, побега, форму листьев.

5. Давнее соседство коми-пермяков с русскими привело к тому, что значительный процент коми-пермяцких фитонимов составляют русские по происхождению, или имеющие русские зоонимы в качестве компонентов. В случае с нашим материалом это *баля* ‘овца’, *баран*, *вёв/вёл* ‘лошадь, конь’, *ёж*, *жеребеч* ‘жеребец’, *змея*, *кобыла/кобыла/кобыла*, *куку* ‘кукушка’, *курича* ‘курица’, *лягуша* ‘лягушка’, *петук* ‘петух’, *уту* ‘утка’. Можно говорить и о том, что большое число единиц является кальками с русских наименований: *шыранькытш* ‘мышиный горох’ и рус. *мышиный горошек*, *каньлапка*, *каньвапка*, *канькок*, ‘кошачья лапка’ и рус. *кошачья лапка*, *кёксинва* ‘кукушкина слеза’ и рус. *кукушкины слезки*; *кёинъягёд* ‘волчегодник обыкновенный’ и русское *волчьи ягоды*, *кёккоті* ‘венерин башмачок’ – букв. «кукушкины коты – низкая кожаная обувь без каблука» и рус. *венерин башмачок*.

БЛАГОДАРНОСТИ

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ и Правительства Пермского края «Лексическое пространство коми-пермяцкого языка», проект № 20-412-590005 (руководитель Ю. А. Шкураток).

ЛИТЕРАТУРА

- Бродский И. В.* Названия растений в финно-угорских языках: На материале прибалтийско-финских и коми языков: дис. канд. филол. наук. СПб, 2006. 311 с.
- Бродский И. В.* «Медвежьи фитонимы» в финно-угорских языках // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). СПб., Ин-т лингв. исслед. РАН, 2007. С. 85–90.
- Бродский И. В.* Зоосемизмы – названия коровы, быка, теленка в составе финно-пермских фитонимов // Севернорусские говоры. №12, 2012. С. 206–220.
- Бродский И. В.* Финно-пермские фитонимические портреты. 1. Зверобой (*Hypericum*) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб: Нестор-История, 2015. С. 73–92.
- Бродский И. В.* Финно-угорские названия растений, содержащие зоосемизмы со значением ‘заяц’ (на материале финно-пермских языков) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб: Нестор-История, 2016. С. 54–65.
- Бродский И. В.* Зоосемизмы со значением ‘свинья’ в составе финно-угорских названий растений (на материале финно-пермских языков) // Вестник финно-угроведения. № 1 (28), 2017. С. 16–25.
- Бродский И. В.* Финно-угорские названия растений, содержащие зоосемизмы со значением ‘овца’ (на лексическом материале финно-пермских языков) // *Oriental Studies*. 2018. Том 37. N 3. С. 95–100.
- Гайдамашко Р. В.* К этимологии и лингвогеографии названий зонтичных растений в русских говорах Прикамья: пучка, умра // *ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA*. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. XIII. Ч. 2. Этноботаника 2: растения в языке и культуре / Сост. В. Б. Колосова. СПб.: Изд-во «Наука», 2017. С. 298–331.
- Гайдамашко Р. В.* Материалы к этимологии коми-пермяцкого слова «бичуль» ‘клубника’ // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2019. Т. 11. No 3. С. 19–26.
- Дубровина С. Ю.* Русская ботаническая терминология в этнолингвистическом освещении (на материале названий растений, образованных от названий животных и птиц): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1991. 21 с.
- Колосова В. Б.* Лексика и символика славянской народной ботаники. Этнолингвистический аспект. М.: Индрик, 2009. 352 с.
- Колосова В. Б.* Мотивации славянских названий растений, образованных от зоонимов // Традиционная культура. 2014. № 3. С. 77–84.
- Коппалева Ю. Э.* Финская народная лексика флоры (становление и функционирование). Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2007. 287 с.
- КПОС – Коми-пермяцкой орфографической словарь / состав. Р. М. Баталова, А. С. Кривощёкова-Гантман. Кудымкар, 1992. 279 с.
- КПРС – Коми-пермяцко-русский словарь / авторы-сост.: Р. М. Баталова, А. С. Кривощёкова-Гантман. М.: Рус. яз., 1985. 620 с.
- КСК – Безносикова Л. М., Айбабина Е. А., Забоева Н. К., Коснырева Р. И. Коми сёрнисикас кывчукёр. Словарь диалектов коми языка: в 2-х томах / Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук; под ред. Л.М. Безносиковой. Сыктывкар: ООО «Издательство «Кола», 2012. Т. I.: А–О. – 1096 с. Т. II.: Ё–Я. – 888 с.
- Лобанова А. С.* О культурной коннотации коми-пермяцких фитонимов пикан «снить», пистик «хвощ полевой», горадзуль «купальница» // Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи: материалы V Всерос. науч. конф. (г. Пермь, 10 апреля 2017 г.) / отв. ред. И.И. Русинова; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2017. С. 240–249.
- Лобанова А. С.* Этноконнотированная лексика коми-пермяцкого языка (на материале наименований флоры) // Языковые контакты народов Поволжья и Урала. Сборник статей XI Международного симпозиума. Отв. ред. А.М. Иванова, Э.В. Фомин. Чебоксары, 2018. С. 124–127.
- Материалы 2021 – Материалы для словаря коми-пермяцких названий растений [Электронный ресурс]: монография / авт.-сост.: Е. Л. Федосеева, И. И. Русинова, А. С. Лобанова, Ю. А. Шкураток, А. В. Кротова-Гарина; Пермский государственный национальный исследовательский университет. Электронные данные. Пермь, 2021. 116 с. URL: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/mono/Materialy-dlya-slovaryakomi-permyackih-nazvanij-rastenij.pdf>. (дата обращения: 12.03.2021).

- Меркулова В. А. Очерки по русской народной номенклатуре растений (Травы. Ягоды. Грибы). М.: Наука. 1967. 160 с.
- Меркушева Т. Н. Лексика флоры и фауны южного наречия коми-пермяцкого языка: дис. ... канд. филол. наук. Сыктывкар, 2003а. 230 с.
- Напольских В. В. Кентавр ~ гандхарва ~ дракон ~ медведь: к эволюции одного мифологического образа в Северной Евразии // Очерки по этнической истории. Казань: «Издательский дом «Казанская недвижимость», 2018. С. 305–319.
- Насибуллина М. Р. Зоонимические компоненты в многосоставных фитонимах удмуртского языка // Ежегодник финно-угорских исследований. 2015. Т. 9, № 3. С. 37–59.
- Пономарева Л. Г., Гайдамашко Р. В. Названия ягод в коми-пермяцком языке конца XVIII в. (на материале рукописей Антония Попова) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2021. Т. 15, вып. 2. С. 228–249.
- Попов А. Краткой пермской словарь с российскимъ переводомъ собранный и по Алфавиту расположенный города Перми Петро-Павловского Собора Протоіереємъ Антоніємъ Поповымъ 1785 года // Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. Эрмитажное собрание № 206. 81 л.
- Ракин А. Н. Основные принципы номинации трав и ягод в коми языке и народная этимология. Серия препринтов «Научные доклады» Коми филиала АН СССР, вып. 32. Сыктывкар, 1977.
- Ракин А. Н. Коми кывлӧн ботанической терминология. Пермь–Сыктывкар, 1981.
- Ракин А. Н. Лексика низшей флоры пермских языков. Сыктывкар, Коми филиал АН СССР, 1985.
- Ракин А. Н. Зоонимический компонент в системе названий растений коми языка // Исследования по пермским языкам. Сыктывкар: Изд-во «Кола», 2009. С. 109–120.
- Рубцова О. Г. Из истории изучения фитонимов в финно-угорском языкознании // Вестник Марийского государственного университета. 2013. № 12. С. 79–83.
- Русинова И. И., Федосеева Е. Л. Коми-пермяцко-русский словарь названий растений // Филология в XXI веке. Вып. 1(3). 2019. С. 134–142.
- Федосеева Е. Н. Лексика северного наречия коми-пермяцкого языка. – Сыктывкар, 2015. 196 с.
- Genetz A. Ost-permische Sprachstudien. Helsingfors: Die finnische Literatur-Gesellschaft, 1897. 57 s.
- Karhu – Karhu J. Eläinaiheiset luonnonkasvien nimet kansankielessä // Vir. 1998. S. 184–201.
- Suhonen P. Suomalaiset kasvinnimet // Vanamon Kasvitieteellisiä Julkaisuja 7. N I. Helsinki, 1936.
- Vilbaste G. Eesti taimenimetused. Tallinn, 1993. 708 lk. (Emakeele Sesti Toimetised. №20 (67)).
- Redei K. Permjakisches Wörterverzeichnis aus dem Jahre 1833 auf Grund der Aufzeichnungen F.A. Wolegows von Karoly Redei. Budapest. 1968. 139 s.

Поступила в редакцию 15.08.2022

Русинова Ирина Ивановна,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания
Пермского государственного национального исследовательского университета
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15
e-mail: irusinova@mail.ru

Лобанова Алевтина Степановна,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры общего языкознания,
русского и коми-пермяцкого языков и методики преподавания языков
Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета
614990, Россия, г. Пермь, ул. Сибирская, 24
e-mail: lobanova@pspu.ru

Федосеева Екатерина Леонидовна,
старший преподаватель кафедры теоретического и прикладного языкознания
Пермского государственного национального исследовательского университета
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15
e-mail: ekl-fedoseeva@yandex.ru

I.I. Rusinova, A.S. Lobanova, E.L. Fedoseeva

KOMI-PERM PHYTONYMS CONTAINING ANIMAL NAMES

DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-4-578-591

The article considers the Komi-Perm names of plants which include animal names in their composition. The main source of units for analysis was "Materials for the Dictionary of Komi-Perm Plant Names". The Komi-Perm phytonymic material is analyzed in structural and semantic-motivational aspects. The paper considers the structural types of two- and three-component units, describes the main and determinative components, gives examples of phytonyms formed according to the corresponding models. Semantic and motivational analysis has shown that, in general, zoonyms in the structure of complex phytonyms give the names of plants the meaning "not real", "inedible", "not domesticated, wild".

Some units have a more specific motivation that depends on the animal name: zoonyms yus' 'swan', turi 'crane', lyagusha 'frog' reflect the place of growth, the zoonym balyamosh 'bumblebee' – honey-like properties of plants, components pytsh 'flea', ludyk 'bug' – the ability of plants with strong smell to drive away insects. Units formed by metaphorical transfer most often represent the structural parts of the plant: features of the stem (porskok 'burdock' - literal 'pig's leg'), a form of the shoot (köktoin 'field horsetail' - literal 'cuckoo's pestle'), the leaf (shyrpyzh 'plantain' - literal 'mouse boat'), the inflorescence (köchbözh 'snake root' - literal 'hare's tail'), the flower (kökkoti 'Venus's slipper' - literal 'cuckoo's shoe').

A significant percentage of Komi-Perm complex phytonyms have originally Russian zoonymic components: baran, ezh, kuricha, lyagusha etc. Some of them are linguistic calques of the names of Russian units: shyrankytsh 'mouse peas' (tufted vetch), kanlapka, kankök 'cat's paw' (cat's foot), köxinva 'cuckoo tears' (haircap moss), etc.

Keywords: Komi-Perm language, flora vocabulary, phytonym, phytonym's components, zoonym, original and loan vocabulary, semantics, structural model, nomination feature.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2022, vol. 16, issue 4, pp. 578–591. In Russian.

REFERENCES

Brodskiĭ I. V. *Nazvaniya rastenii v finno-ugorskikh yazykakh: Na materiale pribaltiĭsko-finskiĭ i komi jazykov: Dis. kand. filol. nauk.* [Plant names in Finno-Ugric languages: on the material of the Baltic-Finnish and Komi languages]. Saint-Petersburg, 2006. 311 p. In Russian.

Brodskiĭ I. V. «Medvezh'i fitonimy» v finno-ugorskikh jazykah [Bear phytonyms in Finno-Ugric languages] *Leksicheskiĭ atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 2007* [Lexical atlas of Russian folk dialects (Materials and research) 2007] Saint-Petersburg, 2007. Pp. 85–90. In Russian.

Brodskiĭ I. V. *Zoosemizmy – nazvaniya korovy, byka, telenka v sostave finno-permskikh fitonimov* [Zoosemisms – names of a cow, bull, calf as part of Finno-Permian phytonyms] *Severnorrusskie govory* [Northern Russian dialects], 2012, no.12. Pp. 206–220. In Russian.

Brodskiĭ I. V. *Finno-permskie fitonimicheskie portrety. 1. Zverboj (Hypericum)* [Finno-Permian phytonymic portraits. 1. Hypericum] *Leksicheskiĭ atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 2015* [Lexical atlas of Russian folk dialects (Materials and research) 2015] Saint-Petersburg, 2015. Pp. 73–92. In Russian.

Brodskiĭ I. V. *Finno-ugorskie nazvaniya rastenij, sodержashhie zoosemizmy so znacheniem 'zajac' (na materiale finno-permskikh jazykov)* [Finno-Ugric plant names containing zoosemisms with the meaning 'hare' (on the material of the Finno-Permian languages)] *Leksicheskiĭ atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 2016* [Lexical atlas of Russian folk dialects (Materials and research) 2016] Saint-Petersburg, 2016. Pp. 54–65. In Russian.

Brodskiĭ I. V. *Zoosemizmy so znacheniem 'svin'ja' v sostave finno-ugorskikh nazvanij rastenij (na materiale finno-permskikh jazykov)* [Zoosemisms with the meaning 'pig' in the composition of Finno-Ugric plant names (on the material of the Finno-Permian languages)] *Vestnik finno-ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2017, no 1 (28). Pp. 16–25. In Russian.

Brodskiĭ I. V. *Finno-ugorskie nazvaniya rastenij, sodержashhie zoosemizmy so znacheniem 'ovca' (na leksicheskom materiale finno-permskikh jazykov)* [Finno-Ugric plant names containing zoosemisms with the meaning 'sheep' (a case study of Finno-Permian lexical materials)] *Oriental Studies*, 2018, Tom 37, no 3. Pp. 95–100. In Russian.

Fedoseeva E. N. *Leksika severnogo narechija komi-permjackogo jazyka.* [Vocabulary of the northern dialect of the Komi-Perm language]. Syktyvkar, 2015. 196 p. In Russian.

Gaidamashko R. V. *K etimologii i lingvogeografii nazvanij zontichnykh rastenij v russkikh govorakh Priam'ya: puchka, umra* [On the etymology and linguo-geography of the names of umbrella plants in the Russian dialects of the Kama region: puchka, umra]. *ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Trudy Instituta*

lingvističeskikh issledovanij RAN. T. XIII. CH. 2. *Etnobotanika 2: Rasteniya v yazyke i kul'ture* [ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Proceedings of the Institute for Linguistic Research RAS. T. XIII. Part 2. Ethnobotany 2: Plants in language and culture]. Saint-Petersburg: Nauka, 2017. Pp. 298–331. In Russian.

Genetz A. *Ost-permische Sprachstudien. Helsingfors: Die finnische Literatur-Gesellschaft, 1897. 57 p.* In German.

Gaidamashko R. V. *Materialy k etimologii komi-permyatskogo slova «bichul'» 'klubnika'* [Materials to etymology of the Komi-Permyak word «bichul'» ('strawberry')]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2019, vol. 11, issue 3. Pp. 19–26. In Russian.

Dubrovina S. Ju. *Russkaja botanicheseskaja terminologija v jetnolingvističeskom osvешhenii (na materiale nazvanij rastenij, obrazovannyh ot nazvanij zhivotnyh i ptic): Avtoref. dis. kand. filol. nauk.* [Russian botanical terminology in ethnolinguistic coverage (on the material of plant names formed from the names of animals and birds)]. Moscow, 1991. 21 p. In Russian.

Karhu J. *Eläinaiheiset luonnonkasvien nimet kansankielessä* [Animal-themed names of wild plants in vernacular] *Virittäjä* 2, 1998. Pp. 184–201. In Finnish.

Kolosova V. B. *Leksika i simbolika slavjanskoj narodnoj botaniki. Jetnolingvističeskij aspekt* [Vocabulary and symbolism of Slavic folk botany. Ethnolinguistic aspect]. Moscow, Indrik, 2009. 352 p. In Russian.

Kolosova V. B. *Motivacii slavjanskih nazvanij rastenij, obrazovannyh ot zoonimov* [Motivations of Slavic plant names derived from zoonyms] *Tradicionnaja kul'tura* [Traditional culture], 2014, no 3, pp. 77–84. In Russian.

Koppaleva Ju. Je. *Finskaja narodnaja leksika flory (stanovlenie i funkcionirovanie)* [Finnish folk vocabulary of flora (formation and functioning)] Petrozavodsk, Karel'skij nauchnyj centr RAN, 2007. 287 p. In Russian.

KPOS – Komi-permyatskoi orfograficheskoj slovar' [Komi-Permyak orthographic dictionary]. Comp. by R. M. Batalova, A. S. Krivoshchekova-Gantman. 2nd ed., corr. and suppl. Kudymkar, Permskaya Kniga Publ., Komi-Permyak Dept., 1992. 279 p. In Komi-Permyak.

KPRS – Komi-permyatsko-russkii slovar' [Komi-Permyak-Russian dictionary]. Comp. by R. M. Batalova, A. S. Krivoshchekova-Gantman. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1985. 620, [1] p. In Komi-Permyak and Russian.

KSK – Komi sjornisikas kyvchukör. Slovar' dialektov komi jazyka: v 2-h tomah [Dictionary of dialects of the Komi language: in 2 volumes] Comp. by Beznosikova L.M., Ajabina E.A., Zaboeva N.K., Kosnyreva R.I. Syktyvkar: OOO «Izdatel'stvo «Kola», 2012. T. I.: A–O. 1096 p. T. II.: Ö–Ja. 888 p. In Komi-Zyryan and Russian.

Materials – Materialy dlja slovarja komi-permjackih nazvanij rastenij [Materials for the dictionary of Komi-Permian plant names]. Comp. by Fedoseeva E. L., Rusinova I. I., Lobanova A. S., Shkuratok Ju. A., Krotova-Garina A. V. 2021. Available at: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/mono/Materialy-dlya-slovarjakomi-permyackih-nazvanij-rastenij.pdf>. In Komi-Permyak and Russian.

Lobanova A. S. *O kul'turnoj konnotacii komi-permjackih fitonimov pikan «snyt'», pistik «hvoshh polevoj», goradzul' «kupal'nica»* [About the cultural connotation of the Komi-Permian phytonyms pikan "aegopodium", pistik "horsetail field", goradzul "globeflower"] *Filologija v XXI veke: metody, problemy, idei: materialy V Vse-ros. nauch. konf. (g. Perm', 10 aprilja 2017 g.)* [Philology in the XXI century: methods, problems, ideas: materials of the V All-Russian Scientific Conference (Perm, April 10, 2017)]. Perm, 2017, pp. 240–249. In Russian.

Lobanova A. S. *Jetnokonnotirovannaja leksika komi-permjackogo jazyka (na materiale naimenovaniij flory)* [Ethnoconotated vocabulary of the Komi-Permian language (based on the names of flora)] *Jazykovye kontakty narodov Povolzh'ja i Urala. Sbornik statej XI Mezhdunarodnogo simpoziuma* [Language contacts of the peoples of the Volga region and the Urals. Collection of articles of the XI International Symposium]. Cheboksary, 2018, pp. 124–127. In Russian.

Merkulova V. A. *Očerki po russkoj narodnoj nomenklature rastenij (Travy. Jagody, Griby)* [Essays on the Russian folk nomenclature of plants (Herbs. Berries. Mushrooms)]. Moscow, Nauka, 1967. 160 p. In Russian.

Merkusheva T. N. *Leksika flory i fauny juzhnogo narečija komi-permjackogo jazyka: Dis. kand. filol. nauk.* [Vocabulary of flora and fauna of the southern dialect of the Komi-Perm language. Cand. phil. diss.] Syktyvkar, 2003. 230 p. In Russian.

Napol'skih V. V. *Kentavr ~ gandharva ~ drakon ~ medved': k jevoljucii odnogo mifologičeskogo obraza v Severnoj Evrazii* [Centaur ~ gandharva ~ dragon ~ bear: towards the evolution of a mythological image in Northern Eurasia] *Očerki po jetničeskoj istorii* [Essays on ethnic history], 2018, pp. 305–319. In Russian.

Nasibullina M. R. *Zoonimicheskiye komponenty v mnogostavnykh fitonimakh udmurtskogo jazyka* [Zoonymic components in multicomponent phytonyms of the Udmurt language]. *Yezhegodnik finno-ugorskikh issledovanij* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2015, vol. 9, issue 2. Pp 37–59.

Ponomareva L. G., Gaidamashko R. V. *Nazvaniya jagod v komi-permyatskom jazyke kontsa XVIII v. (na materiale rukopisej Antoniya Popova)* [Berry names in the Permian Komi language of the late 18th century

(based on the manuscripts of Anthony Popov) *Yezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2021, vol. 15, issue 2. Pp. 228–249. In Russian.

Popov – *Kratkoi permskoi slovar' s rossiiskim perevodom sobrannyi i po alfavitu raspolozhennyi goroda Permi Petro-Pavlovskogo Sobora Protojereem Antoniëm Popovym 1785 goda* [Short Komi-Permyak dictionary with Russian translation compiled and alphabetically arranged by the archpriest of the Peter and Paul Cathedral in Perm Antony Popov in 1785]. *Russian National Library. Manuscript Department. Hermitage coll.* No 206. 81 folios. In Komi-Permyak and Russian.

Rakin A. N. Osnovnye printsipy nominatsii trav i yagod v komi yazyke i narodnaya ehtimologiya [Basic principles of nominating herbs and berries in the Komi language and folk etymology]. Syktyvkar, Komi Branch of the Academy of Sciences of the USSR (Series of preprints “Scientific reports”. Issue 32) 1976 (cover 1977). 53 p. In Russian.

Rakin A. N. *Komi kyvlön botanicheskõj terminologija*. [Botanical terminology of the Komi language] Perm'-Syktyvkar, 1981.

Rakin A. N. *Leksika nizshej flory permskih jazykov*. [Vocabulary of the lower flora of the Permian languages] Syktyvkar, 1985. In Russian.

Rakin A. N. *Zoonimicheskij komponent v sisteme nazvaniy rasteniy komi yazyka* [Zoonymic component in the system of plant names of the Komi language] *Issledovaniya po permskim yazykam* [Research on Permian languages]. Syktyvkar: Kola, 2009. Pp. 109–120.

Rédei K. *Permjakisches Wörterverzeichnis aus dem Jahre 1833 auf Grund der Aufzeichnungen F. A. Wolegows* [Permyak vocabulary from 1833 based on the records of F. A. Wolegow]. Budapest, Akadémiai Kiadó, 1968. 139 p. In German.

Rubcova O. G. *Iz istorii izuchenija fitonimov v finno-ugorskom jazykoznanii* [From the history of the study of phytonyms in Finno-Ugric linguistics] *Vestnik Marijskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Mari State University], 2013, No 12. Pp. 79–83. In Russian.

Rusinova I. I., Fedoseeva E. L. *Komi-permjacko-russkij slovar' nazvanij rastenij* [Komi-Perm-Russian dictionary of plant names] *Filologija v XXI veke* [Philology in the XXI century], 2019, No 1(3). Pp. 134–142. In Russian.

Suhonen P. *Suomalaiset kasvinnimet* [Finnish plant names]. *Annales Botanici Societatis Zoologicae-Botanicae Fennicae Vanamo* 7: 1. Helsinki, 1936. 465 p. In Finnish.

Vilbaste G. *Eesti taimenimetused* [Estonian plant names]. *Emakeele Seltsi Toimetised* (Transactions of Mother Tongue Society). No. 20 (67). Tallinn, 1993. 708 p. In Estonian.

Received 15.08.2022

Rusinova I. I.

Candidate of Science (Philology), Associate Professor.
Perm State University
15, Bukirev str., Perm, 614068, Russia
e-mail: irusinova@mail.ru

Lobanova A. S.

Candidate of Science (Philology), Associate Professor.
Perm State Humanitarian Pedagogical University.
24, Sibirskaya str., Perm, 614990, Russia
e-mail: lobanova@pspu.ru

Fedoseeva E. L.

Senior lecturer.
Perm State University
15, Bukirev str., Perm, 614068, Russia
e-mail: ekl-fedoseeva@yandex.ru

Ю. В. Сеницына

ГОРНОМАРИЙСКИЙ СУФФИКС *-rak*: УПОТРЕБЛЕНИЕ В КОМПАРАТИВНЫХ И АТТЕНУАТИВНЫХ КОНТЕКСТАХ¹

Статья посвящена анализу контекстов употребления суффикса *-rak* (*-rāk*) в горномарийском языке. Данный суффикс употребляется в сравнительных конструкциях в качестве показателя степени сравнения прилагательного или наречия, а также он указывает на неполное проявление признака у индивида, ср. *jasê* 'больной' и *jasê-rak* (больной-СМРР) 'немного больной'. Кроме прилагательных, суффикс *-rak* может употребляться с глаголами, преимущественно с отрицательными формами в значении недостижения точки перехода в новое состояние, а также в некоторых идиолектах с положительными - в аттенуативном значении. В статье, во-первых, проанализированы ограничения на сочетаемость суффикса *-rak* в аттенуативном значении: данное значение возможно только в сочетании с прилагательными закрытых шкал, то есть таких, которые имеют максимальное и / или минимальное значение (например, *nužda* 'бедный'). В сочетании с прилагательными открытых шкал (например, *kužê* 'длинный') *-rak* указывает на (небольшое) превышение признака по сравнению с известным из контекста стандартом. Во-вторых, в статье обсуждается употребление *-rak* с глаголами. За основу классификации была взята акциональная характеристика, по отдельности рассматривались положительные и отрицательные формы. Суффикс *-rak* сочетается с отрицательными формами глаголов, которые в перфективной форме интерпретируются как вхождение в состояние. Аттенуативное значение *-rak* с положительными формами глаголов допускается частью носителей с некоторыми глаголами сильного предельного, пунктивного и стативного классов.

Ключевые слова: уральские языки, горномарийский язык, сравнительные конструкции, компаративно-аттенуативная полисемия, прилагательные, глаголы, скалярность, акциональные классы.

DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-4-592-605

1. Введение

Горномарийский суффикс *-rak* (после передних гласных *-rāk*, далее приводится только алломорф с непередним гласным) описывается как показатель степени сравнения в компаративных конструкциях [Галкин 1964, 95; Alhoniemi 1993, 76; Саваткова 2002, 135]. Пример (1) представляет компаративную конструкцию в горномарийском языке²; важно отметить факультативный характер данного показателя. В таблице 1 основные элементы компаративной конструкции соотнесены с языковыми выражениями³:

- (1) *pet'a* *vas'a* *găc* *kužê(-rak)*.
Петя Вася ел длинный-СМРР
'Петя выше Васи'.

Таблица 1

Обозначения элементов, характерных для сравнительных конструкций

Объект сравнения	Маркер параметра или степени	Параметр сравнения	Маркер стандарта сравнения	Стандарт сравнения
<i>pet'a</i>	<i>-(rak)</i>	<i>kužê</i>	<i>găc</i>	<i>vas'a</i>

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ № 22-18-00285 «Скалярность в грамматике и словаре: семантико-типологическое исследование», выполняемым в МГУ имени М. В. Ломоносова.

² Во многих источниках выделяются не луговое марийский и горномарийский языки, а луговое и горное наречия марийского языка. Мы говорим об отдельных языках, следуя, в частности, классификации Института языкознания РАН, см. <http://jazykirf.iling-ran.ru/>

³ Обозначения взяты из [Treis, Vanhove (eds.) 2017, 4]; см также [Князев 2007, 184].

Помимо этого, *-rak* употребляется с прилагательными вне сравнительных конструкций (2). Интерпретация примера (2а) предполагает, что степень проявления признака, описываемого словом *jasâ-rak* (большой-СМРР) меньше, чем степень проявления признака, описываемого словом *jasâ* в (2б). Такое употребление *-rak* мы будем называть аттенуативным.

- (2) а. *pet'a jasâ-rak* *âl-eš*.
 Петя большой-СМРР быть-NPST.3SG
 'Петя немного большой'.
- б. *pet'a jasâ* *âl-eš*.
 Петя большой быть-NPST.3SG
 'Петя большой'.

В грамматиках отмечается возможность употребления суффикса *-rak* с отрицательными формами глаголов в значении «незначительной задержки начала действия», см., например:

- (3) *mən' təŋgâl-tel-am-rak*
 я начать-NEG.PRET-1SG-СМРР
 'Я еще не начинал / начал'. [Саваткова 2002, 208]

Совмещение в одном показателе функций маркера степени в сравнительных конструкциях и степенного модификатора с аттенуативным значением является актуальным вопросом как с типологической точки зрения – ср. данные чувашского [Андреев 1957, 97–98], удмуртского [ГСУЯ 1970, 147], тундрового ненецкого [Nikolaeva 2014, 133–134], селькупского [Кузнецова и др. 1980, 267], а также татарского [Татарская грамматика 1993, 67] языков, так и с теоретической – ср., например, работы, обсуждающие компаративно-аттенуативную полисемию в бесермянском удмуртском [Черемисинова 2019] и тундровом ненецком [Berezovskaya 2020].

Проблема полисемии *-rak* в марийских языках затронута лишь кратко, ср. упоминание его аттенуативной функции в луговом марийском: «суффикс **-рак** может указывать на ослабленный характер признака или свойства предмета» [Казанцева 2005, 157]. В настоящей статье мы подробнее остановимся на таких вопросах, как (не)факультативность *-rak* как маркера параметра в компаративных конструкциях, ограничение на употребление *-rak* в аттенуативном значении и поиск связующего элемента этих двух значений.

Наш материал собран в экспедициях, организованных отделением теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова в село Кузнецово и близлежащие деревни Горномарийского р-на Республики Марий Эл в 2018–2019 гг. Основной метод сбора данных — анкетирование носителей. Помимо этого, мы привлекаем материал корпуса экспедиционных текстов объемом около 60 тыс. словоупотреблений⁴. Примеры, полученные методом анкетирования, приводятся без помет, для примеров из корпуса, помимо соответствующей пометы, приводится название текста и номер предложения. Экспедиционные горномарийские примеры приводятся в фонологической транскрипции; в примерах из других источников сохранена система записи источника.

Статья имеет следующую структуру: в разделе 2 приводятся необходимые для дальнейшего анализа теоретические замечания; раздел 3 посвящен употреблению *-rak* с прилагательными; в разделе 4 обсуждается употребление *-rak* с глаголами. Раздел 5 посвящен сочетаниям *-rak* с локативными выражениями. Итоги подведены в разделе 6.

2. Теоретические замечания

2.1. Анализ прилагательных в теории шкал

Обсуждение употребления *-rak* с прилагательными и другими частями речи опирается на теорию шкал (см., например, [Kennedy, McNally 2005]). Данная теория предполагает, что существуют прилагательные, называемые скалярными, или градуируемыми (*gradable*), аргументы которых отображаются в степени — точки или интервалы, упорядоченные в каком-либо измерении, задаваемым прилагательным (например, измерение цены для прилагательного *дорогой*, веса для прилагательного *тяжелый* и т.д.). Множество упорядоченных степеней задает шкалу прилагательного. С

⁴ <http://hillmari-exp.tilda.ws/corpus>

точки зрения семантики скалярные прилагательные выражают отношение между индивидом (аргументом прилагательного) и степенью. Например, прилагательное ‘высокий’ вводит такое отношение между индивидом (x) степенью высоты (d), что рост / высота x больше или равна некоторой степени d . Предложение *Петя высокий* предполагает, что рост Пети (x) превышает некоторый средний ориентир человеческого роста (d)

Множество градуируемых прилагательных неоднородно. Тип шкалы конкретного прилагательного предлагается проверять с помощью тестов на сочетаемость с модификаторами, характерными для той или иной шкалы.

Прилагательные, которые могут сочетаться с пропорциональными модификаторами (*half* ‘наполовину’, *mostly* ‘почти’), относятся к прилагательным с закрытой шкалой, ср. английские примеры из [Kennedy, McNally 2005, 352] и их переводы:

- (4) a. *The glass is half / mostly full.*
‘Стакан наполовину / почти полный’.
- b. *Her eyes were half / most of the way closed.*
‘Её глаза были наполовину / почти закрыты’.

С семантической точки зрения для них характерно абсолютное значение признака: например, если контейнер характеризуется как полный, то он не может вместить содержимого сверх этой степени. Тип закрытой шкалы также определяется сочетаемостью с различными модификаторами. Модификаторы *perfectly*, *absolutely*, *completely* (русский аналог — *совершенно*) сочетаются с прилагательными, имеющими максимальное значение степени проявления признака (5). Модификаторы *slightly*, *partially* (*слегка* для русского языка), наоборот, сочетаются с прилагательными, имеющими минимальную границу на шкале (6).

- (5) a. *совершенно чистый / #слегка чистый*
- b. *absolutely clean / #slightly clean*
[Kagan, Alekseyenko 2011: 324]
- (6) a. *#совершенно грязный / слегка грязный*
- b. *#absolutely dirty / slightly dirty.*
[Kagan, Alekseyenko 2011: 324]

Прилагательные открытых шкал (например, *long* ‘длинный’) не имеют максимальной или минимальной границы и, как следствие, не сочетаются ни с пропорциональными модификаторами, ни с модификаторами типа *слегка* или *совершенно*, ср. (7) из [Kennedy, McNally 2005: 353], а также русский перевод⁵.

- (7) ^{??}*The rope is half / mostly long.*
Букв.: ‘Эта веревка наполовину / почти длинная’.

В горномарийском языке, однако, отсутствуют диагностики типа шкалы прилагательного, аналогичные русским или английским: модификатор *piš* ‘совсем’ сочетается с прилагательными, потенциально имеющими разный тип шкал, как показано в [Дьячков 2018: 195]. Поэтому далее при анализе дистрибуции *-rak* мы будем, с одной стороны, сверяться с решениями, принятыми для аналогов горномарийских прилагательных в русском и в английском, с другой стороны, учитывать семантическую специфику конкретных лексем горномарийского языка.

2.2. Анализ глаголов в теории шкал

Теория шкал используется также при анализе глаголов. В частности, это глаголы, обозначающие изменение состояния (*change of state verbs*), см., например, [Rappaport Hovav, Levin 2010].

⁵ Поиск сочетания ‘наполовину (ADV) на расстоянии 1 от длинный (ADJ)’ в НКРЯ (ruscorpora.ru) не дал релевантных результатов; поиск сочетания *длинный* с модификатором *совершенно* дал один пример из текста 1855 г.

Глаголы изменения состояния предполагают наличие аргумента, изменяющегося по тому или иному признаку, как правило, задающемуся глаголом. Примером является глагол *есть* (яблоко), подразумевающий, что яблоко с течением времени уменьшается, т. к. всё большая его часть оказывается съеденной. Таким образом, можно провести одно-однозначное соответствие между частями события и частями участника события. В отличие от *есть*, аргумент глагола *толкать* (тележку) не изменяется с течением времени, и одно-однозначное соответствие между событием толкания и его участником (тележкой) провести нельзя. Подробнее см. [Татовосов 2015: 133-135] и цитируемую литературу.

Наш анализ сочетания *-rak* с глаголами в разделе 4 основывается на различиях в акциональных характеристиках горномарийских глаголов. В частности, мы учитывали следующие акциональные значения: состояние, вхождение в состояние, процесс, вхождение в процесс, мультипликативный процесс (подробное обсуждение этих значений см. в [Татовосов 2016]; пояснения того, как этот подход применяется к горномарийским данным, даются в разделе 4).

3. Употребление суффикса *-rak* с прилагательными

3.1. Компаративные конструкции

Некоторые из опрошенных носителей отмечают, что наличие в компаративной конструкции показателя *-rak* привносит дополнительное значение незначительного превышения степени признака. Таким образом, пример (8), повторенный из введения, может означать ‘Петя немного выше Васи’.

- (8) *pet'a vas'a gäs kužâ(-rak)*.
Петя Вася EL длинный-СМРР
‘Петя (немного) выше Васи’.

Однако данная импликация снимается с помощью выражения ‘в миллион раз’ в примере (9), в котором также допустимо использовать *-rak*.

- (9) *kečä zeml'a gäs mil'ion pačaş kogo(-rak)*.
солнце Земля EL миллион раз большой-СМРР
‘Солнце больше Земли в миллион раз’.

Факультативность горномарийского *-rak* не зависит от типа компаративной конструкции, в отличие от его татарского аналога, обязательного в конструкциях с параметром-наречием, а также в конструкциях с эксплицитно выраженной группой экспериенцера (‘для меня’ в предложении ‘Этот суп для меня вкуснее, чем мясо’, см. [Былинина 2017, 451]).

Горномарийский суффикс *-rak* факультативен в обоих случаях, ср. (10) с параметром-наречием, где также грамматична перестановка наречного суффикса и *-rak* без изменения значения, и (11) с выраженным экспериенцером.

- (10) *pet'a vas'a gäs jažo-n / jažo-n-rak /*
Петя Вася EL красивый-ADV красивый-ADV-СМРР
jažo-rak-ân mâr-a.
красивый-СМРР-ADV петь-NPST.3SG
‘Петя поет лучше Васи’.
- (11) *mä-län-em olma-vlä višn'a gäs totlâ(-râk)(-vlâ) âl-ât.*
я-DAT-POSS.1SG яблоко-PL вишня EL вкусный-СМРР-PL быть-NPST.3PL
‘Для меня яблоки вкуснее вишни’.

Контекст, в котором употребление эксплицитного маркера степени *-rak* обязательно, - это сравнительные конструкции с невыраженным стандартом сравнения (12). В (12a) *-rak* - единственный элемент, позволяющий отличить компаративную степень параметра от положительной в (12b).

- (12) a. *pet'a kužâ-rak.*
Петя длинный-СМРР
‘Петя (чуть) выше (кого-то)’.
- b. *pet'a kužâ.*
Петя длинный
‘Петя высокий’.

Рассмотренные в данном разделе свойства сближают горномарийский *-rak* с маркерами *daha* и *-rka* в турецком и тундровом ненецком языках соответственно. Оба этих маркера факультативны во всех контекстах, рассмотренных в [Hofstetter 2013] для турецкого языка и в [Berezovskaya 2020]

для тундрового ненецкого, кроме конструкции с невыраженным стандартом сравнения. Важным отличием горномарийского *-rak* от ненецкого аналога является то, что ненецкий суффикс *-rka* в большей степени сохраняет семантику незначительности превышенной степени.

Наше предположение заключается в том, что суффикс *-rak* является степенным модификатором, выражающим отношение между степенью, в которой индивид обладает данным признаком, и стандартом сравнения: максимальная степень проявления признака у индивида выше другой степени, заданной стандартом сравнения. При этом важен тип шкалы прилагательного и, как следствие, заложенный шкалой стандарт сравнения. Прилагательное *kužä* ‘длинный’ из примера (12) относится к прилагательным с открытой шкалой, наряду с прилагательными *mâtâk* ‘короткий’; *izi* ‘маленький’, *kogo* ‘большой’; *väckäž* ‘тонкий’; *käžgä* ‘толстый’; *kâmda* ‘широкий’; *ängäsär* ‘узкий’; *šergä* ‘дорогой’. Как показано в (12a), наличие *-rak* обозначает, что степень проявления признака у индивида больше, чем степень проявления признака у некоторого стандарта сравнения (который обычно задавался самими носителями). Сочетание *-rak* с прилагательными из этой группы может иметь только компаративную интерпретацию.

В следующем разделе мы рассмотрим сочетание *-rak* с прилагательными закрытых шкал, подразумевающих наличие абсолютной минимальной или максимальной границы на шкале задаваемого ими признака.

3.2. Атенуативное употребление с прилагательными закрытых шкал

Рассмотрим употребление *-rak* с прилагательными *slöpöj* ‘слепой’, *kluxoj* ‘глухой’, *üpdämä* ‘лысый’, *nužda* ‘бедный’, обозначающими отсутствие признака (т.н. каритивными прилагательными, см., например, [Толстая 2008, 50]):

- (13) *nužda-rak edem lapka-škä ke-ä.*
 бедный-СМРР человек магазин-ILL идти-NPST.3SG
 ‘Не совсем бедный / (немного) более бедный человек идет в магазин’.

Прилагательное *nužda* ‘бедный’ в (13) означает отсутствие у человека средств на существование. Представим, что ‘бедный’, то есть вообще не имеющий средств к существованию, является верхней границей на шкале признака бедности, см. схему 1.

Схема 1. Скалярное представление каритивных прилагательных

В (13), помимо компаративной интерпретации (‘более бедный человек’), носители допускают интерпретацию ‘не совсем бедный человек’ (т.е. человек, у которого больше денег, чем у просто бедного человека). Это свидетельствует о том, что суффикс *-rak* может указывать на превышение степени признака ‘бедный’ у индивида по отношению к проявлению этого же признака у стандарта сравнения, коим является подразумеваемое антонимичное свойство (т. е. ‘небедный’)⁶. Таким образом, первая интерпретация словосочетания *nuždarak edem* в (13) обозначает человека более бедного, чем человек, у которого есть деньги, но в то же время недостаточно бедного для того, чтобы называться просто *nužda* ‘бедный’. Это представлено на схеме 2.

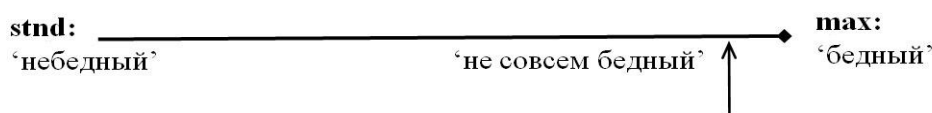

Схема 2. Расположение модифицированного суффиксом *-rak* прилагательного на шкале каритивных прилагательных

⁶ Ср. также употребление *-rak* с отрицательными формами глаголов в разделе 4 и указание в данном случае на недостижение перехода в новое состояние (примеры 19–21)

К другой группе относятся антонимичные пары прилагательных: *ire* ‘чистый’ — *l'avärän* ‘грязный’; *päsä* ‘острый’ — *näškä* ‘тупой’; *zдорова* ‘здоровый’ — *jasä* ‘больной’; *veselä* ‘веселый’ — *säläk* ‘грустный’. Атенуативное значение в сочетании с суффиксом *-rak* возможно только с одним прилагательным из пары: *l'avärän-räk* ‘грязноватый’; *näškä-räk* ‘туповатый’; *jasä-rak* ‘немного больной’; *säläk-rak* ‘грустноватый’. Возможна и компаративная интерпретация:

- (14) *l'avärä-n-räk* *posuda* *stöl* *väl-nä* *šänz-ä*.
 грязь-PROP-CMPR посуда стол верх-IN2 сидеть-NPST.3SG
 ‘На столе стоит грязноватая посуда’.
 ‘На столе стоит (немного) более грязная посуда’.

Второе прилагательное из пары в сочетании с суффиксом *-rak* может иметь только компаративное значение:

- (15) *ire-räk* *posuda* *stöl* *väl-nä* *šänz-ä*.
 чистый-CMPR посуда стол верх-IN2 сидеть-NPST.3SG
 ‘На столе стоит более чистая посуда’.
 *‘На столе стоит немного чистая посуда’.

Степени проявления признаков, обозначаемых прилагательными *l'avärän* ‘грязный’ и *ire* ‘чистый’, расположены на одной и той же шкале (загрязненности). Различие лишь в ориентации шкалы для каждого прилагательного из пары: закрытая снизу шкала для прилагательного *l'avärän* ‘грязный’, абсолютный минимум которой можно представить как отсутствие грязи (п. а на схеме 3), и закрытая сверху шкала для прилагательного *ire*, где полное отсутствие грязи будет абсолютным максимумом (п. б на схеме 3).

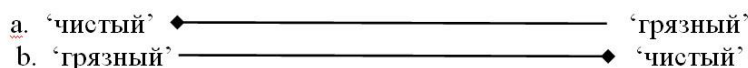

Схема 3. Скалярное представление прилагательных закрытой снизу (а) и закрытой сверху (б) шкалы

Таким образом, для прилагательного *l'avärän-räk* ‘грязноватый’ доступно сравнение с абсолютным стандартом, являющимся минимумом на шкале (схема 4). В этом случае прилагательное будет значить, что индивид обладает признаком ‘грязный’ в немного большей степени, чем абсолютный минимум, то есть полное отсутствие грязи.

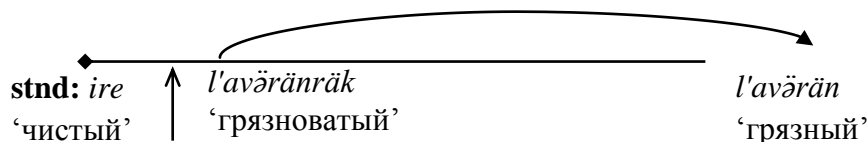

Схема 4. Расположение модифицированного суффиксом *-rak* прилагательного закрытой снизу шкалы

Для прилагательного *ire* ‘чистый’ в сочетании с суффиксом *-rak* доступна только компаративная интерпретация, т. е. *-rak* выступает в качестве маркера параметра в сравнительной конструкции с невыраженным стандартом сравнения. В аттенуативном значении *-rak* не может сочетаться с максимальным абсолютным стандартом, т. к. индивид не может обладать признаком в большей степени, чем максимальная.

Стоит также отметить, что *-rak* в аттенуативном значении сочетается с прилагательными, обозначающими отрицательные свойства: *l'avärän-räk* ‘грязноватый’; *näškä-räk* ‘туповатый’; *jasä-rak* ‘немного больной’; *säläk-rak* ‘грустноватый’. Похожую особенность имеет русский суффикс *-оват*. О. Каган и А. Алексеенко объясняют это тем, что итоговое значение деривата с суффиксом *-оват* складывается не только из контекста, но и из общепринятых представлений о мире. Для некоторых типов измерений конвенционально определено, в какую сторону превышение ожидаемой степени нежелательно. Предполагается, что высокая степень чистоты рассматривается как нечто хорошее, и это в свою очередь затрудняет совместимость прилагательного *чистый* с суффиксом *-оват*, имеющим оттенок «более высокой степени, чем хотелось бы» [Kagan, Alekseyenko 2011: 333].

У аттенуативного суффикса *-rak* также есть оттенок значения ‘выше ожидаемого’, который плохо сочетается с прилагательными, обозначающими положительные свойства: *ire* ‘чистый’, *päsä* ‘острый’ (нож), *zdorova* ‘здоровый’, *veselä* ‘веселый’ и т. д.

4. Употребление суффикса *-rak* с глаголами

Как было указано в разделе 1, помимо прилагательных и наречий, *-rak* может модифицировать глаголы. По нашим данным, суффикс сочетается преимущественно с отрицательными формами (16), в некоторых идиолектах допустимо его сочетание с положительными формами (17).

(16) *peckä väd dono tem-de-räk.*
бочка вода с наполняться-NEG.PRET-CMPR
‘Бочка не до конца наполнилась водой (чуть-чуть не наполнилась)’.

(17) *ʔmäñ' jangäl-en-äm-räk.*
я уставать-PRET-1SG-CMPR
‘Я подустал’.

Модификация глагольных форм с помощью маркеров параметра, используемых в сравнительных конструкциях, встречается и в других уральских языках, например, в удмуртском [ГСУЯ 1962, 67; Winkler 2001, 41] и тундровом ненецком [Nikolaeva 2014, 133–134]. В сочетании с глаголами, как отмечается в [ГСУЯ 1962: 67], удмуртский суффикс *-ges* имеет как компаративное, так и аттенуативное значение. Ненецкий маркер *-rka* употребляется в компаративных и аттенуативных контекстах с прилагательными, а в сочетании с глаголами имеет только аттенуативное значение, согласно [Nikolaeva 2014: 133–134].

По нашим данным, горномарийский суффикс *-rak* в сочетании с глаголами не имеет компаративного значения:

(18) *män' jangäl-en-äm-räk.*
я уставать-PRET-1SG-CMPR
ʔ‘Я подустал’. / *‘Я больше устал’.

Примеры (16) и (17) свидетельствуют о наличии двух возможных интерпретаций у глагольных образований с рассматриваемым суффиксом. Во-первых, *-rak* может указывать на недостижение точки перехода в новое состояние (16), и во-вторых, в сочетании с некоторыми предикатами *-rak* имеет аттенуативное значение (17).

В ходе исследования были проверены следующие акциональные классы глаголов, имеющиеся в горномарийском языке [Дьячков, Мордашова (in prep.)]: стивы (<S; S>, пример: *amalaš* ‘спать’); неопределенные процессы (<P; P>, *vaštäläš* ‘смеяться’); слабый предельный класс (<ES P; P>, *čüčäš* ‘закрывать’, *törläš* ‘лечить’); сильный предельный класс (<ES; P>, *jangäläš* ‘уставать’, *vazaš* ‘ложиться’); мультипликативные процессы (<MP; MP>, *kaxäraš* ‘кашлять’); слабый инцептивно-стивный класс (<ES S; S>, *ängäläš* ‘понимать’); пунктивный класс (<ES; ->; *šapaš* ‘киснуть’)⁷. Внутри каждого акционального класса нельзя исключать существования более тонких лексических ограничений, см., в частности, обсуждение положительных форм далее. Поэтому речь идет о первично выявленных корреляциях, уточнение которых требует дальнейших исследований.

Суффикс *-rak* грамматичен в сочетании с предикатами, для которых в акциональной характеристике доступна интерпретация ES (вхождение в состояние - в частности, переход участника в состояние, возникающее по достижении предела ситуации). Это предикаты следующих акциональных классов: сильный предельный класс (19), слабый инцептивно-стивный класс (20), пунктивный класс (21). Сочетание отрицательной формы глагола *čüčäš* ‘закрывать’, относящегося к слабому пре-

⁷Условные обозначения: S - состояние; P - процесс; ES — вхождение в состояние; EP - вхождение в процесс; MP — мультипликативный процесс. Акциональная интерпретация глагола в перфективной форме (в горномарийском языке это II прошедшее время, или претерит в используемой нами терминологии) кодируется символами до точки с запятой; акциональная интерпретация глагола в имперфективной форме (в горномарийском языке это непрошедшее время) - символами после точки с запятой. Подробнее об акциональной классификации см. [Татевосов 2015, 2016].

дельному классу (т. е. допускающего не только предельную, но и неопредельную интерпретацию в форме претерита), с суффиксом *-rak* допустимо не во всех идиолектах (22).

- (19) *mən' šiz-del-am-rak.*
я просыпаться-NEG.PRET-1SG-CMPR
'Я не до конца проснулась'.
- (20) *mən' tädä-m ângâlâ-del-am-rak.*⁸
я он-ACC понимать-NEG.PRET-1SG-CMPR
'Я его недопоняла'.
- (21) *mən'-än t'el'efon-em pädâr-gâ-de-räk.*
я-GEN телефон-POSS.1SG ломаться-DETR1-NEG.PRET-CMPR
'Мой телефон чуть не сломался'.
- (22) *ʔmən' amasa-m čüč-del-am-rak.*
я дверь-ACC закрыть-NEG.PRET-1SG-CMPR
'Я чуть-чуть не до конца закрыла дверь'.

Глагол *vaštâlaš* 'смеяться' из примера (23), являющийся неопредельным процессом и не имеющий интерпретации вхождения в состояние, не сочетается с суффиксом *-rak*. Также суффикс *-rak* невозможен в сочетании с отрицательными формами предикатов, относящихся к стативам (24) и мультипликативным процессам (25).

- (23) **masa t'eatâr-âštâ vaštâl-de-räk.*
Маша театр-IN смеяться-NEG.PRET-CMPR
Ожидаемое значение: 'Маша еще не смеялась в театре'. / 'Маша немного смеялась в театре'.
- (24) **mən' amalâ-del-am-rak.*
я спать-NEG.PRET-1SG-CMPR
Ожидаемое значение: 'Я еще не спала'. / 'Я дремала'.
- (25) **mən' kaxârâ-del-am-rak.*
я кашлять-NEG.PRET-1SG-CMPR
Ожидаемое значение: 'Я еще не кашляла'. / 'Я немного покашляла'.

Кроме того, допустимы сочетания суффикса *-rak* с фазовыми глаголами *šoktaš* 'достигать' (26); *pätäräš* 'заканчивать'; *tängäläš* 'начинать', а также с глаголами *koltaš* 'посылать' (27), *šändäš* 'сажать' в составе сложных глагольных комплексов, состоящих из деепричастия лексического глагола и грамматикализованного глагола. Конструкции с грамматикализованными глаголами *koltaš* и *šändäš* кодируют переход в результирующее состояние, подробнее см., например, [Bradley 2016: 170; 222]. Конструкции с фазовыми глаголами также кодируют переход в новое состояние (см., например, [Храковский 1987] о фазовых глаголах в русском языке).

- (26) *vrač mən'-äm tör-l-en šo-ktâ-de-räk.*
врач я-ACC прямой-DENOM-CVB достигать-CAUS.DIST-NEG.PRET-CMPR
'Врач меня не долечил'.
- (27) *maša t'eatâr-âštâ vaštâl-ø koltâ-de-räk.*
Маша театр-IN смеяться-CVB посылать-NEG.PRET-CMPR
'Маша чуть не рассмеялась в театре'.

Таким образом, в сочетании с отрицательными формами глаголов *-rak* обозначает недостижение точки вхождения в новое состояние. Грамматично также употребление суффикса *-rak* с отрицательным предикатом *uke*:

⁸Как указывает анонимный рецензент статьи, в словоформе *ângâlâdelamrak* в примере (20) третий гласный *â* не произносится. Возможность аналогичного фонетического процесса отмечена и в [Саваткова 2002: 58]. Опрошенные нами носители, однако, произносят этот звук в указанном примере, что отражено в записи.

- (28) *tädä-län kud i uke-räk.*
 он-DAT шесть год NEG.EX-CMPR
 ‘Ему еще нет шести лет (но вот-вот исполнится)’.

Аналогично каритивным прилагательным, рассмотренным в разделе 3.2, суффикс *-rak* обозначает отклонение от состояния, описываемого отрицательным предикатом. Предлагаемая носителями русская интерпретация горномарийских стимулов с помощью конструкции *еще не* и подобных конструкций, а также уточнения, как в (28), позволяют расположить глагольные формы на *-rak* ближе к точке, обозначающей переход в новое состояние, чем обычные отрицательные формы (схема 5).

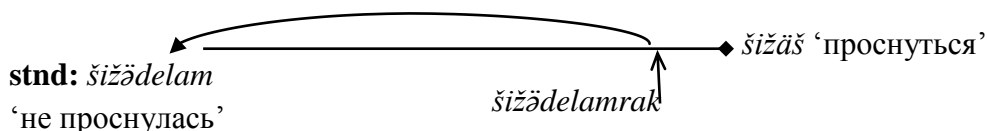

Схема 5. Расположение модифицированной суффиксом *-rak* отрицательной формы глагола

В идиолектах, допускающих употребление *-rak* в сочетании с положительными глагольными формами, новое образование имеет аттенуативное значение. Это зафиксировано для глаголов, относящихся к сильному предельному классу (см. (17) выше), к пунктивам (29) и к стативам (30). Глаголы, относящиеся к непредельным процессам (31), слабому предельному классу (32), слабому инцептивно-стативному классу (33), а также являющиеся мультипликативными процессами (34), не употребляются в положительных формах с суффиксом *-rak*.

- (29) *ʔlem šap-en-räk.*
 суп киснуть-PRET-CMPR
 ‘Суп слегка прокис’.
- (30) *ʔmän' amal-en-äm-räk.*
 я спать-PRET-1SG-CMPR
 ‘Я подремывал’.
- (31) **maša t'eatâr-âštâ vaštâl-ân-räk.*
 Маша театр-IN смеяться-PRET-CMPR
 Ожидаемое значение: ‘Маша немного смеялась в театре’.
- (32) **vrač män'-äm tör-l-en-räk.*
 врач я-ACC прямой-DENOM-PRET-CMPR
 Ожидаемое значение: ‘Врач немного полечил меня’.
- (33) **män' tädä-m ângâl-en-äm-räk.*
 я он-ACC понимать-PRET-1SG-CMPR
 Ожидаемое значение: ‘Я его чуть-чуть поняла’.
- (34) **män' kaхâr-en-äm-räk.*
 я кашлять-PRET-1SG-CMPR
 Ожидаемое значение: ‘Я немного кашляла’.

Минимальное значение, небольшое превышение которого обозначают положительные глагольные формы с *-rak*, можно представить расположенным на левом краю шкалы (схема 6). Это значение является отрицанием действия или состояния (в данном случае ‘не устать’). Положительная форма глагола, модифицированная показателем *-rak*, располагается правее стандарта сравнения, т. к. степень усталости в ситуации ‘подустал’ превышает степень усталости в отрицательной форме, предполагающей отсутствие усталости. В то же время форма со значением ‘подустал’ означает, что степень усталости недостаточная, чтобы ее обозначала глагольная форма без *-rak*.

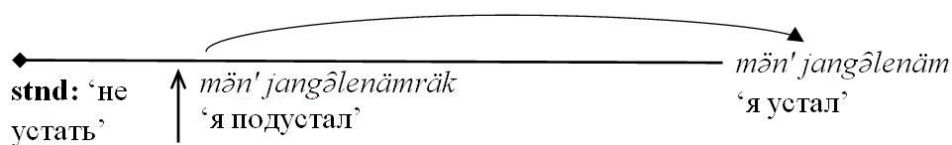

Схема 6. Расположение модифицированной суффиксом *-rak* положительной формы глагола

В таблице 2 обобщены сведения о сочетаемости глаголов различных акциональных классов с суффиксом *-rak*.

Таблица 2

Допустимость сочетания глаголов разных акциональных классов с *-rak*

↓Акциональный класс / значение <i>-rak</i> →	Аттенуатив	Недостижение точки перехода в новое состояние
стативы (<S; S>, <i>amalaš</i> 'спать');	? (POS)	*
процессы (<P; P>, <i>vaštâlaš</i> 'смеяться'),	*	*
слабый предельный класс (<ES P; P>, <i>šolaš</i> 'вскипать', <i>törläš</i> 'лечить'),	*	? (NEG)
сильный предельный класс (<ES; P>, <i>jangâlaš</i> 'уставать');	? (POS)	OK (NEG)
мультипликативные процессы (<MP; MP>, <i>kaxâraš</i> 'кашлять');	*	*
слабый инцептивно-стативный класс (<ES S; S>, <i>ângâlaš</i> 'понимать');	*	OK (NEG)
пунктивный класс (<ES; —>; <i>šapaš</i> 'киснуть')	? (POS)	OK (NEG)

Примечание. Звездочкой (*) отмечены недопустимые сочетания суффикса *-rak* с глаголами. Знак вопроса (?) означает, что форма, модифицированная суффиксом *-rak*, допускается в некоторых идиолектах. Помета OK говорит о том, что сочетание грамматично. Положительные и отрицательные формы глаголов отмечены как POS и NEG соответственно.

Как видно из таблицы 2, *-rak* сочетается с отрицательными формами предикатов, в перфективной форме интерпретируемых как вхождение в состояние. Он однозначно допускается при отрицательных формах глаголов, входящих в сильный предельный класс, слабый инцептивно-стативный класс и пунктивный класс. Отрицательные формы претерита глаголов, входящих в слабый предельный класс, могут сочетаться с суффиксом *-rak* в части идиолектов. Возможной причиной ограничений является процессная интерпретация, также доступная для этих глаголов в претерите.

Некоторые носители также допускают аттенуативное значение *-rak* в сочетании с некоторыми глаголами сильного предельного, пунктивного и стативного классов. В то же время такая сочетаемость, по-видимому, имеет лексические ограничения: например, глагол *vazaš* 'ложиться' относится к сильному предельному классу, но не сочетается с суффиксом *-rak* (35). Аналогичные свойства проявляет пунктивный глагол *pâdâr-gaš* 'ломаться' (36).

(35) **tädä* *krovat'-âš* *amal-aš* *vaz-ân-rak*.
он кровать-ILL спать-INF ложиться-PRET-CMPR
Ожидаемое значение: 'Он прилег на кровать поспать'.

(36) **mән'-än* *t'el'efon-em* *pâdâr-g-en-rük*.
я-GEN телефон-POSS.1SG ломаться-DETR1-PRET-CMPR
Ожидаемое значение: 'Мой телефон немного поломался'.

5. Употребление *-rak* с локативными выражениями

По корпусным данным, суффикс *-rak* часто употребляется с локативными выражениями (105 вхождений из 302 всего). Это могут быть наречия (37), послеложные группы (38), именные группы в одном из локативных падежей (39), вопросительные (40) и указательные местоимения (41).

(37) *vara* *val-at* *ül-äkä-räk...*

потом спускаться-NPST.3PL низ-ILL2-CMPR

‘Потом спускаются пониже...’ [Корпус: «Разговор за столом», 88]

- (38) *il'jinkâ do-kâ-rak, tã... man-alt-eš.*
Ильинка у-ILL2-CMPR тот говорить-MED-NPST.3SG
‘Поближе к Ильинке, говорится’. [Корпус: «Разговор за столом», 99]
- (39) *läkt-ät sir-äškä, ik-tä koklâ m'etär-äštä-räk...*
выходить-NPST.3PL берег-ILL один-INDEF двадцать метр-IN-CMPR
‘Выходят на берег, примерно в 20 метрах...’ [Корпус: «Разговор за столом», 89]
- (40) *koršok-šâ kâ-štâ-rak kaj-eš?*
горшок-POSS.3SG который-IN-CMPR виднеться-NPST.3SG
‘Где видно горшок?’ [Корпус: «Диалог (эксперимент) — 1», 370]
- (41) *näl'-ø-äm napravl'en'i-m tatar'i-škä ti-škä-räk ti*
братъ-AOR-1SG направление-ACC Татария-ILL этот-ILL-CMPR этот
liš-kä.
ближнее_пространство-ILL2
‘Взял направление в Татария, туда примерно, тут близко’. [Корпус: «Химия и жизнь», 61].

Как видно из примеров, *-rak* может иметь компаративное значение (37)–(38), а также значение приблизительности (39)–(41). Во всех приведенных примерах суффикс *-rak* комбинируется с иллативным (37)–(38), (41) и инессивным (39)–(40) падежами. В (37)–(38) используется специальный иллативный показатель для серийных послелогов, которые также могут выступать в роли наречий.

6. Заключение

В настоящей статье было проанализировано употребление компаративного маркера параметра *-rak*. Он факультативен практически во всех рассмотренных контекстах за исключением конструкций с опущенным стандартом сравнения. Некоторые носители предпочитают употреблять *-rak*, когда подразумевается небольшая степень превышения признака относительно стандарта сравнения.

Было рассмотрено употребление суффикса *-rak* в аттенуативном значении с прилагательными и глаголами. Компаративное и аттенуативное употребления суффикса *-rak* объединены идеей сравнения. У компаративных конструкций такая семантика предполагается по определению и стандарт сравнения либо выражен эксплицитно, либо легко восстанавливается из контекста. Другое значение возможно у прилагательных, чья шкала предполагает наличие некоторой границы, которая влияет на значение нового образования, одновременно вводя и некоторый стандарт сравнения для степени проявления признака. Каритивные прилагательные, имеющие верхнюю границу, получают значение недостижения максимальной степени, а прилагательные закрытых снизу шкал (например, *l'avärän* ‘грязный’) получают аттенуативное значение.

Кроме того, *-rak* может употребляться с глаголами, в акциональной характеристике которых есть вхождение в состояние. Он обозначает недостижение точки перехода в новое состояние в сочетании с отрицательными формами глаголов. В некоторых идиолектах также допустимо аттенуативное значение в сочетании с положительными формами некоторых глаголов, относящихся к сильному предельному, стативному и пунктивному классам. В этих случаях стандартами сравнения оказываются различные точки протекания события.

Корпусные данные показали, что *-rak* часто употребляется с локативными выражениями (треть всех вхождений суффикса *-rak* в экспедиционном корпусе) в компаративном или приблизительном значении.

СОКРАЩЕНИЯ

1,3 — лица, ACC — аккузатив, AOR — аорист, CAUS.DIST — дистантный каузатив, CVB — конверб, DAT — датив, DENOM — отыменный глагол, EMPH — эмфатическая частица, GEN — генитив, ILL(2) — иллатив, IN(2) — инессив, INDEF — неопределенное местоимение, INF — инфинитив, MED — медиопассив, NEG — отрицание, NPST — непрошедшее время, OPT — опатив, PL — множественное число, POS — положительная форма глагола, POSS — посессивность, PRET — претерит, PROP — проприетив, SG — единственное число.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреев Н. А.* Имя прилагательное // *Материалы по грамматике современного чувашского языка. Морфология*, ред. Павлов И. П. Чебоксары: Чувашское гос. изд-во, 1957. С. 62–107
- Былинина Е. Г.* Сравнительные конструкции // *Элементы татарского языка в типологическом освещении. Мишарский диалект*, ред. Татевосов С. Г., Пазельская А. Г., Сулейманов Д. Ш. / М.: Буки Веди, 2017. С. 448–464.
- ГСУЯ 1962 — *Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология* / Удмурт. науч.-исслед. ин-т истории, экономики, лит. и яз.; [редкол.: П. Н. Перевошиков (отв. ред.) и др.]. Ижевск: Удмуртское книжное издательство, 1962. 375 с.
- ГСУЯ 1970 — *Грамматика современного удмуртского языка. Синтаксис простого предложения*. / Удмурт. науч.-исслед. ин-т истории, экономики, лит. и яз.; [В. И. Алатырев (ред.)]. Ижевск: Удмуртия, 1970. 252 с.
- Дьячков В. В.* Типология деадъективных глаголов: дис. ... канд. фил. наук. Москва : 2018. 244 с.
- Дьячков В. В., Мордашова Д. Д.* (in prep.) *Формы времени и акциональность. Элементы горномарийского языка в типологическом освещении* / отв. ред. Е. В. Кашкин, ред. М.-Э. А. Винклер, Т. И. Давидюк, В. В. Дьячков, В. А. Иванов, Д. Д. Мордашова, П. С. Плешак, И. А. Хомченкова
- Казанцева И. В.* Функционально семантическое поле компаративности в марийском литературном языке. Дис. ... канд. фил. наук. Йошкар-Ола : 2005. 238 с.
- Князев Ю. П.* Грамматическая семантика. М.: Языки славянских культур, 2007. С. 704.
- Саваткова А. А.* Горное наречие марийского языка. *Bibliotheca Ceremissica*. Т. 5. Savariae: Berzsenyi Dániel Főiskola, 2002. 292 с.
- Татарская грамматика 1993* — *Татарская грамматика. Т. II. Морфология*. / ред. М. З. Закиев, Ф. А. Ганиев, К. З. Зиннатуллина. Казань: Татар. книж. изд-во, 1993. 397 с.
- Татевосов С. Г.* Акциональность в лексике и грамматике. Глагол и структура события. М.: Языки славянских культур, 2015. 368 с.
- Татевосов С. Г.* Глагольные классы и типология акциональности. М.: Языки славянской культуры, 2016. 554 с.
- Толстая С. М.* Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М.: Индрик, 2008. 528 с.
- Федотов М. Р.* Чувашско-марийские языковые взаимосвязи. Саранск: Изд-во Сарат. ун-та. Саран. фил. 1990. 333 с.
- Храковский В. С.* Семантика фазовости и средства ее выражения // А. В. Бондарко (ред.). *Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис* / Л.: Наука, 1987. С. 153–180.
- Черемисинова М. О.* Компаративно-аттенуативная полисемия в бесермянском удмуртском // *Типология морфосинтаксических параметров*, 2019, Т. 2, № 2. С. 128–150.
- Alhoniemi A.* *Grammatik der Tscheremissischen (Mari)*. Hamburg: Buske, 1993. P. 253.
- Berezovskaya P.* *Comparing comparatives. New perspective from fieldwork and processing*. Ph.D. Dissertation. Eberhard-Karls-Universität Tübingen, 2020. 226 p.
- Bradley J.* *Mari converb constructions: productivity and regional variance*. PhD thesis. Vienna: University of Vienna, 2016. 316 p.
- Hofstetter S.* *Selected Issues in the Theory of Comparison: Phrasal Comparison in Turkish and a Cross-Linguistic Perspective on Intensifiers, Negative Island Effects and the Distribution of Measure Phrases*. Ph.D. Dissertation. Eberhard-Karls-Universität Tübingen, 2013. 333 p.
- Kagan O., Alekseenko A.* Degree Modification in Russian Morphology: The Case of the Suffix *-ovat*. *Proceedings of Sinn & Bedeutung 15*, eds. Reich I. et al. (eds.). Saarbrücken: Universaar – Saarland University Press, 2011. P. 321–336.
- Kennedy C., McNally L.* Scale structure, degree modification, and the semantics of gradable predicates. *Language*, 81, 2005, P. 345–381.
- Nikolaeva I.* *A grammar of Tundra Nenets*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2014. P. 511.
- Rappaport Hovav M., Levin B.* Reflections on Manner / Result Complementarity. In Malka Rappaport Hovav, Edit Doron & Ivy Sichel (eds.), *Lexical Semantics, Syntax and Event Structure*. Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 21–38
- Treis Y., Vanhove M.* (eds.) *Similitive and equative constructions: A crosslinguistic perspective*. Amsterdam: Benjamins, 2017. P. 437.
- Winkler E.* *Udmurt*. München: Lincom Europa, 2001. P. 85.

Синицына Юлия Вячеславовна
аспирант МГУ имени М. В. Ломоносова (НОШ МГУ
«Сохранение мирового культурно-исторического наследия»)
119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, д. 1
jv.sinitsyna@yandex.ru

J. V. Sinitsyna

HILL MARI SUFFIX -RAK: COMPARATIVE AND ATTENUATIVE CONTEXTS

DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-4-592-605

The article analyzes the use of the Hill Mari suffix *-rak* (*-rāk*). First of all, this suffix functions as a degree marker of an adjective or an adverb in comparative constructions. Secondly, it may indicate that an individual has some property not to a full degree, i.e. *jas̄* ‘ill’ and *jas̄-rak* (ill-CMPR) ‘somewhat ill’. Apart from adjectives, suffix *-rak* may combine with verbs, mainly with negative forms. In this case, the form with *-rak* means that the new state has not been reached yet. In some idiolects *-rak* may also combine with positive verb forms in the attenuative meaning. The article investigates restrictions on the compatibility of the suffix *-rak* in the attenuative meaning. This meaning is only possible with adjectives of closed scales, i.e. having a fixed maximal or minimal limit (for example, *nužda* ‘poor’). Combining with adjectives of open scales (for example, *kuž̄* ‘long’) *-rak* indicates a slight excess of a property compared to some standard, which may be known from the context. Moreover, the article discusses the use of *-rak* with verbs. Our analysis is based on the actional interpretation of verbs. We consider positive and negative forms separately. The suffix *-rak* combines with negative forms of verbs that are interpreted as entry-into-a-state (ES). The attenuative meaning of *-rak* with positive verbal forms is allowed by some speakers in combination with some verbs of stative, punctual, and strong telic classes.

Keywords: Uralic languages, Hill Mari, comparative constructions, comparative-attenuative polysemy, adjectives, verbs, scales, actionality

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2022, vol. 16, issue 4, pp. 592–605. In Russian.

REFERENCES

- Alhoniemi A.** *Grammatik der Tscheremissischen (Mari)*. Hamburg: Buske, 1993. 253 p.
- Andreev N. A.** *Imya prilagatelnoye [Adjective]. Materialy po grammatike sovremennogo chuvashskogo yazyka. Morfologiya [Materials on the grammar of modern Chuvash. Morphology]*, Pavlov I. P. (ed.) Cheboksary, 1957. P. 62–107. In Russian.
- Berezovskaya P.** *Comparing comparatives. New perspective from fieldwork and processing*. Ph.D. Dissertation. Eberhard-Karls-Universität Tübingen, 2020. 226 p.
- Bradley J.** *Mari converb constructions: productivity and regional variance*. PhD thesis. Vienna: University of Vienna, 2016. 316 p.
- Bylinina E. G.** *Sravnitel'nye konstruksii [Comparative constructions]. Elementy tatarskogo yazyka v tipologicheskoy osveshchenii. Misharskii dialekt [Elements of Tatar language in typological perspective. Mishar dialect]*, Tatevosov S. G., Pazel'skaya A. G., Suleimanov D. Sh. Moscow: Buki Vedi, 2017. P. 448–464. In Russian.
- Cheremisinova M. O.** *Komparativno-attenuativnaya polisemiya v besermyanskom udmurtskom [Comparative-attenuative polysemy in Beserman Udmurt]. Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov [Typology of morphosyntactic parameters]*, 2019, vol. 2, № 2. P. 128–150. In Russian.
- D'yachkov V. V.** *Tipologiya dead"ektivnykh glagolov*. Dis. kand. fil. nauk. [Typology of deadjectival verbs. Cand. phil. sci. diss.]. Moscow, 2018, 244 p. In Russian.
- D'yachkov V. V., Mordashova D.D.** (in prep.) *Formy vremeni i aktsional'nost' [Tense forms and actionality]. Elementy gornomariiskogo yazyka v tipologicheskoy osveshchenii [Elements of Hill Mari language in typological perspective]*. E. V. Kashkin (ed. in chief), M.-E. A. Vinkler, T. I. Davidyuk, V. V. D'yachkov, V. A. Ivanov, D. D. Mordashova, P. S. Pleshak, I. A. Khomchenkova (eds.). In Russian.
- Fedotov M. R.** *Chuvashsko-marijskije jazykovye vzaimosvjazi [Chuvash-Mari language contact]*. Saransk, 1990. 333 p. In Russian.
- GSUYa 1962** — *Grammatika sovremennogo udmurtskogo yazyka. Fonetika i morfologiya [Grammar of modern Udmurt. Phonetics and morphology]*. P. N. Perevoshchikov (ed.). Izhevsk: Udmurtskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1962. 375 p. In Russian.
- GSUYa 1970** — *Grammatika sovremennogo udmurtskogo yazyka. Sintaksis prostogo predlozheniya [Grammar of modern Udmurt. Simple clause syntax]*. V. I. Alatyrev (ed.). Izhevsk: Udmurtiya, 1970. 252 p. In Russian.

Kagan O., Alekseenko A. Degree Modification in Russian Morphology: The Case of the Suffix -ovat. *Proceedings of Sinn & Bedeutung 15*, Reich I. et al. (eds.). Saarbrücken: Universaar – Saarland University Press, 2011. P. 321–336.

Kazantseva I. V. *Funktsional'no semanticheskoe pole komparativnosti v mariiskom literaturnom yazyke*. Dis. kand. fil. nauk. [Functional semantic field of comparativeness in the Mari literary language. Cand. phil. sci. diss.] Ioshkar-Ola, 2005. 238 p. In Russian.

Kennedy C., McNally L. Scale structure, degree modification, and the semantics of gradable predicates. *Language*, 2005, vol. 81, P. 345–381.

Khrakovskii V. S. Semantika fazovosti i sredstva ee vyrazheniya [Semantics of phaseness and means of its expression]. *Teoriya funktsional'noi grammatiki. Vvedenie. Aspektual'nost'. Vremennaya lokalizovannost'. Taksis* [The theory of functional grammar. Introduction. Aspectuality. Temporal localization. Taxis]. A. V. Bondarko (ed.). Leningrad: Nauka, 1987. P. 153–180. In Russian.

Knyazev Yu. P. *Grammaticheskaya semantika* [Grammar semantics]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2007. 704 p. In Russian.

Nikolaeva I. *A grammar of Tundra Nenets*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2014. 511 p.

Rappaport Hovav M., Levin B. Reflections on Manner / Result Complementarity. *Lexical Semantics, Syntax and Event Structure*. Rappaport Hovav M., Doron E. & Sichel I. (eds.), Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 21–38

Savatkova A. A. *Gornoe narechie marijskogo yazyka* [Hill Mari]. Savariae, 2002, 292 p. In Russian.

Tatarskaya grammatika 1993 — *Tatarskaya grammatika. T.II. Morfologiya*. [Tatar Grammar. V.II Morphology] / M. Z. Zakiev, F. A. Ganiev, K. Z. Zinnatullina (eds.). Kazan': Tatarskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1993. 397 p. In Russian.

Tatevosov S. G. *Aktsional'nost' v leksike i grammatike. Glagol i struktura sobytiya* [Actionality in lexicon and grammar. The verb and the event structure]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2015. 368 p. In Russian.

Tatevosov S. G. *Glagol'nye klassy i tipologiya aktsional'nosti* [Verb classes and the typology of Actionality]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2016. 568 p. In Russian.

Tolstaya S. M. *Prostranstvo slova. Leksicheskaya semantika v obshchieslavyanskoi perspektive*. [Word space. Lexical semantics in the common Slavic perspective.] Moscow: Indrik, 2008. 528 p. In Russian.

Treis Y., Vanhove M. (eds.). *Similative and equative constructions: A crosslinguistic perspective*. Amsterdam: Benjamins, 2017. 437 p.

Winkler E. *Udmurt*. München: Lincom Europa, 2001. 85 p.

Received 15.06.2022

Sinitsyna Yulia Vyacheslavovna

Postgraduate student at Lomonosov Moscow State University
(MSU School of Research and Education “Preservation of World Cultural and Historical Heritage”)

1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation

jv.sinitsyna@yandex.ru

Фольклористика

УДК: 398(=511.152):398(=161.1)(045)

Е. Н. Ваганова, Н. В. Шестеркина

‘ГРОЗА’ КАК ПРИРОДНАЯ СОБЫТИЙНАЯ СИТУАЦИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ МОРДОВСКИХ И РУССКИХ ЗАГАДОК)

Материалом для статьи послужили народные загадки о природном комплексном явлении ‘ГРОЗА’ в мордовских (мокша и эрзя) и русском языках, в которых реализуются этнические комплексы и отдельные единицы данной ситуации в том или ином языке. Выбранный материал позволяет охарактеризовать механизмы взаимодействия языка и культуры посредством мифологии и мифопоэтики, перцепции, а также видеокода (включающего в себя этимологию и мифометафоризацию), тактильного и аудиокодов, атрибутов и аксиологии. Такой комплексный подход позволяет подробно описать и определить взаимоотношения человека (Наблюдателя двух национальностей) и природы (Наблюдаемого) в плане перцептивной и оценочной ситуации. Выбранный нами подход, объединяющий дефиниционный и когнитивно-семантический анализ, а также алгоритм исследования эмотивного потенциала концепта ‘ГРОЗА’ определяют его новизну, актуальность и своевременность проводимого анализа.

Ключевые слова: сопоставительный аспект, народные загадки, Наблюдатель, природный комплекс, событийная ситуация, мифология, видеокод, аудиокод, аксиология

DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-4-606-617

Анализ языка природы полиаспектного концепта ‘ГРОЗА’ проводится на материале мордовских и русских загадок, рассматриваемых как аналог фрагментов прошлой реальной действительности. По своему содержанию материалы загадок касаются видимого, конкретного мира вещей и явлений, окружавших человека, но близких и необходимых. Ситуативный подход способствует получению системных результатов при изучении антропоависимых лингвистических категорий и реалий, таких как коммуникативная, оценочная, эмотивная, событийная и когнитивно-информационная ситуации [Гробицкая 2013; Карасик 2015].

Небо само по себе есть воплощение мощи и святости. Согласно мировоззрению древней мордвы, миром управляли Божества. Поклонение Богам способствовало в определенной степени четкой организации семейно-бытовой и хозяйственной деятельности. При сильной засухе обращались к *Пурьгинепазу* (*пизем* – ‘дождь’, *паз* – ‘бог’) с просьбами о дожде. В молитвенных обращениях встречается еще одно божество – *Ендолпаз* (божество молнии). Эти Божества (податель дождя, источник грома и молнии), равно как и их функции часто отождествляются, совмещаясь в едином образе *Пурьгинепазы*. Тенденция к обожествлению грозных атмосферных явлений в виде грома и молнии у мордовского народа связана с возникновением земледелия. Достоверное знание мифологического контекста, этимологического материала, устно-поэтического творчества, воплощенное в народных загадках, помогает уловить взаимоотношения человека и природы.

Раньше гроза в России считалась Божьим наказанием. Представление о грозе как живом существе связано с национальной спецификой восприятия времен года. Так, сопоставляя средства языковой репрезентации времен года, люди видели, что кроме животных, существуют и антропоморфные образы, представляющие мифопоэтические концепты в формах человекоподобных живых существ, земного и одновременно внеземного происхождения. Постепенно у русского народа *гроза* стала образом, формирующим русский характер, национальный дух, который царствует на безграничных просторах России.

В старинных загадках (мифопоэтике) природа предстает как иерофания – проявление сакрального, Божественного начала. Законы природы – это откровение, подтверждающее существование Бога. Описания грозы, грома, молнии, града как атрибутов Божества в народной религии одновременно выражают идею священного в мифологии: молния – атрибут Божества неба – мужского космического начала; гром – явление, ассоциируемое с небом, выражает идею верховенства, доминирования, также

гром – проявление присутствия Бога, его воли и его суда [Мещерякова, Шестеркина 2016, 100]. По мнению язычников, слова, обозначающие Божественную стихию, соотносились со словами фаллического значения. Причина грозы, грома, молнии, бури заключалась в том, что Божество разрывало небо, чтобы оплодотворить землю. Звук грома считался символом творящего Божества [Маковский 1996, 308].

Природа может выступать как подобие человека: она и сама мыслится в человеческом образе. На этом основан принцип **антропоморфизма**, который позволяет видеть в природных явлениях аналог человеческих действий [ССЗ 2006, 157]. **Антропоцентризм** успешно сближает науки, разрабатывающие направление о человеке и ради человека, находя новые пути и методики изучения и описания категорий и понятий, взаимодействующих с ним [Хомякова 2003; Болдырев 2017; Заботкина 2017]. Природа и человек тесно связаны. Анализ природы проводится на материале мифопоэтических текстов загадок о ‘ГРОЗЕ’. Человек – часть природы, коллективный *Наблюдатель*. С его возникновением появляется и *Наблюдаемое* – единое целое, «картина мира, которая создается всей совокупностью когнитивно-перцептивных механизмов взаимодействия Наблюдателя с миром» [Верхотурова 2008, 160].

При анализе мы используем *ситуативный подход*, к нему довольно часто обращаются исследователи [напр., Хомякова, Петухова, Тимченко 2018]. Для нас актуальны *событийная* и *оценочная ситуации*, а также их пространственно-временные параметры, т.е. особенности языковой репрезентации в тексте перцептивных и рефлексивных процессов, так же, как и эмоциональных состояний *Наблюдателя*, взаимодействующего с природой. Интересно проанализировать эмоциональную составляющую самого концепта ‘ГРОЗА’ и установить, как *Наблюдаемое* воздействовало на древнего *Наблюдателя*. Анализ картины природы как ее репрезентанта позволяет выявить и описать спектр восприятия природных явлений, а также ответного влияния природы на человека, которое декодируется в соответствии со спецификой языковой и лингвокультурной картин древнего мира. В основе анализа лежит положение, присущее человеку, когда он пропускает образ ситуации ‘ГРОЗЫ’ сквозь призму сознания во время восприятия, сравнения, оценки в зависимости от полученной информации.

В лингвокультурном сознании подобные ситуации можно определить как *серийные*: они являются закономерной особенностью природо- и мироустройства. Здесь же присутствуют и причинно-следственные связи: предыдущее *событие*, например, *гром* – причина последующего *события* такого же рода, например, *молния*. Поэтому ситуацию ‘ГРОЗА’ можно назвать *событийной*. В нашем случае анализируется зрительная, слуховая и тактильная перцепция Наблюдаемого, являющегося объектом восприятия для субъекта *перцептивной ситуации*. В материале загадок передается перцепция, рефлексия на нее и оценка природных событий. В ситуациях загадок участвует субъект, представленный имплицитно: *Наблюдатель*, – участник описываемых событий, где часто также имплицитно выражены действия во время событийной ситуации. *Наблюдатель* пропускает через себя все проявления природы, связывает их с уже имеющимися знаниями, сформировавшимися в сознании образами, и выражает к ним свое отношение.

Большую группу составляют загадки *с предикатами звучания*. Наблюдатель использует уже имеющиеся у него некие знания, перцептивный опыт. Он вспоминает то, что видел когда-то в прошлом, и что ему не понравилось (т.е. отрицательная) или понравилось (положительная оценка). Чаще восприятие звуков природы, их оценка и сравнение возвращают приятные или неприятные воспоминания из прошлого окружающей природы.

В научной статье о грозе М. В. Сапрыкина отметила только функцию ветра [Сапрыкина 2018], а И. В. Мотеюнайте в той же статье сделала акцент на использовании В. Набоковым эпизода пророческой силы бога Илии с его учеником Елисеем [Мотеюнайте 2016]. Целью диссертации О. С. Фисенко послужило соотношение обыденного и научного в материале концепта ‘ГРОЗА’ в русском языковом сознании и его моделирование как образного компонента когнитивной картины мира. Для этого автор провела перцептивный эксперимент с участием более ста человек, выявив разграничение эмоциональной, гедонистической, утилитарной и эстетической оценок. Выяснилось, что ‘ГРОЗА’ – комплексное многоуровневое образование, его границы определяются лишь через описание совокупности концептов в отношениях дополнительности (*гроза* – это *молния* + *гром* + *осадки* + *состояние атмосферы* + *ветер*), что определило концепт как композитивный, с нечетким, диффузным содержанием, проявившемся как в области обыденного, так и научного сознания [Фисенко 2005].

Вслед за Т. В. Топоровой, мы изучаем материал с точки зрения мифологии, трактующей происхождение денотата в древней мифопоэтической модели мира, перцепции, описывающей объект с по-

зиции восприятия носителями архаической мифопоэтической и фольклорной традиции, и аксиологии, интерпретирующей ценность объекта в пространстве загадки [Топорова 2016]. Начнем с мордовской мифологии.

1. Мифология

Божество **грома** *Атям-шкай* (мокша [далее м.]). *škaĵ* ‘бог’; ‘небо’) и *Пурьгинепаз* (эрзя [далее э.] *paĵ* ‘бог’) – один из главных Божеств мордовской мифологии. На его образ повлиял языковой ареал Балтии и балто-славянские традиции, т. к. само обозначение грома Громовником заимствовано из литовского (*Перкунас*) и славянского (*Перун*) языков. Поволжская мордва заимствовала как некоторые фрагменты «основного мифа» у балтов, так и имена Громовников, не подвергая инверсии исходных ролей главных персонажей и сохранив в мордовской традиции функции Громовника в неизменном виде [Петрухин 2006, 31]. У мордвы, в отличие от поволжских финнов, сохранились в полном виде мифологические сюжеты, связанные с женитьбой Громовника на земных девушках, их имена не распространены среди славян, но иногда встречаются в латышском и литовском фольклоре. Пурьгинепаз у мордвы-эрзи имеет власть над громом, молнией, дождем и градом. При его движении по небу из-под копыт коней огненной масти и колес запряженной колесницы летят искры и молнии [Юртов 1883, 129; Смирнов 2002, 194]. Бог бывает сердитым и злым или творит добро. Громовник мог убить громовыми стрелами *puŕgiĵe-łedima*. По поверьям, он стреляет камнями с голубиное или куриное яйцо, поэтому круглые мелкие булжники называют *puŕgiĵe-keŵ* [Raasonen 1994, Bd. 3, 1854]. В гневе Громовник побьёт градом или молнией убьёт, если смиляется, одарит тихим дождем. Говорили, «когда гром гремит, это Бог разыскивает черта, который прячется в это время в улей, трубу, перепаханную от чужого загона борозду и т.д.» [Raasonen 1994, Bd. 3, 1853]. Иногда молнию представляли в виде Божества *Ёндолтаза*. Люди боялись грома, обращаясь к Громовнику с молитвенными просьбами, связывая природные явления с действиями небесных божеств, проводили обряды жертвоприношения, при засухе просили о дожде.

Русские мифы о грозе связаны с *водой*, они относятся к этиологическим, где объясняются причины происхождения мира, внешний облик существ, неживой природы, их отличительные признаки. По древним представлениям, *Тучи* – это небесные стада коров, быков или овец, которые водят по небу утопленники, висельники или заложные покойники. Видя надвигающуюся *тучу*, люди читали заклинания, мольбы отвести *тучи* от села. У людей преобладало представление, что грозовые *тучи* гонит по небу св. Илья [СМ, 468–469]. *Гром* в народной традиции – карающее орудие небесных сил – Бога, Ильи Пророка, Перуна. Часто *гром* объясняли, что Илья ездит по небу на колеснице с огненными конями, что Илья или Бог кидают с неба камни. Повсеместно верят, что Бог, Илья и небесный змей *громом* поражают дьявола, и черта, которые, прячась, забираются в воду, под дерево или камень. Поэтому в грозу людям нельзя прятаться под деревом или в воде [Там же, 120–121]. *Молния* – явление природы, связываемое с *небесным огнем* и *громом*, а также с персонажами мифологии. *Молния* связана с Божеством-Громовником, преследующим противника [СД, 280]. *Молния*, атрибут верховного существа, считается эмблемой суверенной власти. Это также фаллический символ, атрибут божества неба как мужского космического начала, в этом случае гроза предстает как соитие земли и неба [ССЗ, 116]. *Град* в представлении народа – кара Божья, наказание за несоблюдение установленного порядка и грехи.

2. Перцепция

В процессе познания информация, которой оперирует человек, оказывается получена с помощью *сенсорных процессов* при непосредственном взаимодействии органов чувств с объектами окружающей среды [подробно см.: Мещерякова 2011]. Вместе с ощущениями, представляющими собой чувственное отображение реальности, выделяется несколько разрядов номинаций грозы; при этом мы проводим анализ фольклорно-мифологических данных, учитывая атрибуты и предикаты соответствующих лексем, их ассоциации и этимологии.

Природно-ландшафтный код: в мордовской традиции фольклора это: м. *ковол*; э. *пель*, *коволкс*; м., э. *ёндол*; м. *атям*, э. *пурьгине*; м., э. *цярахман*; м. *атям*, э. *пурьгине*. В русской традиции: *туча*, *молния*, *гром*, *град*, *гроза*,

Видеокод используем в обозначениях выделенных лексем в загадках. Лексический ряд зрительной семантики представлен в корпусе мордовских загадок. **Тучи, гроза:** *Пацяфтома лии, / Крғанарьф-*

тома ювади. – 'Без крыльев летит, / Без горла ревет'. **Туча, дождь, гроза:** *Лиш пацяфтома, / Моли пильгфтома*. – 'Летит без крыльев, / Идет без ног'. *Рахай – аварди, / Сельмоветть пярди*. – 'Смеется, плачет, / Слезу роняет'. **Гром:** *Аш кургоц, аш кялец, / А пилет панды вайгялец*. – 'Нет ни рта, ни языка, / А голос всех оглушает'; *Вярибантт тандады, / Алубантт кашанды*. – 'На горе ржет, / С горы не идет'; *Пизем ули – корхтай, / Мани ули – лоткай*. – 'Когда дождь – говорит, / Когда ясно – молчит'. **Гром и молния:** *Вирьста серьгяди, / Пандста врьгяти, / Равань стирсь тандады (эводи)*. – 'Из лесу крикнет, / С горы сверкнет, / Дочь Равы испугается'; *Атявозсь кяжеди, / Рвьянсь эводи*. – 'Дедушка злится, / Невеста пугается'. **Гром и град:** *Вирьста серьгяди, / Пандста врьгяти, / Равань стирнясь кумбраксты*. – 'Из лесу крикнет, / С горы сверкнет, / Дочь Волги бросает бусинки'. Лексика визуального выражена в лексемах: *аш кургоц* 'ни рта', *аш кялец* 'ни языка', *пизем* 'дождь', *мани* 'ясный', *кашандомс* 'капризничать', *врьгятемс* 'напасть', *кяжедемс* 'обидеться', *эводемс* 'испугаться', *рахамс* 'смеяться', *авардемс* 'плакать', *сельмоветть пярдемс* 'пролить слезы'. В послелогох *пацяфтома, крғанарьфтома, пильгфтома* с суффиксом *-фтома* выражается отсутствие у объекта зрительного восприятия крыльев, горла, ног.

Акша ватат вярге лишть, / Пиньгонь ётазь равчкодыхть, / Ведь путькониат пярдихть. – 'По небу летит белая вата, / Время пройдет – чернеет, Капли воды сыплет' В загадке есть визуальная перцепция, проявляющаяся в словосочетаниях: *акша ватат, вярге лишть, ведь путькониат*. Глаголы выражают легкость: *лиемс* 'лететь', переход из одного состояния в другое: *равчкодомс* 'чернеть'; созидательную силу: *ведь путькониат пярдемс* 'лить капли воды'. Ичкозде сай *оцюня (равжана), / Кяженц мархта сязендьсамань, / Паронц мархта парондсамань*. – 'Издалека придет черный, / Угрожает, страшит /, Добром своим утешает'. Перцептивная лексика обнаруживается в субстантивированных прилагательных *оцюня, равжана* (ср. *оцю* – 'громадный', *равжа* – 'черный'), которые позволяют оценить размер, форму и цвет объекта.

а). Этимология. Обратимся к этимологическим корням в финно-угорских языках, раскрывающих суть обозначенных понятий. В словаре Х. Паасонена лексема *aiam* интерпретируется как гром [Paasonen 1990, Vd. 1, 87]. В этимологическом словаре мокшанское слово *атям(а)* 'гром', в фин. *Ati* 'свёкор', *ätti, äittä, äitä*, 'отец', кар. *ätti*, водск. *äitä*, мар. *äitä, aía*, удм. *ataj*, венг. *atya* 'отец', в эрзянском встречаем *атя* 'старик, пожилой мужчина'; муж, в мокшанском *атя* 'старик', 'дед(ушка)' [Вершинин 2004, Т.1, 22–23]. *Атям*, вероятно, производно от *атя* 'старик'. Такой точки зрения придерживается У. Харва [Harva 1952, 158]. Со словом *атям* обнаруживаются семантические параллели в финском, карельском, марийском, удмуртском, венгерском, водском языках, хотя в них эта лексема не связана с громом. По Н. Ф. Мокшину, *атям* имеет тюркскую этимологию, восходит к тюркским корням, т.к. в тат. *ату* 'стрелять', *ату, атыш* 'стрельба'; каз. *ату, атыс, аталыс* 'стрельба'; кирг. *атарман* 'стрелок' [Мокшин, 74].

Лексема *puŕgiine* соотносится с русским эквивалентом **гром** [Paasonen 1990, Vd. 3, 1853]. В современных исследованиях и словарях лексема *атям* трактуется только как мокшанская, слово *пурьгине* только как эрзянское. В *пурьгине* есть балтийские корни [Вершинин 2009, 383; Мосин, Мосина 2018, 45; Девяткина, Цыпкайкина 2014, 160–165]. По Х. Паасонену, лексема *jondol* интерпретируется как 'молния' [Paasonen 1990, Vd. 1, 526]. Слово получено из словосложения *-dol* м. *tol* 'огонь' и *jon* в значении 'небо' [Вершинин 2004, 73]. Нет полной прозрачности в этимологии лексемы: э., м. *цяхрахман*, м. *страхман* 'град'. Есть соответствия в других языках: *šarakta* алт. *šarak* 'отруби; град (мелкий)', саам. *чуурмас* 'град' [Вершинин 2011, Т.5, 483]. А лексему *чяхрахман* тмн., лмб., кузн. причисляют к финно-угорским заимствованиям, из мордовских языков – э., м. *цяхрахман* [Насипов 2009, 46]. В русско-мокшанско-эрзянском словаре есть эквиваленты слову 'град' – м. *ковол, туця*; э. *пель, коволкс* [РМЭС 2011, 487].

Подводя итог этимологическим изысканиям, заключаем, что наиболее прозрачными мотивировками, не утратившими связи с называемыми величинами 'небо' и 'огонь', обладает лексема *ёндол* 'молния'; она одинаково звучит в эрзянском и мокшанском языках. Что касается грома и грозы, то для обозначения данных природных явлений есть одна и та же лексема, но по-разному звучащая у обоих субэтнососов: м. *атям*, э. *пурьгине*. Первая единица, по этимологическим данным, приближена к таким категориям, как 'старик, отец, свёкор, пожилой мужчина', вторая сохранила балтийский след. Существующие для града м. *ковол*; э. *пель* лексемы имеют генетические параллели в других родственных языках. Глубокий этимологический анализ требуется для слов – э., м. *цяхрахман*, м. *страхман* 'град'.

В русском языке на основании этимологии в родственных европейских языках *Туча* имеет характеристики «густой; густо, часто», «чаща, деревья и кустарники», «крепкий, сильный», «загустевший, свернувшийся», «стягивает, сгущает». *Гром* – «греметь», «шум, треск, ржание, скрежет», «расвирепевший, сердитый, взбешенный». *Молния* – «судья». *Гроза* – «трепет, ужас», «грозить, сердиться», «отвращение, отталкивающий», «страшный, ужасный», «суровый, дикий», «безобразие». Эти оценки даются нами членам совокупных групп, входящих в европейскую ситуацию 'ГРОЗА'.

б). Ассоциации (где четко проявляются мифометафорические модели): В метафорическом строе мордовских загадок отражен ассоциативный ряд зооморфных и антропоморфных существ. **Облака:** *Менельге акша учань стада якай.* – 'По небу ходит стадо белых овец'. **Туча, дождь, гроза** *Сазь равжа траксь, / Сембонди лофца максь.* – 'Пришла черная корова, / Всех молоком напоила'. **Гром и молния:** *Атявозь кяжеди, / Рвянясь эводи.* – 'Дедушка злится, / Невеста пугается'. Для метафорического представления тучи как сферы-источника используется понятийная область «Животное». В мокшанских загадках зооморфные метафорические образы не столь разнообразны: в группе домашних животных в крестьянском хозяйстве есть одно животное – *корова*. Зооморфная метафора имеет эпитет *чёрный равжа траксь*, характеризующий не только образ-метафору, но и скрывающийся за ней образ тучи. Через метафору загадки о туче проступают архетипические черты коровы как хозяйки двора и кормилицы крестьянской семьи, питающую и сочащуюся живительной влагой, т.к. коровье молоко с небес – это и есть переносное значение прохладного дождя, нужного для посевов, деревьев во время зноя. М. А. Тростина рассматривает архетипические черты коровы в сопоставительном аспекте на примерах фольклорного наследия мордвы-мокша, мордвы-эрзя и русских [Тростина 2018].

В русском языке **Туча:** *орлица; птица; белые гуси; сивые бараны; кони буланы; птица орел; у бога сирота; как сажка черна; турски поскоки; в дубу гробница, в гробнице девица; плот.* **Молния:** *блеск; татаруха; Марья-Мария; стрела стременина; мотовило-косовило.* **Гром:** *конь; лошадь строгана; утка; медведь; ворон; воронко; кобыла; (сивый) жеребец; вол; треск; татар; сани саненны; мотовило-косовило; монах, сухари в головах; бежит безун.* **Град:** *горох на двенадцать дорог; каточки; галушки.* Чаще использован зооморфный код.

Аудиокод. При восприятии звуков *Наблюдатель* воссоздает услышанное и сличает его с бывшим опытом, причем воображаемый в сознании ментальный образ имеет ряд характеристик: характер и длительность звучания, удаленность, опасность. Слуховые ощущения отражаются в языке. Например, **тучи, гроза:** *Пацяфтома лии, / Крганарьфтома ювади.* – 'Без крыльев летит, / Без горла ревет'. При акустических сигналах перемещения летающего объекта в сознании носителей традиции всплывают соответствующие его признаки: летучесть, шум, необходимые при декодировании народной загадки. При вербализации перцептивных впечатлений используют глагол слухового восприятия м. *ювадемс* 'крикнуть, вскрикнуть, закричать' передающий громкие напряженные звуки.

Туча, дождь, гроза: *Рахай – аварди, / Сельмоветть пярди.* – 'Смеется, плачет, / Слезу роняет'. Для обозначения явления природы в данной загадке аудиальная перцепция передается через глагольные формы *рахамс, авардемс*, выступая основными выразителями олицетворяющего образа. При этом здесь виден амбивалентный образ. В фольклоре неживая природа выступает живым существом с контрастными настроениями. Антропоморфные глаголы *рахамс, авардемс* выражают действия и процессы, присущие человеку, смех проявляется положительными эмоциями, а плачь – выражением скорби, печали, они сопровождаются интенсивностью и длительностью, по-разному передавая эмоциональное состояние. Его внешнее выражение – слеза, что опять перекликается с явлениями неживой природы, атмосферными осадками, сопровождающими грозу и молнию. Так устанавливается метафорическая связь.

Гром: *Пизем ули – корхтай, / Мани ули – лоткай.* – 'Когда дождь – говорит, / когда ясно – молчит'. Наглядно-чувственное осмысление грома отображается в загадках мокши в перцептивной лексике *корхтамс, лотксемс*. У грома антропоморфные черты, он похож на человека, обладая даром красноречия и умением молчать. *Аш кургоц, аш кялец, / А пилет панды вайгялец.* – 'Нет ни рта, ни языка, / А голос всех оглушает'. Его отличительной чертой является очень громкий голос – *вайгель*, способный закладывать уши, что передается глаголом *пандомс* с перцептивной семантикой. Загадка подчеркивает способность распространения звуковых колебаний – *омба вели маряви, вайгялец туй*.

Гром и молния: *Вирьста серьядсь, / Пандтста врьгятсь, / Тусь морянь тона пяли.* – 'Из лесу крикнул, / С горы сверкнул, / ушел за моря'; **Гром и град:** *Вирьста серьяди, / пандста врьгяти, / Равань стирнясь кумбряксты.* – 'Из лесу крикнет, / С горы сверкнет, / Дочь Волги бросает бусинки'.

В этих загадках звуки передаются аудиальными лексемами: *серьгедемс, врьгятемс, кумбрякстамс*. Глагол звучания *кумбрякстамс* ‘украшать себя венцом из каури’ произведен от существительного *кумбря* ‘нагрудные украшения, подвески’, это ракушка для украшения женских поясов *kumbria* объясняется через *куий рга* ‘змеи олова’, ср. рус. *змеиная головка* [Вершинин 2005, Т. 2, 182–183]. Часто наблюдается синестетическое сочетание нескольких перцептивных впечатлений, что проявляется в последней загадке, когда звуковое впечатление подкрепляется зрительным восприятием, которое эксплицируется с помощью существительных *вирь* и *панда*.

Русские предикаты звучания: 1) **Молния**: *всяк может видеть, но никто не слышит* (негация); 2) **Гром**: *крякнула утка на весь свет чутко; заревел медведь на все горы, на все моря; каркнул ворон на сто городов, на тысячу озер; за горам, за долам жеребец заржал; крикнул вол на сто сел, на тысячу городов; сивый жеребец на все царство ржет; ржет воронко, подает голосок; заржала кобыла; ржет жеребец на перегороде, Слышен его голос в Нове-городе; Заржала кобыла на крутой горе; Услышал молодец в Поморской стороне (Услышала кобыла во сырой земле); ревет ревун; стучит без рук; поп (гром) поет; по-французски говорило, по-немецки отвечало; кого-то позовет; свистнет; крикнет; громко стучит, звонко кричит, а что говорит, никому не понять; на небе стукнет, на земле слышно; Один бает, другой лает*; 3) **Град**: *От стука и от грому катились каточки; Стоит дед..., стреляет в бабу галушками; тур свистнет; Поп поет; за блеском треск*. 4) Отсутствует Туча.

Тактильный код. Есть единичные примеры тактильного кода в загадках мокши. **Тучи, гроза**: *Акша ватат вьярге лихть, / Пиньгонь ётазь равчкодыхть, / Ведь путьконят пярдихть*. – ‘По небу летит белая вата, / Время пройдет – чернеет, Капли воды сыплет’. **Туча, дождь, гроза**: *Рахай – аварди, / Сельмоветть пярди*. – ‘Смеется, плачет, / Слезу роняет’. В этих паремиях угадывается семантическая оппозиция «вверх – низ», вызванная представлениями о верхних и нижних мирах в мифологии. Возникает картина связи неба и земли, струящиеся с неба водные потоки (капли) орошают матушку-землю, обогащают ее влагой.

Русский язык: **Молния**: *Огонь высекает, сырую землю зажигает; сверкнет, без огня горит; птица орел, несет в зубах огонь; летит огневая стрела, никто ее не поймает*: ни царь, ни царица, ни красная девица; *свечи горят*; без огня горит; *блестит, блестит, все кругом чудит; очи ясна сокола; сверкнет; за блеском треск; жар – теплота; Ни огня, ни жару не имею, а все пожигаю; Услышала кобыла во сырой земле; Земля дрожит*.

Глаголы движения. Глаголы движения участвуют в описании явлений неживой природы и моделируются языком в следующих мордовских загадках. **Облака**: *Менельге акша учань стада якай*. – ‘По небу ходит стадо белых овец’; *Вьярге лии, / Алга равжа ки тии*. – ‘По небу летит, / На земле черный след оставляет’; *Пацяфтома лии, / Кргарьфтома ювади*. – ‘Без крыльев летит, / Без горла ревет’; *Ливти сёлмовтомо, / Чи пильгевтеме*. – ‘Летит без крыльев, / Бежит без ног’. **Тучи, гроза**: *Пацяфтома лии, / Кргарьфтома ювади*. – ‘Без крыльев летит, / Без горла ревет’; *Акша ватат вьярге лихть, / Пиньгонь ётазь равчкодыхть, / Ведь путьконят пярдихть*. – ‘По небу летит белая вата, / Время пройдет – чернеет, Капли воды сыплет’; **Туча, дождь, гроза**: *Ичкозде сай оюня (равжана), / Кяженц мархта сязендсамань, / Паронц мархта парондсамань*. – ‘Издалека придет черный, / Угрожает, страшает, / Добром своим утешает’; *Сазь равжа траксь, / Сембонди лофца максь*. – ‘Пришла черная корова, / Всех молоком напоила’; *Лии пацяфтома, / Моли пильгфтома*. – ‘Летит без крыльев, / Идет без ног’; **Гром**: *Вирьста серьгяди, / Пандста врьгяти, / Вайгялец туй иневедень тона пяли*. – ‘Из лесу крикнет, / С гор сверкнет, / Голос уходит за моря’. Самое яркое движение эксплицируется в перцептивных лексемах: *якамс* ‘ходить, двигаться; прогуливаться’; э. *ливтямс*, м. *лиемс* ‘лететь, пролететь; мчаться’; *самс* ‘прибыть’, *молемс* ‘идти, шагать, туемс ‘уйти’, в основном, это глаголы поступательного движения. Самый продуктивный глагол *лететь*, а корень *ли-* указывает на сходство славяно-литовских и финно-угорских корней: фин. *lentää, letä* лететь, эст. *lend* полёт, лит. *lekii* лететь, кар. *lendeä* лететь, укр. *лі-, ле-*, польск. *latać, lot* [Вершинин 2005, Т. 2, 212]. Тесно связаны движение и зрительное восприятие. Зрительная перцепция передается глаголами движения, т.е. явление природы характеризуется в мордовских загадках активностью, перемещением в пространстве, не имея никаких препятствий, имея почти свободную траекторию движения, но без крыльев и ног.

В русском языке. Образ **Тучи**: *Конь (лошадь) бежит; Бегут кони буланы, все узды порваны; коней напоила; летит орлица; махнула птица крылом, закрыла весь мир одним крылом; гуси плывут; отворяла ворота; ног нет, а идет; без крыл летит*. **Молния**: *Летит птица без крыла (орел);*

плот *плывет*; *Летела* стрела... никого не боится. **Гром**: мотовило-косовило по *поднебесью* ходило, всех устрашило; *Лошадь* строгана, *бежит*, *здрагиват*; *Бегут* кони буланы, все узды порваны. Эти словосочетания оцениваются как отрицательные.

Атрибуты. В мокшанских загадках доминируют в основном цветовые тона – **белый** (м. *акша*) и **черный** (м. *равжа*): *акша учань стада* / ‘стадо белых овец’; (*алга*) *равжа ки* / ‘(на земле, внизу) черный след’; *акша ватат* / ‘белая вата’; *равжа траксь* / ‘черная корова’. Цветовые прилагательные имеют прямые значения. В русских загадках маркируются денотаты с точки зрения **цветовой** палитры: *синее небо*; *синее море*: *сивые бараны*; *белые гуси*; *Русь бела*, как *сажа черна*; *шерсть черна соболя*. Атрибуты в загадках о грозе выявлены в небольшом количестве.

Аксиология. Аксиологическая модель строится на оппозициях, как то: «Благо» / «Зло», «Плохо» / «Хорошо», «Красиво» / «Некрасиво», «Свой» / «Чужой», «Правильно» / «Неправильно». Рассмотрим специфику ценностной картины мира на мордовских загадках, корпус которых невелик. **Ветер**, **дождь**, **молния**, **гром**: *Лиемац шуваня*, / *Аиксоц эчке*, / *Каямац мазы*, / *Эвгонец кяжи*. – ‘Основа тонкая, / Уток толстый, / Челнок крепкий’, / Бёрдо злое. **Гром**: *Арась кургозо*, / *Арась келезэ*, / *Но пилеть глуши вайгелезэ*. – ‘Ни рта, ни языка, / Но голосом своим оглушает’; *Иневедень томбальде* / *Ине атя (баба) сеери*. – ‘За большой водой, / Старик (старуха) кричит’. **Гром и молния**: *Вирьста серьгедь*, / *Пандста вьргедь*, / *Равонь тейтерь тандавть*. – ‘Из лесу крикнул, / С горы сверкнул, / Волжаночку спугнул’; **Туча**, **дождь**, **гроза**: *Сазь равжа траксь*, / *Сембонди лофца максь*. – ‘Пришла черная корова, / Всех молоком напоил’а. Ичкозде сай оцюня (равжана), / *Кяженец мархта сязендсамань*, / *Паронц мархта парондсамань*. – ‘Издалека придет черный, / Угрожает, страшит, / Добром своим утешает’. Гармония мира нарушается вмешательством неведомой силы извне, которая идет издалека, *ичкозде*. Природный объект огромных размеров и черного цвета имеет амбивалентный характер, т.е. привлекается оценочный компонент. С одной стороны, он свиреп, готов разорвать – *сязендсамань*, т.к. проявляет злобу и гнев, что выражено в предложной группе *кяженец мархта*. А с другой, – выступает добродетелем – *паронц мархта*, может покровительствовать *парондсамань*.

Пространственные локусы грома в мокшанских и эрзянских загадках – *вирь* / ‘лес’, *иневедь* / ‘море (букв. великая вода)’ и *панда* / ‘гора’. **Гром**: *Вирьста серьгяди*, / *Пандста вьргяти*, / *Вайгялец туй иневедень тона пяли*. – ‘Из лесу крикнет, / С гор сверкнет, / Голос уходит за моря’; *Вярибантт тандады*, / *Алубантт кашанды*. – ‘На горе ржет, / С горы не идет’; *Пандста тандады*, / *Омба вели маряви*. – ‘С горы ржет, / В другом селе слышно’. **Гром и молния**: *Вирьста серьгедь*, / *Пандста вьргятсь*, / *Тусь морянь тона пяли*. – ‘Из лесу крикнул, / С горы сверкнул, / ушел за моря’; *Вирьста серьгяди*, / *Пандста вьргяти*. – ‘Из лесу крикнет, / С горы сверкнет’; *Вирьста серьгяди*, / *Пандста вьргяти*, / *Равань стирсь тандады (эводи)*. – ‘Из лесу крикнет, / С горы сверкнет, / Дочь Равы испугается’. **Гром и град**: *Вирьста серьгяди*, / *пандста вьргяти*, / *Равань стирнясь кумбряксты*. – ‘Из лесу крикнет, / С горы сверкнет, / Дочь Волги бросает бусинки’. Т.о., в мифопоэтической традиции восприятие объекта предполагает его оценку. Приведенные признаки скрытого денотата в традиции ценностей этноса тяготеют скорее к отрицательному полюсу, чем положительному. Притягивают и такие положительные характеристики, как: *паронц мархта парондсамань*, *сембонди ловца максь*. Отталкивают или даже вызывают отвращение такие признаки: *эвгонец кяжи*, *пилеть глуши вайгелезэ*, *сеери*, *тандавть*, *кяженец мархта*, *сязендсамань*, *серьгяди*, *тандады*, *вьргяти*.

В русском языке. **Молния**: Орлица *крылья распластала*, *солнышко* застлала; *Закрывает весь мир* одним крылом; все узды *порваны*, *ни сесть*, *ни поглядить*, *ни плеткой ударить*; *Русь бела как сажа черна*; Что *без огня горит?* *Турски поскоки*, *оленьи поглядки*; На поле Царынском стоит дуб Саратынский, *в дубу гробница*, *в гробнице девица*, *Огонь высекает*, *сырую землю зажигает*; *Сверкнет*, мигнет, кого-то позовет; Летит птица орел, *несет в зубах огонь*. *посередине его человечья смерть*; Ни огня, ни жару не имею, а *всех пожигаю*; Летит *огневая стрела*, *никто ее не поймает*: ни царь, ни царица, ни красная девица; Летела стрела стременина мимо города немецка, *никого не боится*: *ни царя*, *ни царицы*, *ни красны девицы*, *ни ребенка в зыбке*. **Гром**: *Мотовило-косовило* по поднебесью ходило, *всех устрашило*, *По-французски говорило*, *по-немецки отвечало*. *Конь бежит*, *земля дрожит*; *Бьет охотник без ружья*; *Крякнула утка на весь мир* чутко; *Заревел медведь на все горы*, *на все моря*; Каркнул ворон *на сто городов*, *на тысячу озер*; *За горами за долами жеребец заржал*; Крикнул вол *на сто сел*, *на тысячу городов*; Сивый жеребец *на все царство ржет*; Ржет жеребец на перегороде, *слышен его голос в Нове-городе*; Ржет воронко перед загородкой, *подаёт голосок на иной городок*; Заржала кобыла на крутой горе, *Услышал молодец в Поморской стороне*; Ржет жеребец на крутой горе, *услышала кобыла во сырой земле*. Такая ситуация при-

носит страхи: смерть, пожар, исчезновение солнца; отсутствие света; земля загорается; в дереве гробница; огонь; молния сверкает, никого не боится; мимо города немецка; непонятные языки; земля дрожит; медведь ревет; бьет без ружья.

Выводы

В анализируемых примерах присутствуют маркеры как перцептивной, так и оценочной ситуации. Эмоциональная составляющая человека усиливает эмоции, дополняя антропоцентричность картины мира, где природа занимает важное место. Традиционно выделяемые негативные чувства человека *при грозе* – страх, ужас, удивление, отчаяние и даже злость – взаимосвязаны с картинами природы. Силам природы противопоставлен человек, чувствующий себя незащищенным. В рамках событийной ситуации ‘ГРОЗА’ эксплицитно выражены негативные эмоции, т.е. описание природных катаклизмов. Человек-персонаж выступает внешним Наблюдателем или, возможно, участником этой ситуации.

Итак, при восприятии описываемого феномена в *мордовских* загадках четко обнаруживаются перцептивно-выделяемые зооморфно-антропоморфные черты: отсутствие крыльев, горла, ног; обладание сильным голосом / оглушительным криком, красноречием / молчанием; характерная подвижность и легкость; эмоциональная аффективность, что наводит страх и испуг на *Наблюдателя*. Чувственное восприятие грозы в архаическом сознании происходит не только через внешние физические характеристики, но и пространственные координаты: движение из леса / горы в направлении моря. Через метафорический строй загадки проявляются важнейшие виды производственной деятельности – пастушество, овцеводство, скотоводство, земледелие. В языке мордовской загадки закреплены важные для социальной жизни понятия добра, блага, зла. Типичными колоративами выступают *белый, черный*.

В *русских* загадках наиболее эксплицитно проявляются эмоции *страха* от влияния стихии на внешний и внутренний мир коллективного *Наблюдателя*. В аудиокоде фиксированы разговоры на *непонятных* людям языках, свист, крик, зов, стук, треск, даже стрельба, звуки домашних и диких животных. Тактильный код демонстрирует, что в загадках о грозе чаще актуализируются идеи *пожара, света, блеска*, а также тревоги из-за «непонятного» человеку *передвижения животных и дрожь земли*. Атрибуты ограничены тремя видами цвета: *синий, белый и черный* (по два раза) и один раз *сивый*, т. е. человек не видит все краски *Наблюдаемого*. В отношении *Наблюдаемого* аффективны ментальные, психо-эмоциональные состояния.

В результате анализа следует уточнить, что в целом мордовские и русские загадки о грозе почти всегда реализуются по-своему. Вероятно, это связано с тем, что в архаические времена у разных племен нерасчлененность мышления порождала явления тождества *разнородных предметов*; где каждая вещь воспринималась чувственно, а образ воспроизводил только внешнюю сторону предмета – то, что было видимо и осязаемо. Однако, несмотря на то, что многообразие не осознавалось, оно все же когда-либо *объективно со временем начинало отражаться* в метафорическом образе, но *в разное время* представляло собой отложение пространственно-чувственных восприятий, которые выливались в форму некой конкретной предметности. Этот образ – производное от мифотворческого мышления со всеми законами мифотворческого восприятия пространства, времени и причины, с его слитностью субъекта и объекта. В результате у каждой нации создается особая картина мира. Представления о временах года как явлениях природы также связано в народном сознании с определенными образами.

Итак, основная цель нашей работы состояла в выявлении характера связи, существующем между человеком и природой, а также в исследовании мифоконцепта ГРОЗА и его языковой репрезентации в старинных загадках. Нам было важно понять роль изучаемого концепта в рамках отношений между мордовским и русским материалом, которые раскрыли взаимодействия таких категорий, как «человек – природа». В ходе проведенного анализа удалось прийти к ряду выводов, которые доказывают, что восприятие, осмысление и оценка природы в разных языках не всегда происходит в рамках единой когнитивно-информационной ситуации, а основаны на разном социальном и индивидуальном опыте реципиента. И эти процессы в большинстве случаев проходят не одномоментно.

ЛИТЕРАТУРА

- Болдырев Н. Н.* Антропометрическая теория языка. Теоретико-методологические основы // Когнитивные исследования языка, 2017. Вып. XXVIII. С. 20–81.
- Верхотурова Т. Л.* Фактор Наблюдателя в языке науки: монография. Иркутск, ИГЛУ, 2008. 289 с.
- Вершинин В. И.* Этимологический словарь мордовских (эрзянского и мокшанского) языков. В 5 томах. Т. 1. Йошкар-Ола: Стринг, 2004. 123 с.; 2005. Т. 2. С. 123–238; 2005. Т. 3. С. 239–355; 2009. Т. 4. С. 356–468. 2011. Т. 5. С. 469–547.
- Вершинин В. И.* Этимологический словарь мордовских (эрзянского и мокшанского) языков. В 5 томах. Т. 2. Йошкар-Ола: Стринг, 2005. С. 123–238.
- Вершинин В. И.* Этимологический словарь мордовских (эрзянского и мокшанского) языков. В 5 томах. Т. 3. Йошкар-Ола: Стринг, 2005. С. 239–355.
- Вершинин В. И.* Этимологический словарь мордовских (эрзянского и мокшанского) языков. В 5 томах. Т. 4. Йошкар-Ола: Стринг, 2009. С. 356–468.
- Вершинин В. И.* Этимологический словарь мордовских (эрзянского и мокшанского) языков. В 5 томах. Т. 5. Йошкар-Ола: Стринг, 2011. С. 469–547.
- Гробицкая А. М.* Дискурсивно-семантический анализ событийного макродискурса: на материале англоязычных газетных текстов: дис. ... канд. филол. наук. СПб, 2013. 344 с.
- Десяткина Е. М., Цыпкайкина В. П.* Структурно-семантический и словообразовательный анализ метеорологической лексики мордовских языков // Научное мнение, 2014. № 9-1. С. 16–165.
- Заботкина В. И.* Антропометрический принцип как методологическая основа когнитивных исследований // Когнитивные исследования языка, 2017, вып. XXX. С. 51–54.
- Карасик В. И.* Языковое проявление личности. М.: Гнозис, 2015. 382 с.
- Маковский М. М.* Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. М.: Владос, 1996. 416 с.
- Мецержакова О. А.* Семантика перцепции в аспекте художественной когниции И. А. Бунина: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Елец, 2011. 51 с.
- Мецержакова О. А., Шестеркина Н. В.* Мотив иерофании в рассказе В. Набокова «Гроза» // Фольклорный текст в современном культурном контексте: традиция и ее переосмысление. Орел: Орловский ГУ, 2016. С. 95–104.
- Митрофанова В. В.* Загадки. Л.: Наука, 1968. 254 с.
- Мошкин Н. Ф.* Религиозные верования мордвы. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1998. 246 с.
- Мордовские загадки / Сост. К. Т. Самородов. Саранск, 1987. 288 с.
- Мосин М. В., Мосина Н. М.* Лексика мордовских языков в историческом освещении. Саранск: Изд-во Морд. ун-та, 2018. 128 с.
- Мотейюнайте И. В.* Библийская аллюзия в рассказе В. В. Набокова «Гроза» // Филологические науки: Вестник Череповецкого ГУ, 2016. № 2. С. 38–41.
- Насипов И. С.* О мордовских заимствованиях в татарском языке // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 4 (16). С. 44–47.
- Петрухин В. Я.* Женидьба Громовержца. Балтийско-финские мифологические параллели и проблемы начальной этнической истории балтов, финнов и славян в восточной Европе // Славяноведение. 2006. № 2. С. 31–36.
- (РМЭС) Русско-мокшанско-эрзянский словарь = Рузонь-мокшень-эрзянь валкс: более 14 тысяч слов / Поволжский центр культур финно-угорских народов / Под ред. Ю. А. Мишанина. Саранск, 2011. 531 с.
- Сапрыкина М. В.* Мотив ветра и его функции в рассказе В. Набокова «Гроза» // Вторые Щеулинские чтения. Липецкий гос. ун-т им. П.П. Семенова-Тянь-Шанского. 2018. С. 250–253.
- (СМ) Славянская мифология: Энциклопедический словарь. М.: Международные отношения, 2011. 512 с.
- (СД) Славянские древности: Этнолингвистический словарь. М.: Международные отношения, 2014. 697 с.
- (ССЗ) Словарь символов и знаков. М., Минск, 2006. 240 с.
- Смирнов И. Н.* Мордва: историко-этнографический очерк. Саранск, 2002. 296 с.
- Топорова Т. В.* Об антропоцентризме эпического слова // Научный вестник Воронежского ГАСУ. Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2016. № 1 (29). С. 19–26.
- Тростина М. А.* Архетип коровы-кормилицы в фольклоре русских и мордвы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 12-1 (90). С. 62–65.
- Фисенко О. С.* Концепт ГРОЗА в русском языковом сознании: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, ВГУ, 2005. 24 с.

Хомякова Е. Г. Эгосфера: ее моделирование и содержание // Антропоцентризм в языке и речи. СПб, 2003. С. 3–12.

Хомякова Е. Г., Петухова Т. И., Тимченко Н. М. Антропометричность концепта NATURE в англоязычном дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики, 2018. С. 47–57.

Юртов А. Ф. Образцы мордовской народной словесности. Казань: Православное миссионерское общество, 1883. Вып. 2. 308 с.

Harva U. Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki, 1952. 456 S.

Paasonen H. Mordwinisches Wörterbuch = Мордовский словарь. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1990. Bd. I. 557 S.

Paasonen H. Mordwinisches Wörterbuch = Мордовский словарь. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1994. Bd. III. S. 1306–1927.

Поступила в редакцию 10.11.2021

Ваганова Елена Николаевна,

кандидат филологических наук,

доцент кафедры немецкой филологии,

Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева

430005, г. Саранск, Россия, Большевикская ул. 68

e-mail: waganowa@mail.ru

Шестеркина Наталья Викторовна,

доктор филологических наук,

профессор кафедры теории речи и перевода,

Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева

430005, г. Саранск, Россия, Большевикская ул. 68

e-mail: nvshest@mail.ru

Vaganova E. N., Shesterkina N. V.

“THUNDERSTORM” AS A NATURAL EVENT SITUATION

(on the material of Mordovian and Russian riddles)

DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-4-606-617

Folk riddles about a natural complex phenomenon “THUNDER” in Mordovian (Moksha and Erzya) and Russian languages, in which ethnic complexes and individual units of a given situation are realized in one or another language, were the material for this article. The selected material allows us to characterize the mechanisms of interaction between language and culture through mythology, perception, as well as video code (including etymology and mythometaphorization), tactile and audio codes, attributes and axiology. This complex approach allows defining and describing in detail the relationship between a person (an Observer) and nature (Observed) in terms of the perceptual and evaluative situation. The chosen method, combining a definitional and a cognitive-semantic analysis, and also an algorithm of research of an emotive potential of a concept “THUNDER”, define its novelty, relevance and timeliness of an analysis made.

Keywords: comparative aspect, folk riddles, Observer, natural complex, event situation, mythology, video code, audio code, axiology.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2022, vol. 16, issue 4, pp.606–617

REFERENCES

Boldyrev N. N. Antropometricheskaya teoriya yazyka. Teoretiko-metodologicheskie osnovy [Anthropocentric theory of language. Theoretical and methodological foundations]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive language studies], 2017, issue XXVIII, pp. 20–81. In Russian.

Verkhoturova T. L. Faktor Nablyudatelya na yazyke nauki: monografiya [Observer factor in the language of science: monograph]. Irkutsk, IGLU Publ., 2008. 289 p.

Vershinin V. I. *Etimologicheskii slovar' mordovskikh (erzyanskogo i mokshanskogo) yazykov: V 5 t.* [Etymological dictionary of the Mordovian (Erzyan and Mokshan) languages: in 5 vol.]. Yoshkar-Ola, String Publ., 2004. Vol. 1. 123 p.; 2005. Vol. 2. pp. 123–238; 2005. Vol. 3. pp. 239–355; 2009. Vol. 4. pp. 356–468; 2011. Vol. 5. pp. 469–547. In Russian and Mordovian.

Grobitskaya A. M. *Diskursivno-semanticheskii analiz sobytiinogo makrodiskursa: na materiale angloazychnykh gazetnykh tekstov*: Dis. kand. filol. nauk [Discursive-semantic analysis of event macrodiscourse: based on English newspaper texts. Cand. philol. sci. diss.]. SPb, 2013. 344 p. In Russian.

Devyatkina E. M., Tsyпкаikina V. P. Strukturno-semanticheskii i slovoobrazovatel'nyi analiz meteorologicheskoi leksiki mordovskikh yazykov [Structural-semantic and derivational analysis of meteorological vocabulary in the Mordovian languages]. *Nauchnoe mnenie* [Scientific opinion], 2014, no. 9–1, pp. 160–165. In Russian.

Zabotkina V. I. Antropometricheskii printsip kak metodologicheskaya osnova kognitivnykh issledovaniy [Anthropometric principle as a methodological basis for cognitive research]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive language studies], 2017, issue XXX, pp. 51–54. In Russian.

Karasik V. I. Yazykovoe proyavlenie lichnosti [Linguistic manifestation of a personality]. Moscow: Gnozis Publ, 2015. 383 p. In Russian.

Makovskii M. M. *Sravnitel'nyi slovar' mifologicheskoi simvoliki v indoevropskikh yazykakh* [Comparative dictionary of mythological symbolism in Indo-European languages]. Moscow, Vldos Publ., 1996. 416 p. In Russian.

Meshcheryakova O. A. *Semantika pertseptsii v aspekte khudozhestvennoj kognitsii I. A. Bunina: Avtoref. dis. doc. filol. nauk*. [Semantics of perception in the aspect of I. A. Bunin's artistic cognition. Extended abstract of Doc. filol. sci. diss.]. Elets, 2011. 51 p. In Russian.

Meshcheryakova O. A., Shesterkina N. V. Motiv ierofanii v rasskaze V. Nabokova «Groza» [The motive of hierophany in V. Nabokov's story "The Thunderstorm"]. *Folklornyi tekst v sovremennom kulturnom kontekste: traditsiya i ee pereosmyslenie* [Folklore text in a modern cultural context: tradition and its rethinking]. Orel: Orlovskii GU Publ., 2016. pp. 95–104. In Russian.

Mitrofanova V. V. Zagadki [Riddles]. Leningrad, Nauka Publ., 1968. 254 p. In Russian.

Mokshin N. F. *Religioznye verovaniya mordvy* [Religious beliefs of Mordovians]. Saransk, Mordov. kn. izd-vo Publ., 1998. 246 p. In Russian.

Mordovskie zagadki [Mordovian riddles]. Sost. K. T. Samorodov. Saransk, 1987. 288 p. In Russian.

Mosin M. V., Mosina N. M. *Leksika mordovskikh yazykov v istoricheskom osveshchenii* [Vocabulary of the Mordovian languages in historical coverage]. Saransk, Izd-vo Mord. un-ta Publ., 2018. 128 p. In Russian and Mordovian.

Moteyunaite I. V. Bibleiskaya allyuziya v rasskaze V. V. Nabokova «Groza» [Biblical allusion in V.V. Nabokov's story "Thunderstorm"]. *Filologicheskie nauki: Vestnik Cherepovetskogo GU* [Philological sciences: Bulletin of the Cherepovets State University], 2016, no. 2, pp. 38–41. In Russian.

Nasipov I. S. O mordovskikh zaimstvovaniyakh v tatarskom yazyke [About the Mordovian borrowings in the Tatar language]. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya* [The world of science, culture and education], 2009, no.4 (16), pp. 44–47. In Russian.

Petrukhin V. Ya. Zhenit'ba Gromoverzhtsa. Baltiisko-finskii mifologicheskie patalleli i problemy nachel'noi etnicheskoi istorii baltov, finnov i slavyan v vostochnoi Evrope [God of Thunder's marriage. Baltic-Finnish mythological parallels and the problems of early ethnic history of the Balts, Finns and Slavs in Eastern Europe]. *Slavyanovedenie* [Slavic studies], 2006, no. 2, pp. 31–36. In Russian.

RMES – *Russko-mokshansko-erzyanskii slovar': bolee 14 tysyach slov*. Povolzhskii zentr kultur finno-ugorskikh narodov. Pod red. Yu. A. Mishanin. Sost. V. I. Shchankina, A. I. Kochevatkin, S. A. Mishina [Russian-Moksha-Erzyan dictionary: more than 14 thousand words. Povolzhsky center of cultures of the Finno-Ugric peoples. Edited by Yu. A. Mishanin. Compilers V. I. Shchankina, A. I. Kochevatkin, S. A. Mishina]. Saransk, 2011. 531 p. In Russian and Mordovian.

Saprykina M. V. Motiv vetra i ego funktsii v rasskaze V. Nabokova „Groza“ [The motif of the wind and its functions in V. Nabokov's story „The Thunderstorm“]. *Vtorye shcheulinskie chteniya* [Second Sheulin Readings]. Lipetsk State University named after P. P. Semenov-Tien Shanskiy, 2018, pp. 250–253. In Russian.

SM - *Slavyanskaya mifologiya: entsyklopedicheskii slovar'* [Slavic mythology: encyclopedic Dictionary]. 2nd ed. Moscow, International Relations Publ., 2011. 509 p. In Russian.

SD - *Slavyanskii drevnosti: etnolingvisticheskii slovar': V 5 t. Pod obshch. red. N. I. Tolstogo* [Slavic antiquities: ethnolinguistic Dictionary: in 5 vol. Under the general edit. of N. I. Tolstoy]. Moscow, International Relations Publ., 2004. Vol 3. 697 p. In Russian.

SSZ - *Slovar' simvolov i znakov. M. V. Adamchik* [Dictionary of symbols and signs. M. V. Adamchik]. Moscow, AST Publ., Minsk: Kharvest Publ., 2006. 239 p. In Russian.

Smirnov I. N. *Mordva: istoriko-etnograficheskii ocherk* [Mordva: Historical and Ethnographic Essay]. Saransk, 2002. 296 p. In Russian.

Toporova T. V. Ob antropotsentrizme epicheskogo slova [On the anthropocentrism of the epic word]. *Nauchnyi vestnik Voronezhskogo GASU. Seriya: Sovremennye lingvisticheskie i metodiko-didakticheskie issledo-*

vaniya [Scientific bulletin of the Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Series: Modern linguistic and methodical-didactic research]. 2016, no. 1 (29), pp. 19–26. In Russian.

Trostina M. A. Arkhetip korovy-kormilitsy v folklore russkikh i mordvy [Cow-nurse archetype in the Russians' and the Mordovians' folklore]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Questions of theory and practice]. 2018, no. 12–1 (90), pp. 62–65. In Russian.

Fisenko O. S. Kontsept Groza v russkom yazykovom soznanii [The Thunderstorm concept in Russian linguistic consciousness. Extended abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Voronezh, Voronezh State University, 2005. 24 p. In Russian.

Khomyakova E. G. Egosfera: ee modelirovanie i sodержanie [Egosphere: its modeling and content]. *Antropotsentrizm v yazyke i rechi*. [Anthropocentrism in language and speech]. St. Petersburg, 2003, pp. 3–12. In Russian.

Khomyakova E. G., Petukhova T. I., Timchenko N. M. Antropometrichnost' kontsepta NATURE v angloyazychnom diskurse [Anthropometricity of the NATURE Concept in English-Speaking Discourse]. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki* [Cognitive linguistics issues], 2018, issue 4, pp. 47–57. In Russian.

Yurtov A. F. *Obraztsy mordovskoi narodnoi slovesnosti* [Samples of Mordovian folk literature]. Kazan, Orthodox Missionary Society, 1883, issue 2. 308 p. In Russian and Mordovian.

Harva U. Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki, 1952. 456 S. In German.

Paasonen H. Mordwinisches Wörterbuch. Helsinki, Suomalais-ugrilainen seura, 1990, Bd. I. 557 S. In Russian, Mordovian and German.

Paasonen H. Mordwinisches Wörterbuch. Helsinki, Suomalais-ugrilainen seura, 1994, Bd. III. S. 1306–1927. In Russian, Mordovian and German.

Received 10.11.2021

Elena Nikolaevna Vaganova,
Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor,
Research Mordovia State University,
68, Bol'shevistskaya St., Saransk, 430005, Russia,
e-mail: waganowa@mail.ru

Natalya Victorovna Shesterkina,
Doctor of Sciences (Philology), Professor,
Research Mordovia State University,
68, Bol'shevistskaya St., Saransk, 430005, Russia,
e-mail: nvshest@mail.ru

История, археология, этнография

УДК 323.1(470.343+470.345+470.51) (045)

В. С. Воронцов, Д. А. Черниенко

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РЕСПУБЛИКАХ МАРИЙ ЭЛ, МОРДОВИЯ, УДМУРТИЯ В ОЦЕНКАХ ЭКСПЕРТОВ¹

В статье представлены некоторые результаты экспертного опроса, проведенного в 2021 г. в рамках реализации научного проекта «Этнический фактор в общественно-политической жизни регионов России: от этнополитической мобилизации к гражданской интеграции (республики Башкортостан, Марий Эл, Мордовия, Удмуртия, Чувашия)». Полученные материалы позволили проанализировать мнения экспертов – специалистов в сфере национальной и молодежной политики, о роли и значении этнического фактора в современных социально-политических процессах, оценках межнациональной ситуации и предлагаемые меры по укреплению этнополитической стабильности. Актуальность исследования в указанный период была связана с проведением двух важных общегосударственных кампаний – выборов в Государственную Думу Российской Федерации и Всероссийской переписи населения. В определенной степени на состояние этноконфессиональных отношений могла повлиять пандемия коронавируса и связанные с ней кризисные явления в социально-экономической сфере. Кроме того, современная Россия находится под влиянием ряда неблагоприятных внешних факторов, способных оказать воздействие на ситуацию в регионах и породить напряженность в системе этнополитических отношений. Анализ мнений экспертного сообщества показывает, что финно-угорские республики ПФО представляют пример долговременной стабильности межэтнических отношений и относительной бесконфликтности, хотя испытывают те же трудности, что и другие российские регионы, зачастую имеющие более значительный экономический потенциал и более высокий уровень социального развития. Таким образом, модель бесконфликтного устойчивого общественного развития финно-угорских республик нуждается в дальнейшем системном анализе. В целом полученные результаты свидетельствуют о доминировании в настоящее время региональных социально-экономических проблем над межэтническими противоречиями.

Ключевые слова: государственная национальная политика, Марий Эл, Мордовия, Удмуртия, регионы, национальный состав, эксперты, мониторинг, межнациональные отношения, национальная нетерпимость, конфликты, мигранты, национально-культурные объединения, профилактика экстремизма.

DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-4-618-627

Проблемы межнациональных отношений в современном мире относятся к числу наиболее актуальных, в том числе и в России. «Невозможность игнорировать этнополитическую тематику стала очевидной в начале 1990-х гг., когда этнический фактор (или так называемый национальный вопрос) дал о себе знать в целом ряде государств. Формирование и всплеск активности этнокультурных и националистических групп, организаций и даже массовых движений в России породили интерес отечественных исследователей к этнополитической проблематике. Политизация этничности потребовала от властей реагирования на вызовы...» [Тишков, Шабаев 2013, 10].

Одной из основных целей государственной национальной политики является упрочение общероссийского гражданского самосознания и духовной общности многонационального народа Российской Федерации (российской нации) [Указ 2012; Концепция 2018]. В большинстве регионов Приволжского федерального округа на протяжении длительного времени осуществляется мониторинг межэтнических и межконфессиональных отношений, проводятся специальные социологические исследования [Состояние научной экспертизы 2013; Межэтнические отношения 2019]. Системная работа в форматах массовых этносоциологических и экспертных опросов по выявлению позитивных

¹ Статья подготовлена по Программе фундаментальных и прикладных научных исследований Минобрнауки России во исполнение Поручения Президента РФ от 16.01.2020 г. Пр-71. «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020–2022 гг.

и негативных установок на межэтническое общение представителей разных национальностей, выявление конфликтных и предконфликтных ситуаций проводится также в республиках Марий Эл, Мордовия, Удмуртия [Воронцов, Черниенко 2014; Межконфессиональные и межнациональные отношения 2020; Воронцов, Мартыненко, Орлова 2021], при этом особое значение имеют именно экспертные оценки [Национальный вопрос 2013; Государственная национальная политика 2018]. Опираясь на современные методологические разработки, изучение межэтнических отношений проводится в широком социальном контексте, с пониманием того, что их характер определяется сложным комплексом факторов исторического, социально-экономического, политического, этнокультурного характера. Кроме того, состояние регионального социума может зависеть и от текущей общественной ситуации, конкретных актуальных событий (например, переписи населения, выборы, чрезвычайные происшествия и т. п.).

По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. (далее – ВПН-2010), в Российской Федерации проживали представители 193 этнических групп [ВПН 2010]. Как известно, при неблагоприятных обстоятельствах многоэтнический состав населения может стать одним из факторов межнациональной напряженности. Республики Марий Эл, Мордовия и Удмуртия, как и многие другие субъекты России, также характеризуются сложным этническим составом. В то же время в изучаемых республиках три этнические группы составляют абсолютное большинство населения, указавшего национальность. По данным ВПН-2010 г., в Марий Эл – это русские (47,4%), марийцы (43,9%), татары (5,8%); в Мордовии – русские (53,4%), мордва (40,1%), татары (5,2%); в Удмуртии – русские (62,2%), удмурты (28%), татары (6,7%) [Воронцов 2012, 64].

В рамках реализации научного проекта «Этнический фактор в общественно-политической жизни регионов России: от этнополитической мобилизации к гражданской интеграции (республики Башкортостан, Марий Эл, Мордовия, Удмуртия, Чувашия)» в изучаемых субъектах в ноябре-декабре 2021 г. был проведен опрос экспертов. В каждом регионе были опрошены три группы респондентов (по 30 человек в каждой): 1) руководители и работники министерств, управлений и подведомственных учреждений, ответственных за разработку и реализацию молодежной политики в регионах, специалисты городских и районных отделов по делам молодежи (10 чел.); 2) научные сотрудники академических институтов, исследовательских центров, преподаватели вузов, кураторы молодежив учебных заведениях (10 чел.); 3) руководители молодежных общественных движений и организаций, в том числе национально-культурных объединений, молодежных отделений политических партий, представители студсоветов, молодежного парламента, поисковых и волонтерских организаций (10 чел.)².

Опрос проводился по заранее разработанному стандартизированному вопроснику, который включал как закрытые, так и открытые вопросы, а также предусматривал возможность дать общие комментарии по теме исследования. Ввиду того, что в период проведения опроса сохранялась сложная эпидемиологическая обстановка и действовали ограничения, часть экспертов была опрошена в дистанционном формате. Большинство экспертов отнеслись к опросу с пониманием, отказов от участия не зафиксировано. В комментариях, например, было отмечено, что проблемы межнациональных отношений являются «первостепенными и важными» для многонациональной страны.

Отдельный блок вопросника был посвящен оценке состояния межнациональных отношений в стране и изучаемых республиках. Экспертам также было предложено высказаться о мерах по укреплению этнополитической стабильности в стране и упрочению общероссийской идентичности.

Отношения между людьми различных национальностей в стране и своей республике эксперты оценивают по-разному. В целом по трем республикам две трети экспертов (57 чел. из 90) положительно оценивают отношения между людьми различных национальностей: они доброжелательные, способствующие общественному согласию (5 чел.) или нормальные, бесконфликтные (52 чел.). В то же время, почти треть опрошенных полагает, что эти отношения напряженные, с конфликтными ситуациями (28 чел.); более того, три эксперта оценили их как взрывоопасные, способные перейти в открытые столкновения. Чаще положительно оценивают межнациональную обстановку в стране эксперты из Мордовии (26 из 30 чел.) и Марий Эл (18 чел.), реже – из Удмуртии (13 чел.). И наоборот, большинство экспертов Удмуртии (17 чел.) и заметная часть экспертов Марий Эл (13 чел.) назвали ситуацию в стране напряженной. Очевидно, на последнее мнение повлияли отдельные факты антимигрантских выступлений,

² Региональные координаторы исследования в Республике Марий Эл – к.и.н., ведущий научный сотрудник Орлова О.В., в Республике Мордовия – д.и.н., профессор Мартыненко А.В., в Удмуртской Республике – к.и.н., старший научный сотрудник Воронцов В.С.

столкновений представителей разных этносов в разных регионах России, обычно носящих характер бытового хулиганства или откровенных криминальных «разборок».

Более позитивно эксперты оценили межнациональную ситуацию в республиках проживания: больше половины опрошенных назвали межнациональные отношения нормальными и бесконфликтными (51 чел.), каждый четвертый – доброжелательными, способствующими общественному согласию (23 чел.). Меньшая часть опрошенных (15 чел.) указала на наличие напряженности в отношениях между людьми разных национальностей. Один из экспертов написал: «...бывают конфликтные ситуации. В этом случае речь идет, прежде всего, о проявлениях "бытового национализма", вызванного, в свою очередь, отсутствием общей культуры отдельных людей или даже сообществ».

В разрезе республик наблюдаются некоторые различия. Традиционно спокойную этноконфессиональную обстановку в Мордовии подтвердили все без исключения эксперты: 19 из них считают отношения между людьми различных национальностей в РМ нормальными и бесконфликтными, остальные (11 чел.) – доброжелательными, способствующими общественному согласию. Большая часть экспертов из Марий Эл (21 чел.) и Удмуртии (23 чел.) также указывают на доброжелательные отношения в своих республиках, меньшая часть из них, соответственно, 8 и 7 экспертов, все-таки не исключают конфликтные ситуации.

Следует отметить, что позитивных ответов оказалось больше и при оценке жителями межнациональных отношений в своих республиках. По данным массового социологического опроса 2020 г., межнациональные отношения в стране оценивают как положительные («доброжелательные, способствующие общественному согласию» и «нормальные, бесконфликтные») 57% опрошенных в Марий Эл, 66% – в Мордовии и 54% – в Удмуртии, как напряженные с конфликтными ситуациями 36% респондентов в Марий Эл, 23% – в Мордовии и 29% – в Удмуртии. В то же время положительные оценки отношениям между людьми различных национальностей в своей республике дали 81% респондентов Марий Эл, 89% опрошенных Мордовии и 78% респондентов Удмуртии. Наличие конфликтных ситуаций в своих республиках чаще отмечали респонденты из Удмуртии (15%) и Марий Эл (14%), реже – из Мордовии (9%). Важно, на наш взгляд, что оценки межнациональных отношений русских респондентов и представителей «титовых» народов (марийцы в Марий Эл, мордва в Мордовии, удмурты в Удмуртии) практически совпадают (разница на уровне статистической погрешности) [Этнический фактор 2021, 19–20].

Таким образом, оценку межнациональных отношений как напряженных, с конфликтными ситуациями применительно к России эксперты высказывали почти в два раза чаще (28 чел.), чем к своим республикам (15 чел.). Мнение о том, что отношения в республиках взрывоопасные, способные перейти в открытые столкновения, не нашло поддержки среди экспертов. Следовательно подавляющее большинство экспертов (68 чел.) уверены в том, что серьезных межнациональных конфликтов в Марий Эл (23 чел.), Мордовии (25 чел.) и Удмуртии (20 чел.) не будет или скорее не будет. Каждый четвертый опрошенный (22 чел.) все-таки допускает такую возможность, чаще об этом говорят эксперты из Удмуртии (10 чел.), реже – из Мордовии (5 чел.) и Марий Эл (7 чел.).

Стабильные, доброжелательные межнациональные отношения в финно-угорских регионах Приволжского федерального округа подтверждаются и другими исследованиями. Дело в том, что помимо долговременного добрососедского взаимодействия трех этнических групп, которые являются базовой основой межнациональных отношений, в республиках в 1990-х – 2010-х гг. сформировалась своеобразная модель успешного взаимодействия и социального партнерства между этнокультурными движениями и организациями, с одной стороны, и структурами государственной власти – с другой. Данное сотрудничество во многом обеспечивает этнополитическую стабильность в Марий Эл, Мордовии и Удмуртии, которая в этом смысле может служить примером для других, более проблемных регионов [Воронцов, Мартыненко, Орлова 2021, 5].

В то же время все эксперты указали те или иные факторы, которые могут дестабилизировать обстановку в республиках. Среди причин, способных обострить межнациональные отношения, в порядке значимости были названы следующие:

- 1) неправильное воспитание в семье, исторические традиции проявления национальной нетерпимости (84 чел.);
- 2) вызывающее поведение представителей отдельных национальностей, игнорирующих традиции местных жителей (48 чел.);
- 3) ухудшение экономического положения людей, снижение уровня жизни (45 чел.);
- 4) прибытие мигрантов из зарубежных стран и других регионов РФ, усиление конкуренции на рынке труда (43 чел.);

- 5) выступления в СМИ, провоцирующие межнациональную неприязнь (40 чел.);
- 6) непродуманные решения региональных и местных органов власти в сфере межнациональных отношений (35 чел.);
- 7) деструктивная деятельность организаций экстремистской направленности (35 чел.);
- 8) недостаточная работа учреждений образования и культуры по воспитанию культуры межнациональных отношений (29 чел.);
- 9) борьба политических сил (партий, организаций) за власть в ходе выборных кампаний (18 чел.);
- 10) присоединение республики к соседнему региону (10 чел.).

Два эксперта из Удмуртии к факторам, способным негативно повлиять на межнациональные отношения, отнесли также коррупцию в органах власти и невнимание к проблемам молодежи. Комментарии экспертов из Мордовии сводились к сомнениям в возможности межнациональных конфликтов в их республике: «У нас ничего этого не будет. Или будет в столь мизерном масштабе, что ни на что не повлияет», «У Мордовии очень хороший иммунитет к какой-либо межнациональной дестабилизации», «НИ-ЧЕ-ГО. В Багдаде всё спокойно».

Следует отметить, что абсолютное большинство экспертов из Марий Эл (30 чел.), Удмуртии (29 чел.) и Мордовии (25 чел.) указали в качестве важнейшей причины, способной повысить межнациональную напряженность, неправильное воспитание в семье, которое вероятно связано с проявлениями национальной нетерпимости к представителям каких-то этнических групп. Степень важности других факторов в республиках несколько различаются (табл. 1). Значительная часть экспертов из Марий Эл в числе приоритетных назвала ухудшение экономического положения людей и снижение уровня жизни (16 чел.), выступления в СМИ, провоцирующие межнациональную неприязнь (16 чел.), и непродуманные решения региональных и местных органов власти в сфере межнациональных отношений (15 чел.). В свою очередь, более половины экспертов из Мордовии в качестве негативных причин указали на прибытие мигрантов и усиление конкуренции на рынке труда (19 чел.), деструктивную деятельность организаций экстремистской направленности (18 чел.) и на вызывающее поведение представителей отдельных национальностей, игнорирующих традиции местных жителей (16 чел.). В Удмуртии, по мнению экспертов, межнациональную стабильность могут нарушить своим вызывающим поведением представители отдельных национальностей, которые «лезут в чужой монастырь со своим уставом» (20 чел.), ухудшение экономического положения людей (15 чел.) и негативная информация, распространяемая через СМИ (13 чел.).

Таблица 1

**Назовите причины, способные обострить межнациональные отношения
в Вашей республике? (чел.)**

Причины	Марий Эл	Мордовия	Удмуртия
Непродуманные решения органов власти в сфере межнациональных отношений	15	8	12
Борьба политических сил (партий, организаций) за власть в ходе выборных кампаний	7	8	3
Недостаточная работа учреждений образования и культуры по воспитанию культуры межнациональных отношений	6	12	11
Неправильное воспитание в семье, исторические традиции проявления национальной нетерпимости	30	25	29
Вызывающее поведение представителей отдельных национальностей, игнорирующих традиции местных жителей	12	16	20
Ухудшение экономического положения людей, снижение уровня жизни	16	14	15
Прибытие мигрантов из зарубежных стран и других регионов РФ, усиление конкуренции на рынке труда	14	19	10
Выступления в СМИ, провоцирующие межнациональную неприязнь	16	11	13
Деструктивная деятельность организаций экстремистской направленности	9	18	8
Присоединение республики к соседнему региону	2	4	4

Эксперты отметили причины, как уже оказывающие влияние на характер межнациональных отношений в республиках, так и способные обострить эти взаимоотношения в перспективе. Наряду с экономическими и политическими факторами указываются причины, связанные с межличностными и межгрупповыми отношениями. Среди них прибытие мигрантов из зарубежных стран и других регионов России. Мы уже отмечали в предыдущих работах, что в последнее десятилетие в республиках усилились процессы консолидации и разделения не столько по этническому признаку, сколько по признаку «коренной»/«приезжий». В условиях обострения международной обстановки необходимо также обратить самое пристальное внимание на деструктивную деятельность организаций экстремистской направленности, на публикации и высказывания, провоцирующие межнациональную рознь и распространяемые через социальные сети, телеграмм-каналы, электронные СМИ. С другой стороны, ухудшение социально-экономической ситуации, рост цен на товары первой необходимости, инфляция, рост безработицы также могут самым непосредственным образом воздействовать на характер межнациональных отношений, в том числе и на отношение к мигрантам [Воронцов, Касимов, Черниенко 2020, 244–245].

Однако даже в отношении мигрантов уровень открытой ксенофобии в региональных социумах весьма невысок. Едва ли не единственными серьезными столкновениями между местным населением и мигрантами (или бывшими мигрантами) были события, произошедшие в районном центре Малая Пурга (Удмуртия, 2004 г.) [Этноконфессиональная ситуация 2004, 28–31] и в поселке Чамзинка (Мордовия, 2013 г.), когда по причине бытового конфликта толпа подростков напала на общежитие с узбекскими рабочими [Зотикова 2013]. С другой стороны, приходится признать, что свою негативную роль в культивировании мигрантофобских настроений играют и небезызвестные представления о якобы предрасположенности мигрантов к совершению уголовных преступлений. Отчасти такие настроения провоцируются интернет-ресурсами, которые в своих материалах на криминальную тему зачастую акцентируют излишнее внимание на этническом происхождении преступников, формируя в общественном сознании своеобразный «язык вражды»: «Так, например, указание в новостных сообщениях на то, что преступление совершено мигрантом, поддерживает стереотип "Все мигранты – преступники"». Если аналогичное преступление совершается местным жителем, как правило, не делается акцент на его гражданстве, национальности и вероисповедании. В то же время в СМИ активно используются высказывания «мигранты-мусульмане», обороты с указанием национальности или страны происхождения мигранта («мигрант-таджик», «мигрант-узбек...»)» [Сычев, Коваль, Жадунова 2018, 810].

С учетом вышеуказанных потенциально опасных факторов наиболее эффективными управленческими мерами предупреждения этнополитических и межэтнических конфликтов и обеспечения социальной стабильности российского общества могут стать (в порядке значимости):

- 1) снижение уровня социального и имущественного неравенства населения, региональной экономической дифференциации (90 чел.);
- 2) профилактика экстремизма и раннее предупреждение конфликтных ситуаций на национальной почве (69 чел.);
- 3) постоянный мониторинг этнополитической сферы и межнациональных отношений (55 чел.);
- 4) межведомственная и межуровневая координация в сфере реализации государственной национальной политики (54 чел.);
- 5) поддержка национально-культурных объединений (52 чел.);
- 6) совершенствование механизмов адаптации и интеграции мигрантов (49 чел.);
- 7) повышение квалификации управленческих кадров в сфере государственной национальной политики (44 чел.);
- 8) деятельность консультативных и экспертных советов при органах власти различного уровня (35 чел.).

Выбор экспертами первоочередных мер по предупреждению конфликтов в межнациональной сфере полностью совпал только в случае, когда речь зашла о снижении уровня социального и имущественного неравенства населения, региональной экономической дифференциации. На эту меру указали все опрошенные эксперты. В других случаях фиксируются некоторые региональные отличия (табл. 2).

Таблица 2

Какие управленческие меры могут наиболее эффективно предупреждать этнополитические и межэтнические конфликты и способствовать социальной стабильности российского общества? (чел.)

Возможные меры	Марий Эл	Мордовия	Удмуртия
Поддержка национально-культурных объединений	10	26	16
Деятельность консультативных и экспертных советов при органах власти различного уровня	4	26	5
Межведомственная и межуровневая координация в сфере реализации государственной национальной политики	15	28	11
Профилактика экстремизма и раннее предупреждение конфликтных ситуаций на национальной почве	19	29	21
Совершенствование механизмов адаптации и интеграции мигрантов	8	28	13
Постоянный мониторинг этнополитической сферы и межнациональных отношений	15	29	11
Повышение квалификации управленческих кадров в сфере государственной национальной политики	7	27	10
Снижение уровня социального неравенства населения, региональной экономической дифференциации	30	30	30

Наиболее эффективными управленческими мерами по предупреждению этнополитических и межэтнических конфликтов эксперты из Марий Эл считают профилактику экстремизма и раннее предупреждение конфликтных ситуаций на национальной почве (19 чел.), межведомственную и межуровневую координацию в сфере реализации государственной национальной политики (15 чел.), постоянный мониторинг этнополитической сферы и межнациональных отношений (15 чел.). Треть и менее ответов экспертов получили: поддержка национально-культурных объединений (10 чел.), совершенствование механизмов адаптации и интеграции мигрантов (8 чел.), повышение квалификации управленческих кадров в сфере государственной национальной политики (7 чел.) и деятельность консультативных и экспертных советов при органах власти различного уровня (4 чел.).

Все предложенные в анкете управленческие меры, направленные на профилактику этноконфессиональных конфликтов и поддержание социальной стабильности, вызвали одобрение большинства экспертов из Мордовии. Среди них: профилактика экстремизма и раннее предупреждение межэтнических и межконфессиональных конфликтов (29 чел.), постоянный мониторинг этнополитической сферы и межнациональных отношений (29 чел.), межведомственная и межуровневая координация в сфере реализации государственной национальной политики (28 чел.), совершенствование механизмов адаптации и интеграции мигрантов (28 чел.), повышение квалификации управленческих кадров в сфере государственной национальной политики (27 чел.), поддержка НКО (26 чел.), деятельность консультативных и экспертных советов при органах власти (26 чел.).

Эксперты из Удмуртии среди важнейших управленческих мероприятий назвали: профилактику экстремизма и раннее предупреждение конфликтных ситуаций на национальной почве (21 чел.), поддержку национально-культурных объединений (16 чел.). Треть и более экспертов указали на совершенствование механизмов адаптации и интеграции мигрантов (13 чел.), межведомственную и межуровневую координацию в сфере реализации государственной национальной политики (11 чел.), постоянный мониторинг этнополитической сферы и межнациональных отношений (11 чел.) и повышение квалификации управленческих кадров в сфере государственной национальной политики (10 чел.). Наименее важной мерой эксперты назвали деятельность консультативных и экспертных советов при органах власти различного уровня (5 чел.).

Эксперт из Удмуртии дал следующий комментарий: *«Искренне считаю, что благополучная экономическая обстановка позитивно влияет на этнополитическую и этносоциальную обстановку в регионе. Именно обнищание населения (местных жителей и мигрантов) может привести к повышению агрессивного поведения. Второй фактор, который дестабилизирует этнические взаимоотношения – это меры по адаптации мигрантов. Адаптация к местной культуре и традициям*

позитивно сказывается на адаптации приезжих к новым условиям жизни, снижает количество конфликтных ситуаций и взаимного недопонимания». Еще один эксперт предложил в качестве действенной меры предупреждения межэтнических конфликтов «реальную политику интернационализма и дружбы народов» в стране и регионах.

Таким образом, данные экспертного опроса свидетельствуют о том, что в изучаемых республиках сохраняются доброжелательные межнациональные отношения. Стабильность этнополитической и межэтнической ситуации в «финно-угорских» республиках обусловлена историческим опытом совместного проживания и сотрудничества её народов, мирным характером складывавшегося на протяжении значительного периода времени межэтнического взаимодействия. За столетия совместного проживания в культуре представителей народов Марий Эл, Мордовии и Удмуртии сформировались установки толерантного поведения и стремление к мирному решению возникающих противоречий, в том числе в межнациональной сфере. В процессе совместной жизнедеятельности и «узнавания» друг друга в масштабах Урало-Поволжского региона сформировался своеобразный, уникальный славяно-тюрко-финно-угорский мир. Именно этот мир является базовой основой российской цивилизации, его надо беречь, поддерживать, изучать.

Позитивные тенденции в развитии межнациональных отношений связаны и с принятием важнейших законодательных актов в данной сфере, в т. ч. Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации, Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации, Федеральной целевой программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России» и др., а также возложения ответственности за состояние межнациональных отношений на местах на региональные и муниципальные власти. Стабилизацию межнациональной ситуации в стране эксперты связывают и с резко обострившейся международной обстановкой, политическими и экономическими санкциями в отношении России со стороны западных стран, консолидацией российского общества на фоне новых вызовов и угроз.

ЛИТЕРАТУРА

Воронцов В. Этнический состав населения Удмуртии (по материалам переписей населения 1989–2010 гг.) // Этнопанорама, 2012. № 3–4. С. 64–66.

Воронцов В. С., Касимов Р. Н., Черниенко Д. А. Современные этнополитические процессы и межнациональные отношения в Удмуртии. Ижевск: УдмФИЦУрО РАН, 2020. 364 с.

Воронцов В. С., Мартыненко А. В., Орлова О. В. Марий Эл, Мордовия, Удмуртия: современная этноконфессиональная ситуация. Йошкар-Ола, 2021. 292 с.

Воронцов В. С., Черниенко Д. А. Научно-образовательные ресурсы и опыт изучения межэтнических и межконфессиональных отношений // Ежегодник финно-угорских исследований. 2014. Вып. 3. С. 116–126.

Всероссийская перепись населения 2010 // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 20.08.2022).

Государственная национальная политика России. Экспертное мнение / Ред. В. В. Степанов, А. В. Черных. М., 2018. 381 с.

Зотикова В. Прокуратура Мордовии: инициатором нападения на мигрантов был подросток // Российская газета (30 октября 2013 г.). URL: <https://rg.ru/2013/10/30/reg-pfo/migrant.html> (дата обращения: 25.08.2022).

Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/58986> (дата обращения: 27.08.2022).

Межконфессиональные и межнациональные отношения в Республике Марий Эл (материалы социологического исследования 2019 года): научно-статистический бюллетень / авт.-сост.: Г. С. Зеленева, О. В. Орлова, В. И. Шабыков. Йошкар-Ола, 2020. 196 с.

Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Приволжском федеральном округе. Экспертный доклад за 2019 год / Ред. Амелин В. В. и др. М. – Оренбург: ИПК ОГУ, 2020. 176 с.

Национальный вопрос в российской общественно-политической жизни / Под ред. М. В. Романова, В. В. Степанова. М.: Общественная палата РФ, 2013 (на правах рукописи). 168 с.

Состояние научной экспертизы межэтнических и межконфессиональных отношений в Приволжском федеральном округе. Экспертный доклад / Под. ред. В. А. Тишкова, В. В. Степанова. Москва-Ижевск, 2013. 123 с.

Сычёв А.А., Коваль Е.А., Жадунова Н.В. Проблема классификации языка вражды в отношении мигрантов (на примере Республики Мордовия) // Регионология. 2018. Т. 26. № 4. С. 798–815.

Указ Президента Российской Федерации от 19.12.2012 г. № 1666 «О Стратегии Государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36512> (дата обращения: 27.08.2022).

Этнический фактор в общественно-политической жизни регионов России: от этнополитической мобилизации к гражданской интеграции (республики Башкортостан, Марий Эл, Мордовия, Удмуртия, Чувашия). Экспертный доклад / под общ. ред. А.Е. Загребина. Ижевск, 2021. 126 с.

Этноконфессиональная ситуация в Приволжском федеральном округе. Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 2004. № 87. 1–15 ноября.

Поступила в редакцию 16.11.2022

Воронцов Владимир Степанович,

кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник,
Удмуртский филиал ФГБУН «Институт философии и права УрО РАН»,
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4
E-mail: vvorontsov@rambler.ru
ORCID: 0000-0003-2491-4141

Черниенко Денис Аркадьевич,

кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник,
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»,
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1,
E-mail: nc2020@udsu.ru
ORCID: 0000-0002-1205-0473

V. S. Vorontsov, D. A. Chernienko

**INTERETHNIC RELATIONS IN THE REPUBLICS OF MARI EL, MORDOVIA AND UDMURTIA
IN THE ASSESSMENTS OF EXPERTS**

DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-4-618-627

The article presents some results of an expert survey conducted in 2021 in the framework of a scientific research project entitled "The Ethnic Factor in the Socio-Political Life of Russia's Regions: from Ethno-political Mobilization to Civic Integration (Republics of Bashkortostan, Mari El, Mordovia, Udmurtia and Chuvashia)". The materials received enabled to analyse the opinions of experts – specialists in the field of national and youth policy regarding the role and significance of the ethnic factor in contemporary socio-political processes, assessments of the interethnic situation and proposed measures for strengthening ethno-political stability. The relevance of the study during this period was related to two important national campaigns – elections to the State Duma of the Russian Federation and the All-Russian Population Census. To some extent, the coronavirus pandemic and related socio-economic crises may have affected the state of ethno-confessional relations. In addition, contemporary Russia is influenced by a number of unfavourable external factors that can affect the situation in the regions and generate tensions in the system of ethno-political system of ethno-political relations. An analysis based on expert opinion shows that the Finno-Ugric republics in the Volga federal district present a model of longstanding stability in interethnic relations and relative non-conflict, even though they experience the same difficulties as other Russian regions, often with greater economic potential and higher levels of social development. Therefore, the model of conflict-free, sustainable social development in the Finno-Ugric republics requires further systemic analysis. On the whole, the results obtained indicate the current dominance of regional socio-economic problems over inter-ethnic contradictions.

Keywords: State national policy, Mari El, Mordovia, Udmurtia, regions, ethnic composition, experts, monitoring, inter-ethnic relations, national intolerance, conflicts, migrants, national-cultural associations, prevention of extremism.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2022, vol. 16, issue 4, pp. 618-627

REFERENCES

- Vorontsov V.** *Etnicheskiy sostav naseleniya Udmurtii (po materialam perepise jnaseleniya 1989-2010 gg.)* [Ethnic composition of the population of Udmurtia (based on the population censuses of 1989-2010)]. *Etnopanorama* [Ethnopanorama]. 2012, № 3–4, pp. 64–66. In Russian.
- Vorontsov V. S., Kasimov R. N., Chernienko D. A.** *Sovremennye etnopoliticheskie protsessy mezhnatsional'nye otnosheniya v Udmurtii* [Modern Ethnopolitical Processes and Interethnic Relations in Udmurtia]. Izhevsk, 2020. 364 p. In Russian.
- Vorontsov V. S., Martynenko A. V., Orlova O. V.** *Marii El, Mordoviya, Udmurtiya: sovremennaya etnokonfessional'naya situatsiya* [Mari El, Mordovia, Udmurtia: Modern Ethno-confessional Situation]. Ioshkar-Ola, 2021. 292 p. In Russian.
- Vorontsov V. S., Chernienko D. A.** *Nauchno-obrazovatel'nye resursy i opyt izucheniya mezhetnicheskikh i mezhekonsfessional'nykh otnoshenij* [Scientific and educational resources and experience of studying interethnic and interfaith relations]. *Ezhгодnik finno-ugorskikh issledovanij* [Yearbook of Finno-Ugric Studies]. 2014. Issue 3, pp. 116–126. In Russian.
- Vserossiiskaya perepis' naseleniya 2010* [All-Russian Population Census 2010]. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki (Rosstat)* [Federal State Statistics Service (Rosstat)]. URL: VPN-2010 (gks.ru) (accessed 20.08.2022). In Russian.
- Gosudarstvennaya natsional'naya politika Rossii. Ekspertnoe mnenie* [State national policy of Russia. Expert Opinion] / ed. by V. V. Stepanov, A. V. Chernykh. Moscow, 2018. 381 p. In Russian.
- Zotikova V.** *Prokuratura Mordovii: initsiatorom napadeniya na migrantov byl podrostok* [Prosecutor's Office of Mordovia: the initiator of the attack on migrants was a teenager]. *Rossiiskaya gazeta (30 oktyabrya 2013 g.)* [Rossiyskaya Gazeta (30 October 2013)]. URL: <https://rg.ru/2013/10/30/reg-pfo/migrant.html> (accessed: 25.08.2022). In Russian.
- Kontseptsiya gosudarstvennoj migratsionnoj politiki Rossiiskoj Federatsii na 2019–2025 gody* [Concept of the state migration policy of the Russian Federation for 2019–2025]. *Prezident Rossii* [President of Russia]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/58986> (accessed: 27.08.2022). In Russian.
- Mezhekonsfessional'nye i mezhnatsional'nye otnosheniya v Respublike Marij El (materialy sotsiologicheskogo issledovaniya 2019 goda): nauchno-statisticheskij byulleten'* [Inter-confessional and inter-ethnic relations in the Republic of Mari El (materials of sociological study in 2019): scientific and statistical bulletin] / ed. by G. S. Zeleneeva, O. V. Orlova, V. I. Shabykov. Ioshkar-Ola, 2020. 196 p. In Russian.
- Mezhetnicheskije otnosheniya i religioznaya situatsiya v Privolzhskom federal'nom okruge. Ekspertnyi doklad za 2019 god* [Interethnic relations and the religious situation in the Volga Federal District. Expert report for 2019] / ed. by Amelin V. V. Moscow-Orenburg, 2020. 176 p. In Russian.
- Natsional'nyi vopros v rossiiskoi obshchestvenno-politicheskoi zhizni* [National question in Russian socio-political life] / ed. by M. V. Romanov, V. V. Stepanov. Moscow, 2013 (on the rights of manuscript). 168 p. In Russian.
- Sostoyanie nauchnoj ekspertizy mezhetnicheskikh i mezhekonsfessional'nykh otnoshenij v Privolzhskom federal'nom okruge. Ekspertnyj doklad* [State of Scientific Expertise of Interethnic and Interconfessional Relations in the Volga Federal District. Expert Report] / ed. by V. A. Tishkov, V. V. Stepanov. Moscow-Izhevsk, 2013. 123 p. In Russian.
- Sychev A. A., Koval' E. A., Zhadunova N. V.** *Problema klassifikatsii yazyka vrazhdy v otnoshenii migrantov (na primere Respubliki Mordoviya)* [The problem of hate speech classification in relation to migrants (on the example of the Republic of Mordovia)]. *Regionologiya* [Regionology]. 2018, vol. 26, № 4, pp. 798–815. In Russian.
- Ukaz Prezidenta Rossiiskoj Federatsii ot 19.12.2012 g. № 1666 «O Strategii Gosudarstvennoj natsional'noj politiki Rossiiskoj Federatsii na period do 2025 goda»* [Decree of the President of the Russian Federation of 19.12.2012 № 1666 "On the Strategy of State National Policy of the Russian Federation for the period until 2025"]. *Prezident Rossii* [President of Russia]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36512> (accessed: 27.08.2022). In Russian.
- Etnicheskiy faktor v obshchestvenno-politicheskoi zhizni regionov Rossii: ot etnopoliticheskoi mobilizatsii k grazhdanskoj integratsii (respubliki Bashkortostan, Marij El, Mordoviya, Udmurtiya, Chuvashiya)*. *Ekspertnyi doklad* [Ethnic factor in social-political life of Russian regions: from ethnopolitical mobilization to civil integration (Republics of Bashkortostan, Mariy-El, Mordovia, Udmurtia, Chuvashia). Expert Report] / ed. by A.E. Zagrebin. Izhevsk, 2021. 126 p. In Russian.

Etnokonfessional'naya situatsiya v Privolzhskom federal'nom okruge. Byulleten' Setietnologicheskogo monitoringa I rannego preduprezhdeniya konfliktov [Ethnic and confessional situation in Volga Federal District. Bulletin of the Network of Ethnological Monitoring and Early Conflict Prevention]. 2004, № 87, November 11–15. In Russian.

Received 16.11.2022

Vorontsov Vladimir Stepanovich,

Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Senior Researcher,
Udmurt Branch of the Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the RAS,
4, Lomonosov st., 426034, ул. Ломоносова, Izhevsk, Russian Federation
E-mail: vvorontsov@rambler.ru
ORCID: 0000-0003-2491-4141

Chernienko Denis Arkadievich,

Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Senior Researcher,
Udmurt State University,
Universitetskaya st.1, 426034, Izhevsk, Russian Federation
E-mail: nc2020@udsu.ru
ORCID: 0000-0002-1205-0473

Ф. Г. Галиева**«БАШКИРИЗАЦИЯ» КОСТЮМНЫХ КОМПЛЕКСОВ
УДМУРТОВ И МАРИЙЦЕВ БАШКОРТОСТАНА¹**

В статье рассмотрен процесс формирования региональных вариантов традиционных костюмов. Обобщены сведения исследователей XVIII – начала XX в. (П. С. Паллас, Н. П. Рычков, В. М. Черемшанский, И. Н. Смирнов, П. Ерусланов, У. Хольмберг и др.) и материалы финно-угорских музейных коллекций. Отмечено, что рассмотрение «удмуртских», «марийских», «башкирских» и других традиций возможно с большой степенью условности, исходя из длительного этапа сложения финно-угорско-тюркской общности и выделения этносов при несовпадении их этнокультурных границ. Показано, что в работах прошлых столетий башкиры обобщались с татарами, под татарами подразумевая в целом «восточные» народы. Данные официальной статистики свидетельствуют, что в изученных районах (Бирский, Белебеевский, Мензелинский уезды Уфимской губ.) проживали башкиры. Согласно корпусу источников, эволюция костюмов удмуртов и марийцев Башкортостана шла схожим путем. В конце XVIII в. наблюдалось восприятие отдельных элементов (девичьих головных уборов). В первой половине XIX в. произошла «башкиризация» мужского костюма (заимствование головных уборов, верхней распашной одежды камзол и бешмет). Удмуртский и марийский женские костюмы оказались в едином потоке этнокультурных изменений вместе с башкирским и татарским, в ходе демократизации общества, формирования единого торгово-экономического и этнокультурного пространства с меняющейся модой. В середине XIX в. у разных народов сосуществовали традиционные бело-холщовые одежды, изделия из крашеины и пестряди, а также из мануфактуры. Новые ткани вначале использовались как элемент отделки изделий, затем самостоятельно. Предпочитались яркие тона и украшения из монет. Многовариантными стали покроя и способы декорирования одежды. Сформировался образ «башкирских» удмуртов и марийцев.

Ключевые слова: удмурты, вотяки, марийцы, черемисы, башкиры, татары, Башкирия, Волго-Уральский регион, финно-угорско-тюркская общность, музейные коллекции, эволюция традиций.

DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-4-628-640

В предыдущей публикации автора в издании «Ежегодник финно-угорских исследований» (том 14, выпуск 2) рассмотрен финно-угорский пласт культуры в погребальной обрядности башкир [Галиева 2020]. Целью настоящей статьи является изучение обратного явления – влияния башкир на финно-угорские народы, более конкретно – на костюмные комплексы закамских удмуртов² и восточных марийцев³, выяснение механизмов формирования уникальных «башкирских» вариантов. Хронологическими рамками исследования являются XVIII – начало XX в., включая этапы заселения финно-угорскими народами башкирских земель (начиная со 2 пол. XVI в. после присоединения Башкирии к Русскому государству), адаптации к местным условиям, внутриэтнической и межэтнической консолидации.

Описания костюмных комплексов удмуртов (вотьяков) и марийцев (черемисов), проживающих на территории Башкирии (Башкортостана, Уфимской губ., ранее – Оренбургской губ.), имеются в трудах П. С. Палласа, В. Лоссиевского, В. М. Черемшанского, И. Н. Смирнова, А. О. Хейкеля, У. Хольмберга, современных исследователей Г. А. Сепеева, Т. Л. Молотовой, Р. Р. Садикова и других авторов. Новизна настоящей работы заключается в рассмотрении источников – письменных

¹ Исследование выполнено в рамках государственного задания № АААА-А21-121012290086-0 ИЭИ УФИЦ РАН на 2021–2023 гг.

² Удмурты Башкортостана относятся к этнографической группе закамских удмуртов. Они проживают в северо-западных районах Башкортостана, а также в Куединском районе Пермского края, Красноуфимском районе Свердловской области, Бавлинском районе Татарстана. В 2010 г. численность удмуртов в Башкортостане составляла 21,5 тыс. чел. (0,5% населения республики) [Садиков 2016].

³ Марийцы Башкортостана относятся к этнографической группе восточных марийцев, которая сформировалась на территории Башкортостана, Удмуртии, Татарстана, Свердловской области, Пермского края. В 2010 г. численность марийцев в Башкортостане составляла 103,7 тыс. чел. (2,6% населения республики) [Садиков 2016].

сведений, а также этнографических артефактов в контексте постепенной «башкиризации» культуры удмуртов и марийцев Башкортостана.

Прежде чем приступить к изложению результатов работы, следует заметить, что рассмотрение «башкирских», «удмуртских», «марийских» элементов культуры возможно с большой степенью условности, исходя из многовекового этапа формирования финно-угорско-тюркской общности [Кузеев, 1992]. В период Волжской Булгарии (X–XIII вв.), Золотой Орды (1224 – нач. XVI в.) и Казанского ханства (1438–1552) сложились некоторые общие элементы финно-угорских и тюркских культур, в том числе в национальных костюмах.

На сходство культур финно-угорских и тюркских народов обращали внимание П. С. Паллас, И. И. Лепехин, И. Г. Георги, П. И. Рычков. Многие путешественники и исследователи края XVI–XIX вв. (С. Герберштейн, И. П. Фальк, Шапп де’Отрош и др.) даже ошибались в этнической атрибуции изображений народов Урало-Поволжья. Их уточнением успешно занимается Е. Е. Нечвалода [2019, 2020]. Действительно, при рассмотрении, например, башкирки в книгах И. Г. Георги [2007] и П. С. Палласа [1786] возникают аналогии скорее с удмуртами, марийцами, чувашами, чем с современными башкирами. Дело в том, что изображенный башкирский женский наряд не включает распашную верхнюю одежду, как стало принято с XIX–XX вв. Туникообразная рубаша из белой дотканины с «входящими» рукавами, круглым шейным вырезом и прямым грудным разрезом была характерна для разных народов. Совпадали конструкции, материалы, характер орнамента (вдоль швов, у грудного разреза, на подоле и на рукавах), особенности вышивки (цветовая гамма с преобладанием красного цвета марены). Нагрудное украшение в виде сетки из бисера вызывает ассоциации с чувашским *сухал*, хотя имело место и в традиционном костюме башкир [Никонорова 1997]. Сложный головной убор представляет один из вариантов, бытовавших у народов региона, в одежде которых были высокие головные уборы с каркасным остовом (*шурка* у марийцев, *айшон* у удмуртов, *панго* у мордвы и их модификации: *шимакш* у марийцев, *калябаи*, *такя* у башкир и др.). Иной вариант головного убора, похожего на полотенце – *шарпан* у марийцев, *чалма* у удмуртов, *тастар* у башкир и казанских татар [Кузеев 1992; Молотова 1992, 35]. Головные уборы дополнялись налобной полоской холщовой ткани, украшенной мелкой счетной вышивкой (*харауыс* у башкир, *йыркерт* у удмуртов, *нашмак* у марийцев, *масмак* у чувашей) [Кузеев 1992, 200–203]. Общим элементом костюма у народов Волго-Уральского региона были нагрудные украшения и перевязи с использованием монет, бисера, бус, раковин, кораллов и ювелирных украшений [Паллас 1786, ч. 2, кн. 1, 98; Руденко 2006, 160–161; Татары 2017, 426; Смирнов 1890, 100].

В ходе этногенеза народов Волго-Уральского региона инкорпорировались многие культуры. Выделение этносов происходило при несовпадении их этнокультурных, языковых границ и при сохранении разнообразных этнических взаимодействий, формировании новых этнокультурных общностей, обусловленных этногеографическими перемещениями, природно-географическими, хозяйственно-культурными, социально-политическими факторами. Сложение костюмных комплексов удмуртов и марийцев Башкортостана шло в зоне взаимодействия лесной и степной зон, соответственно охотническо-земледельческих и степных скотоводческих традиций.

В процессе складывания регионального пласта культуры особенно тесные этногенетические и этнокультурные контакты наблюдались у башкир и татар. В то же время, согласно исследованию С. В. Сусловой, генезис татарской сельской культуры бывших Казанской, Уфимской, Оренбургской и ряда других губерний был связан с традициями местных финно-угорских народов региона – мари, удмуртов и мордвы, костюм татар Зауралья и горной Башкирии – с башкирами [Суслова 2018, 196 – 200], составной частью которых в свою очередь стали угро-самодийские напластования [Шитова 1984]. Вероятно, дифференцировать «башкирское» этнокультурное влияние можно со времени вхождения Башкирии в состав России, когда завершился этап консолидации многочисленных племен и формирования этноса [Кузеев 2007, 481].

Отдельно следует обговорить тот факт, что вплоть до XX в., как будет показано ниже, русскими и зарубежными исследователями башкиры обобщались с татарами. Под татарами подразумевались и другие «восточные» народы; для уточнения использовались названия местности (абаканские татары – о хакасах, вогульские татары – о манси и т. д.). В книге французского исследователя 1890 г. Шарля Рабо читаем: «татарами русские называют различные турецкие племена и магометан европейской части империи» [Рабо 2021, 37].

Для того чтобы разобраться, идет ли речь в нашем случае о татарах или башкирах, обратимся к данным официальной статистики. В процессе проведения Первой переписи населения

1897 г., когда этничность фиксировалась по конфессии и языку, для 38,2% жителей Уфимской губернии родным языком был русский, 40,7% – башкирский, 8,4% – татарский, 3,6% – черемисский (80,6 тыс. чел.), 1,0% – вотякский (22,5 тыс. чел.). Ареалом исследования финно-угорского населения Уфимской губернии в XVIII – начале XX в. был Бирский уезд, в меньшей степени Белебеевский и Мензелинский уезды. В них проживало наибольшее количество людей с родным башкирским языком: в Бирском – 261, 9 тыс. (29,1% населения уезда), Мензелинском – 32,8%, Белебеевском – 25,9%. Перепись крестьянского хозяйства Уфимской губернии 1912–1913 гг. дала информацию, что в Бирском уезде проживало 232, 9 тыс. башкир (39,1% населения уезда), 143, 3 тыс. русских, 75,9 тыс. марийцев, 53,5 тыс. тептярей, 45,1 тыс. мишарей, 23,1 тыс. удмуртов, 17,3 тыс. татар.

Благодаря историко-этнографическим сведениям, накопленным в XVIII – начале XX в., представляется возможным выявить процесс формирования «башкирских» вариантов костюмов марийцев и удмуртов Башкирии. Так, по описанию П. С. Палласа, побывавшего в 1773 г. в марийских деревнях Кябаке (ныне Калтасинского), Сузабешаше (Янаульского) и Иванькине (совр. Краснокамского р-на Республики Башкортостан, далее – РБ) одежда местных черемисов практически не отличалась от таковой у поволжских марийцев. Вместе с тем у девушек он зафиксировал «по образу татарок круглые копейками уложенные шапки» [Паллас 1786, 27–28]. Очевидно, П. С. Паллас описал головной убор *такья* – шапочку полусферической заостренной формы, украшенную монетами. По этнографическим коллекциям Музея археологии и этнографии Института этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева УФИЦ РАН (далее – МАЭ) *такья* у марийцев Башкирии (инв. 1082-23, инв. 891-18, Мишкинский р-н РБ) украшалась кораллами, рядами монет и бус, бисером. Бахрома из бус прикрывала уши и шею, а к верхней части крепилась бисерная сетка [Финно-угорские народы... 2006, 14]. В республике Марий Эл такой головной убор не носили [Шитова 2002, 360].

В. Лоссиевский также пишет о «татарском» влиянии на черемисов, но уже о более существенных изменениях, которые произошли к середине XIX в. По его сведениям, 1848 г., в Бирском уезде «Черемисы мало имеют различия с татарами. Таковую же носят длинную рубашку, кафтан и тюбетейку»; «как мужчины, так и женщины, носят легкий кафтан из белого грубого холста, особого покроя и с вышивкою на воротнике, рукавах, полах и лифах простым шелком». Вместе с тем, автор сообщает о бытовании в то время среди мариек губернии старинных головных уборов типа *шурка* [Лоссиевский 1848, № 41]. Вышивка шелком на отложном воротнике, на концах рукавов и на подоле рубаш практиковалась и у башкир [Руденко 2006, 144]. Что же касается тюбетейки, по мнению С. И. Руденко, башкирами она покупалась у татар, сами башкиры ее не изготавливали [Руденко 2006, 145], то есть, вероятно, это была модная вещь у мужчин, и она не отражала этническую принадлежность.

Рассмотрим одежду марийцев. В. М. Черемшанский говорит об их белых холщовых вышитых рубашках, белых посконных кафтанах, а также об обшивке черного кафтана позументом, о наличии пестрядинных рубаш – то есть о сосуществовании в середине XIX в. разных вариантов одежды и способов декорирования. Помимо традиционного женского головного убора «шена шобычо» (*шынгашо-вычо, а́кйй*), он описал *кашпау* – «это довольно высокая усечено пирамидальная шапка, сверху несколько сплюснутая, которая унизывается мелкими старинными монетами или жестяными и оловянными круглыми пластинами. Сзади к этому убору прикрепляются концы вроде длинных кос, также унизанные разною серебряною монетою – сверху крупною, а книзу постепенно мелкою». Это праздничный головной убор, носимый зажиточными черемисками, его стоимость достигала от 10 до 20 руб. серебром [Черемшанский 1859, 181]. У башкир *кашмау* был головным убором замужних женщин, *такья* – девичьим.

По В. М. Черемшанскому [1989, 181], в костюмный комплекс черемисок входили нагрудники *кóкрак*, штаны, из обуви лапти или башмаки *ката*. По сведениям Н. А. Гурвича, коты (башмаки) продавались на рынках Уфимской губернии по стоимости в 1880-х гг. от 60–70 коп. до 1 руб. 60 коп. [Гурвич 1883, 71] и потому могли быть в обиходе разных народов. Обувь *ката*, нагрудники, носимые под платьем и сверху него, входили в состав костюма башкир.

В 1889 г. опубликовано исследование И. Н. Смирнова о черемисах, в котором автор пишет не только о сходстве в одежде, но и внешнем виде: «В Бирском уезде Уфимской губернии черемисы по костюму ничем не отличаются от татар или башкир. Мужчины бреют или коротко стригут головы, носят тюбетейки, рубашки с татарскими отложными воротниками, полосатые узкие кафтаны с короткими рукавами. Женщины бросили свои расшитые рубашки и надели цветные татарские, не носят пояса, шейных и грудных украшений из бисера или денег. Единственным остатком национального костюма здесь является у замужних женщин тюрик (шима-ковыч). Во всем остальном черемисские женщины, подобно

мужчинам, представляют точное подобие татарок» [Смирнов 1889, 79]. И. Н. Смирнов также констатирует, что под влиянием башкир и татар у мари войлочные шляпы стали круглыми с довольно широкими загнутыми полями, в то время как на прежних местах обитания их форма была цилиндрическая. От башкир были заимствованы сапоги-коты (*шулышан ката*) с суконными или войлочными голенищами [Смирнов 1889, 108]. Сапоги с войлочными голенищами башкирами в свою очередь были восприняты из сибирского угорско-самодийского мира [Шитова 1984].

Финский этнограф А. О. Хейкель, в 1884 г. посетив марийцев – жителей деревень Чураево, Кильбахтино, Киебак и Тюльди Бирского уезда Уфимской губернии, обнаружил, что все мужчины носили «татарскую» одежду, марийскую же надевали только женщины. Художник А. Рейнгольм, сопровождавший А. О. Хейкеля, в д. Чураево, изобразил белый вышитый кафтан, а также юношу в кафтане и тюбетейке, заимствованную от башкир и татар; в д. Кильбахтино – мариек в традиционной вышитой одежде [Садиков 2016, 30].

Другой финский лингвист, Хейкки Паасонен, после посещения д. Чураево Бирского уезда в 1900 г. подтвердил факт, что мужская одежда у марийцев в окрестностях Бирска перенята от «татар», и это особенно характерно для нынешнего поколения. Он пишет, что женщины также начинают перенимать «татарскую» одежду [Садиков 2016, 31].

Финский исследователь Уно Хольмберг, в 1911 и 1913 гг. изучавший родственные народы в Уфимской губернии, сделал фотографии. Две черемиски, позирующие фотографу, изображены в традиционных национальных костюмах, высоких каркасных головных уборах и нагрудных украшениях, а группа женщин во время ритуала предания земле – в простых белых платках, повязанных под подбородком, как и вотячки на земледельческих праздниках [Путешествия... 2014, 124, 76, 77].

Одно из самых развернутых описаний влияния «окружающих инородцев-магометан» дал в 1896 г. П. Ерусланов. Он констатировал, что «отличить по костюму белебеевских и мензелинских черемисов от татар довольно трудно, так как они одеваются по-татарски: неизбежная тюбетейка, шляпа летом и малахай (особой формы шапка) зимой, кафтан татарского покроя, камзол и бешмет у богатых, высокие кожаные калоши, белые суконные чулки – все это до поразительности сближает черемисов с окружающими инородцами магометанами. Женский костюм тоже весьма схож с татарским. Одежда женщин состоит из ситцевой или холщовой рубахи с широким, как у татарок, подолом с оборками по краям. На грудь надевают нагрудник с позументами, верхним платьем служит камзол с позументами без рукавов или с широкими длинными рукавами» [Ерусланов 1896, 325]. При этом традиционный головной убор «шыма шовычо» (сорока) давно забыт, «шарпан» уже не похож на головной убор казанских черемисок: он представляет собой обыкновенное полотенце, один конец которого наворачивается на голову, а другой спускается на спину. Все чаще местные черемиски носят платки, подвязывая их, как татарки. В марийских селениях Токбердивой, Князевой и Сокто популярны башкирские женские головные уборы «кийкча» (в виде квадратного белого платка с вышивкой по краям или без нее) и «хашпау» [Ерусланов 1896, 325]. То есть речь идет о заимствованных мужчинами головных уборах тюбетейка и малахай, женщинами – *кашпау* и *кыйыкса*; последний представлял собой вид *тастара* – белого головного полотенца, закрывавшего плечи; в северо-западных районах его носили пожилые башкирки [Руденко 2006, 167]. Также переняты кафтан, бешмет, оборки на подоле женских рубах.

В марийских коллекциях МАЭ можно проследить разнообразие вариантов одежды – традиционных и испытавших влияние башкир, в том числе соединяющих обе традиции в одном изделии. Детская рубаха-платье (МАЭ, инв. 891-2, Мишкинский р-н РБ) – традиционно туникообразного кроя, но отрезная ниже талии. Вместо домотканины использовался белый ситец. Подол широкий, имеет две оборки из ткани синего и черного цвета, сшит из трех полос, каждая из которых представляет собой соединенные в лоскутной технике четырех- и треугольники белого и малинового цветов [Финно-угорские народы... 2006, 22–23]. В башкирской культуре выполняют функцию оберегов и особенно часто используются на детской одежде. Кафтан туникообразного покроя (МАЭ, инв. 894-11, Мишкинский р-н РБ) традиционно изготовлен из белого льняного домотканого холста, но по подолу украшен тремя оборками синего, красного и голубого цветов, а также аппликативными нашивками полосок цветных тканей на манжетах и оборках [Финно-угорские народы... 2006, 24–25]. Фартук с грудкой из ткани черного цвета также имеет оборки, складки и цветные нашивки (МАЭ, инв. 855-4, Илишевский р-н РБ). Примечательно, что мода на оборки коснулась не только одежды, но и полотенца (МАЭ, инв. 1076-10, Калтасинский р-н РБ; инв. 891-11, Мишкинский р-н РБ) [Финно-угорские народы... 2006, 42–45].

В фондах Национального музея Республики Марий Эл им. Т. Евсеева немало изделий, также характеризующих эволюцию костюма восточных марийцев. Более ранние экземпляры одежды изготовлены из белого холста, затем – из окрашенного холста и пестряди, позже – из фабричных тканей. К концу XIX в. фартуки шились с грудкой из пестряди и фабричных тканей с оборками у талии и на подоле, нередко иного цвета, чем само изделие. За счет оборок платья стали широкие в подоле. Штаны изготавливались не с узким, как прежде, а с широким шагом, как у башкир и других в прошлом кочевых народов. Под влиянием башкир появились войлочные чулки, в качестве праздничной получила распространение кожаная обувь [Молотова 2020, 305–311, 323, 24, 205, 29].

Обобщая ранее приведенные сведения можно реконструировать механизмы формирования локального варианта костюма марийцев Башкирии. В 1770-х гг. наблюдалось заимствование молодыми черемисками актуальных для своей среды головных уборов *такия* (П. С. Паллас). В середине XIX в. произошло перенятие элементов инационального костюма мужчинами – кафтана, тубетейки, малахая (В. Лоссиевский, А. О. Хейкель, Х. Паасонен). По наблюдению Т. Л. Молотовой, причина заключается в подвижности мужского населения, которое занималось кустарными и отхожими промыслами, поэтому легче воспринимало инокультурные явления. Женщины были хранителями традиций, они дольше сохраняли сакральное отношение к одежде, боясь того, что смена в покрое и расцветке может принести несчастья [Молотова 2020, 22; Молотова 1992, 65].

Во второй половине XIX в., после заимствования многих тюркских обычаев в костюме, наблюдался этап сосуществования старого и нового (В. М. Черемшанский, И. Н. Смирнов, У. Хольмберг). Со временем взамен белой домотканине для пошива одежды стали предпочитаться окрашенный холст, пестрядь и фабричные ткани ярких тонов (У. Хольмберг). В конце XIX в. сложилось разнообразие заимствованных головных уборов мужчин (тубетейка, малахай) и женщин (*такия*, *кашпау*, *кыйыкса*). Были восприняты местные верхние одежды (камзол, праздничные кафтаны, вместо вышивки украшенные позументом – *пешмет*), обувь (коты с суконными или войлочными голенищами), войлочные чулки. Стали привычными «башкирский» крой одежды и яркие тона (И. Н. Смирнов), обычаи делать оборки на женских рубахах (В. М. Черемшанский, П. Ерусланов), шить штаны «с широким шагом» (В. М. Черемшанский). Есть примеры использования при пошиве одежды лоскутной техники (треугольники и четырехугольники разных цветов в качестве оборок). В ряде случаев изменилась форма войлочных шляп (И. Н. Смирнов). Манера повязывать платок «как татарки» (П. Ерусланов), вероятно, означает повязывать два конца у подбородка, а остальные свободно опускать на спине. По примеру «магометан» рубахи стали носиться без пояса (И. Н. Смирнов).

Что касается нагрудных украшений марийцев, их разнообразие можно увидеть, например, в альбомах Илдико Лехтинен [Lehtinen 1999, 1994]. В том числе надеваемые под платье и сверху грудного выреза *кёкрак тенге*, *сога*, *теньге*, *кёкрак тонге*, *пыльши муйенча*. По нашим наблюдениям, у марийцев, башкир, а также удмуртов часто встречаются схожие нагрудники овальной, прямоугольной, лопатообразной формы, где на тряпичную основу нашивались серебряные монеты (например, МАЭ, инв. 891-19, Мишкинский р-н РБ). Для этих народов общими являются также тряпичные нагрудники с нашитыми лентами позумента, у башкир называемое *узэу*, у марийцев – *изю*. Отличием марийцев является особенное предпочтение бус и раковин-каури; у башкир больше кораллов, чем у удмуртов и марийцев. Как писал С. И. Руденко [2006, 170], употребление кораллов больше свойственно степным кочевникам. По замечанию С. Н. Шитовой [2002, 362], отличием «башкирских» марийцев является пристрастие к украшениям из монет. Подобно башкиркам и татаркам, монеты на шнурке они вплетали в косы, их нашивали на ткань нередко вперемежку с бусами, раковинами, перламутровыми пуговицами, делали ушные подвески, серьги, подбородочные украшения, украшения для волос, нагрудники, браслеты, кольца (МАЭ, инв. 1082-24, Мишкинский р-н РБ и др.).

Процесс «башкиризации» в этнолокальных группах марийцев проходил с разной степенью интенсивности. Как показали исследования С. Н. Шитовой [2002] и Р. Р. Садикова [2016], дольше этнические традиции сохранялись у прибельских марийцев (бассейн р. Белой). Но и у них в конце XIX – начале XX в. на традиционное домотканое в мелкую красную клетку платье надевали вышитый гладью и тамбуром фартук, отделанный цветной строчкой *йылян*, напоминающий башкирскую верхнюю одежду *елэн* с позументом. Девичьим головным убором служила *такия*. В паре с такой надевали *пельштенге* – подбородочное украшение из монет и бисера, аналогично подбородочной ленте *hakaal* северо-восточных башкир [Шитова 2002, 359].

Иско-сюньские марийцы (бассейн рек Ик и Сюнь) испытали большее тюркское влияние (МАЭ, инв. 920-10, 11, 12, 14, 15, Шаранский р-н РБ). Уже в середине XIX в. они носили длинные пестрядин-

ные рубахи с широкой оборкой («нижним подолом») и двумя-тремя лентами на ней; вокруг грудного разреза нашивая цветную тесьму *изю*. Как отмечает С. Н. Шитова, от башкирского и татарского, платье отличалось коротким станом и коротким подолом. На платье надевали *пеишмет* с позументом или полосатый домотканый *шовыр*. В качестве головного убора служил воспринятый у башкир и татар *кашпау* – шлемовидный убор с широкой накосной лентой (*чачкан*), украшенной бисером и серебряными монетами [Шитова 2002, 359, 360]. Его надевали на головные полотенца – *тастар*, которые представляли собой длинные полосы из белой ткани, концы которых украшались тканым узором, а боковые края вышивались шерстяными нитками. Встречались также заимствованные вязаные колпаки с кисточкой. Обе группы восточных мариийцев, как видно из приведенных терминов, при заимствовании у башкир и татар элементов костюмного комплекса, сохранили первооснову названий: *такия* (такия), *пеишмет* (бешмет), *йылян* (елән), *кашпау* (кашпау), *тастар* (тастар), *кийкча* (кыйыкса), *изю* (изэу) и др.

В среде вотяков наблюдались эволюционные процессы, аналогичные мариийцам, тем более они проживали в одном ареале Башкирии. По сведениям Н. П. Рычкова, в 1770 г. посетившего д. Бикся Уфимской провинции в бассейне р. Танып, местные вотяки «сохранили те самые законы, которые почитали их древние прародители. <...> В зимнее время упражнение мужчин состоит в битье шерсти и в делании войлоков, а женщины ткут различные холсты, шерстяные сукна, и вышивают полотна шелковыми фигурами, которые употребляют для украшения одежды своей» [Рычков 1770, 164].

По В. М. Черемшанскому, в середине XIX в. женщины носили заимствованные головные уборы и имели пристрастие к украшениям из монет. Вотячки надевали колпаки, на передней части (на лбу) украшенные позументом и бахромой, большие платки с распущенными на спине концами, а под ними – позументные повязки. У зажиточных вотячек нагрудники обшивались позументом и увешивались монетами. В косы вплетались серебряные монеты [Черемшанский 1859, 194–195]. Напомним, что описанный вид нагрудника, платки, повязки, чулкообразные колпаки, вязанные из белых бумажных ниток, носили башкирки и татарки, с украшениями на лбу в виде бахромы и куска серебряного позумента на шелковой подкладке [Черемшанский 1859, 155, 171; Руденко 2006, 166; Татары 2017]. Одежду мужчин В. М. Черемшанский характеризует как многовариантную: короткий кафтан *зипун* без боров, подпоясанный ремнем, а также пестрый бело-синий холщовый кафтан, лапти или сапоги [Черемшанский 1859, 194].

Местный вариант удмуртского костюма зафиксировал А. О. Хейкель, посетивший д. Большой Качак Бирского уезда Уфимской губернии в 1884 г. Он отмечал, что в указанной деревне женщины носят длинное головное полотенце – чалма, которым обертывают голову два раза, опуская украшенные концы на спину. Имеется накосник из монет и жетонов (*dişronat*), налобная повязка из бархата или позумента, украшенная бахромой и бобровым мехом в верхней части (*taşak*), белая шапочка колпак (*kalpak*) и «веночек с деньгами на лбу» манглай (*manglai*). Среди прочих украшений – полоска с нашивками монет, которую надевают на грудь от левого плеча, проводя через правую подмышку (*silsumys*), «татарский нагрудник» (*töşläk*); камзол (*kamzol*) – верхняя одежда из бархата без рукавов; бешмет (*beşmät*) – верхняя одежда из бархата с рукавами и т. д. [Садиков, Миннихметова 2012, 50].

И. Н. Смирнов в 1890 г. поделился наблюдениями об одежде вотяков Бирского уезда Уфимской губернии: «Характерным признаком этого костюма является подражательность. Вотские формы рубашки и кафтана исчезают. Рубашка Елабужского, Сарапульского и Бирского уезда – башкиро-татарская, цветная широкая, с оборкой на подоле и монистом ситцевым или парчовым на груди. Вместо шоть-дерема заступает зыбын – татарский кафтанчик из шерстяной или шелковой материи. Айшон почти всюду исчезает, уступая место французскому платку. У девушек на лбу носится узкая повязка, обшитая позументом и серебряной бахромой (уко шуг в Елабужском и Сарапульском уездах, чачак в Бирском). Шея украшается в Елабужском и Бирском уездах ожерельем, которое состоит из обшитого позументом галстуха, застегивающегося наперед двумя пряжками. К каждой пряжке прикреплены серебряные или оловянные цепочки с пластинками в виде сердечек. <...> Через плечо Бирские и Елабужские вотячки носят перевязь, обшитую спереди мелкими монетами, серебряными копейками» [Смирнов 1890, 100].

Описывая мужской костюм, И. Н. Смирнов отмечает, что «Отатарившиеся или обашкирившиеся вотячки носят татарскую рубашку без пояса, <...> татарского типа полукафтаны из так называемой чубы – полосатой ткани вроде тика. Головной убор вотяков также зависит от того, с кем живут они в соседстве. В коренных вотских селениях это низенький цилиндрический колпак с верхом так называемой конфедератки. В соседстве с русскими вотячки употребляют картузы или русские гречушники; в соседстве с татарами и башкирами – татарские шляпы с полями, загнутыми сзади, под шляпой

в таких местностях (особенно крещеными) носится тюбетей. Татарская обувь заменяет в таких селениях вотские лапти или русские сапоги» [Смирнов 1890, 101].

У. Хольмберг указывает, что одежда вотяков «полностью перенята от татар», мужчины носят длинные кафтаны и мусульманскую тюбетейку, даже находясь в избе. «Женская одежда весьма разноцветная; женщины любят яркие тона. К косе, которая даже у старух свисает на спину, прикрепляют монетки и прочие блестящие украшения. <...> Женщины охотно украшают себя драгоценностями, особенно на праздники. У хозяек зажиточных семей вся грудь покрыта большими серебряными монетами и жемчугами. Видимо серебро, жемчужины и белые ракушки, которые пришивают также к одежде детей и к колыбели, имеют свойство оберега» [Путешествия... 2014, 75].

По материалам музейных коллекций можно проследить, что женская рубаша закамских удмуртов в конце XIX – начале XX в., в отличие от северо-удмуртской традиции, шилась из пестряди, имела два боковых скошенных клина, широкие рукава с клиньями, сужавшиеся к кистям, небольшой стоячий воротник, оборки и нашивки у подола [Финно-угорские народы, 2006], как у башкир [Руденко 2006, 154–155]. Вместо красной вышивки на белом холсте, выполнявшей функции оберега, появились яркие нашивки. Женские фартуки, в отличие от северо-удмуртских (подобные восточно-марийским), шились с высокой грудкой, к подолу пришивались оборки. Усиление декоративного начала сказалось также в головных тканых полотенцах из фабричной ткани, представляющих собой *чалму* с оборками [Косарева 2020, 141, 150, 151, 160, 161 и др.] и схожих с полотенцами марийцев [Финно-угорские народы... 2006, 42–46]. На примере музейных экспонатов И. А. Косарева выявила, что в развитии узорного ткачества южных удмуртов особенно сильное влияние башкир усматривается в верхнеижско-шарканской группе удмуртов, проживающих на восточной окраине Удмуртии, где на противоположном берегу р. Кама располагаются башкирские аулы. От башкир удмурты восприняли сложные узоры, выполненные в закладной технике [Косарева, 2020, 84, 348].

В процессе перехода от белой к пестрядинной одежде, как подметила Е. Е. Нечвалода на материалах красноуфимских марийцев, новая ткань первоначально пускалась на рукава. К белой холщовой рубаше, например, пришивались рукава из сине-белой пестряди [Никонорова 2006]. Появление оборок у рубаш также отмечалось использованием контрастного по фактуре и цвету материала. Так, в фондах МАЭ имеется туникообразная рубаша из полосатой пестряди (широкие полосы красного и желтого цвета, узкие – синие, белые, черные), отрезная по талии, с широкой оборкой у пояса из темно-синей хлопчатобумажной ткани (МАЭ, инв. 1076-2, Янаульский р-н РБ) [Финно-угорские народы... 2006, 75]. Коллекция удмуртских камзолов МАЭ позволяет изучить эволюцию в способах декорирования. Камзолы конца XIX в. сшиты без рукавов из фабричных ярких однотонных плотных тканей, вышивка заменена аппликацией (МАЭ, инв. 1076-4, Янаульский р-н РБ) [Финно-угорские народы... 2006, 76–77].

Таким образом, удмуртами заимствовались те же элементы костюма башкир и татар, что и марийцами Башкортостана, а также крой одежды, декоративные и цветовые решения. Вектор развития был направлен на утрату магических и усиление декоративных функций. В итоге формировался образ «башкирских» удмуртов (как и «башкирских» марийцев), исходя из новой народной эстетики с яркими красками и обилием украшений. Удмурты и марийки, как и башкиры, под рубашкой на месте грудного разреза носили съемный тряпичный нагрудник *кукрак* (у башкир – *кукрэксэ*), *мырасшет*, который представлял собой четырехугольный кусок домотканины с нашитыми полосками цветного ситца. Поверх грудного разреза рубаш женщины имели тряпичные нагрудники с нашитыми монетами и по краям позументом (*тöшуко*, *мылазьуко*). Головной убор у удмуртов, как и у башкир, называется *маңлай*, подбородочные повязки *сакал* (у башкир – *hакал*). Схожими с башкирами были нагрудные подвески из монет (*сырга*, *ошет*, *зака*), накосные ленты, серьги, перстни, браслеты [Садиков 2016].

Костюмные комплексы марийцев и удмуртов испытали сильное влияние башкир и татар. В то же время они сохранили некоторые традиции предков, и можно выделить четыре причины этого явления. Во-первых, их этнокультурная идентичность поддерживалась компактным расселением значительной части населения в сельской местности (собственные поселения) и новыми потоками переселенцев с прежней родины. Во-вторых, ареалы расселения выходили за пределы Башкирии, а воспроизводство традиций осуществлялось благодаря брачным отношениям с представителями своего этноса [Попова 2010]. В-третьих, на территории Башкирии на протяжении веков формировалось лояльное отношение к многочисленным переселенцам, отличающимся разнообразием языков, религий и культур, отсюда бережное отношение к традициям своего народа, тогда как на других территориях имел место этнический нигилизм [Никитина 2016, 41, 48]. В-четвертых, сдерживающим фактором стала разная конфессиональная принадлежность, с одной стороны, удмуртов и марийцев, преимущественно

язычников, с другой – православных русских, с третьей – мусульман башкир и татар. Неслучайно в числе традиционных атрибутов национального костюма, сохранившихся до наших дней, стал кафтан (*шобьыр* у марийцев, *шортдэрем* у удмуртов) прямого туникообразного покроя из белой дотканины, надеваемый на время проведения общественных ритуалов, а также в качестве одежды жрецов и «смертной» одежды [Попова 2010]. Особо сакральное отношение к одежде жрецов объясняется тем, что холст, из которого он изготавливался «всем миром», всеми женщинами села, считался рукотворным, обладал магической силой [Молотова 2010], а сами жрецы представляют связь времен и поколений.

Влияние русской культуры на удмуртов и марийцев Башкирии в изучаемый период (до начала XX в.) было менее заметным, чем башкирской и татарской. Как отмечал И. Н. Смирнов, от русских марийские мужчины переняли высокие сапоги и красные косоворотки, а женщины фабричные платки или полшальки, однако «... русский женский костюм не может соперничать с тюркским по силе влияния. Импонируют, вызывают подражание идеальные, лучшие образцы данного костюма, в создании которых участвуют и богатство, и вкус» [Смирнов 1889, 80]. Помимо эстетических вкусов могли иметь значение психологические факторы и историческая память о противостоянии Казанского ханства (куда раньше относились вотяки и черемисы) и христианской Руси [Кузеев 1992, 110], негативный образ православных русских вследствие насильственной христианизации на прежней родине, произвола русских властей в Башкирии. В процессе колонизации многочисленного русского населения с XVIII в. наблюдались земельные ущемления удмуртов и марийцев, обусловившие ухудшение социально-экономического самочувствия. Важнейшей причиной было и то, что финно-угорские и тюркские народы еще начиная с болгарского времени сформировали общие пласты культур, в том числе в одежде (рубаша из белого холста туникообразного кроя, штаны, полотенчатые головные уборы с начельником, использование монет для украшений и др.). В XIX–XX вв. в их среде происходили схожие эволюционные процессы (замена белого холста пестрядью, затем фабричной тканью, использование тесьмы, позументов и проч.).

Кроме того, как писал Р. Г. Кузеев, «Доминирование того или иного пути культурного развития главным образом находилось в зависимости от интенсивности действия социально-политических факторов. В XVI в., а также в XVIII–XIX вв., достаточно отчетливо прослеживается влияние в регионе на финно-угорское население и чувашей, особенно на их маргинальные группы, татарской и башкирской культуры» [Кузеев 1992, 211]. На протяжении XVIII–XIX вв. крупнейшим торговым, экономическим и культурным центром, а также законодателем моды не только Волго-Уральского региона, но и страны, была Казань. Казанская губерния (ранее – Волжская Булгария) была связующим звеном в торговле между Европой и Азией, странами Востока. Татарские купцы отличались активной деятельностью, владением языками, знанием особенностей торговых отношений, благодаря чему многие импортные вещи становились частью культуры татар, а затем и других народов [Курбанова 2016]. Более того, в Казанской губернии производились ткани (китайка, сукно, холст, кумач), кожа (включая сафьян), обувь (сафьяновые сапоги, получившие популярность в мире, кожаные башмаки, узорные валенки), головные уборы (тюбетейки), ювелирные украшения (использовалось литье, чеканка, гравировка и пр.).

Как отмечают исследователи, появление фабричных тканей способствовало изменениям в покрое (отрезные по талии, вырезанные рукава) и способах декорирования (появление оборок, нашивок). В распространении верхней одежды одинакового покроя немаловажную роль сыграли портные-отходники [Молотова 1992, 32]. Распространение одинаковых украшений у женщин связано с запретами для башкир, марийцев и других народов Урало-Поволжья (после участия в народных восстаниях) заниматься металлообработкой с одной стороны, и с другой – развитием ремесел и купечества в Казани [Молотова 1992, 41].

В Оренбургскую и Уфимскую губернию товары поступали прежде всего из Казани и Нижнего Новгорода, через надежное сообщение по Волге, Каме и Белой. Башкиры продавали мед, воск, пушнину, скот, лес, соль, продукты лесных промыслов; покупали ткани, одежду, украшения. Как отмечал Н. А. Гурвич, имевшиеся в 1880-х гг. в Уфимской губернии кожевенные и сапожные производства были немногочисленные и не имели промышленного значения. Деятельность крестьян ограничивалась изготовлением предметов домашнего обихода для собственных нужд, «тканьем и вязанием принадлежностей одежды, весьма немного для продажи» [Гурвич 1883, 70].

Очевидно, проникновение модных явлений в среду удмуртов и марийцев Башкирии шло большей частью через посредников-башкир, которые составляли многочисленную и влиятельную часть населения, и среди них формировалось купечество. Через башкир они оказались вовлеченными в эт-

нокультурный тюркский мир с родственными этносами из Урало-Поволжья и Центральной Азии, и переняли эстетику восточных культур с яркими красками, многослойностью, разнообразием, обилием украшений и декоративных элементов. Костюмные комплексы тюркских народов имели схожие элементы, включали платья с оборками и воланами, поверх которого надевался распашной яркий камзол, украшенный вышивкой, бисером, каймой, нашивками, богато орнаментированный девичий головной убор «такия», бешмет, легкие вышитые сапоги, штаны «с широким шагом» [Сухарева 1982].

О значительном влиянии башкир на культуру финно-угорских народов свидетельствует тот факт, что в процессе тюркизации и исламизации удмурты и марийцы, как показало изучение материалов Национального архива Республики Башкортостан, чаще всего становились башкирами, в то время как чуваша – татарами [Национальный архив..., оп. 3, д. 11167, 11822, 1190 и др.]. При этом ислам не оказал значительного влияния на национальный костюм не только удмуртов и марийцев, но и самих башкир. Имело место проникновение этнических, а не конфессиональных традиций соседних народов. Так, украшения удмуртов, марийцев, башкир до сих пор представляют собой яркие шумяще-звонящие изделия с кораллами, серебряными монетами, раковинами-каури, бисером, бляшками, характерными доисламской культуре. Как показано выше, зажиточные вотяки и черемисы могли иметь головные уборы аналогично башкирским *такия* и *каштау*, изготавливать нагрудники с монетами, позументами и другими украшениями, вплетать в косы монеты, шить одежду из фабричных тканей и вышивать шелком [Черемшанский 1859, 155]. В свою очередь изменения в национальном костюме (наряду с освоением языка и других элементов культуры) становились шагом в смене этнической и конфессиональной идентичности, а также обретения региональной идентичности.

Таким образом, процесс «башкиризации» костюма удмуртов и марийцев был многоэтапным. В конце XVIII в. наблюдалось восприятие отдельных элементов костюма – по сведениям исследователей девичьих головных уборов. В первой половине XIX в. произошла «башкиризация» мужского костюма удмуртов и марийцев Башкирии (головных уборов и верхней распашной одежды камзол и бешмет). Во второй половине XIX в. вектор развития мужского костюма был направлен на русификацию и этническую унификацию, хотя к концу XIX в. сохранились тюркские черты. Вотячки и черемиски в XIX в. оказались в едином потоке изменений вместе с башкирами и татарами. В середине XIX в. сосуществовали традиционные бело-холщовые одежды, изделия из крашеины и пестряди. Последняя в XX в. стала популярным материалом для пошива одежды восточных марийцев и закамских удмуртов. К концу столетия активно использовалась мануфактура, вначале как элемент отделки изделий из пестряди. В процессе демократизации общества, в соответствии с возможностями промышленности, ремесел, торговли, а также новой модой на протяжении второй половины XIX в. менялся покрой и способы декорирования, унифицировалась обувь и головные уборы, элементы костюма стали многовариантными. Вышивка на белом холсте заменилась позументом на однотонной ткани. Нижняя часть платья стала расклешенной за счет складок и оборок. Предпочитались яркие ткани и разнообразные декоративные элементы. В целом завершилось формирование локальных вариантов костюмов марийцев и удмуртов Башкортостана. К этому же времени произошло формирование костюмных комплексов – этнотерриториальных маркеров – большинства народов Волго-Уральского региона, хотя изменения происходили и в дальнейшем, в том числе под влиянием русской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

- Башкиры (Сер.: Народы и культуры) / отв. ред. Р. Г. Кузеев, Е. С. Данилко. М.: Наука, 2017. 662 с.
- Галиева Ф. Г. Финно-угорско-тюркская этнокультурная общность в погребальной обрядности башкир / Ф. Г. Галиева // Ежегодник финно-угорских исследований. 2020. Т. 14. вып. 2. С. 336–345.
- Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. М.: Библиотека РУСАЛа, 2007. 128 с.
- Гурвич Н. А. Справочная книжка Уфимской губернии. Сведения числовые и описательные относятся к 1882–83 гг. и только весьма немногие к прежним годам. Составил по поручению Уфимского Губернского Статистического комитета Н. А. Гурвич, Член-Секретарь Уфимского и Действительный Член других Статистических Комитетов, Член Императорского Русского Географического и других ученых обществ. Уфа: Печатня Н. К. Блохина, 1883. 875 с.
- Ерусланов П. Краткий отчет о поездке к черемисам Уфимской губернии летом 1896 г. // Этнографическое обозрение. 1896. № 2–3. С. 324–329.

- Косарева И. А.* Искусство узорного ткачества удмуртского народа. Альбом-монография. Ижевск, 2020. 492 с.
- Курбанова З. И.* Традиционный мужской костюм каракалпаков (конец XIX – конец XX вв.) // Проблемы востоковедения. 2016. № 2 (72). С. 48–52.
- Лоссиевский В.* Быт и праздники черемис Оренбургской губернии // Оренбургские губернские ведомости. 1848. № 41, 42.
- Молотова Т. Л.* Марийский народный костюм / Мин-во культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл; Респ. науч.-метод. центр нар. творчества и культурно-досуговой деятельности; Нац. музей Республики Марий Эл им. Евсеева. Йошкар-Ола, 2020. 383 с.
- Молотова Т. Л.* Марийский народный костюм. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1992. 108 с.
- Молотова Т. Л.* Религиозный фактор в сохранении идентичности восточных марийцев // Этнографическое обозрение. 2010. № 6. С. 81–92.
- Кузеев Р. Г.* Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: этногенетический взгляд на историю. М.: Наука, 1992. 347 с.
- Кузеев Р. Г.* Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. Уфа: ДизайнПолиграфСервис, 2010. 560 с.
- Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. 295: Оренбургское духовное магOMETанского закона собрание. Уфимское духовное магOMETанского закона собрание.
- Нечвалода Е. Е.* Традиционная женская одежда удмуртов в материалах экспедиции Шапде'Отроша // Ежегодник финно-угорских исследований. 2019. Т. 13. Вып. 1. С. 101–108.
- Нечвалода Е. Е.* Удмуртский женский головной убор айшон в описаниях и графике XVI – XVIII вв. // Вестник угроведения, 2020. № 4. С. 728–738.
- Никитина Г. А.* Закамские удмурты: общее и особенное // Финно-угорский мир. 2016. № 2. С. 42–50.
- Никонова Е. Е.* Одежда уральских марийцев в собрании Музея археологии и этнографии (Уфа) // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Материалы III региональной науч.-практич. конф. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2006. С. 189–199.
- Никонова Е. Е.* Некоторые особенности башкирского женского костюма XVIII–XIX веков // Башкирский край: сб. статей. Уфа, 1997. С. 42–57.
- Паллас П. С.* Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб.: Имп. АН, 1773–1788. Т. 3, ч. 2. 1786. 476 с.
- Попова Е. В.* Удмурты в этнически смешанных селениях Урало-Поволжья: опыт соседства // Этнографическое обозрение. 2010. № 6. С. 66–80.
- Путешествия к удмуртам и марийцам. Письма Уно Хольмберга 1911 и 1913 гг. (Matkat udmurtien ja marien luo. Uno Holmbergin kirjeita vuosilta 1911 ja 1913) / под редакцией С. Лаллукки, Т. Г. Миннихметовой, Р. Р. Садикова. СПб.: Европейский дом, 2014. 224 с. (Сер.: Финляндия в России)
- Рабо Ш.* Путешествие по северу России: [пер. с франц. А. Ш. Губайдуллиной под ред. И. В. Кучумова; авт. предисл. и прим. И. В. Кучумов. М.: Алетей, 2021. 250 с.
- Руденко С. И.* Башкиры: Историко-этнографические очерки. М.: Наука, 1955. 394 с.; Уфа: Китап, 2006. 376 с.
- Рычков Н. П.* Журнал, или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства в 1769 и 1770 году. СПб., 1770. Ч. 1. 190 с.
- Садиков Р. Р.* Финно-угорские коллекции в уфимских музеях // Ежегодник финно-угорских исследований. 2015. Том 9. Вып. 1. С. 87–98.
- Садиков Р. Р.* Финно-угорские народы Республики Башкортостан (история, культура, демография. Уфа: ООО «Первая типография», 2016. 276 с.
- Садиков Р. Р., Миннихметова Т. Г.* Зарубежные исследователи этнографии, фольклора и языка закамских удмуртов: историографический очерк // Ежегодник финно-угорских исследований. 2012. Том 6. Вып. 4. С. 49–62.
- Смирнов И. Н.* Вотяки. Историко-этнографический очерк // Известия Общества археологии, истории и этнографии. Т. 8. Вып. 2. Казань: Тип. Ун-та, 1890. 358 с.
- Смирнов И. Н.* Черемисы. Историко-этнографический очерк. Казань: Тип. Ун-та, 1889. 212 с.
- Суслова С. В.* Татарский костюм. Историко-этнологическое исследование. Казань: Татар. кн. изд-во, 2018. 239 с.
- Сухарева О. А.* История среднеазиатского костюма. Самарканд (вторая половина XIX – начало XX в.). М.: Наука, 1982. 142 с.

Татары. 2-е изд., доп. и перераб. / отв. ред. Г. Ф. Габдрахманова, В. В. Трепавлов, Р. К. Уразманова. М.: Наука, 2017. 799 с. (Сер.: Народы и культуры)

Финно-угорские народы в коллекциях Музея археологии и этнографии Центра этнологических исследований УНЦ РАН. Каталог / отв. ред. Ф. Г. Ахатова. Уфа: ЦЭИ УНЦ РАН, 2006. 120 с.

Христолюбова Л., Миннихметова Т. Удмурты // Народы Башкортостана: ист.-этнограф. очерки. Уфа, 2002. С. 395–412.

Черемшанский В. М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношении. Уфа, 1859. 472 с.

Шитова С. Н. Башкирская народная одежда. Уфа: Китап, 1995. 240 с.

Шитова С. Н. Марийцы // Народы Башкортостана: ист.-этнограф. очерки. Уфа, 2002. С. 347–384.

Шитова С. Н. Финно-угорский компонент в народной одежде башкир // Исследования по исторической этнографии Башкирии. Уфа, 1984. С. 9–28.

Lehtinen I. Marien mekot. Volgansuomalaisten kansanpukujen muutoksista. Helsinki, 1999.

Lehtinen I. Tscheremissischer Schmuck. Ethnographische Untersuchung. Helsinki, 1994.

Поступила в редакцию 25.03.2020

Галиева Фарида Габдулхаевна,
доктор филологических наук, кандидат исторических наук, доцент,
главный научный сотрудник,
Институт этнологических исследований им Р.Г. Кузеева –
обособленное структурное подразделение
Федерального государственного бюджетного научного учреждения
Уфимского федерального исследовательского центра
Российской академии наук.
450077, Уфа, К. Маркса, 6
e-mail: afg18@mail.ru

F. G. Galieva

«BASHKIRIZATION» OF COSTUME COMPLEXES OF UDMURTS AND MARI PEOPLE OF BASHKORTOSTAN

DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-4-628-640

The article examines the process of formation of regional variants of traditional costumes. The data of researchers of the 18th – early 20th centuries (P. S. Pallas, N. P. Rychkov, V. M. Cheremshansky, I. N. Smirnov, P. Eruslanov, U. Holmberg, etc.) and materials of Finno-Ugric museum collections are summarized. It is noted that consideration of "Udmurt", "Mari", "Bashkir" and other traditions can be considered with a high degree of conditionality, based on the long stage of the Finno-Ugric-Turkic community and the allocation of ethnoses with the discrepancy of their ethno-cultural boundaries. It is shown that in the works of the past centuries, the Bashkirs were generalized with the Tatars, meaning the Tatars as «eastern» peoples. Official statistics show that in the studied areas (Birsky, Belebeyevsky, Menzelinsky uyezds of the Ufa province,) we are talking primarily about the Bashkirs.

According to a corpus of sources, the evolution of costumes of the Udmurts and Mari people of Bashkortostan went the same way. At the end of the 18th century, the perception of individual elements (girls' headdresses) observed. In the first half of the 19th century there was "Bashkirization" of men's costume (borrowing headdresses, upper swing clothing camisole and beshmet). Udmurt and Mari women's costumes found themselves in a single stream of ethno-cultural changes, along with Bashkir and Tatar, during the democratization of society, the formation of a single trade, economic and ethno-cultural space with changing fashion. In the middle of the 19th century, traditional white-canvas clothing, products made of krashenina and pestryad, as well as manufactured clothing, coexisted among different peoples. New fabrics first used as an element of finishing products, then independently. Bright colors and jewelry made of coins were preferred. The cut and methods of decorating clothes have become multivariate. The image of the "Bashkir" Udmurts and Mari people formed.

Keywords: Bashkirs, Udmurts, Mari, ethnogenetic community, ethno-cultural community, Volga-Ural region, Bashkortostan, museum collections, evolution of traditions.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2022, vol. 16, issue 4, pp. 628–640

REFERENCES

- Bashkiry* [Bashkirs]. Moscow: Nauka, 2017. 662 p. In Russian.
- Galieva F. G.** *Finno-ugorsko-tyurkskaya etnokul'turnaya obshhnost' v pogrebal'noj obryadnosti bashkir* [Finno-ugric-turkic ethno-cultural community in the funeral rites of Bashkir]. *Ezhegodnik finno-ugorskix issledovanij* [Yearbook of Finno-Ugric studies]. 2020. Vol. 14, issue 2, pp. 336–345. In Russian.
- Georgi I. G.** *Opisanie vsekh obitayushhikh v Rossijskom gosudarstve narodov, ikh zhitejskikh obryadov, obyknovenij, odezhd, zhilishh, uprazhnenij, zabav, veroispovedanij i drugikh dostopamyatnostej* [Description of all peoples living in the Russian state, their everyday rites, customs, clothes, dwellings, exercises, amusements, religions and other memorials]. Moscow, 2007. 128 p. In Russian.
- Gurvich N. A.** *Spravochnaya knizhka Ufimskoj gubernii. Svedeniya chislovye i opisatel'ny'e otosyatsya k 1882–83 gg. i tol'ko ves'ma nemnogie k prezhnim godam. Sostavil po porucheniyu Ufimskogo Gubernskogo Statisticheskogo komiteta N. A. Gurvich, Chlen-Sekretar' Ufimskogo i Dejstvitel'ny'j Chlen drugix Statisticheskix Komitetov, Chlen Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo i drugix ucheny'x obshhestv* [Reference book of the Ufa province. The numerical and descriptive data refer to the years 1882–83, and only a very few to the previous years. Compiled by N. A. Gurvich, a Member-Secretary of the Ufa and Full Member of other Statistical Committees, a member of the Imperial Russian Geographical and other scientific societies, on behalf of the Ufa Provincial Statistical Committee]. Ufa, 1883. 875 p. In Russian.
- Eruslanov P.** *Kratkij otchet o poezdke k cheremisam Ufimskoj gubernii letom 1896 g.* [Brief report on the trip to the Cheremis of the Ufa province in the summer of 1896]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic review]. 1896, no. 2–3, pp. 324–329. In Russian.
- Kosareva I. A.** *Iskusstvo uzornogo tkachestva udmurtskogo naroda. Al'bom-monografiya* [The art of patterned weaving of the Udmurt people. Album-monograph]. Izhevsk, 2020. 492 p.
- Kuzeyev R. G.** *Narody Srednego Povolzh'ya i Yuzhnogo Urala: etnogeneticheskij vzglyad na istoriyu* [Peoples of the Middle Volga region and the southern Urals: an ethnogenetic view of history]. Moscow: Nauka, 1992. 347 p. In Russian.
- Kuzeyev R. G.** *Proiskhozhdenie bashkirskogo naroda. Etnicheskij sostav, istoriya rasseleniya* [Origin of the Bashkir people. Ethnic composition, history of settlement]. Ufa, 2010. 560 p. In Russian.
- Kurbanova Z. I.** *Tradicionny'j muzhskoj kostyum karakalpakov (konec XIX – konec XX vv.)* [Traditional male costume of Karakalpaks (late XIX – late XX centuries)]. *Problemy' vostokovedeniya* [Problems of Oriental Studies]. 2016, no. 2 (72), pp. 48–52. In Russian.
- Lossievsky V.** *Byt i prazdniki cheremis Orenburgskoj gubernii* [Life and holidays of cheremis of the Orenburg province]. *Orenburgskie gubernskie vedomosti* [Orenburg gubernskie vedomosti]. 1848, no. 41, 42. In Russian.
- Molotova T. L.** *Marijskij narodny'j kostyum* [Mari folk costume]. Yoshkar-Ola, 2020. 383 p. In Russian.
- Molotova T. L.** *Marijskij narodny'j kostyum* [Mari folk costume]. Yoshkar-Ola, 1992. 108 p. In Russian.
- Molotova T. L.** *Religiozny'j faktor v soxranenii identichnosti vostochny'x marijcev* [The Religious factor in preserving the Identity of the Eastern Mari people]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic review]. 2010, no. 6, pp. 81–92. In Russian.
- Nacional'ny'j arxiv Respubliki Bashkortostan* [National archives of the Republic of Bashkortostan]. F. 295. In Russian.
- Nechvaloda E. E.** *Tradicionnaya zhenskaya odezhda udmurtov v materialax e'kspedicii Shapp de'Otrosha* [Traditional women's clothing of the Udmurts in the materials of the Chappe de 'otrosha expedition]. *Ezhegodnik finno-ugorskix issledovanij* [Yearbook of Finno-Ugric Studies]. 2019. Vol. 13, issue 1, pp. 101–108. In Russian.
- Nechvaloda E. E.** *Udmurtskij zhenskij glavnoj ubor ajshon v opisaniyax i grafike XVI – XVIII vv.* [Udmurt female headdress aishon in descriptions and graphics of the XVI–XVIII centuries]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies]. 2020, no. 4, pp. 728–738. In Russian.
- Nikitina G. A.** *Zakamskie udmurti: obshche i osobennoe* [Zakamsky Udmurts: general and special]. *Finno-ugorskij mir* [Finno-Ugric World]. 2016, no. 2, pp. 42–50. In Russian.
- Nikonorova E. E.** *Odezhda ural'skix marijcev v sobranii Muzeya arxeologii i etnografii (Ufa)* [Clothes of the Ural Mari people in the collection of the Museum of Archeology and Ethnography (Ufa)]. *Etnicheskie vzaimodejstviya na Yuzhnom Urale*. [Ethnic interactions in the Southern Urals]. Chelyabinsky, 2006, pp. 189–199. In Russian.
- Nikonorova E. E.** *Nekotory'e osobennosti bashkirskogo zhenskogo kostyuma XVIII–XIX vekov* [Some features of the Bashkir women's costume of the XVIII–XIX centuries]. *Bashkirskij kraj* [Bashkir Krai: collection of articles]. Ufa, 1997, pp. 42–57. In Russian.
- Pallas P. S.** *Puteshestvie po razny'm provinciyam Rossijskogo gosudarstv* [Travel to different provinces of the Russian state]. St. Petersburg, 1773–1788. Vol. 3, 1786. 476 p. In Russian.

- Popova E. V.** *Udmurty` v e`tnicheski smeshanny`x seleniyax Uralo-Povolzh`ya: opy`t sosedstva* [Udmurts in ethnically mixed villages of the Ural-Volga region: neighborhood experience]. *E`tnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic review]. 2010, no. 6, pp. 66–80. In Russian.
- Puteshestviya k udmurtam i marijczam Pis`ma Uno Khol`mberga 1911 i 1913 gg.* [Travels to the Udmurts and Mari Letters of Uno Holmberg 1911 and 1913]. St. Petersburg, 2014. 224 p. In Russian, In Finnish.
- Rabot, Charles.** *A travers la russie boréale.* Paris, 1894. In French.
- Rudenko S. I.** *Bashkiry: istoriko-etnograficheskie ocherki* [Bashkirs: historical and ethnographic essays]. Ufa: Kitap, 2006. 376 p. In Russian.
- Rychkov N. P.** *Zhurnal, ili dnevny`e zapiski puteshestviya kapitana Ry`chkova po razny`m provinciyam Rossijskogo gosudarstva v 1769 i 1770 godu* [Journal, or Daily notes of Captain Rychkov's travels in different provinces of the Russian state in 1769 and 1770]. St. Petersburg, 1770. Part 1. 190 p. In Russian.
- Sadikov R. R.** *Finno-ugorskie kollekcii v ufimskix muzeyax* [Finno-Ugric collections in Ufa museums]. *Ezhegodnik finno-ugorskix issledovanij* [Yearbook of Finno-Ugric Studies]. 2015, no. 1, pp. 87–98. In Russian.
- Sadikov R. R.** *Finno-ugorskie narody Respubliki Bashkortostan (istoriya, kul`tura, demografiya)* [Finno-Ugric peoples of the Republic of Bashkortostan (history, culture, demography)]. Ufa, 2016. 276 p. In Russian.
- Sadikov R. R., Miniakhmetova T. G.** *Zarubezhny`e issledovateli e`tnografii, fol`klora i yazy`ka zakamskix udmurtov: istoriograficheskij ocherk* [Foreign researchers of ethnography, folklore and language of the Zakamsk Udmurts: a historiographical sketch]. *Ezhegodnik finno-ugorskix issledovanij* [Yearbook of Finno-Ugric Studies]. 2012. Issue 4, pp. 49–62. In Russian.
- Smirnov I. N.** *Votyaki. Istoriko-e`tnograficheskij ocherk* [Votyaks. Historical and ethnographic essay]. *Izvestiya Obshchestva archeologii, istorii i etnografii* [Proceedings of the Society of Archeology, History and Ethnography]. Vol. 8, issue 2. Kazan, 1890. 358 p. In Russian.
- Smirnov I. N.** *Cheremisy`. Istoriko-e`tnograficheskij ocherk* [Cheremisy. Historical and ethnographic essay]. Kazan, 1889. 212 p. In Russian.
- Suslova S. V.** *Tatarskij kostyum. Istoriko-e`tnologicheskoe issledovanie* [Tatar costume. Historical and ethnological research]. Kazan, 2018. 239 p. In Russian.
- Sukhareva O. A.** *Istoriya sredneaziatskogo kostyuma. Samarkand (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [History of the Central Asian costume. Samarkand (the second half of the XIX – the beginning of the XX century)]. Moscow: Nauka, 1982. 142 p. In Russian.
- Tatary`* [Tatars]. / ed. by G. F. Gabdrakhmanova, V. V. Trepavlov, R. K. Urazmanova. Moscow: Nauka, 2017. 799 p. In Russian.
- Finno-ugorskie narody` v kollekciyax Muzeya arxeologii i e`tnografii Centra e`tnologicheskix issledovanij UNCz RAN. Katalog* [Finno-Ugric peoples in the collections of the Museum of Archeology and Ethnography of the Center for Ethnological Research of the UNC RAS. Catalog]. Ufa, 2006. 120 p. In Russian.
- Hristolyubova L., Minniyakhmetova T.** *Udmurty`* [Udmurts]. *Narody` Bashkortostana* [Peoples of Bashkortostan]. Ufa, 2002, pp. 395–412. In Russian.
- Cheremshansky V. M.** *Opisanie Orenburgskoj gubernii v hozyajstvenno-statisticheskome, etnograficheskome i promyshlennom otnosheniyah* [Description of the Orenburg province in economic-statistical, ethnographic and industrial relations]. Ufa, 1859. 472 p. In Russian.
- Shitova S. N.** *Bashkirskaya narodnaya odezhda* [Bashkir folk clothing]. Ufa: Kitap, 1995. 240 p. In Russian.
- Shitova S. N.** *Marijcy* [Mari]. *Narody` Bashkortostana* [Peoples of Bashkortostan]. Ufa, 2002, pp. 347–384. In Russian.
- Shitova S. N.** *Finno-ugorskij komponent v narodnoj odezhde bashkir* [Finno-Ugric component in Bashkir folk clothing]. *Issledovaniya po istoricheskoi e`tnografii Bashkiri* [Research on historical ethnography of Bashkiria]. Ufa, 1984, pp. 9–28. In Russian.
- Lehtinen I.** *Marien mekot.* *Volgansuomalaisten kansanpukujen muutoksista.* Helsinki, 1999. In Finnish.
- Lehtinen I.** *Tscheremissischer Schmuck. Ethnographische Untersu-chung.* Helsinki, 1994. In Finnish.

Received 25.03.2020

Galieva Farida Gabdulkaevna,

Doctor of Philology, Candidate of History, Associate Professor, Chief Researcher,
R. G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies - Subdivision of the Ufa Federal Research Centre
of the Russian Academy of Sciences, Institute of ethnological researches,
6, Karla Marksa st., Ufa, 450077, Russian Federation

Ева Тулуз

**«JÕULUD»: ВНЕШНИЙ ВЗГЛЯД НА СОВРЕМЕННОЕ
ЭСТОНСКОЕ РОЖДЕСТВО**

Рождество для эстонцев – особенный праздник, любимый не только детьми, но и взрослыми. Они упорно сохраняли его в советский атеистический период и продолжают праздновать сегодня. В наши дни Рождество является собой контаминацию старых традиций, адаптаций советского периода и международных влияний. Цель статьи – показать особенности современного празднования Рождества в Эстонии с учетом диахронных аспектов. Рождество в Эстонии – это время укрепления семьи, с совместной трапезой, обменом подарками, посещением могил близких, исполнением праздничных песен и прочими символами этого периода. Автор живет в Эстонии с 1991 года и в настоящей статье опирается на личные наблюдения и интервью с людьми из близкого окружения. Таким образом, временные рамки исследования составляют 30 лет. Поскольку данный обряд является семейным и интимным, особенный интерес для автора представляет освящение именно этой стороны современной культуры эстонцев.

Ключевые слова: Рождество, *Jõulud*, елка, гномики, Дед мороз, подарки, поздравления, праздничные блюда, рождественские песни, кладбище, церковь, современная эстонская культура.

DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-4-641-655

В эстонском народном календаре самыми важными праздниками, безусловно, являются те, что связаны с летним и зимним солнцестояниями – Рождество и День Ивана Купалы, по-эстонски *Jõulud* и *Jaanipäev*. Христианство распространилось на эстонских землях в XIII в., и, если первоначально оно воспринималось здесь как нечто чуждое, в процессе многовекового сосуществования с местными традициями постепенно превратилось в свое. Известно, что самые значимые дни для христиан, это Рождество и Пасха, связанные с рождением и воскресением Иисуса Христа. В Эстонии два важных праздника – солнцестояние и Рождество Христово, они имеют разное происхождение, совпадают и приходятся на конец декабря. Такое совпадение во многом объясняет важность этого праздника для эстонцев, тем более, христианство привнесло в древний праздник новое измерение, не противоречащее его изначальным сакральным смыслам – победе света над тьмой, миру и спокойствию вокруг. Какой семантикой наполнен этот праздник, и как эстонцы отмечают его сегодня? Ответы на эти вопросы найдутся в данной статье. Исследование опирается на эмпирические материалы и опубликованную литературу.

С 1991 года – времени начала моего проживания в Эстонии, я наблюдаю за жизнью этой страны. Можно назвать это своего рода непрерывной полевой работой. На свои наблюдения я и буду опираться в настоящем исследовании. Эстонская культура рассматривается мной одновременно как чужая и своя. Я не выросла в этой культурной традиции, а познакомилась с ней уже будучи взрослой. Я родилась, росла и жила в разных странах, между разными культурными традициями, и так случилось, что чувство родины появилось у меня именно в Эстонии. В этой стране меня душевно приняли; этому поспособствовал и тот факт, что я с самого начала говорила на эстонском языке.

За празднованием Рождества я начала следить с 1991 года, но сначала только по рассказам моих близких. Долгое время один нюанс не позволял мне полностью погрузиться в эстонскую жизнь: у меня были здесь близкие друзья, но семьи и родственников не было. В эстонской культуре некоторые праздники являются чисто семейными, участие в них посторонних не допускается, и Рождество – один из них. Многие годы я проводила Рождество дома в одиночестве, как и любой другой вечер. Но в последние 10 лет одна семья стала приглашать меня справлять Рождество с ними, включив меня таким образом в свой ближний круг. Пример семьи Лаура – мой главный источник, однако я давно интересуюсь традицией празднования Рождества и, конечно, из многочисленных бесед получила представление об опыте и других семей, и одиноких людей.

Я не буду концентрироваться на традиционном Рождестве, на дохристианских и архаических обычаях. О них написано достаточно [см., напр., Eisen 1931; BERTA, Hiimäe 1995, Õunapuu 2001,

Viires 2002, Kõiva 2011, Kõivuruu 2018]. Все эти работы сосредоточены на традиции и построены на архивных материалах. В своей статье мне бы хотелось показать, какие из традиций сохранились на сегодняшний день, что изменилось, что исчезло, а также представить современную ситуацию. Еще Маттяс Йоханн Эйсен¹ в начале 1930-х годов отмечал, что с течением времени многие обычаи почти «умерли». О некоторых старинных традициях еще помнят, но никто не видел их собственными глазами.

Что такое jõulud?

Само русское слово «рождество» имеет очевидную связь с христианской идеологией, с рождением Иисуса Христа, празднование которого в западноевропейской традиции приходится на период, близкий к зимнему солнцестоянию. В сравнении с другими европейскими странами христианская сущность Рождества проявляется в Эстонии не столь однозначно, оно воспринимается как синкретический праздник, содержащий не только религиозные элементы. Хотя для глубоко верующих людей это, конечно, не совсем так.

Понятие *jõulud* распространено сегодня на всей территории Эстонии, хотя для юга страны более исконным является термин *talvistepühad*, складывающийся из слов *talv* (зима) и *püha* (праздник), несущего богатую сакральную нагрузку. Слово *jõulud* явно скандинавского происхождения, его этимология точно не известна, но оно не имеет религиозных оттенков и связано скорее всего с дохристианскими традициями [Kõiva 2011, 63]. В советский атеистический период этот праздник считался чисто религиозным, поэтому его старались искоренить, заменив Новым годом, для обозначения которого пользовались старым эстонским словом немецкого происхождения – *näärid*. Но это было скорее параллельное название того же самого явления [Hiemäe 1995, 48]. Обычно считается, что период празднования *jõulud* начинается 21 декабря и заканчивается 7 января. Первая дата (21.12) приходится на Фомин день, названный Эйсенем «колоколом, который звонит для входа *jõulu*». [Eisen 1931, 19]. К этому дню все работы должны быть завершены, все долги оплачены и все обещания выполнены. Традиционно в эти дни устраивалась большая уборка в доме, затевалась стирка. Поэтому атрибуты Фомы (по-эстонски его называют Тоомас) – черный цвет и сажа [Kõivuruu 2018, 127]. В этот день, как правило, готовили колбасы и домашнее пиво. Эти подготовительные дни требовали от всех огромных усилий [Eisen 1931, 22-23]. После всего этого начиналось ожидание *jõulud*. Сегодня все внимание сосредотачивается вокруг дней с 24-го по 26 декабря и последующей недели, на новогодних днях 31 декабря и 1-го января.

Преддверие праздника Jõulud

Как было сказано выше, началом празднования считается декабрь. Христианскому празднику Рождества Христова предшествует Адвент, или подготовка к его «приходу». Адвент длится четыре воскресенья до 24 декабря; бывает, что четвертое воскресенье совпадает с этой датой [Kõivuruu 2018, 124]. Для христиан это время символического ожидания прихода сына Божьего на землю. Каждое воскресенье в честь этого зажигается по одной свече [Kõivuruu 2018, 125]. Однако сегодня для большинства эстонцев этот обычай не является религиозным. Особенно ему радуются дети, которым родители покупают специальные календари Адвента.

Сейчас эти календари можно приобрести в любом магазине Эстонии. Обычно это широкая картонная коробка, на которой расположены небольшие отсеки с окошками. Ребенок последовательно открывает по одному окошку в день и достает спрятанную в нем конфету или другую сладость. Но еще более важным и долгожданным событием для детей являются обнаруживаемые каждое утро подарки от гномика.

По-эстонски гномик *пякапик* (*päkapikk*). Это мифологическое существо, присутствующее в традициях разных народов, особенно скандинавских. В настоящее время они обязательные персонажи Рождества. Гномики помогают *Jõuluvana*, эстонскому Деду Морозу, готовить подарки для детей, а иногда приносят их сами. С начала декабря *пякапик* каждый день приносит и оставляет подарочки в носках маленьких детей. Например, мой маленький друг Оскар (7 лет) кладет свои носки на под-

¹ Маттяс Йоханн Эйсен (1857-1934) – эстонский священник и фольклорист, активный собиратель фольклора. Им написано несколько научно-популярных книг, кроме того, он является первым переводчиком Калевалы на эстонский язык.

оконник над своей постелью, чтобы гномики их заметили. А его старшая сестра, пятнадцатилетняя Лээн, с этого года уже не получает таких подарочков, она считается взрослой. Обычно гномики приносят конфеты, карандаши или другие небольшие вещицы, девочки иногда получают украшения. Конечно, так же, как и подарки *Jõuluvana*, их тайком от детей подкладывают родители, заблаговременно подготовившиеся к декабрьским дням.

Рис 1. Детский адвент-календарь

Несомненно, некоторые обычаи этого периода до наших дней не дошли, хотя и сохраняются в некоторых воспоминаниях. Например, в Западной Эстонии и на островах по домам в это время ходили ряженые. Часто ряжеными выступали бедные люди: надев маски или измазав лица сажей, они просили подаяние. Но более традиционной формой ряженья было участие исключительно молодых мужчин, разгуливавших по домам в козлиных масках. Они много говорили, плясали, но не пели.

Семь аспектов и обычаев празднования *Jõulud*

Первый аспект празднования *Jõulud*, как я заметила в самом начале, это празднование в кругу семьи. Второй – необходимость украшения дома и пространства. Третий аспект – кульминация праздника – праздничная трапеза и появление эстонского Деда Мороза вечером 24 декабря. Четвертый аспект – обязательный обмен подарками внутри семьи по семейным традициям. Пятый – исполнение специальных рождественских песен, которые могут звучать в течение всего праздничного периода в общественных местах, и которые в этот вечер поются и / или слушаются. Шестой аспект – обязательное посещение церкви. И седьмой аспект – посещение кладбищ. Рассмотрим каждый из них.

1. Семейный праздник

Традиционно, в соответствии с основной идеей Рождества, 24 декабря принято оставаться дома в мире и спокойствии, а возможности для гостевания предоставляются в другие дни праздничного периода [Viires 2002, 87]. Семья и семейность в Эстонии – понятия гибкие и ситуативные. Иногда они понимаются как самый узкий круг – супруги и их дети, и в таком случае вечером в канун Рождества собираются лишь члены семьи.

Но так было не всегда. Эйсен говорит, что раньше в рождественский сочельник в каждой семье щедро принимали всех нищих. Появляясь у дверей, они как бы воплощали собой потусторонний мир или великих людей этого мира, скрытых под масками [Eisen 1931]. Символически трапеза готовилась не для самой семьи, а для невидимых духов. Естественно, в обществе, особенно в современном, есть и одинокие люди, чьи родители уже умерли и/или у которых нет детей. Приведу некоторые примеры их праздничного времяпрепровождения. Мадис (мужчина 35 лет) живет один в лесу, любит находиться на природе и на берегу моря. Он ничего особого не делает на Рождество, но в 2020 г. все-таки заказал для себя запеченного гуся на праздничный обед. Хэли (45 лет) работала няней. Накануне Рождества она испекла у себя дома праздничный хлеб с салом, печенье, приготовила другие праздничные блюда, и, надев костюм *Jõuluvana*, обошла «своих» детей с подарками. Вечером этого же дня в ее квартире собрались друзья, тоже одинокие, и вместе провели вечер за рождественским столом.

В некоторых семьях принято сидеть всем вместе у телевизора и смотреть праздничные передачи, в других – собираться за столом и вести общую беседу. Как показывает мой опыт, пожилые люди предпочитают проводить время перед телевизором, тогда как для среднего поколения важнее общение (Лийво, 50 лет). Обычно в этот вечер ожидается особая программа, каждый год ведется трансляция вечерней службы из Таллиннской лютеранской церкви Яани кирик. В 2020 г. по эстонскому телевидению шли концерты, а также показали старый эпизод криминального сериала «Пуаро Агаты Кристи», что вызывало всеобщее недовольство.

Раньше, по сведениям Эйсена, вечером 24 декабря традиционным занятием было загадывание загадок [Eisen 1931, 140]. Но в конце XX в. никто из моих знакомых уже не помнил о нем. Лишь одна информантка сказала, что слышала об этом обычае от своей бабушки (Туули, 43 года). Загадки уже не часть активно бытующего эстонского фольклора и сохраняются только в школьных программах по родному языку.

Семейный характер Рождества, имеющий глубокие корни, укрепился в советское время, когда его нельзя было отмечать публично. Но после 1991 г. уже в независимой Эстонии праздник приобрел публичные формы, на центральных площадях городов появились елки, улицы и магазины стали украшать гирляндами и игрушками, возродилась традиция рождественских корпоративов на предпрятиях. Известно, что в еще конце XIX в. культурные общества, заводы, даже больницы, организовали для своих рабочих и их детей рождественские встречи [Viires 2002, 24]. Рождественские концерты проходят также в школах и других учебных заведениях. Поэтому этот период чрезвычайно насыщен разными мероприятиями, как для взрослых, так и для детей. Еще одна рождественская традиция – использовать вместо открыток семейные фотографии. Например, ниже приводится фотография, которую я получила в 2020 г. На ее обороте написаны пожелания: «Отправляем тебе рождественские поздравления из Вырумаа! Красивого нового года, здоровья, друзей и встреч» (перевод – Е.Т.). Далее следуют подписи и фраза, написанная девочкой: «Самый большой подарок – это любовь» («Kõige suurem king on armastus»).

Рис. 2. Рождественская послание 2020 года: семья Татси, Таави, Мари и Линда.
Из личного архива автора.

Иногда отправляются самодельные подарочные карточки с рисунками и пожеланиями. Сегодня отправка поздравительных писем обычной почтой – явление почти маргинальное, большинство предпочитает делать это в СМС, по электронной почте или через социальные сети, кто-то может просто позвонить. Рождественские, как и любые другие праздничные пожелания, в Эстонии лаконичны, обычно желают «*rahulikke jõule*», т.е. спокойного Рождества, или просто «*häid jõule*», т.е. хорошего Рождества, напоминая о религиозной и тихой природе этого праздника.

2. Украшение пространства

Во всем мире принято украшать дома и улицы во время праздников и уже сложился определенный стандарт – городские власти, как правило, устанавливают большую живую елку на центральной площади, улицы дополнительно подсвечиваются гирляндами и пр. Эстония не является исключением, но рассмотрим некоторые подробности. В последние годы в Эстонии выпадает мало снега, поэтому он превратился в долгожданное украшение. Идеальные *jõulud* – «белые», когда все вокруг покрыто снегом, «черное», дождливое Рождество никого не радует. До середины XIX в. в эстонские дома было принято заносить солому на Рождество, объясняя это тем, что Иисус Христос родился в хлеву, на соломе. Еще раньше она служила символом зимнего солнцестояния. Были и утилитарные причины – утепление холодных полов. [Hiimäe 1995, 56]. Учитывая все это, солома стала главным символом *jõulud*, что отразилось даже в его названии. Исследователь Ыунапуу упоминает южно-эстонский обычай, когда хозяин входит в дом с соломой:

Jõnkadi, jõnkadi jõulud tulevad,	Йынкади, йынкади <i>jõulud</i> придут,
jõulud tulevad, mured lähevad;	<i>Jõulud</i> придут, заботы уйдут,
kas on luba jõulul tulla?	Разрешается ли <i>jõulud</i> войти?

[Õunapu 2001, 155].

Пожилые люди вспоминают, как весело было играть и валяться на соломе. Эта забава практиковалась кое-где до 1950-х годов. [Кõiva: эл. ресурс]. Возможно, эти обычаи и вдохновили в 2020 г. тартускую городскую администрацию обустроить на Ратушной площади специальный домик, наполненный соломой, для всех желающих развлечься таким образом.

Рождественские украшения очень разнообразны – хвойные ветви, шарики, гирлянды, фигурки и изображения Деда Мороза, оленей и т.д. Их вешают на двери и окна, над столами. Во многих квартирах на подоконниках устанавливают электрические треугольные композиции, имитирующие настоящие свечи и называемые адвентскими свечами. Они видны издали и особенно красиво смотрятся в темноте.

Рис. 3. Адвентские свечи на подоконнике.

Источник: <https://ostuklikk.ee/products/valge-advendikuunal-aknale> (Дата посещения 02.01.2021).

Но все-таки самый важный атрибут Рождества и украшение дома – это елка. В деревнях или в тех частях города, где доминирует частный сектор, часто украшают и подсвечивают хвойные деревья на улице перед домами. В середине XIX в. хозяева немецких мыз в Эстонии организовали рождественские ёлки для работников и их детей, отсюда они распространились и по другим поселениям [Eisen 1931, 55-56; Hiimäe 1995, 78; Viires 2002, 31]. С начала XX в. традиция ставить елки стала повсеместной. В общественных местах, в магазинах, в центре города, елки появляются уже с начала декабря. В 1928 г., поставили первую (со времён средневековья) городскую ёлку в Таллинне, а в 1929 году – в Тарту, и это стало традицией [Viires 2002, 98-99].

Рис. 4. Ратушная площадь и большая рождественская ель. Тарту, Рождество, 2020 г. Фото Евы Тулуз.

Традиционно ёлку приобретали утром 24 декабря на базаре и сразу же украшали. Существует также обычай наряжать елку со дня святого Фомы (Тоомас), то есть с 21-го декабря. Но так как они выставляются на продажу уже с начала месяца, не все следуют этому негласному правилу. В некоторых семьях сохраняется красивая традиция ходить за деревом в лес, но с каждым годом таких семей все меньше. В советское время запрещалось устанавливать елку в доме непосредственно в Рождество и их начинали продавать лишь несколько дней спустя [Õunariu 2001, 169].

Обычно елку устанавливают в центре комнаты, и она остается там до 7 января. Однако следует заметить, что все происходящее в частном пространстве, несмотря на наличие каких-то общих закономерностей, не поддается обобщению. Например, не все семьи приобретают елку, хотя так делает большинство. Многие предпочитают ставить живые деревья, от которых исходит приятный запах, и купить которые несложно. Другие используют искусственные модели.

Рис. 5. Продажа живых елей.

Источник: <https://www.lckuressaare.ee/heategevuslik-joulukuuskede-muuk-2017/>
(Дата посещения: 02.01.2021).

Украшение елки также зависит от вкуса и семейных традиций. Пожилые люди вспоминают, что раньше на ней развешивали яблоки, конфеты и печенье *piparkakus* (см. ниже) [Kõiva: эл. ресурс]. Дети же тайком от взрослых их ели. Настоящие сладости сейчас сменились сделанными своими руками из золотистой или серебристой бумаги, которые мастерят и дети, и взрослые, и в школе, и дома. Об этом применительно к своему детству в 1920-е годы пишет, например, этнограф Антс Виирес

[Viires 2002, 67]. С конца XIX в. началось массовое производство елочных украшений. Обычно эстонцы предпочитают простые формы и цвета, выбирая одно или двухцветные шарики, серебристые или золотистые гирлянды (например, см. видео: Oh, kuuseruu). В соответствии со старинным обычаем многие эстонцы украшают елку, полностью или частично, соломенными игрушками. Елку обязательно подсвечивают, поскольку Рождество – это праздник света, а традиционные свечи или гирлянды напоминают звезды над яслями Иисуса [Eisen 1931, 64]. Используется в основном электрическая подсветка, хотя некоторые «традиционалисты» любят настоящие свечи, требующие постоянного внимания из-за пожароопасности, но создающие особенное душевное настроение.

Рис. 6. Елка с традиционными украшениями из соломы. Тарту, Рождество, 2020.
Фото Евы Тулуз.

Свеча – это еще один символ Рождества: даже если их нет на елке, несколько штук в красивых подсвечниках всегда горят на праздничном столе. Раньше свечи изготавливались дома, а не покупались. Для Рождества старались сделать три свечи, или одну тройную свечу с тремя ветвями. Эйсен описывает, как такие стеариновые свечи катала его мама, но они были неудобные, потому что жир таял и капал с них прямо на стол [Eisen 1931, 64]. Сегодня их заменяет подсвечник с тремя свечами.

3. Праздничные блюда

В Рождество принято готовить вкусную праздничную еду: это еще одна особенность этого периода. Как отмечают исследователи, эстонцы жили небогато, редко ели мясо, особенно свинину [Eisen 1931, 78]. Но на праздники собиралось самое вкусное, самое ценное [Hiimäe 1995, 62]. Все блюда необходимо было приготовить до 24 декабря, в сам праздник еду просто разогревали. Семья рассаживалась за столом, глава семьи произносил молитву, и все приступали к трапезе в полной тишине. Пища оставалась на столе, и все могли есть сколько угодно, такое позволялось только один день в году. Имеются специальные рождественские блюда. Например, печенье *piparkukas* (так они названы в интернет-источниках).

По-эстонски такие печенье называются *piparkoogid*, они имеют восточное происхождение и распространились здесь в конце XIX в. В 1930-е годы на эстонских хуторах их пекли в большом количестве, так что хватало до середины февраля [Õunaruu 2001, 183]. Сегодня *piparkoogid* появляются на полках магазинов с начала декабря или даже раньше. Но многие предпочитают готовить их

дома вместе с детьми: это одно из любимых семейных занятий в преддверии Рождества. Тесто можно купить в магазине или замесить самим; домашнее тесто нередко дарят друзьям, оно считается хорошим подарком. Из теста готовят печенье разных форм: фигурки животных, елки, звезды, гномиков, ангелов и т.д.

Рис. 7. *Пупаркукас* в продаже в супермаркете. Тарту, Рождество, 2020. Фото Евы Тулуз.

Существует также специальный рождественский напиток – это глентвейн, *глэги*. Считается, что он появился в 1825 г. и назывался епископским напитком [Õunariu 2001, 185]. Вино (как правило, ягодное) смешивается со специями и подается в горячем виде. Его можно купить в рождественских киосках, магазинах, на ярмарках ит.д. В последние годы вино часто заменяется соком из черной смородины или облепихи.

Рис. 8. Праздничный стол: слева направо маринованная тыква, квашеная капуста с брусникой, гусь, салат, вареная картошка, кровяные колбасы и кальмары по-итальянски. Тарту, Рождество, 2019. Фото Евы Тулуз.

Раньше на Рождество хозяйки должны были обязательно приготовить кашу, но подавалась она не как обычно, а внутри белой колбасы [Eisen 1931, 90]. В настоящее время белую колбасу, начиненную крупой и жирной свиной, могут готовить православные эстонцы, которым запрещено употреблять в пищу кровь. Но она уже не фигурирует ни в домашних рождественских меню, ни в продаже. На праздничном эстонском столе присутствуют и другие традиционные блюда. Прежде всего, жаркое из свинины, запеченное в печи или в духовке. Лет тридцать лет назад это было общепринятое блюдо на Рождество и другие большие праздники. В настоящее время, очевидно под влиянием дру-

гих культур, эстонская рождественская трапеза стала гораздо разнообразнее. Например, стали популярны блюда из домашней птицы. Задолго до наступления Рождества в магазинах пустеют отделы, где продаются замороженные гусиные и утиные тушки; их хозяйки запекают в печи или в духовке.

Еще один гастрономический символ этого праздничного времени – кровяная колбаса – блюдо, которое подают и дома, и в ресторанах (*verivorst* (см. видео Jõulutoidud)). Как говорят эстонцы, «без кровяной колбасы нет *jõulud*». Магазинные полки перед Рождеством ломятся от разных видов кровяных колбас: есть тонкие и толстые, короткие и длинные. Колбасы запекают или жарят на сковороде.

Традиционно эстонцы пекли рождественский хлеб с отверстием для свечи, который нередко оформлялся в виде свиньи или другого животного. Эти формы напоминают современные *tiparkoogid*. В наше время многие сами пекут хлеб на Рождество. Это обычный ржаной хлеб, иногда с добавлением сала, или тмина; он может быть и сладким – с фруктами и цукатами. Обычно трапезу завершают сладкие блюда: раньше это были фрукты, орехи, конфеты или витой крендель с сухофруктами, орехами и шоколадом. Сегодня десерты очень разнообразны, их можно купить в магазине или приготовить дома. Древним рождественским напитком было пиво [Niimäe 1995, 66], которое до 1980-х годов принято было варить на Фомин день. Таким пивом угощали и крупный рогатый скот, и лошадей. Традиция обязательного употребления пива на Рождество – общая во всех скандинавских странах, она связана с надеждами на хороший урожай. Сегодня пиво приобретается в магазинах, где выбор довольно широк. Вероятно, в память о старинном обычае в отделах алкогольных напитков предлагается специальное рождественское пиво – темное, с богатым вкусом.

4. Подарки

Обмен подарками сегодня практически главный аспект Рождества, с ними связаны и елка, и мифологические персонажи праздника. Особенно значимы они для детей, для взрослых же это хлопоты и немалые затраты. Подарки готовят не только для членов семьи, но и для друзей, знакомых, соседей. Это не обязанность, но знак близких или дружественных отношений. Так было не всегда. Для представителей старшего поколения, чье детство пришлось на 1920-1930-е гг. подарки были редкостью, а главное удовольствие доставляла вкусная еда, которой в рождественские дни было вдоволь.

В XX в., особенно после 1980-х гг. [Niimäe 1995, 80], сформировался целый письменный жанр – детские письма к *Jõuluvana*, в которых они излагают свои просьбы. Дети постарше и подростки отправляют электронные письма *Jõuluvana* своим родителям (Леэн, 15 лет); маленькие дети часто оставляют записки в носке, чтобы гномики доставили их напрямую к *Jõuluvana* (Оскар, 7 лет).

Рис. 9. Девочка обнаружила подарки под елкой. Тарту, Рождество, 2012. Фото Евы Тулуз.

Эстонский Дед Мороз *Jõuluvana* (Рождественский старик) отличается от русского тем, что у него нет ни жены, ни внучки Снегурочки, зато есть помощники – гномики. Считается, что этот персо-

наж вырос из аналогии со святым Николаем, щедрым и добрым, которого называли Санта Клаус (адаптация нидерландского «Синтерклаас») [Kõiva: эл. ресурс]. Его появление в Эстонии относится, по всей видимости, к началу XIX в. В советское время, несмотря на официальный запрет, Рождество продолжали праздновать внутри семьи.

Jõuluvana – это бородатый старик в красной одежде и шапке. Лучше если подарки приносит он лично. Во многих семьях хранится костюм *Jõuluvana* и / или шапочка гномика (см. видео *Jõuluvana saabub Tartusse Joalateperesse*). Отец или кто-то из близких родственников, одетый как *Jõuluvana*, стучится в дверь и вносит подарки. Также возможно пригласить «профессионального» *Jõuluvana*. Для молодежи это хороший способ подзаработать во время праздников. В других семьях *Jõuluvana* не показывается сам, но подарки в какой-то момент оказываются под елкой. Например, в семье Валликиви, в которой я справляю Рождество, подарки появляются ближе к вечеру 24 декабря, пока дети играют в другой комнате.

Вечером, перед подачей сладостей, папа как официальный представитель *Jõuluvana* надевает красную шапку и раздает подарки. Он называет имя адресата, а его маленький сын в качестве помощника приносит подарки из-под елки.

Рис. 10. Папа изображает *Jõuluvana*, а сын гномика-помощника. Тарту, Рождество, 2019. Фото Евы Тулуз.

В другой эстонской семье подарки раздают гномики. Каждый из членов семьи поочередно надевает шапочку гномика и, вручив свои подарки, передает шапочку следующему (Индрек, мужчина 45 лет).

Получение подарков «нелегкая» задача. В Эстонии, так же как в России и в странах Северной Европы, чтобы заслужить свой подарок надо выполнить какое-то задание. Классический случай – чтение стихотворения. Существует множество детских стихов о Рождестве, зиме, *Jõuluvana*. Дети учат их наизусть в школе или в детском саду. Дети также могут спеть, сыграть на музыкальных инструментах и что-то изобразить. Что обычно дарят? Конечно, все стараются подобрать подарки, которые обрадуют адресата. В основном это покупные подарки. Популярны игры для детей и взрослых, особенно конструкторы лего или что-то подобное. Иногда дарят большие подарки, например, велосипед. В некоторых семьях любят дарить книги; сегодня легко найти чтение на любой вкус (художественная литература, справочники по разным видам рукоделий, по рыбалке, строительству, кухне ит.д.). Косметика, домашняя техника, еда, какие-то деликатесы, дорогой алкоголь, необычный чай – все это считается хорошим подарком. Но особенно ценятся подарки, что сделаны своими руками. Кроме того, они значительно дешевле, поэтому люди, стесненные в средствах, часто выбирают такой вариант. Это могут быть вязаные носки, шарфы или кофты, соленья и варенья, ликеры домашнего производства, сушеные грибы, травяные чаи и т.д.

5. Рождественские песни

С середины XIX в. в Эстонии публиковались так называемые Рождественские книги (*Jõuluraamatud*). Изначально их содержание было чисто церковное, но затем в них стали включать истории из Библии, проповеди. А после 1880 г. появились специальные книги с песнями [Viires 2002, 47-48]. Песни, которые поют на Рождество, разного происхождения, но многие связаны с немецкой протестантской традицией. Они переведены на эстонский язык и являются частью рождественского фольклора многих других стран. Ниже приведена песня, в основе которой народный текст XVI в. Изначально, также как оригинальный немецкий текст, она не была связана с Рождеством. В ней пелось о еловом дереве, символизирующем устойчивость; оно не теряет хвои, несмотря на холодную зиму. Когда ель постепенно превратилась в символ Рождества, эти значения слились.

Oh, kuusepuu, oh, kuusepuu ('Ох, елка, ох, елка')

*Oh, kuusepuu, oh, kuusepuu
kui haljad on su oksad!
Ei mitte ükski suisel aal,
vaid talvel ka siin külmal maal.
Oh, kuusepuu, oh, kuusepuu
kui haljad on su oksad!*

Ох, елка, ох, елка,
Как зелены твои ветви!
Не только в летнее время,
Но также зимой, здесь, в холодных землях.
Ох, елка, ох, елка,
Как зелены твои ветви!

*Oh, kuusepuu, oh, kuusepuu
sa oled mulle armas!
Sind jõuluks metsast tuuakse
ja küünlad külge pannakse.
Oh, kuusepuu, oh, kuusepuu,
sa oled mulle armas!*

Ох, елка, ох, елка,
Ты мне дорога!
Тебя привезут на Рождество из леса
И свечи повесят на тебя.
Ох, елка, ой, елка,
Ты мне дорога!

*Oh, jõulupuu, oh, jõulupuu!
Siit igaiüks saab rõõmu.
Su juures lapsed laulavad
ja rõõmsalt kinke ootavad.
Oh, jõulupuu, oh, jõulupuu!
Siit igaiüks saab rõõmu.*

Ох, рождественское дерево,
Все получают от тебя радость.
Около тебя дети поют
И радостно ожидают подарков.
Ох, рождественское дерево,
Все получают от тебя радость.

*Oh, jõulupuu, oh, jõulupuu,
su valgus on nii hiilgav!
Veel kirkam valgus sellel ees,
kes taeva leiab Jeesusel.
Oh, jõulupuu, oh, jõulupuu,
su valgus on nii hiilgav!*

Ох, рождественское дерево,
Ты так ярко сияешь!
Еще светлее станет тот,
Кто найдет Иисуса в небесах.
Ох, рождественское дерево,
Ты так ярко сияешь!

(Пример исполнения: <https://lastega.ee/index.php/et/k2ev/item/9394-oh-kuusepuu-karavan/> (Дата посещения: 02.01.2021). Слова слегка отличаются от приведенных здесь, это разные переводы текста, но мелодия одинаковая).

Святая ночь

Тесно связана с христианской традицией песня «Святая ночь». Это немецкая песня начала XIX в., в основе которой перевод латинского текста XVIII в. Она широко распространена в разных странах. В России известна под названием «Тихая ночь».

*Püha öö, õnnistud öö!
Kõik on maas rahu sees.
Joosep valvab ja Marial sääl
hingab lapsuke põlvede pääl.
Maga, patuste rõõm!
Maga, patuste rõõm!*

Святая ночь, благословенная ночь,
Все на земле спокойно,
Иосиф стережет, и у Марии там
Дышит ребенок на коленях.
Спи, радость грешных!
Спи, радость грешных!

*Püha öö, õnnistud öö!
Ingli hääl välja pääl
laulab rõõmustes halleluujaja!*

Святая ночь, благословенная ночь,
Голоса ангелов в поле
Поют, радуясь, «Аллилуйя!»

*Annab teada nüüd karjastel ka:
Kristus sündinud teil!
Kristus sündinud teil!*

Сообщают пастухам:
Христос родился для вас!
Христос родился для вас!

*Püha öö, õnnistud öö!
Kes Sa meil ilmutand
Isa armu, mis õnnistust toob,
rahupõlve maailmale loob.
Laulgem halleluuja!
Laulgem halleluuja!*

Святая ночь, благословенная ночь,
показавшая нам
Милость Отца, которая принесет спасение,
Установит мир на земле.
Споём «Аллилуйя!»
Споём «Аллилуйя!»

Пример исполнения песни: <https://www.youtube.com/watch?v=NOLV0pTZBOc/> (Дата посещения 02.01.2021).

Несмотря на религиозное содержание, сегодня ее поют не только христиане. Эти две песни входят в обязательный рождественский репертуар и создают праздничное настроение. Часто их поют для *Jõuluvana* или просто исполняют в семейном кругу вечером.

Колокольчик, колокольчик звенит

В современной эстонской культуре есть также песни, заимствованные из международной традиции. Хорошим примером является американская песня, написанная в 1857 году Джеймсом Лордом Пьерпонттом. Песня стала связываться с Рождеством спустя примерно 10 лет после ее создания. Это **Jingle Bells**, получившая широкую известность в интерпретации Франка Синатры. Она переведена на многие языки, в том числе на эстонский и воспринимается как своя.

*Tiliseb, tiliseb aisakell,
lumi hell, lumi hell,
Tiliseb, tiliseb aisakell,
kiirgab mets ja hüilgab maa.*

Колокольчик, колокольчик звенит,
Снег мягкий, снег мягкий,
Колокольчик, колокольчик звенит,
Лес сверкает, и земля сияет.

*Mööduvad saanid, reed
piki teed, talvist teed,
üle soo ja karjamaa,
üle heinamaa.*

Нарты, сани едут
По длинным дорогам, по зимним дорогам,
Над болотами и пастбищами,
По лугам.

*Tiliseb, tiliseb aisakell,
lumi hell, lumi hell,
Tiliseb, tiliseb aisakell,
kiirgab mets ja hüilgab maa.*

Колокольчик, колокольчик звенит,
Снег мягкий, снег мягкий,
Колокольчик, колокольчик звенит,
Лес сверкает, и земля сияет.

*Helgivad tuled eel,
talve teel, külateel,
rõõmsad pühad igal pool,
üle kogu maa.*

Блестит свет перед нами,
На зимней дороге, на деревенской дороге,
Радостные праздники повсюду,
Над всей землею.

*Tiliseb, tiliseb aisakell,
lumi hell, lumi hell,
Tiliseb, tiliseb aisakell,
kiirgab mets ja hüilgab maa.*

Колокольчик, колокольчик звенит,
Снег мягкий, снег мягкий,
Колокольчик, колокольчик звенит,
Лес сверкает, и земля сияет.

Пример исполнения песни: <https://www.youtube.com/watch?v=NbMbmUzBRk> (Дата посещения 02.01.2021)

По звонкому снегу

Существуют также песни эстонского происхождения. Одна из самых популярных – песня о снеге с текстом Йоханнеса Аавика (1880-1973), известного реформатора эстонского языка. Музыка тоже эстонского автора. Песня была опубликована в 1920-е годы, в тексте нет религиозных смыслов, в ней поется о зимней красе.

*Läbi lume sahiseva sõidab saanike,
aisakell lööb tilla-talla üliarmsasti.*

По звонкому снегу едет нарточка,
Нежно звенят колокольчики.

Kena jõuluehte saanud iga metsapuu.

Каждое дерево в лесу получило красивые рождественские украшения.

Sedailuvaatabkõrgeltmõnusjõulukuu.

Сверху на эту красоту смотрит прекрасная рождественская луна.

*Sõida ruttu, saanikene, koju kirikust,
läbiluha, ülekingu, möödamännikust.*

Поезжай быстрее, нарточка, из церкви домой,
Через луга, через горки, через сосновый лес.

*Kodus pannil jõuluvorstid särisevad ju,
kodus ootvad kingitused, ootab jõulupuud.*

Дома, на сковородке, уже шипят колбаски
Дома ждут подарки, дома ждет рождественская елка.

Пример исполнения песни: https://www.laulud.ee/laul/labi_lume_sahiseva-319.aspx (Дата посещения 02.01.2021)

6. Церковь

Обязательной рождественской традицией для всех христиан, в том числе и для эстонцев, является посещение церкви. До включения Эстонии в состав Советского союза в церковь ездили на украшенных санках с колокольчиками, пространство храма красиво убиралось, а песни создавали праздничную атмосферу. Службы проводились вечером 24 декабря и утром следующего дня.

В советское время ситуация изменилась, из-за религиозного характера праздника в 1947 г. он был запрещен [Kõivurii 2018, 131]. Учителям вменялось в обязанность проверять, кто из учеников посещал службы. В итоге участие в рождественском богослужении стало рассматриваться как один из способов выражения антисоветских настроений, в связи с этим церковь могли посещать даже люди, не особенно религиозные. Многими эстонцами присоединение их независимой страны к Советскому Союзу воспринималось как принуждение и нежелательная оккупация. Протестовать открыто из-за неравенства сил было неразумно, поэтому стали формироваться подобные скрытые формы протеста.

Jõulud официально восстановили в 1989 г. [Viies 2002, 119]. Политическая окраска праздника сгладилась, но привычка ходить в церковь осталась (Арво, 85 лет). На Рождество в Эстонии в храмах народу больше, чем в другое время, при этом не все признают себя верующими. Как и много лет назад, в настоящее время 24 декабря люди идут в церковь, после чего устраивается праздничная домашняя трапеза. Церковь можно посетить в любое другое время в одиночку и, поставив свечу, помолиться. Некоторые из моих знакомых просто смотрят службу по телевизору. Активных верующих, которые молятся дома или читают рождественские религиозные тексты, в моем окружении нет.

7. Посещение кладбищ

Считалось, что в рождественский период души умерших посещают свои дома. Их всегда ждали и готовились к визиту – двери не закрывали на ночь, на столе оставляли еду, а в бане – воду и веник. Иногда предкам накрывали специальный стол в отдельном помещении, куда запрещалось входить, чтобы не помешать им, нарушив тишину [Õunaru 2001, 160]. Поэтому одним из рождественских аспектов является и поминовение усопших. Интересно, что я не знала об этой практике пока не начала писать настоящую статью. Видимо, это было обусловлено интимностью момента, который, соответственно, не обсуждается публично. Однако большинство эстонских семей посещает могилы своих близких в рождественские дни. В похоронно-поминальной культуре эстонцев уделяется большое внимание поддержанию ухоженного вида могил. Уборку следует производить несколько раз в год, примерно раз в сезон. Некоторые даже оплачивают услуги специальных фирм, берущих на себя эту обязанность. Но обычно родственники погребенного делают это сами. Прибрав могилу, как правило, зажигают рядом с ней свечу, верующие совершают молитву. В эстонских магазинах имеется большой ассортимент свечей для разных нужд, есть для украшения дома или елки, но большинство – для кладбищ (с защитой от ветра, дождя и снега). Свечи, горящие на могилах среди деревьев, представляют собой очень красивое зрелище, особенно в темное время суток. Эйсен полагает, что это новая традиция, распространившаяся под влиянием православия [Eisen 1931, 71]. Она появилась сначала в городах в начале XX в., а затем стала всеобщей со второй его половины [Viies 2002, 91]. Правила поведения в колумбариях не отличается от тех, которые приняты на обычных кладбищах. Канони-

ческое время посещения кладбищ – 24 декабря, но на практике оно жестко не регламентируется; это может быть любой день до или после Рождества. Множество хлопот накануне праздника не позволяют всем членам семьи навестить могилы, обычно это делают представители старшего поколения. Стараются навестить могилы всех, даже дальних, родственников. Например, жительница острова Хийумаа, сама родом с материка, приезжает сюда после Рождества. В 2020 г. она посвятила посещение могил своих покойных родственников два-три дня после 28 декабря (Аннэ, 55 лет).

У каждого свои правила поведения рядом с могилами, но общее для всех – молчание и тишина. Некоторые могут помолиться. Одну из моих информанток, не особенно верующую, бабушка научила молитве «*Отче наш*» (Хэли, 45 лет). Другая информантка не произносит специальных молитв, но мысленно выражает свои переживания и эмоции (Аннэ, 55 лет). Другие не делают ничего особенного, просто стоят молча, но обязательно зажигают свечу (Марти, 45 лет).

Заключение

Вышеприведенные описание и анализ отражают состояние рождественских традиций в Эстонии на сегодняшний день. В статье я постаралась связать современные обычаи с историческими данными, чтобы воссоздать целостную картину их бытования. Особенное внимание я уделила 24 декабря, которое эстонцы называют «день накануне Йёулууд» (*jõulude laupäev*). 25 декабря – это собственно день рождения Иисуса, или «первый праздник Йёулууд» (*esimene jõulupüha*). 26 декабря – день святого Степана, или «второй праздник Йёулууд», это время в прошлом посвящали забавам, но сегодня ничего особенного не проводится. Таким образом, можно до определенной степени проследить как изменчивость, так и устойчивость одной конкретной традиции.

В течение одного столетия Эстония пережила несколько глубоких преобразований, которые не могли не повлиять на обрядовые практики обычных людей. С начала XX века до 1918 г. эстонцы жили в Российской империи, потом чуть более 20 лет в независимой Эстонии (1918–1939 гг.), и Рождество в это время являлось важным событием. Затем более полувека, с 1940 до 1991 гг., страна находилась в составе Советского Союза, где все виды религиозности считались неприемлемыми. И, наконец, с 1991 г. снова вернулась религиозная свобода. В связи с этим, изучение современной состояния календарных обрядов может быть плодотворным для понимания социальных и обрядовых процессов, протекающих в обществе.

ИНФОРМАНТЫ

Хэли, женщина 45 лет (Heli Naggel), г. Тарту
Марти, мужчина, 45 лет (Marti Mätas), г. Пярну
Лаур, мужчина 42 лет (Laur Vallikivi), г. Тарту
Оскар, мальчик 7 лет (Oskar Vallikivi), г. Тарту
Эна, женщина 40 лет (Ena Mets), г. Тарту
Мадис, мужчина 35 лет (Madis Jyrviste), остров Сааремаа
Лийво, мужчина 50 лет (Liivo Niglas), г. Таллинн
Туули, женщина 43 года (Tuuli Linnus), г. Таллинн,
Индрек, мужчина 45 лет (Indrek Koff), г. Пярну
Лээн, девочка 15 лет (Leen Vallikivi), г. Тарту
Аннэ, женщина 55 лет (Anne Paar), остров Хийумаа

ЛИТЕРАТУРА

- Eisen Mattias Johannes*, 1931. *Meie jõulud*. [Наше Рождество] Tallinn, 1931. URL: Online https://et.wikisource.org/wiki/Meie_j%C3%B5ulud (дата обращения: 11.12.2022)
- Hiiemäe Mall 1995. *Eesti rahvakalender VII*. [Эстонский Народный Календарь] Tallinn 1995, 11-210.
- Kõiva Mare*. Calendar feasts: politics of adoption and reinstatement [Календарные праздники: политика усвоения и переустановления]. *Working Paper*. Ed. Kalda, Mare; Kõiva, Mare, Kuperjanov, Andres; Vesik, Liisa; Voolaid, Piret. Tartu: EKM Folkloristika Osakond, 2011. 1–63.
- Kõiva, Mare*. Berta Eesti Rahvakalendri Tähtpäevade Andmebaas. [База данных об эстонских календарных тождественных днях. БЕРТА]. URL: <http://www.folklore.ee/Berta/tahtpaev-joulud.php> (дата обращения: 11.12.2022)

О. М. Мельникова**УДМУРТСКИЕ КОРРЕСПОНДЕНТЫ АРХЕОЛОГА О. Н. БАДЕРА**

Статья посвящена малоизученному периоду в истории археологии Удмуртии в послевоенные годы, и его отражению в письмах, адресованных известному археологу Отто Николаевичу Бадеру. О. Н. Бадер со второй половины 1940-х до 1954 г. работал в Пермском (Молотовском) университете, сформировал научную археологическую школу. Со своими учениками он включился в археологическое изучение обширного Урало-Поволжского региона, в том числе территории Удмуртии. О.Н. Бадер поддерживал связи со многими научными, образовательными, музейными организациями. В статье публикуются письма, адресованные ученому, от директора Удмуртского института истории, языка и литературы при Правительстве Удмуртской АССР (УдНИИ) И. Ф. Кутявина, директора республиканского краеведческого музея М. Н. Сулягина, научного сотрудника УдНИИ А. Ф. Трефилова. Они позволяют увидеть направления и содержание археологических исследований, участие в них УдНИИ и республиканского краеведческого музея. В письмах отражен процесс формирования археологических кадров для Удмуртии, в частности, проясняется начало научной биографии известного советского археолога В. Ф. Генинга. В письмах рассмотрен процесс работы над двухтомным изданием «Очерки истории Удмуртской АССР» в части написания разделов по древней и средневековой истории, в которых отражена повседневная жизнь ученых в послевоенные годы. Письма являются частью большого эпистолярного наследия – писем адресованных О. Н. Бадеру в Пермь в 1940-1950-е гг. Они хранятся в Музее истории Пермского государственного научно-исследовательского университета (ПГНИУ) и переданы автору статьи для изучения.

Ключевые слова: О. Н. Бадер, Удмуртия, археология, история археологических исследований, кадры археологов, «Очерки истории Удмуртской АССР», переписка.

DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-4-656-666

Имя советского археолога О. Н. Бадера (1903-1979) неразрывно связано с историей урало-поволжской археологии. Будучи уже сложившимся ученым, в конце 1941 г. как этнический немец Отто Николаевич был мобилизован в спецотряд Тагиллага НКВД. Стараниями ректора Молотовского университета (ныне ПГНИУ) А. И. Букирева в 1946 г. О. Н. Бадер стал доцентом кафедры всеобщей истории, где проработал до 1954 г., пока не получил возможность возвратиться в Москву.

Довоенный опыт преподавания археологии и научная деятельность в Московском отделении Института истории материальной культуры позволили ученому в первое послевоенное десятилетие организовать в Перми подготовку археологов [Мельникова 2003]. Со своими учениками он осуществил значительные полевые исследования, поддерживал связи с музейными, научными, образовательными учреждениями Урала, столичными коллегами, краеведами. Эти коммуникации нашли отражение в переписке, которую О. Н. Бадер вел все годы пребывания в Перми. Судьба этих писем драматична. Ко времени моего знакомства с ними в 2003 г. от всей переписки ученого на кафедре древней и новой истории России Пермского государственного университета (ПГУ) сохранилось 58 писем. Они были использованы в монографии «Пермская научная археологическая школа О. Н. Бадера» [Мельникова 2003], публиковались в статьях [Мельникова 2004, 151-159 и др.]. Часть писем опубликовал профессор ПГУ Г. Н. Чагин [Чагин 2003, 145-154]. К сожалению, оригиналы писем из этой коллекции оказались утраченными.

В 2019 г. сотрудники музея истории ПГНИУ передали мне для изучения новые письма. Они не обработаны, лишь рассортированы по годам. Всего в коллекции сохранилось более 250 писем за 1947 – 1954 гг. Среди авторов писем – корреспонденты О. Н. Бадера из Удмуртии. Их письма интересны с точки зрения истории археологии в регионе, поскольку в них подняты вопросы организации исследований, обозначены проблемы, решавшиеся в послевоенные годы, обсуждаются кадровые вопросы, публикации по ранней истории Удмуртии.

Сегодня опубликовано немало работ о разных периодах в истории археологии на территории Удмуртии [Голдина, Мельникова 2007, 8-49 и др.]. Однако история удмуртской археологии, начиная с предвоенных исследований археолога А. П. Смирнова и до начала активной работы по удмуртской проблематике В. Ф. Генинга в конце 1950-х гг., носит размытый характер. Публикуемые письма позволяют отчасти прояснить этот вопрос.

Биография О. Н. Бадера многократно описана в научной литературе [Мельникова 2003 и др.]. Ижевские корреспонденты ученого – авторы опубликованных писем – личности малоизвестные читателю.

И. Ф. Кутявин (1904–1959) в 1948–1952 гг. был директором УдНИИ. До этого учился в совпартшколах, работал в Удмуртском пединституте, Наркомпросе УАССР, был редактором газеты «Удмурт коммуна». В 1940-е гг. – секретарь обкома партии по пропаганде. Автор трех статей по советской истории Удмуртии [Кутявин... 2001, 329].

М. Н. Сутягин с 1945 по 1953 гг. возглавлял республиканский краеведческий музей [Архив ОК НМУР. Д.14. Книга приказов по Удмуртскому республиканскому музею краеведения. 1941-1953 гг.].

А. Ф. Трефилов (1907-1957) стал связующей нитью, предопределившей воздействие пермской археологической школы О. Н. Бадера на последующее развитие удмуртской археологии. Есть две его краткие биографии [Христолюбова 1997, 99; Трефилов... 2001, 354]. Публикуемые письма дополняют биографию ученого.

А. Ф. Трефилов родился в д. Яр Глазовского уезда в крестьянской семье, рано осиротел, воспитывался в детском доме. Окончил Глазовский пед. техникум. В 1930-1934 гг. учился на историческом отделении Ленинградского пединститута им. А.И. Герцена, затем преподавал историю в Глазовском пед. техникуме, в Ижевском учительском институте. В 1939 г. он был призван в армию, служил в Монголии и Маньчжурии; на Халкин-Голе получил ранение. С 1 мая 1945 г. по 14 июля 1941 г. работал научным сотрудником сектора истории УдНИИ, успел поучаствовать в этнографической экспедиции. После окончания войны вернулся в институт, где проработал до своей кончины в 1957 г. [НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. Ф.1. Оп.2а. Д.30. Л.1об.].

В УдНИИ сформировался основной круг интересов ученого – история Удмуртии от первобытности до позднего средневековья. В одном из отчетов он писал: «Подготовил текст главы 1. «История края с древнейших времен до предбулгарского периода» (1,5 п.л.), доклад «Борьба удмуртов против их угнетателей потомками каринских князей и мурз» (1,5 п.л.), «Удмуртские предания о богатырях в историческом освещении» (3,5 п.л.), «Опыт исследования этногенеза удмуртского народа (4 п.л.)» [НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. Ф.1. Оп.2а. Д.30. Л.10]. В последующих отчетах ученый указал «разработку главы для курса истории удмуртского народа «Древнейшее прошлое Удмуртии. Первобытнообщинный строй», «Удмурты в период образования русского централизованного государства», «Удмуртия в XVI–XVII вв.» [НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. Ф.1. Оп.2а. Д.30. Л.20].

В 1940-начале 1950-х гг. в СССР стал формироваться канон написания национальных историй [Аманжолова, Расовицкая, Тихонов, Дроздов 2021, 465-469]. Именно он предопределил структуру «Очерков истории Удмуртской АССР». Очевидно, что работа над ранними периодами истории Удмуртии для «Очерков» и послужила причиной контактов А. Ф. Трефилова с О. Н. Бадером. В первом томе «Очерков» первые три главы написаны А. Ф. Трефиловым [Трефилов 1958, 8-64].

В «Предисловии» к первому тому «Очерков» указывалось, что при написании разделов использовались материалы археологических экспедиций УдНИИ и Удмуртского республиканского музея краеведения [Очерки... 1958, 3]. Удмуртская археологическая экспедиция была создана в 1954 г., для руководства ею в Ижевск был приглашен ученик О. Н. Бадера В. Ф. Генинг [Генинг 2003, 160].

А. Ф. Трефилова можно считать первым исследователем, создавшим систематическое научное описание ранней и средневековой истории Удмуртии, основанное в том числе на археологических источниках. Благодаря контактам с О. Н. Бадером ученый приобщился и к полевой археологии. В августе 1951 г. он участвовал в разведке под руководством ученика О. Н. Бадера В.А. Оборина «согласно договоренности директора института И. Ф. Кутявина с руководством Молотовского университета» [НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. Ф.1. Оп.2. Д.30. Л.7 об.].

Публикуемые письма охватывают 1950-1954 гг., которые предварили большой этап в развитии удмуртской археологии, связанный с именем В. Ф. Генинга и его учеников. Письма расположены в хронологической последовательности по авторам, имеют сквозную нумерацию. Тексты публикуются в авторской редакции. В круглых скобках курсивом даны недостающие части сокращенных слов авторами писем. Необходимые пояснения к отдельным фактам даны в комментариях к каждому письму.

№1

Письмо М.Н. Сутягина О.Н. Бадеру

28 июня 1950 г.

Меня познакомили с Вашим письмом, написанным в адрес Научно-исследовательского института о намерении провести экспедиционные работы по археологическому исследованию верховьев реки Камы¹. Удмуртский краеведческий музей может взять на себя указанную Вами сумму расходов, связанных с ее проведением при условии, если весь собранный экспедицией материал будет передан нашему музею². Со своей стороны, мы можем командировать в состав экспедиции одного работника³.

Директор Удмуртского краеведческого музея Сутягин.

Архив кабинета археологии ПГУ (АКА). Оригинал на бланке Удмуртского краеведческого музея, машинопись.

Комментарий

¹Речь идет о разведке, проводившейся с 3 августа по 7 сентября 1951 г. отрядом во главе со студентом V курса Молотовского университета В. А. Обориным, впоследствии известным советским археологом. Были обследованы берега р. Камы в пределах Кулигинского района Удмуртской АССР, Гайнского района Молотовской области, Зюздинского, Бисеровского, Кайского районов Кировской области [Научный архив НМУР им. К. Герда. Арх.-1. Отчет...].

²Коллекции были переданы Удмуртскому краеведческому музею [Бадер 1953, 10].

³Этим работником был сам директор музея М. Н. Сутягин. В состав группы, кроме В. А. Оборина и М. Н. Сутягина, входили студентка III курса Молотовского госуниверситета М. А. Ланько и научный сотрудник УдНИИ А. Ф. Трефилов [Научный архив НМУР им. К. Герда. Арх.-1. Отчет...Л.1].

№2

Письмо И.Ф. Кутявина О.Н. Бадеру

22 апреля 1952 г.

Глубокоуважаемый Отто Николаевич!

Несколько задержался с ответом на Ваше письмо. Вы спрашиваете, не нужны ли нам археологи? Конечно, нужны, у нас нет ни одного археолога в Институте, в частности, хотелось бы получить нам Оборина¹. Но, увы, пока не можем этого сделать. Места по штату заполнены, а сверх штата никто не разрешит нам брать работников. Правда, мы подняли вопрос перед Москвой об увеличении штата, но с января месяца это дело пока никак не решено и трудно сказать, будет ли решено положительно.

Что касается археологического обследования удмуртского течения Камы, то мы, видимо, ныне принять участия в этой работе не можем. Нет у нас на это ни денег, нет и людей. Все имеющиеся работники Института заняты составлением очерков истории Удмуртии, охватывающих период с древнейших времен до Октябрьской революции. Не знаю, как мы справимся с этой работой?²

Поздравляю Вас, Отто Николаевич, с наступающим праздником 1 Мая и желаю Вам здоровья и успехов в работе. Привет от Александра Федоровича (*Трефилова*).

Уважающий Вас И. Кутявин

АКА. Оригинал, машинопись. Автограф.

Комментарий

¹Желание пригласить В. А. Оборина на работу в УдНИИ было связано с тем, что он был знаком его руководству по экспедиции 1951 г.

²Речь идет о работе над «Очерками истории Удмуртской АССР», первый том которых включал разделы по ранней и средневековой истории Удмуртии.

№3

Письма А.Ф. Трефилова О.Н. Бадеру (1952-1954 гг.)

1952 г.

ЛЛ

20 апреля 1952 г.

Благодарю Вас, Отто Николаевич, за сердечное письмо, которое Вы забросили мимоходом на пути из Казани в Молотов. Оно действительно оказалось брошенным и попало по назначению

не скоро. Судя по моему ответу, Вы можете заключить, как долго оно шло до места своего назначения. Разумеется, это вина не Ваша.

Спешу ответить на Ваш вопрос о наших планах относительно продолжения работы по археологии. Институт в нынешнем году не планирует своей работы в направлении археологических изысканий. Что касается Удмуртского республиканского музея, то им «отпустили» средств на экспедицию круглым счетом 1000 рублей и дополнительно 500 рублей. Я далёк от того, чтобы осуждать наших мудрецов в финансовых верхах, но прямо скажу, что эта сумма экспедицией не может быть освоена. Так обстоит дело с археологическими работами в нынешнем году на территории Удмуртии.

По болезни я не смог ответить на ряд вопросов Владимира Антоновича (*Оборина*), но отдал указание,

Плоб

чтобы в библиотеку Вашей кафедры выслали «Записки» выпуск 15, где опубликованы две мои статьи¹.

Вся древняя часть первой статьи оказалась испохабленной редактором главным образом из-за неудачных, произвольных сокращений. В статье по их же вине совсем не оказалось антропологической части. Одним словом, получилась окрошка, а не научная статья.

В жизни нашего института намечаются изменения в лучшую сторону. Вместе с первым секретарем обкома ВКП(б) Иона Федорович (*Кутявин*) в январе держал ответ за работу Института перед ЦК ВКП(б). Сейчас ходатайствует об увеличении штата работников института. От решения этого вопроса в желательную сторону будет зависеть многое. Ведь увеличение штата приведет к необходимости подбора кадров. Было бы неплохо в этом отношении заручиться Вашей рекомендацией.

Мне хотелось бы знать, намерен ли Владимир Антонович (*Оборин*) продолжать учебу? Дело в том, что Президиум АН СССР нашему институту предоставил право рекомендовать в аспирантуру институтов АН своих кандидатов, а нам нужен родной археолог, т.е. археолог, который бы считал святой обязанностью в своей работе не избегать территории Удмуртии. Мы все считаем, что он подошел бы. Я не против вашего Петровича-снайпера², но против женщин. Она там выскочит замуж, и археолога поминай как звали!

Продолжение в следующем письме. С приветом А. Трефилов.

(*приписка сбоку*): В связи с болезнью никак не соберусь написать ответные письма Владимиру Антоновичу: чтобы поправиться, нужна операция, а чтобы лечь на операцию, необходимо поправиться!³

Фонды музея истории ПГНИУ (ФМИ). Оригинал, рукопись, чернила. Автограф.

Комментарий

¹Статьи «Удмурты в период образования Русского централизованного государства» и «О древности удмуртов» опубликованы в «Записках» УдНИИ в 1951 г. [Трефилов 1951а, 55-57; Трефилов 1951, 78-102].

²Владимир Петрович Денисов, один из первых учеников О.Н. Бадера в Перми, впоследствии заведовал сектором археологии Пермского областного краеведческого музея.

³Возможно речь идет о необходимости операции в связи с последствиями ранения А. Ф. Трефилова на Халкин-Голе [НА УИИЯЛ УдмФИЦУрО РАН. Ф.1. Оп.2а. Д.30. Л.2].

№4

Л1

107 /1952 (рукой О. Н. Бадера, номер полученного письма в 1952 г.)

7 мая 1952 г.

Дорогой Отто Николаевич, письмо Ваше получил, за что очень Вам благодарен. В одном из своих писем я писал, что мне очень стыдно за археологическую часть статьи, автором которой числюсь я. По своей величине эта часть была в три раза больше. Пока я был в экспедиции¹, редактор решил уравнивать эту часть с другими частями, работая ножницами, а не головой, все перемешал, что я до сих пор не могу понять, что и к чему. Поэтому, естественно, ни на один из вопросов, которые возникли у Вас, я не в состоянии ответить. Я отвечаю на возникшие вопросы тем, что в начале июня пришло на рецензирование I главу по истории Удмуртии, автором которой являюсь я. Вы увидите, что «та» археология не имеет ничего общего с моей.

Институт истории АН СССР согласился принять пишущую эти строки персону на сдачу кандидатского минимума и защиту кандидатской диссертации на соискание и т. д.²

С получением Вашего письма я обратился к Ионе Федоровичу (*Кутявину*) относительно увеличения наших штатных единиц. Он ответил, что этот вопрос, видимо, будет «утрясен» лишь к Новому году. Поскольку вопрос о включении в наш штат хотя бы одного из Ваших питомцев отпадает, то я решил отправить заявку на аспирантское место. Однако заявляю, что это сделаю только в том случае, если на это место поедет Владимир Антонович (*Оборин*). А он, вероятно, согласится, если не останется в качестве Вашего ассистента³. Я должен знать, какая аспирантура его интересует, куда подавать заявку.

Михаил Никонович сообщил мне, что на Ваше имя он отправил телеграмму о том, что он хочет иметь работника из Вашего выпуска. Но ведь у этих «музейщиков» страшно мала заработная плата! Согласитесь, что для человека, даже одиночного, крайне трудно сделать основным источником жизни заработную плату, не превышающую 600 рублей. На какой же чорт, спрашивается, надо кончать университет для такого, с позволения сказать, существования! Это заработок для тех университетов, у кого мужья инженеры и поэтому их интересует отлучение от роскошной квартиры, от безделья и надоедания капризных детей. Но умные из Ваших девушек должны предпочесть и такую экономику, чем попасть в какой-нибудь Бодайбинский район Иркутского края, если они хотят быть женщиной, если они не хотят выйти замуж за сторожа музея, больницы или школы.

Извините меня, я немножко нервничаю: надо немедленно лечь на операцию, чтобы поправиться, а операция может быть сделана только тогда, когда я поправлюсь. Это хуже, чем находиться под дулом ружья.

Благодарю Вас за совет относительно здоровья. Возможно, мне удастся одолеть этот кризис в пользу жизни, так как имеется некоторая гарантия – хорошее сердце и легкие. Привет Владимиру Антоновичу (*Оборину*). Передайте ему, что я до сих пор не ответил на его письма не из-за лени, а потому, что не мог физически.

Ваш А. Трефилов.

АКА. Оригинал, рукопись, чернила. Автограф.

Комментарий

¹Речь идет об участии А.Ф. Трефилова в разведке под руководством В. А. Оборина в сентябре 1951 г.

²Возможно прикрепление к Институту истории АН СССР связано с его контактами с УДНИИ в связи с подготовкой «Очерков истории Удмуртской АССР». Хотя в другом документе указано, что «институт возбуждает ходатайство перед Министерством высшего образования СССР о прикреплении А. Ф. Трефилова к Ленинградскому университету на предмет сдачи кандидатского минимума» [НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп.2а. Д.30. Л. 7].

³В.А. Оборин после окончания университета в 1952 г. остался в Перми, учился в аспирантуре в Государственном Историческом музее у А. П. Смирнова, защитил кандидатскую диссертацию «Компьютеры в IX—XV вв. (Родановская культура)». После отъезда О. Н. Бадера в Москву был многолетним руководителем Камской археологической экспедиции ПГУ.

⁴М. Н. Сутягин – директор республиканского краеведческого музея.

№5

Л1

143/1952 (рукой О.Н. Бадера, номер письма в 1952 г)

7 июля 1952 г.

Дорогой Отто Николаевич, спасибо Вам за сердечные письма. Ваше письмо от 14 июня получил 17 числа. В этот же день нашел время для ответного.

Судя по размерам финансирования, Вам действительно за археологический сезон придется покрутиться основательно. Но ведь у Вас, вероятно, достаточно «сахемов»¹ и квалифицированных исполнителей их воли. Так что такая сумма Вам по плечу.

Относительно направления в аспирантуру от нашего имени ваших студентов. Вы меня несколько неправильно поняли. Ведь я резервировал место в первую очередь для Владимира Антоновича (*Оборина*)². Поскольку в подготовке по своей специальности он не хочет оторваться от Вашего руководства, остается у Вас, то я не только не осуждаю, но «шибко» одобряю. Таким образом, резервируемое мной место само собой становится вакантным. Вы можете заменить Владимира Антоновича любым из Ваших учеников, имеющих склонность стать ученым археологом. Для этого на наш институт надо послать все необходимые документы для поступления в аспирантуру, а мы со своей сто-

роны все это направили бы в нужный институт вместе со своим ходатайством. Здесь преимущество в том, что ему придется держать приемный экзамен на гарантированное, ему уже принадлежащее аспирантское место. Вот и все.

Лоб.

Человека, направляемого в аспирантуру, Вы можете держать у себя в качестве «сахема» до его выезда на экзамены.

Наши государственные органы, в том чисел обком КПСС, заинтересовались Генингом³. Дело в том, что почти сразу по приезде, ему, вероятно, придется приступить к исполнению должности директора Удмуртского республиканского музея, т.к. Сутягин Михаил Никонович намерен повышать свое образование и добивается освобождения от занимаемой должности директора музея. Надо на имя музея срочно направить его анкетные данные. Я думаю, что мы с ним сработаемся, если он не возгордится своим высоким положением директора республиканского музея.

В ближайшие дни я завершаю подготовку трех глав истории Удмуртской АССР, но в отпуск могу уйти только с августа. Если бы Вы не отказали в любезности, я мог бы приехать к Вам со своими рукописями, может быть, в первой половине июля, а если это окажется невозможным, переслать их на Ваше рецензирование. Мне хочется ехать на обсуждение их в Институте истории подготовленным к всяким неожиданностям.

С 1 по 5 июля у нас созывается языковое совещание. На нем я принимаю участие в качестве напарника с кандидатом филологических наук Перевошиковым⁴. Участвовать будет около 300 человек⁵.

Привет Владимиру Антоновичу (*Оборину*). Вам привет от Ионы Федоровича (*Кутявина*).

С пожеланиями успеха Вашей экспедиции.

Ваш А. Трефилов. 7/VI- 1952 год.

АКА. Оригинал, рукопись, чернила. Автограф.

Комментарий

¹ Сахемами называли студентов, выполнявших научную фиксацию археологических объектов во время полевых исследований.

² В. А. Оборин был в числе первых учеников О.Н. Бадера, которому были доверены самостоятельные археологические исследования.

³ В. Ф. Генинг (1924-1993) – один из первых учеников О. Н. Бадера. После университета был распределен в школу в г. Кудымкаре. Работа в музее в Ижевске открывала возможности для научных занятий [Генинг 2003, 147].

⁴ Перевошиков Петр Николаевич (1990-1965) – первый из удмуртов доктор филологических наук (1960), лингвист. Работал в УдНИИ.

⁵ Научное совещание по вопросам удмуртского языка и письменности было проведено в Ижевске в июле 1952 г. [Научное ... 1952].

№6

16 декабря 1952 г.

Дорогой Отто Николаевич, здравствуйте!

Получил Ваше письмо. Спасибо, что не забыли. Я надолго выходил из строя как работник и поэтому естественно долго не подавал признаков жизни. Сразу же после выхода на работу выехал в командировку в Саранск на совещание по вопросам мордовского языкознания [Материалы научной... 1955], где должен был прочитан доклад Н. Н. Чебоксарова о происхождении мордовского народа. К сожалению, автор не приехал. Но и без того было много интересного и поучительного.

Языковеды Мордовии и Серебренников¹ (Институт языкознания АН СССР) поставили перед собой задачу доказать, что мордва представляет собой единую социалистическую нацию с двумя народными языками и двумя самостоятельными литературными языками (мокшанским и эрзянским). Они пытались доказать при этом, что мокша и эрзя друг друга не понимают и общаются друг с другом посредством русского языка. Выступающие в прениях им учинили полный погром.

Археолог Степанов (Саратов)² взял на себя миссию оправдать концепцию языковедов на данных материалов археологии. В связи с этим пытался опровергнуть данные о муроме (*подчеркнуто О. Н. Бадером - О. М.*) в работах ряда авторов, в том числе и Ваших. Он пытался доказать, что муром – это мордва – единое племя до его расщепления на два племени. Рядом удачных вопросов мы вместе с ленинградским профессором А.И. Поповым³ загнали Степанова в тупик. Ему ничего не оставалось, как потрясать кулаками и кричать: «Я вам докажу!» (*подчеркнуто О. Н. Бадером - О. М.*).

Я думаю, что Н. Н. Чебоксаров⁴ поступил очень умно, что не приехал. Дело в том, что вопрос о морд-ве в настоящее время по существу является самым сложным. Не напрасно же совещание, по существу, оказалось не в состоянии принять решения. Я пытался выступить на секционной работе, но секция по этногенезу так и не собралась.

В декабре этого года было намечено обсуждение глав Истории Удм(уртской) АССР (раздел древности и эпоха феодализма) в Институте истории СССР АН СССР. Но из-за болезни я не успел завершить работу и пришлось отложить на I квартал 1953 г.

Отто Николаевич, за последние годы Вы провели огромную работу по археологии. Насколько далеко у Вас продвинулись дела с обобщением? Не пора ли возобновить о созыве совещания, которое Вы намеревались провести в Молотове? Ей-богу и у меня найдется кое-что сказать на этом совещании, так как умирать пока не собираюсь!»⁵(сбоку О.Н. Бадером подчеркнут весь абзац - О.М.).

Об ученой степени начну размышлять после одобрения моих глав по истории Удмуртии в Институте истории АН СССР.

Привет Владимиру Антоновичу и Марии Александровне⁶

16/XII. 1952 г. С приветом Ваш А. Трефилов.

ФМИ. Оригинал, рукопись, чернила. Автограф.

Комментарий

¹Б. А. Серебренников (1915-1989) – академик, специалист по проблемам общего и сравнительно-исторического языкознания.

²П. Д. Степанов (1898-1974)– археолог. В 1946 г. получил ученую степень кандидата исторических наук за монографию «История мордовского народа с древнейших времён до XVI века». Находился в переписке с О. Н. Бадером.

³А. И. Попов (1899-1973) –лингвист и историк. В 1947 г. защитил докторскую диссертацию «Из истории финно-угорских народностей СССР».

⁴Н. Н. Чебоксаров (1907-1980) – этнограф, заведовал кафедрой этнографии на историческом факультете МГУ.

⁵Речь идет о попытках по организации Второго Уральского археологического совещания. Первое совещание состоялось в Перми в апреле 1947 г. Предполагалось, что совещания станут регулярными. Однако Второе совещание состоялось только в 1960 г.

⁶Мария Александровна Бадер – супруга О. Н. Бадера.

1954 г.

№ 7

44/1954 (рукой Бадера номер письма в 1954 г)

20 апреля 1954 г.

Дорогой Отто Николаевич, здравствуйте!

Давно собирался Вам написать письмо, но задержался из-за того, что рука находилась на бюллетене и отказывалась мне помочь в этом деле: из нее вытащили громадный, похожий на нос Бабы Яги, осколок: без усыпления и без обмораживания; ну и рука моя захандрила, долго оплакивала кровавыми слезами, что ей пришлось расстаться с этим носом Бабы Яги¹. Сейчас буквы вывожу точно граблями, но все же уже можно прочитать то, что моя рука выводит. Это о себе. Несколько слов о деле.

Институт и музей ждут Вашего официального ответа относительно археологической экспедиции². Смогу ли я в этой экспедиции принять прямое участие, я не знаю, но нынче я намерен в течение летнего сезона встретиться с Вами и Владимиром Антоновичем (*Обориным*). Пока что конкретно все это не вырисовывалось, но, думаю, к июню месяцу все это будет выглядеть яснее.

В июне месяце встречусь в Казани с Н.И. Воробьевым³ и поговорю относительно того, какие у филиала⁴ возможности археолого-этнографического порядка по исследованию Камского правобережья.

Неделю тому назад Казанский филиал АН СССР нам сообщил, что при Казанском филиале в 1955 году намеревается созвать Приуральское совещание историков, археологов и этнографов. Мы заявили о своем согласии принять участие на этом совещании по этногенезу удмуртского народа:

а) сложение удмуртской народности;

б) почему удмурты не сложились в капиталистическую нацию?

в) удмуртская социалистическая нация.

Не думаю, что Молотовский университет останется вне участия на этом совещании, было бы желательно выступление на этом совещании Владимира Антоновича (*Оборина*) с сообщением на тему: «Об удмуртско-пермяцких связях (или отношениях) X– XIV веков по данным археологии». При хронологически последовательном пуске этих тем на совещании можно было бы получить более или менее целостное представление истории удмуртов. К совещанию можно вполне подготовиться к апрелю 1955 года. А до этого нам не мешало бы встретиться. Как Вы думаете? С приветом А. Трефилов.

20/IV. 1954 г.

ФМИ. Оригинал, рукопись, чернила. Автограф.

Комментарий

¹ А. Ф. Трефилов во время службы на Халкин-Голе в армии был ранен.

² Разведка по р. Каме между с. Николо-Березовка и пос. Дербешкинским группой организована О. Н. Бадером по договоренности с УдНИИ и краеведческим музеем с 26 июня по 9 июля 1954 г. [Научный архив НМУР им. К. Герда. Арх.-1. №2.].

³ Н. И. Воробьев (1894 – 1964) – этнограф. С 1945 г. был заместителем директора языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР.

⁴ Казанский филиал АН СССР

ЛИТЕРАТУРА

Архив Отдела кадров Национального музея Удмуртской Республики им. К. Герда (НМУР). Д.14. Книга приказов по Удмуртскому республиканскому музею краеведения. 1941-1953 гг.

Аманжолова Д. А., Красовицкая Т. Ю., Тихонов В. В., Дроздов К. В. Советский национальный проект в 1920-1940-е годы: идеология и практика. Москва: Новый хронограф, 2021. 576 с.

Бадер О. Н. Очерк шестилетних работ Камской археологической экспедиции (1947-1952 г.) // Ученые записки Молотовского государственного университета им. А. М. Горького. Т.IX. Вып. 3. Харьков: Издательство Харьковского государственного университета им. А. М. Горького, 1953. С. 3-88.

Генинг В. Ф. Автобиография научной деятельности // Мельникова О. М. Свердловская научная археологическая школа В. Ф. Генинга. Ижевск, 2003. С. 145-182.

Голдина Р. Д., Мельникова О. М. Введение. Источники и история изучения древней и средневековой истории Удмуртии // История Удмуртии: с древнейших времен до XV века. Под ред. М. Г.Ивановой. Ижевск, 2007. С. 8-49.

Кутявин Иона Фёдорович (1904-1959) //Институт: история и современность: к 70-летию Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения Российской Академии наук. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2001. С. 329.

Материалы Научной сессии по вопросам мордовского языкознания. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1955. 240 с.

Мельникова О. М. Пермская научная археологическая школа О. Н. Бадера. Ижевск, 2003. 183 с.

Мельникова О. М. Из истории переписки О. Н. Бадера с учеными Москвы и Ленинграда (1946-1954 гг.) // Российская археология. 2004. №4. С. 151-159.

Научное совещание по вопросам удмуртского языка и письменности (1-4 июля 1952 г.; Ижевск). Ижевск: Удмуртгосиздат, 1952. 28 с.

Научный архив НМУР им. К. Герда. Арх.-1. №1. Отчет о работе археологического отряда комплексной экспедиции Удмуртского научно-исследовательского института и Удмуртского республиканского музея.

Научный архив НМУР им. К. Герда. Арх.-1. №2. Отчет об археологической разведке по р. Каме между с. Николо-Березовка и пос. Дербешкинским разведывательной группой под руководством И. К. Голуновой летом 1954 года.

Научный архив Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского Федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской Академии наук (НА УИИЯЛ УдмФИЦУрО РАН). Ф.1. Оп.2. Д.30.

НА УИИЯЛ УдмФИЦУрО РАН.Ф.1. Оп.2а. Д.30.

Очерки истории Удмуртской АССР. Т. 1. Ижевск: Удмуртское книжное издательство, 1958. 289 с.

Трефилов А. Ф. О древности удмуртов // Записки УдНИИ. Вып.15. Ижевск, 1951. С. 55-57.

Трефилов А. Ф. Удмурты в период образования Русского централизованного государства // Записки УдНИИ. Вып.15. Ижевск, 1951. С. 78-102.

Трефилов А. Ф. Первобытно-общинный строй на территории Удмуртии. Становление феодальных отношений у удмуртов. Удмурты в составе Русского централизованного государства // Очерки истории Удмуртской АССР. Т. 1. Ижевск, 1958. С. 8-64.

Трефилов Александр Федорович (1907-1957) // Институт: история и современность: к 70-летию Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения Российской Академии наук. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2001. С. 354.

Христолюбова Л. С. Ученые-удмурты: биобиблиографический справочник. Ижевск: Удмуртия, 1997. С. 99-100.

Чагин Г. Н. О. Н. Бадер и Пермский университет (по документальным материалам) // Вестник Пермского университета. Пермь, 2003. Вып. 4. С. 145-154.

Поступила в редакцию 28.10.2022

Мельникова Ольга Михайловна

Доктор исторических наук,
заведующая кафедрой истории Удмуртии,
археологии и этнологии

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, Ижевск, ул. Университетская, 1
e-mail: superlvovich2013@yandex.ru

О. М. Melnikova

UDMURT CORRESPONDENTS OF ARCHAEOLOGIST O.N. BADER

DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-4-656-666

The article is devoted to a little-studied period in the history of archaeological research on the territory of Udmurtia in the post-war years, as reflected in letters addressed to the famous archaeologist Otto Nikolayevich Bader. O. N. Bader worked at the Perm (Molotov) University from the second half of the 1940s until 1954, he formed a scientific archaeological school. Together with his students, he engaged in the archaeological study of the vast Ural-Volga region, including the territory of Udmurtia. O. N. Bader maintained contacts with many scientific, educational and museum organizations. The article publishes letters addressed to the scientist from the director of the Udmurt Institute of History, Language and Literature under the Government of the Udmurt ASSR (UdNII) I.F. Kutyavin, the director of the Republican Museum of Local Lore M.N. Sutyagin and researcher of the UdNII A.F. Trefilov. They allow us to see the direction and content of archaeological research, participation of the UdNII and the Republican Museum of Local Lore in them. The letters reflect the formation process of archaeological personnel for Udmurtia, in particular, the beginning of the scientific biography of the famous Soviet archaeologist V.F. Gening. The letters reflect the process of work on the two-volume edition "Essays on the history of the Udmurt ASSR" in terms of writing sections on ancient and medieval history. They reveal the daily life of the researchers in the post-war years. The letters are part of a significant epistolary heritage - letters addressed to O.N. Bader in Perm in the 1940s-1950s. They are kept in the Museum of History of the Perm State Research University and are given to the author for study.

Keywords: O. N. Bader, Udmurtia, archeology, history of archaeological research, personnel of archaeologists, "Essays on the history of the Udmurt ASSR", correspondence.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2022, vol. 16, issue 4, pp. 656-666

REFERENCES

Arhiv Otdelakadrov Nacional'nogo muzeya Udmurtskoj Respublikiim. K. Gerda [Archive of the Personnel Department of the National Museum of the Udmurt Republic. K. Gerda.].D.14.

Amanzholova D. A., Krasovickaya T. YU., Tihonov V. V., Drozdov K. V. Sovetskij nacional'nyj proekt v 1920-1940-egody: ideologiya i praktika [Soviet national project in the 1920s-1940s: ideology and practice]. Moscow: New Chronograph Rubl., 2021 .576 p. In Russian.

Bader O. N. Oчерк shestiletnih rabot Kamskoj arheologicheskoy ekspedicii (1947-1952 g.) [Essay on the six-year work of the Kama archaeological expedition (1947-1952)]. *Uchenye zapiski Molotovskogo gosudarstven-*

nog ouniversiteta. Im. A. M. Gor'kogo [Scientific notes of the Molotov State University]. Vol. IX. Issue. 3: Kharkiv, Publishing house of Kharkiv State University. 1953, pp. 3-88. In Russian.

Gening V. F. Avtobiografiya nauchnoj deyatel'nosti [Autobiography of scientific activity]. *Mel'nikova O. M. Sverdlovskaya nauchnaya arheologicheskaya shkola V. F. Geninga* [Melnikova O. M. Sverdlovsk scientific archaeological school of VF Gening]. Izhevsk, 2003, pp.145-182. In Russian.

Goldina R. D., Mel'nikova O. M. Vvedenie. Istochniki i istoriya izucheniya drevnej i srednevekovoj istorii Udmurtii [Introduction. Sources and history of studying the ancient and medieval history of Udmurtia]. *Istoriya Udmurtii: s drevnejshih vremen do XV veka* [History of Udmurtia: from ancient times to the 15th century]. Izhevsk, 2007, pp. 8-49. In Russian.

Kutyavin Iona Fyodorovich (1904-1959) [Kutyavin Iona Fedorovich (1904-1959)] *Institut: istoriya i sovremenost': k 70-letiyu Udmurtskogo institute istorii, yazyka i literatury Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj Akademii nauk* [Institute: history and modernity: to the 70th anniversary of the Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences]. Izhevsk, 2001, p.329. In Russian.

Materialy Nauchnoj sessii po voprosam mordovskogo yazykoznaniya [Materials of the Scientific session on the issues of Mordovian linguistics]. Saransk: Rubl. Mord. kn. izd-vo, 1955. 240 p. In Russian.

Mel'nikova O. M. *Permskaya nauchnaya arheologicheskaya shkola O. N. Badera* [Perm Scientific Archaeological School of O. N. Bader.]. Izhevsk, 2003. 183p. In Russian.

Mel'nikova O. M. Iz istorii perepiski O. N. Badera s uchenymi Moskvy i Leningrada (1946-1954 gg.) [From the history of O. N. Bader's correspondence with scientists from Moscow and Leningrad (1946-1954)] *Rossijskaya arheologiya* [Russian archeology.], 2004. No. 4. pp.151-159. In Russian.

Nauchnoesoveshchanie povoprosam udmurtskogo yazyka i pis'mennosti (1-4 iyulya 1952 g.; Izhevsk) Scientific meeting on the issues of the Udmurt language and writing (July 1-4, 1952; Izhevsk) Izhevsk: Udmurtgosizdat Rubl., 1952. 28 p. In Russian.

Nauchnyj arhiv NMUR im. K. Gerda [Scientific Archive of the National Museum of the Udmurt Republic named after Kuzebay Gerd]. Arh.-1. №1. *Otchet o rabote arheologicheskogo otryada kompleksnoj ekspedicii Udmurtskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta m Udmurtskogo respublikanskogo muzeya. In Russian* [Report on the work of the archaeological team of the complex expedition of the Udmurt Research Institute and the Udmurt Republican Museum]. In Russian.

Nauchnyj arhiv NMUR im. K. Gerda [Scientific Archive of the National Museum of the Udmurt Republic named after Kuzebay Gerd]. Arh.-1. №2. *Otchet ob arheologicheskoy razvedke po r. Kame mezhdru s. Nikolo-Berezovkai pos. Derbeshkinskim razvedyatel'noj gruppoj pod rukovodstvom I. K. Golunovoj letom 1954 goda* [Report on archaeological exploration on the river. Kame between s. Nikolo-Berezovka and the village. Derbeshkinsky reconnaissance group led by I. K. Golunova in the summer of 1954.] In Russian.

Nauchnyj arhiv Udmurtskogo institute istorii, yazyka i literatury Udmurtskogo Federal'nogo issledovatel'skogo centra Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj Akademii nauk (NA UIIYAL UdmFICUrO RAN) [Scientific archive of the Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (NA UIFL UdmFITs UB RAS)] F.1. Op.2. D.30. In Russian.

NA UIIYAL UdmFICUrO RAN. F.1. Op.2a. D.30. In Russian.

Ocherki istorii Udmurtskoj ASSR [Essays on the history of the Udmurt ASSR]. Izhevsk: Udmurt book publishing house, 1958. Vol. 1. 289 p. In Russian.

Trefilov A. F. O drevnosti udmurtov [On the antiquity of the Udmurts] Izhevsk, 1951. Vol.15: *Zapiski UdNII* [Notes of the Udmurt Research Institute], pp. 55-57. In Russian.

Trefilov A. F. Udmurty v period obrazovaniya Russkogo centralizovannogo gosudarstva [Udmurts during the formation of the Russian centralized state] Izhevsk, 1951. Vol.15: *Zapiski UdNII* [Notes of the Udmurt Research Institute], pp.78-102. In Russian.

Trefilov A. F. Pervobytno-obshchinnyj stroj na territorii Udmurtii. Stanovlenie feodal'nyh otnoshenij u udmurtov. Udmurty v sostave Russkogo centralizovannogo gosudarstva [Primitive communal system on the territory of Udmurtia. The formation of feudal relations among the Udmurts. Udmurts as part of the Russian centralized state] *Ocherki istorii Udmurtskoj ASSR* [Essays on the history of the Udmurt ASSR]. Izhevsk: Udmurt book publishing house, 1958. Vol. 1. T. 1. Izhevsk, pp.8-64. In Russian.

Trefilov Aleksandr Fedorovich (1907-1957) [Trefilov Alexander Fedorovich (1907-1957)] *Institut: istoriya i sovremenost': k 70-letiyu Udmurtskogo institute istorii, yazyka i literatury Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj Akademii nauk* [Institute: history and modernity: to the 70th anniversary of the Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences]. Izhevsk, 2001. P. 354. In Russian.

Hristolyubova L. S. *Uchenye-udmurty: biobibliograficheskij spravochnik* [Udmurt scientists: a biobibliographic reference book] Izhevsk, Udmurtiya Publ., 1997, pp.99-100. In Russian.

Chagin G. N. O.N. Bader i Permskij universitet (po dokumental'nym materialam) [O. N. Bader and Perm University (based on documentary materials)] *Vestnik Permskogo universiteta* [Bulletin of Perm University]. 2003. no. 4. Perm'. pp.145-154. In Russian.

Received 28.10.2022

Melnikova Olga Mikhailovna

Doctor of Historical Sciences,
Head of the Department of History of Udmurtia,
Archeology and Ethnology
Udmurt State University
1, Universitetskaya st., Izhevsk, 426034, Russia
e-mail: superlvovich2013@yandex.ru

*Н. Ю. Сунцова, Е. В. Попова***ПРЯНЫЕ РАСТЕНИЯ В КУЛЬТУРЕ БЕСЕРМЯН**

Народная кухня является важной частью культурного наследия, имеет большие ресурсные возможности для развития туризма, сельского хозяйства, сохранения старинных сортов возделываемых культур и традиций питания. Особенным делает кухню и применение пряностей. В статье рассматриваются традиции бесермян по использованию дикорастущих, культивируемых и экзотических пряных растений. Местные и привозные пряности бесермяне называют «трава», «горькая трава». Выбор местных растений в качестве пряностей основан на их вкусовых и пряно-ароматических качествах, фитонцидной активности и лекарственных свойствах. Среди них преобладают местные дикорастущие пряности (тмин, мята полевая, таволга) и издавна возделываемые овощи с пряным вкусом (редька, лук, хрен). Экзотические пряности ограничиваются, главным образом, черным перцем и лавровым листом. Пряности применяют в народной кухне, народной медицине и ветеринарии. Приправы местные и экзотические не кладут в ритуальные блюда, что свидетельствует о сохранении архаичных черт в питании и особом статусе ритуальной кухни. Народные знания о пряных растениях актуальны при демонстрации народной кухни, проведении гастрономических мероприятий, в музейной работе, развитии туризма и сельского хозяйства. Исследование основано на полевых материалах авторов.

Ключевые слова: бесермяне, пряности, пряно-ароматические растения, культура питания, народная кухня, пряный туризм, этноботаника, растительные ресурсы, народная медицина, Волго-Уральский регион.

DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-4-667-680

Введение

Пряные растения в народной кухне бесермян на первый взгляд занимают совсем незначительное место, независимо от того, идет ли речь о местных растениях или привозных (классических / экзотических). Статья посвящена выявлению и описанию местных съедобных растений, применяемых прежде всего в качестве пряностей для обогащения вкуса блюд и напитков, консервации продуктов. Многие из них, являясь также съедобными растениями, входят в число блюд народной кухни, но в то же время, благодаря своим пряно-ароматическим качествам, используются как добавки в блюда для придания им особого вкуса, аромата, стимулирования аппетита. Ряд видов пряных растений применяют в народной медицине, ветеринарии и обрядах, именно благодаря их особым качествам. В силу активной трансформации и утраты народных знаний о растениях, и их использовании в пищу, становится актуальным сбор источников по данной теме и их обобщение. В статье рассматриваются вопросы проникновения и распространения в культуре питания привозных классических пряностей, отношение к их вкусовым качествам.

Исследование основано на полевых материалах, собранных в разные годы в этнографических и этноботанических экспедициях на северо-западе Удмуртии – в районах проживания коренного малочисленного народа бесермян. Анализируется также рынок сувенирной продукции, где встречаются местные растения. Хронологические рамки исследования основаны преимущественно на материалах рубежа XX – XXI столетий, но для сравнительного анализа привлечены и более ранние данные.

Применение бесермянами в пищу пряных растений является малоизученной темой в этнографическом и этноботаническом аспекте. Отдельные сведения приведены в статьях Н. Ю. Сунцовой (2005, 2019, 2020), лексические примеры и названия некоторых пряностей вошли в «Тезаурус бесермянского наречия» [Усачева и др. 2017], в комментарии к картам «Диалектологического атласа удмуртского языка» [Максимов 2009, 2010].

Сложилось мнение о незначительном применении местных и привозных пряных растений в традиционной кухне народов региона. В кухне удмуртов в этом качестве исследователи упоминают мяту, листья смородины, хрен [Трофимова 1991, 12]. Башкиры добавляли в блюда дикий лук, чеснок, борщевик [Муллагулов 2007, 28–32; Мигранова 2016, 56–58]. В кухне коми (зырян) пряности встречаются также в ограниченном количестве [Чудова 2008, 26]. Однако роль пряных растений в кухне народов региона остается малоизученной темой.

Актуальность изучения местных пряных растений и приправ как культурного наследия, их роли в развитии туристической отрасли и агротуризма, отмечают вышедшие в последние годы исследования [Yıkmış, Sağlam, Yetim 2007; Firmino 2010; Spices and tourism 2014 и др.]. В отдельном сборнике «Spices and tourism» [2014] речь идет о такой новой отрасли туризма как *spice tourism* (пряный туризм / туризм специй): посещение производства – выращивания и переработки пряных растений, знакомства с пряностями и кулинарными традициями. Авторы на примере разных территорий и культур пишут о местных пряных растениях и разных видах пряностей как историческом и культурном наследии, их места в формировании культурного ландшафта, сохранении традиционных занятий и биологического разнообразия, места в народной кухне, в формировании имиджа территорий – стран и культур, отождествляющих себя с пряностями [Spices and tourism 2014]. В ключе нашего исследования интерес представляет опыт использования дикорастущих пряных растений на примере Исландии и развитие концепции новой скандинавской кухни как ландшафтно-ориентированной, где местные пряные растения можно встретить в меню ресторанов, а чай на их основе как туристический сувенир [Haraldsdóttir, Gunnarsdóttir 2014]. В этом же контексте актуальна статья о применении местных растений в качестве пряностей коренным населением Австралии и формирование бренда Bush Tucker [White 2014]. При обозначении стратегий развитияпряного туризма (*spice tourism*), исследователи отмечают важность пряностей для поддержки здоровья, особенно, когда в связи с пандемией COVID-19 многие стали обращаться к опыту их применения в народной медицине [Nair, Mohanty 2021].

Остановимся на некоторых классификациях пряных растений. По определению В. А. Харченко, данному в Большой российской энциклопедии, к пряным культурам относят травянистые и древесные растения, содержащие в различных органах ароматические вещества. Эти культуры относятся к разным ботаническим семействам и биологическим группам: пряно-вкусовые, пряно-ароматические, зеленые, эфиромасличные, лекарственные, корнеплодные и цитрусовые культуры. Благодаря эфирным маслам и их производным, содержащимся в пряных культурах, им присущ специфический устойчивый аромат и привкус различной степени жгучести. Пряные культуры содержат также минеральные соли, фитонциды, витамины и др. Части пряных культур используют в небольших количествах для улучшения вкуса и аромата пищи, применяют в пищевой промышленности, фармацевтике [Харченко 2014, 673].

В свою очередь, в зависимости от области изучения (биология, агрономия, кулинария и др.) существует несколько классификаций пряных растений и собственно пряностей. Исследователи делят их на дикорастущие и традиционно культивируемые в рассматриваемом регионе, а также на классические (экзотические), выращенные преимущественно в тропиках и субтропиках, но исторически уже вошедшие в подавляющее большинство национальных кухонь [см. Похлебкин 1974, 2011; Handbook of herbs 2012; Мусаев и др. 2013]. В свою очередь, местные пряные растения подразделяют на пряные овощи и пряные травы [Мусаев 2013, 31]. По хозяйственному использованию они являются овощными, напиточными, лекарственными. Кроме этого, пряные растения делятся также на две группы: пряно-ароматические, обладающие оригинальным вкусом, и пряно-вкусовые, имеющие специфический вкус [ср.: Мусаев и др. 2013, 26].

Описание этнокультурных особенностей применения пряных растений и пряностей народами, исторически проживающими в средней полосе России, встречается в работах по пищевой промышленности и сельскому хозяйству, включая овощеводство и ботаническое ресурсоведение [Ильин, Суржин 1963; Муханова и др. 1981; Комарова и др. 1984; Культурная флора СССР 1985; Машанов, Покровский 1991; Губанов 1996; Кошечев А.К., Кошечев А.А. 1994; Юрченко, Василькевич 1989; Дудченко и др. 1989; Растительные ресурсы СССР 1994–1991; Мусаев и др. 2013 и др.]. В кризисные периоды в науке существенно возростал интерес к применению разными народами местных пряно-вкусовых растений. Обращалось внимание на их значение для разных отраслей народного хозяйства благодаря питательным, диетическим, антисептическим и лечебным свойствам многих видов [ср. Беляева 1946].

В этнографическом контексте применение пряных растений затрагивается в работах о народной кухне отдельных регионов России [ср.: Похлебкин 1974, 2015; Калашникова 2018 и др.]. Эта тема обычно в центре внимания, если речь идет о мировых кухнях и кухнях, где они издавна занимают видное место. В меньшей степени применение пряных растений отмечено в анализе кухни северных территорий и средней полосы, где в таком качестве, вероятно, используют дикорастущие и местные возделываемые культуры, большей частью являющиеся съедобными и напиточными растениями.

На территории Удмуртии, расположенной в пределах южной тайги (северные районы) и хвойно-широколистных лесов (центральные и южные районы), выявлено свыше 280 видов дикорастущих растений, обладающих пищевыми качествами, в их числе 27 видов пряно-ароматических растений, из которых населением региона широко используются всего лишь 4 вида, остальные относятся к группе малоиспользуемых и неиспользуемых [Баранова 2004, 38]. Ботанические вопросы применения произрастающих в Удмуртии пряно-ароматических растений (преимущественно дикорастущих видов), включая и территорию проживания бесермян (северо-западные районы Удмуртии), даны в ряде работ [Туганаев, Пузырев 1991; Соколов, Туганаев 1994, Сунцова 2003 и др.]. Использование пряно-ароматических растений Удмуртии в составе «травяных чаев», при ароматизации напитков рассматривалось в специальном издании о напитках народов Урало-Поволжья [Напитки в культуре 2019; Попова 2019; Сунцова 2019].

В языке бесермян обобщающего термина для обозначения пряных растений и пряностей не выявлено. Однако фитонимы бесермян ряда местных пряных видов растений и названий привозных пряностей включают общее понятие *турөн*¹ (букв.: 'трава / растение'), и слова для обозначения их характеристик как «горький» *курөт турөн* (букв.: 'горькое растение / трава'), «обжигающий» *песь турөн* (букв.: 'обжигающее растение / трава'), *курөт шем* (букв.: 'горький вкус / привкус'), «пахучий / ароматный» *зон турөн* (букв.: 'пахучая трава'). Например, редька *курөт кушман* (букв. 'горькая редька'), перец красный стручковый *горд песь турөн / горд песь турөн* (букв.: 'красная горячая / острая трава'). Характеристики как *курөт* (букв.: 'горький'), *песь* (букв.: 'обжигающий'), *курөт шем* (букв.: 'горький на вкус'), *зон турөн* (букв.: 'пахучий / ароматный'), *шемо* (букв.: 'с выраженным вкусом') встречаются и при описании свойств растений разных групп – лекарственных, медоносных, ядовитых и др. Аналогичные обозначения пряных, острых, ароматных свойств растений встречаются и в удмуртском языке [Соколов, Туганаев 1994].

Пряные растения – дикорастущие, культивируемые и экзотические в статье рассматриваются по степени их применения. Фитонимы приведены в том виде, как они записаны от рассказчиков, дается перевод на русский язык и латинское обозначение.

Местные дикорастущие пряные растения и традиции их использования

В прошлом бесермяне, как и другие народы Удмуртии, широко использовали в пищу в качестве пряно-ароматических всего 4 вида дикорастущих растений – тмин, мяту полевую, душицу, и частично в этом качестве – борщевик сибирский. Он считается условно называемым пряным растением и применяется преимущественно как дикорастущий овощ. Другие виды растений и в прошлом, и в наши дни использовались редко.

Тмин обыкновенный (*Carum carvi* L.) известен у бесермян как *аньөс*. Весной и в начале лета в качестве лакомства едят молодые и еще мягкие листья и стебли. Однако молодежь в отличие от старшего поколения в наши дни меньше знает об использовании его плодов в качестве пряности.

Заготовку тмина производят во второй половине лета, в стадии молочно-восковой зрелости плодов, пока они не осыпаются. Поскольку в прошлом тмин заготавливали попутно при сельскохозяйственных работах, то стебли срезали серпом или срывали, сушили в пучках и уже в свободное время обмолачивали. «В августе надо собирать-убирать. Жать серпом его. Можно и ломать. Перевя-зывается его пучками-пучками. Потом его и в хлеб класть можно. И с ним кварнянь (пресные хлебцы-сочни к Рождеству – прим. авт.) пекли, вкусно получалось» (ПМЕП, 2006. Антуанова Г.И., д. Шамардан, Юкаменский р-н, УР). В наши дни плоды собирают непосредственно с растения. Плоды тмина клали для аромата в хлеб, выпечку, и с конца XX в. в пресные тонкие хлебцы (сочни) *кварнянь / кўарнянь* к Рождеству, но чаще рассказчики упоминают все же бублики и сушки (ПМЕП, 2006), [Усачева и др. 2017, 158]. Вероятно, тмин стали использовать в ритуальном блюде *кварнянь / кўарнянь* с введением запрета на посев конопли, с плодами которой его пекли прежде. Но нельзя исключать, что традиция использования тмина могла быть и более ранней. Плоды тмина клали также в квас, добавляли в капусту при засолке и квашении. В наши дни заменяют укропом, но некоторые по-прежнему заготавливают тмин для квашения, считая его аромат более приятным и мягким.

¹ Названия растений даны в той форме, как они записаны от рассказчиков. Здесь и далее в бесермянских словах часто встречающийся звук, отсутствующий в литературном удмуртском языке и обозначаемый как ъ в кириллической транскрипции, указывается буквой ө как предложено в издании «Тезаурус бесермянского наречия» [Усачева и др. 2017].

Борщевик сибирский (*Heracleum sibiricum* L.), бес.: *гоноколос, гонколос*) ценится не только за питательные свойства, но и за пряный вкус и аромат. Молодые листья отваривают или обдают кипятком, кладут в начинки пирогов, в супы и похлебки, формируют из них колобки и едят со сметаной. Борщевик собирают в мае и начале июня на лугах, вблизи рек. Срывают только молодые распускающиеся листья, складывают их в текстильные мешки или котомки. Листья готовят непосредственно после сбора, некоторые также сушат, и многие в наши дни замораживают. Если прежде борщевик занимал заметное место в сезонном питании, то сегодня его применяют и в качестве пряно-вкусовой добавки в супы, выпечку. Такие блюда ценятся за особый вкус и аромат, которые придают содержащиеся в листьях борщевика эфирное масло и другие ароматические вещества. Молодое поколение меньше осведомлено о традиционных блюдах, меняются и вкусовые предпочтения. Поэтому в семьях, где дети приучены к блюдам с борщевиком, они едят их с удовольствием, другие же считают его вкус слишком специфичным.

Мята полевая (луговая) (*Mentha arvensis* L.), бес.: *ботник* применялась достаточно широко. Растение добавляли в чай: «Дикая мята растет по берегам реки, мы с ней пьем чай, она очень вкусно пахнет» [Усачева и др. 2017, 158]. Мятю прежде клали в квас, в пиво как вкусовую добавку и для пенистости напитка (ПМЕП, 2008. д. Жувам, Юкаменский р-н). Настоянный на мяте квас хорошо утоляет жажду, он ароматный и приятный на вкус, прекрасно пенится [Сунцова 2019, 13]. Даже при наличии культивируемых сортов мяты с более высоким содержанием в побегах эфирных масел, старшее поколение по-прежнему отдает предпочтение дикорастущему виду.

Душица обыкновенная (*Origanum vulgare* L.), бес. *пәш виён* (букв.: *пәш* – ‘блоха’, *виён* – ‘уничтожение’) используется как чайное растение. Ее сушат в небольших пучках. Чай с душицей обычно пьют без подслащивания, благодаря ее богатому вкусу и аромату. В отличие от заготовки других растений, за душицей ходят специально, часто далеко от населенного пункта.

Клевер темно-каштановый (*Trifolium spadiceum* L.), бес. *луд туг* (букв.: ‘дикий хмель’) по единичным упоминаниям применялся при отсутствии хмеля для ароматизации и обогащения вкуса пива. Вероятно, такой выбор был обусловлен внешним сходством соцветия клевера и соплодия хмеля [Сунцова 2019, 14]. Но необходимый эффект ароматизации и обогащения вкуса напитка мог быть достигнут: в клевере содержатся кумарин и другие вещества, придающие ему лёгкий специфический запах.

Таволга вязолистная (лабазник вязолистный) (*Filipendula ulmaria* (L.) Maxim.), бес. *тузь, тучь, лобоз*. Верхушки цветущих побегов с листьями или настоем из высушенных цветков добавляют (иногда в несколько этапов) в готовящееся пиво с целью ароматизации и консервации. Могли использовать только цветы: «*Сяськазэ гинэ бастыса сур песьтәлизэ*» (Для варки пива брали только цветы) (ПМНС, 1992. Зянкина М. С., д. Филимоново) или их настоем: «Цветы без листьев и стебля заливали кипятком и этим настоем заваривали солод» (ПМНС, 1992. Невоструева М.Т., д. Гулекшур), [см. Сунцова 2019, 15, 19].

Смородина черная (*Ribes nigrum* L.), бес. *сед сутэр*. Листья черной смородины дикорастущей и культивируемой (сортовой) используют как добавки в черный чай, в смеси с другими «чайными» травами, кладут для аромата в маринад при консервации овощей и грибов.

Молодые сочные стебли **пастернака лесного** (*Pastinaca sativa* subsp. *sylvestris* (MILL.) ROUY & E. G. SAMUS), бес.: *әм өшәлон* (букв.: ‘обветривающий / обжигающий губы’) и **свербиги восточной** (*Bunias orientalis* L.), бес. *тамак, курәт тамак* (букв.: ‘горький табак’), *курәт гумө* (букв.: ‘горький стебель’) ценили за их ярко выраженный острый вкус. Растения употребляют в свежем виде, очистив стебель от кожицы. Время сбора этих растений было долгожданным: свербигу используют в пищу дети и взрослые. По единичным упоминаниям в наши дни мелко нарезанные стебли свербигов кладут в холодные похлебки (окрошка) как более мягкий по вкусу заменитель редьки или хрена.

Традиции применения местных пряных растений имеют ресурсное значение для обогащения и разнообразия питания, демонстрации особенностей национальной кухни, популяризации народных знаний о богатстве местных растительных ресурсов, проведении гастрономических мероприятий. В качестве такого примера можно рассматривать разные травяные «чаи» с пряно-ароматическими растениями как гастрономический сувенир, который предлагают бесермяне на мероприятиях. Вероятно, это результат влияния средств массовой информации и появления в продаже разных видов чая с добавками. Пряно-ароматические растения часто заготавливают именно с целью ароматизации напитков.

Культивируемые пряные растения

Ряд пряно-ароматических культур выращивают на огородах. Среди них заметное место занимают овощи с острым вкусом и выраженным ароматом.

Лук репчатый (*Allium cepa* L.), бес. *суган* относится к числу наиболее популярных овощных культур. Собственно луковицы называют *суган йөр* (букв.: 'головка лука'), перья лука – *суган кўар* (букв.: 'листья лука').

В ареале проживания бесермян дикие виды лука не произрастают, поэтому в пищу используют только культивируемые. Лук репчатый является издавна возделываемой культурой. В кон. XIX в. он упоминается в числе продуктов народной кухни: «Бесермяне в своих жизненных требованиях весьма скромны. Каша из круп местного производства, картофель, горох, лук и капуста составляют вместе с хлебом их обычную пищу» [Штейнфельд 1894, 235].

Бесермяне, как и другие народы, населявшие северные и центральные уезды Вятской губернии, выращивали вегетативно размножаемый многогнездовой репчатый лук. Местные сорта характеризовались очень острым вкусом, устойчивостью к стрелкованию и высокой лежкостью в хранении. В бесермянских селениях Юкаменского района Удмуртии (д. Тылыс) обнаружены сорта, относящиеся к вятскому сорто типу, их выращивали до недавнего времени [Сунцова 2006, 43].

С 1970-х гг. наряду с традиционными сортами репчатого лука получил распространение лук батун (*Allium fistulosum* L.), а с нач. XX в. изредка стали выращивать репчатый лук из севка, еще в меньшей степени – лук-порей (*Allium porrum* L.), лук-слизун (*Allium nutans* L.), шнитт-лук (*Allium schoenoprasum* L.).

Выращивание лука считают трудоемким занятием: «он не у всех хорошо удается». С его возделыванием связано поверье: считается, что при передаче лука «могла уйти рука», то есть удача на его выращивание. Поэтому лук продают даже родным, пусть даже за символическую плату.

Перья лука срывают осторожно, стараясь не нарушить процесс формирования луковицы. Лук убирают в августе, когда «упадет и пожелтеет луковая ботва». В некоторых деревнях к его уборке приступают после третьего спаса (д. Шамардан) [Усачева и др. 2017, 175, 305]. Лук подсушивают в тени, затем заплетают в жгуты и подвешивают в избе в сухом теплом месте вблизи печи, незаплетенный лук раскладывают на полатах.

В весенне-летний период луковые перья едят с хлебом как самостоятельное блюдо, добавляют в холодные похлебки, начинки пирогов, перепечи.

У бесермян обозначение *суган* (лук) встречается локально и в названии картофеля – *мусуган*. Фитоним состоит из двух компонентов: бес. *му* – земля, *суган* – лук, что переводится как «земляной лук». Название зафиксировано в некоторых бесермянских селениях (дд. Юнда, Шамардан, Ворца, ср.: Максимов 2009, 118; д. Шамардан, Усачева и др. 2017, 168; д. Ворца, ПМЕП), где является основным вариантом обозначения картофеля, в других используется фитоним *картошкá*. Вариант *мусугон* в качестве названия картофеля зафиксирован также в ярском говоре среднечепецкого диалекта удмуртского языка, и ранее – в глазовском среднечепецком диалекте [ср. Максимов 2009, 118].

Компонент *сугон* восходит к болгарскому источнику [Федотов 1996: II, 69–70; Тараканов 1993, 114; Максимов 2009, 119; 2010]. Бесермянскую форму *суган* исследователи считают проникновением из диалекта чепецких татар. В свою очередь название картофеля *мусуган*, предположительно, возникло именно у бесермян, откуда оно попало в некоторые удмуртские говоры как субстратное явление [см. Максимов 2009: 118–119]. Этот лексический пример показывает, что обозначение лука – одной из ранних возделываемых народами региона культур, в т.ч. бесермянами, повлияло на формирование названия относительно новой культуры в регионе как картофель [см. Максимов 2009, 118–122].

Чеснок посевной (*Allium sativum* L.), бес. *чеснок* стал известен бесермянам относительно недавно. Культура его возделывания усвоена с приходом русского населения, о чем свидетельствует заимствованный из русского языка фитоним, распространение которого полностью охватывает северное и бесермянское наречия, все срединные говоры и собственно южный диалект удмуртского языка [Максимов 2010, 159, 163].

Чеснок в незначительном количестве кладут в холодцы, при засолке сала, добавляют при консервировании овощей, изредка грибов, но чаще едят вприкуску с хлебом и горячими блюдами (супы).

С 1990-х гг. больше стали выращивать озимой чеснок с высокой урожайностью и ярко выраженным вкусом. Однако некоторые по-прежнему предпочитают яровой, обладающий, как считают, более мягким вкусом и ароматом, высокой лёжкостью.

Хрен обыкновенный (*Armoracia rusticana* G.GAERTN., В.МЕУ. & SCHERB.), бес. *крень* выращивают на приусадебных участках. Корни хрена выкапывают по мере необходимости в весенне-летний период и до глубокой осени. Во время хранения зимой он быстро дрябнет и хранится хуже редьки. Некоторые в наши дни хрен замораживают или хранят в холодильнике.

В пищу используют корни и листья (при мариновке). Натертый корень добавляют в квас, кладут в холодные похлебki на основе кваса вместе с вареным картофелем, свежими овощами и зеленью. Хрен добавляют летом для остроты и вкуса в окрошку. Зимой вместо хрена часто используют редьку. Корневища хрена некоторые хранят в подполье или в овощной яме во мхе или песке. Порой он сохранялся вплоть до Крещения *Йеволэн солон* и Святков *Вожо* (ПМНС. д. Тылыс, Шмелева Е. С.). В это время с хреном готовили (в том числе и как праздничное блюдо) похлебki на квасе с добавлением репчатого лука, вареной и мелко нарезанной печени, квашеной или соленой капусты.

Листья и корни хрена вместе с листьями смородины, вишни, соцветиями или соплодиями укропа кладут для придания вкуса и сохранности продуктов при засолке грибов (рыжики, грузди), мариновании и квашении овощей.

В удмуртской кухне хрен добавляют в соусы к мясным блюдам, холодцу, в холодные похлебki *киренень сюкась* (квас с хреном), к соленым грибам, овощам, сметане [Соковнин 1975, 80–81].

Использование хрена, особенно в блюдах постного стола, отразилось в народном календаре. Чистый понедельник известен у бесермян как *крень нунал* (букв.: 'день хрена'), *крень* ('хрен'): «Катались в Масленицу (*масленча*) с четверга по пятницу. Потом начинался с понедельника пост, и понедельник называли *крень*. Ели постную пищу (*постной сиён*)» (ПМЕП, 2000. Зянкина Е. В., д. Филимоново); «Крень [понедельник] называют. <...> В понедельник надо кушать хрен (*крень*), редьку (*кушман*)» (ПМЕП, 2000. Караваева Р. М., д. Шамардан). У северных удмуртов блюда с хреном также означали начало поста, а чистый понедельник назывался аналогично – «день хрена» *крень нунал* (сев. удм.), 'хрен' *крень* / *киренень* (сев. удм.), 'праздник хрена' *крень юон* [Первухин 1888: 2, 109].

У русских Прикамья в Масленицу хрен, наряду с редькой и капустой, был в числе атрибутов ряженых, демонстрирующих пищу Великого поста (Березович 2012: 460).

Редька посевная (*Raphanus sativus* L.), бес. *кушман*, *курот кушман* (букв.: горькая редька), *сьед кушман* (букв.: черная редька). До 1990-х гг. бесермяне культивировали исключительно черную редьку. По сравнению с белой редькой, она отличается лучшими потребительскими свойствами: более ярко выраженными вкусовыми (острее) и лечебными качествами, высокой сохранностью вплоть до нового урожая. Рассказчики отмечают, что «какие семена могли достать, такие и использовали», «о белой редьке и не знали».

В сер. XIX в. при описании кухни бесермян и северных удмуртов редька упоминается в составе холодных похлебок (Сатрапинский. Р. 10. Оп. 1. Д. 49. Л. 14 об.). Мелко порезанную или натертую редьку заправляют сметаной, растительным маслом, как самостоятельное блюдо едят с квасом и толокном. Редьку с квасом в наши дни используют реже, что, по мнению рассказчиков старшего поколения, связано с отсутствием толокна – одного из компонентов многих блюд с хреном. Иногда редьку предварительно замачивают в воде для снятия излишней горечи. Во многих блюдах она заменяет хрен и наоборот.

Редька в составе похлебок с квасом *сюкасен кушман* (букв.: редька с квасом) имеется в кухне и других народов края, в частности, удмуртов и русских. Удмурты с мелко порубленной редькой делают пельмени [Соковнин 1975, 117]. «Редешные пельмени» готовят русские Прикамья (ПМЕП, 2012. Каракулинский р-н, УР). У коми (зырян) редька *кушман* встречается в холодных закусках и похлебках, заправленных сметаной или растительным маслом, квасом *кушман ырдиш* или снятым молоком, а в пост редька с квасом была главным блюдом. Мелконарезанную редьку коми (зыряне) тушили и изредка использовали в начинках для пирогов [Чудова 2008, 56].

Хмель обыкновенный (*Humulus lupulus* L.), бес. *туг* выращивали в огороде. В XIX в. его возделывали как «подсобную культуру» во всех уездах Вятской губернии [Материалы по статистике 1900, 261]. В Глазовском уезде, как отмечали источники того времени, хмелеводство было «... больше развито у вотяков и бесермян, меньше – у татар и пермяков. Хмель местами произрастает из лесов. Уход примитивный. Выращивают главным образом для домашнего потребления, только некоторые – для продажи (юго-западная в северную часть)» [Материалы по статистике 1893, 133].

«Шишечки» – соцветия хмеля – кладут в готовящееся пиво. Это придает напитку специфический горький привкус и пряный запах, способствует брожению и сохранности: «Хмель у многих рос.

Его добавляли, чтобы пиво пенилось, не прокисло быстро, и для хмельности» (ПМНС, 1995. Невоструева Т. Ф., с. Пышкет). Способы возделывания и применения хмеля остались прежними.

Перец красный острый стручковый (*Capsicum annuum* L.), бес. *горд пәсь турөн / горд пәсь турөн* (букв. красная горячая / острая трава). Соседи бесермян – русские – называют такой перец *астраханский стручок* (ПМЕП, 2020. д. Жувам, Юкаменский р-н, зап. от Т. Жуйковой).

Первоначально перец выращивался как комнатная культура. Начиная с 1930–1940-х гг. и до недавнего времени его высаживали в горшки на подоконниках. Стручки понемногу добавляли в пищу, но чаще – в алкогольный напиток домашнего производства *кымышка*; настойку с перцем использовали для лечения расстройства пищеварения и натирания суставов. Аналогичным способом его применяли и другие народы. Коми (зыряне) использовали стручковый перец *гормög* для настаивания сула: напиток в этом случае называли *гормögа чужва* (Чудова 2008: 26). В настоящее время стручковый перец кладут в маринад при консервировании огурцов и овощных ассорти. Бесермяне, как и другие народы региона, в настоящее время выращивают красный стручковый перец и в закрытом грунте.

Со вт. пол. XX вв. ассортимент пряно-ароматических растений и овощей на приусадебных участках расширился за счет появления новых для региона культур. Среди первых были укроп и котовник.

Укроп огородный (*Anethum graveolens* L.), бес. *укрон* выращивают повсеместно. Соплодия и соцветия растения используют при засолке огурцов и капусты, мариновании овощей, листья добавляют в салаты. Нарезанные молодые листья замораживают, плоды вместе с побегами сушат в пучках.

Мяту длиннолистную (*Mentha longifolia* (L.) HUDS.), бес. *мятá* выращивают на приусадебных участках. Листья и соцветия добавляют для ароматизации в чай, изредка в квас. Сушеные стебли с соцветиями иногда кладут при засолке капусты для аромата и сохранности заготовок. Однако многие считают, что от этой мяты капуста быстро закисает.

Котовник кошачий (*Nepeta cataria* L.) у бесермян, как и у других народов края, известен как «мелисса», бес. *мелисá*. Из-за схожести внешнего вида и пряно-ароматических характеристик котовник путают с мелиссой (*Melissa officinalis* L.), но в сравнении с ней, он менее прихотлив и легко размножается самосевом. Растение в свежем и засушенном виде добавляют в черный чай. Часто его выращивают на пасеках, используют для натирания ловушек как приманку при ловле роя. В целях деодерации им обрабатывают руки, стараясь отбить раздражающий пчел посторонний запах. Первоначально растение стали высаживать на пасеках именно с этими целями. Позже оно стало широко использоваться как пряное растение.

Петрушку кудрявую (*Petroselinum crispum* (MILL.) FUSS), бес. *петрушкá* культивируют преимущественно в последние два десятилетия и она не так широко распространена. Листья добавляют в салаты, редко и в небольшом количестве – в супы.

Огуречную траву (бораго) (*Borago officinalis* L.), бес. *огречь турөн* (букв.: ‘огуречная трава’) стали широко выращивать в регионе в 1970–1980-е гг. Культура ценится за неприхотливость, быстрый рост и выраженный аромат свежих огурцов. Листья собирают в начале лета для ароматизации окрошки и салатов. В настоящее время огуречную траву выращивают редко.

Другие пряные растения с ярко-выраженным запахом и вкусом, такие как базилик и кориандр, по мнению наших собеседников, слишком сильно меняют и заглушают естественный вкус продуктов и блюд. Поэтому в народной кухне они используются крайне редко, но и в некоторых заимствованных блюдах, где являются важным компонентом, применяются не часто и далеко не всеми.

Тропические и субтропические пряно-ароматические растения

Помимо давно известных местных пряных растений и овощей в народной кухне бесермян стали использоваться покупные пряности. Ассортимент готовых пряностей из тропических и субтропических регионов остается небольшим и ограничивается главным образом двумя видами – перцем черным и лавровым листом. Однако эти пряности используются не всеми, поскольку считается, что они не столько подчеркивают, а сколько перебивают привычный и естественный вкус блюд. Перец, лавровый лист и горчицу клали обычно в блюда (борщ, солянка, плов и др.), пришедшие в кухню бесермян из других культур, первоначально известные через систему общественного питания. По воспоминаниям старшего поколения рассказчиков, такие пряности как перец и лавровый лист, если

и были им знакомы ранее, то в деревенских магазинах в широкой продаже появились лишь в 1950 – 1960-х гг.

Перец чёрный (*Piper nigrum* L.), бес. *песь турөн* (букв. ‘горячая / острая трава’), молотый чёрный перец *изем песь турөн* (букв.: ‘молотая горячая/острая трава’), перец горошком *кежсиен песь турөн* (букв.: ‘горошком горячая/острая трава’). Приправу добавляют в мясные супы, в фарш для пельменей или в бульон при их варке, мясные блюда. Обычно используют чёрный молотый перец, перец горошком применяют при мариновании овощей и грибов. Мельницами для помола перца пользуются обычно бесермяне-горожане.

Лавр благородный (*Laurus nobilis* L.), бес. *кўар* (бес. лист, листок), *лавровой кўар*, *лавровой лист* кладут в мясные бульоны и супы, холодец, уху, мясные блюда, при мариновке овощей.

Душистый перец, или **ямайский перец** (*Pimenta dioica* (L.) MERR), **гвоздика душистая** (*Syzygium aromaticum* (L.) MERR. & PERRY) и др. пряности стали использовать в последние два-три десятилетия, но, как правило, при мариновании грибов и овощей.

Столовая горчица – приправа из измельченных семян **горчицы белой** (*Sinapis alba* L.) встречалась вначале в советском общепите, в домашнем питании ее подают к мясным блюдам, но не повсеместно.

Широкого применения в народной кухне тропических и субтропических (классических / экзотических) пряностей не произошло, несмотря на их известность и доступность сегодня. Возможно, это связано с консервативностью традиций питания, со сложившимися вкусовыми предпочтениями, которые формируются в семье, и тем, что традиции их применения находятся в настоящее время в стадии формирования. Минимальное использование экзотических пряностей наблюдается даже в приготовлении заимствованных из других национальных кухонь блюд, изначально имеющих их в большом количестве и разнообразии.

Привозные приправы, как и пряные растения, не добавляют в ритуальные блюда (каши, бульоны, выпечку). Это свидетельствует также об их достаточно позднем появлении в культуре питания, кроме того ритуальные блюда остаются консервативной частью питания, и это определяется также статусом ритуальной трапезы. В ритуальную пищу не принято добавлять и местные пряные растения.

Пряные растения в обрядах, народной медицине и ветеринарии

Благодаря своим свойствам – вкусу и остроте, сильному аромату – пряные растения, такие как лук, чеснок, хрен во многих культурах наделяются магическими и апотропейческими функциями [Усачева 2004, 140–143]. Бесермяне используют пряные растения в народной медицине и ветеринарии, в обрядах и как апотропейное средство, также основываясь на их свойствах – высокой фитонцидной активности, ярко выраженному вкусу и аромату.

Душистые чай и настои из мяты пьют при простудах и в качестве успокоительного средства. Пучки мяты в качестве гигиенического и ароматизирующего средства развешивают в помещениях, в местах хранения сезонной одежды. Стебли мяты длиннолистной для аромата добавляют в березовые веники при заготовке их для бани (ПМЕП, 2019. д. Жувам). Отвар с мятой полевой используют в качестве успокоительного средства: заваривая растение в воде, купают детей, чтобы «хорошо спали» [Усачева и др. 2017, 158]. В восточно-славянской культуре мята использовалась как апотропей, лечебное и приворотное средство, также благодаря своей пахучести [Усачева 2004, 349–350].

Лук применяют при болях в спине как местное раздражающее средство, но значительно реже, чем редьку. При зубной боли очищенные дольки чеснока прикладывают к деснам в качестве дезинфицирующего и снимающего боль средства.

Настойкой перца на основе домашнего алкогольного напитка *кумышка* или на водке натирают суставы, пьют при простуде, расстройстве кишечника. Однако считается, что красный перец и настойку на его основе нельзя применять часто, так как перец «высушивает» *куасьтэ* поджелудочную железу (ПМНС, 2021. Шмелева Е.С.). Водным настоем или спиртовыми (самогонными) настоячками перца в виде ванночек и натираний лечат воспаления и «обезноживание» домашней птицы. Настойку добавляют в воду для питья, подают из ложки при поносе: «*Поили по одной капельке и макали ножки только что вылупившихся суточных гусят, чтобы были здоровыми*» (ПМНС, 2021. Сунцова М. А. с. Пышкет; Шмелева З.А. д. Тылыс).

Пчеловоды закладывают кусочки сушеного корня хрена в дымарь вместе с древесной трухой и окуривают ульи «для успокоивания пчел» при осмотре. Применяют окуривание сушеным хреном и как средство борьбы с варатозным клещом (ПМЕП, 2021. д. Жувам, Юкаменский р-н).

Апотропейные свойства пряных растений основаны на их выраженном обычно горьком вкусе, аромате, лечебных свойствах. Плоды тмина иногда использовали с защитной (магической) целью, заменяя ими семена мака. Их раскидывали в местах, где проходил подозреваемый в колдовстве человек. Считалось, что наступив на тмин, он не сможет «сделать ничего плохого человеку, бросившему эти семена» (Юкаменский р-н, д. Тылыс). Чеснок и его дольки принято носить в кармане как средство от сглаза. Многие народы также используют чеснок, благодаря таким его свойствам как острый вкус, резкий запах, разъедающие свойства, как универсальный оберег и лечебное средство [Плотникова 2012, 529].

Из натертой редьки или хрена делают компрессы: «Поясницу лечили натертой редькой» (ПМНС, 2021. Сунцова М.А., с. Пышкет). Листья хрена накладывали на спину при болях. Вкусовые и ароматические свойства хрена определили его использование и в других культурах. Благодаря жгучести и аромату в восточно-славянском и русском фольклоре хрен наделяется апотропеическими и лечебными свойствами, фаллической символикой, и в народных представлениях «сближается с луком, чесноком, перцем, табаком, редькой, с которой иногда образует символическую пару» [Березович 2012, 459].

Таким образом, возникновение традиций использования пряных растений в народной медицине, ветеринарии, обрядах основано на свойствах, которые были выявлены в народе эмпирическим путем.

Выводы

Таким образом, обобщая материалы исследования можно отметить, что диапазон применения бесермянами в пищу местных пряных растений и привозных пряностей небольшой. Среди них большую часть занимают местные дикорастущие пряно-ароматические и пряно-вкусовые виды (тмин, душица, мята и др.). Они издавна используются для обогащения вкусового разнообразия пищи и напитков. В перечне выращиваемых пряных растений доминируют традиционно возделываемые культуры – редька, хрен, лук, чеснок.

Со втор. пол. XX в. перечень пряных растений расширился за счет привозных классических (экзотических) пряностей, которые вошли и в кухню бесермян. Перечень экзотических пряностей традиционно невелик и по-прежнему ограничивается, главным образом, черным перцем и лавровым листом. Они добавляются в ограниченное число блюд, в небольшом количестве.

Причины незначительного употребления бесермянами пряных растений, и особенно экзотических пряностей, можно объяснить особенностями традиционной кухни в целом и исторически сложившейся «вкусовой нейтральностью» пищи. Пряности не добавляют в ритуальные блюда, что связано со статусом этих блюд, сохранением архаичных черт ритуальной кухни, отношением к пряностям как новации.

Использование пряных растений и пряностей в обрядах и народной медицине основано на их ярко-выраженных ароматических, вкусовых свойствах, содержании большого количества биологически активных веществ.

Несмотря на кажущуюся незначительную роль в культуре питания местных пряных растений и позже – привозных пряностей, они стали частью культуры питания, отражают историю развития кухни и традиций огородничества, знания о природных ресурсах, появлении новаций в культуре. Благодаря главному свойству – обогащению вкуса и аромата блюд, они имеют ресурсные возможности для более широкого использования в современной кухне, знакомстве с особенностями питания и растительными ресурсами в образовательных, гастрономических и туристических проектах.

СОКРАЩЕНИЯ

бес. – бесермянский

р-н – район

ПМЕП – полевые материалы Елены Васильевны Поповой

ПМНС – полевые материалы Надежды Юрьевны Сунцовой

УР – Удмуртская Республика

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Материалы по статистике Вятской губернии. Т. 8. Глазовский уезд. Ч. 1. Материалы для оценки земельных угодий: с приложением карт почвенной и урожайности ржи. Вятка: Издание Вятского губернского земства, 1893. 165 с., 176 [П].
- Материалы по статистике Вятской губернии. Т. XII. Общая сводка по губернии. Ч. 2. Вятка: Скоропечатная типография Н. А. Огородникова и К°, 1900. VI, 529 с., X с.
- Первухин Н. Г. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Идоложертвенный ритуал древних вотяков по его следам в рассказах стариков и в современных обрядах. Эскиз П. Вятка, 1888. 140 с.
- Сатрапинский К. А. Вотяки и бесермяне, проживающие в приходе и селе Укан Глазовского уезда // Архив РГО. Р. 10. Оп. 1. 1854 г. Д. 49.
- Соковнин Г. И. Удмуртская кухня. Ижевск: Удмуртия. 2-изд доп. и перераб.; 1975.
- Штейнфельд Н. П. Бесермяне. Опыт этнографического исследования // Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1895. Вятка, 1894. С. 220–259.

ЛИТЕРАТУРА

- Баранова О. Г. Пищевые дикорастущие растения Удмуртской республики // Современные проблемы природопользования, охотоведения и звероводства. Киров: Государственное научное учреждение Всероссийский научно-исследовательский институт охотничьего хозяйства и звероводства им. Б. М. Житкова РАСХН, 2004. С. 38–39.
- Беляева В. А. Прянокусовые растения, их свойства и применение. М.: Госторгиздат, 1946. 108 с.
- Березович Е. Л. Хрен // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Т. 5. С (Скарка) – Я (Ящерица). М.: Международные отношения, 2012. С. 459–462.
- Губанов И. А. Энциклопедия природы России: Пищевые растения. Справочное издание. М.: АБФ, 1995. 556 с.
- Дудченко Л. Г., Козьяков А. С., Кривенко В. В. Пряно-ароматические и пряно-вкусовые растения: Справочник / Отв. ред. К. М. Сытник. Киев: Наукова думка, 1989. 304 с.
- Ильин М. М., Суржин С. Н. Пряно-ароматические растения СССР и их использование в пищевой промышленности. М.: Пищепромиздат, 1963. 175 с.
- Калашикова Н. М. О вкусовых предпочтениях бессарабских болгар (пряности и приправы) // XXIII Державинские чтения: Современные и исторические проблемы болгаристики и славистики. Сборник статей по материалам XLVII Международной филологической конференции. 2018. СПб: Издательство «ВВМ», 2018. С. 25–28.
- Карпухина В. В. Большая энциклопедия специй, приправ и пряностей. М.: АСТ, 2015. 300 с.
- Кибал Я. Специи и пряности. Прага: Артия, 1986.
- Максимов С. А. Комментарий к карте «Картофель» // Диалектологический атлас удмуртского языка. Карты и комментарии. Вып. I. Научное издание. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2009. С. 111–122.
- Максимов С. А. Комментарии к картам «Луковое перо» и «Луковое перо» (мотивационная карта) // Диалектологический атлас удмуртского языка. Карты и комментарии. Вып. II. Научное издание. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2010. С. 148–158.
- Максимов С. А. Комментарии к карте «Чеснок» // Диалектологический атлас удмуртского языка. Карты и комментарии. Вып. II. Научное издание. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2010. С. 159–163.
- Машанов В. И., Покровский А. А. Пряноароматические растения. М.: Агропромиздат, 1991. 287 с.
- Мигранова Э. В. Башкиры. Традиционная система питания: Историко-этнографическое исследование. 2-е изд., испр. и доп. Уфа: Китап, 2016.
- Муллагулов М. Г. Собирательство и рыболовство у башкир. Уфа: Гилем, 2007. 158 с.
- Напитки в культуре народов Поволжья: коллективная монография. Ижевск: УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, 2019. 416 с.
- Плотникова А. А. Чеснок. // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. М.: Международные отношения, 2012. Т. 5. С (Сказка) – Я (Ящерица). С. 529–532.
- Попова Е. В. Напитки традиционной народной кухни в праздниках и гастрономических фестивалях // Напитки в культуре народов Поволжья: коллективная монография. Ижевск: УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, 2019. С. 97–121.
- Похлебкин В. В. Все о пряностях. М.: Пищевая промышленность, 1974. 207 с.
- Похлебкин В. В. Пряности, специи, приправы. М.: Эксмо, 2015. 328 с.

- Пузырев Н. А., Туганаев В. В. Дикорастущие съедобные растения Удмуртии (характеристика, заготовка, хранение, использование). Ижевск: Изд-во Удмуртского университета, 1991. 33 с.
- Растительные ресурсы СССР: Цветковые растения, их химический состав, использование; Семейства Magnoliaceae – Limoniaceae. Л.: Наука, 1985. 336 с.
- Соколов С. В., Туганаев В. В. Биологической нимкыльёсын кылбугор = Словарь биологических терминов. Ижевск: Удмуртия, 1994. 144 с.
- Суңцова Н. Ю. Этноботанические аспекты использования удмуртами растений и грибов (на примере XIX – начала XX вв.) // Материалы V Международного симпозиума «Новые и нетрадиционные растения и перспективы их использования». Т. 3. М.: Изд. РУДН, 2003. С. 472–474.
- Суңцова Н. Ю. Эколого-биологический анализ и история использования ресурсных растений, а также грибов и лишайников Удмуртии. Башкирский государственный университет: Автореф. дис. ... канд. биол. наук. Уфа, 2005. 16 с.
- Суңцова Н. Ю. Растения и грибы, используемые удмуртами и бесермянами в приготовлении напитков // Напитки в культуре народов Поволжья: коллективная монография. Ижевск: УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, 2019. С. 11–27.
- Суңцова Н. Ю. Грибы и дикорастущие растения в системе питания удмуртов // Современная удмуртская культура [Contemporary Udmurt Culture]. Volume 1. Tallinn: Tallinn University Press, 2020. С. 281–324.
- Тараканов И. В. Удмуртско-тюркские языковые взаимосвязи: Теория и практика. Ижевск: Изд.-во Удм. ун-та, 1993. 170 с.
- Трофимова Е. Я. Как сложилась народная кухня удмуртов. Блюда удмуртской кухни. Ижевск: Удмуртия, 1991.
- Туганаев В. В., Туганаев А. В., Гришкина М. В., Суңцова Н. Ю. Материалы к истории агроэкосистем Вятско-Камского Предуралья. (Материалы к курсу «Сельскохозяйственная экология»). Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2006. 46 с.
- Усачева В. В. Лук // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Т. 3. К (Круг) – П (Перепелка). М.: Международные отношения, 2004. С. 140–143.
- Усачева В. В. Мята // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Т. 3. К (Круг) – П (Перепелка). М.: Международные отношения, 2004. С. 349–350.
- Усачёва М. Н., Архангельский Т. А., Бирюк О. Л., Иванов В. А., Идрисов Р. И. Тезаурус бесермянского наречия. Имена и служебные части речи (говор деревни Шамардан). М.: Издательские решения, 2017. 540 с.
- Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка. Т. 2. / М. Р. Федотов. Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 1996. 509 с.
- Харченко В. А. Пряные культуры // Большая российская энциклопедия. М.: Научное издательство Большая Российская энциклопедия, 2014. Т. 27 (Полупроводник–Пустыня). С. 673.
- Чудова Т. И. Кухня коми (зырян): Этнографический словарь. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2008.
- Юрченко Л. А., Василькевич С. И. Пряности и специи. Минск: Полымя, 1989. 222 с.
- Firmino, Ana. New Challenges for the Organic Farmers in India – Tourism, Spices and Herbs // *Revija za geografijo – Journal for Geography*, 5–1, 2010, P. 101–113.
- Haraldsdóttir, Laufey, Gunnarsdóttir, Guðrún Þóra. Pure, Fresh and Simple "Spicing up" the New Nordic Cuisine // Spices and tourism: destinations, attractions and cuisines / Ed. Lee Jolliffe // *Tourism and Cultural Change* (Book 38). Channel View Publications: Bristol – Buffalo – Toronto. 2014. Pp. 169 – 182.
- Nair, B. B., Mohanty, P. P. Positioning spice tourism as an emerging form of special interest tourism: perspectives and strategies // *Journal of Ethnic Foods*. Volume 8. Article number: 10 (2021).
- Handbook of herbs and spices / Ed. by K. V. Peter. Oxford – Cambridge – Philadelphia – New Delh: Woodhead publishing limited, 2012. Vol. 1.
- Spices and tourism: destinations, attractions and cuisines / Ed. Lee Jolliffe // *Tourism and Cultural Change* (Book 38). Channel View Publications: Bristol – Buffalo – Toronto. 2014.
- White, Leanne. Australian Native Spices: Building the 'Bush Tucker' Brand // Spices and tourism: destinations, attractions and cuisines / Ed. Lee Jolliffe // *Tourism and Cultural Change* (Book 38). Channel View Publications: Bristol – Buffalo – Toronto. 2014. Pp. 153–168.
- Yıkmış, S., Sağlam, K., Yetim, A. The examination of spices used in the Ottoman palace cuisine // *Journal of Human Sciences*. 2007. №14 (1) Pp. 1000–1016.

Сунцова Надежда Юрьевна,
кандидат биологических наук, научный сотрудник
БУК УР «Национальный музей Удмуртской Республики им. Кузубая Герда»,
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Коммунаров, 287
e-mail: badjar@mail.ru

Попова Елена Васильевна,
кандидат исторических наук, научный сотрудник,
Удмуртский институт истории, языка и литературы
Удмуртского федерального исследовательского центра УрО РАН
426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4
e-mail: elvpopova@yandex.ru

N. Ju. Suntsova, E. V. Popova

SPICE PLANTS IN THE CULTURE OF THE BESERMANS

DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-4-667-680

Folk cuisine is an important part of the cultural heritage and offers great resources for the development of tourism, agriculture, preservation of old varieties of cultivated crops and food traditions. The use of spices also makes cuisines special and distinctive. The article deals with the traditions of the Besermans to use local wild, cultivated and exotic herbs. Local and imported spices Besermans call *турөн* "herbs", *күрөт турөн* "bitter herbs". The choice of local plants as spices is based on their gustatory and spicy-aromatic qualities, as well as their phytoncidal activity and medicinal properties. Among them, local wild spices (*Carum carvi*, *Mentha arvensis*, *Filipendula ulmaria*) and long cultivated vegetables with a spicy taste (*Raphanus sativus*, *Allium cepa*, *Armoracia rusticana*) prevail. Exotic spices are mainly limited to black pepper and bay leaf. Spices are used in folk cuisine, folk medicine and veterinary medicine. Local and exotic spices are not put into ritual dishes, which indicates the preservation of archaic features in the diet and the special status of ritual cuisine. Traditional knowledge about herbs and spices is relevant to folk cooking demonstrations, gastronomic events, museum work, tourism and agricultural development. The study is based on the authors' field materials.

Keywords: Besermans, spices, spicy and aromatic herbs, food culture, folk cuisine, spice tourism, ethnobotany, plant resources, folk medicine, Volga-Ural region

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2022, vol. 16, issue 4, pp. 667–680.

REFERENCES

- Baranova O. G.** Pishevye dikorastushie rasteniya Udmurtskoi respubliki [Food wild plants of the Udmurt Republic]. *Sovremennyye problemy prirodopol'zovaniya, okhotovedeniya i zverovodstva* [Modern problems of nature management, hunting and fur farming]. Kirov: State Scientific Institution All-Russian Research Institute of Hunting and Animal Husbandry named after B.M. Zhitkov, Russian Academy of Agricultural Sciences, 2004. Pp. 38–39. In Russian.
- Belyaeva V. A.** *Pryanovkusovyye rasteniya, ih svoystva i primeneniye* [Spicy food plants, their properties and uses]. Moscow: Gostorgizdat, 1946. 108 p. In Russian.
- Berezovich E. L.** Khren [Horseradish]. *Slavyanskyye drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar': v 5 t.* [Slavic antiquities: Ethnolinguistic dictionary: in 5 vols.]. Ed. by N. I. Tolstoy. Moscow: International Relations Publ., 2012. Vol. 5. S (Skazka) – Ya (Yashcheritsa) [S (Fairy tale) – Ya (Lizard)]. Pp. 459–462. In Russian.
- Chudova T. I.** *Kukhnya komi (zyryan): Etnograficheskiy slovar'* [Cuisine of the Komi (Zyryans): Ethnographic Dictionary]. Syktyvkar, 2008. Pp. 81–84. In Russian.
- Dudchenko L. G., Koz'yakov A. S., Krivenko V. V.** *Pryano-aromaticheskie i pryano-vkusovyye rasteniya: Spravochnik* [Spicy-aromatic and spicy-tasting plants: Handbook]. Editor-in-Chief: K. M. Sytnik. Kyiv: Naukova Dumka, 1989. 304 p. In Russian.
- Fedotov M. R.** *Etimologicheskiy slovar' chuvashskogo yazyka. T. 2* [An Etymological Dictionary of the Chuvash Language. Vol. 2]. Cheboksary: The Chuvash State Institute of the Humanities press, 1996. 509 p. In Russian.
- Gubanov I. A.** *Entsiklopediya prirody Rossii: Pishevye rasteniya. Spravochnoe izdanie* [Encyclopedia of Nature of Russia: Food plants. Handbook]. Moscow: ABF. 556 p. In Russian.

И'ин М. М., Surzhin S. N. *Pryano-aromaticheskie rasteniya SSSR i ikh ispol'zovanie v pishевой promyshlennosti* [Spice-aromatic plants of the USSR and their use in the food industry]. Moscow: Pischepromizdat, 1963. 175 p. In Russian.

Kalashnikova N. M. O vkusovykh predpochteniyakh bessarabskikh bolgar (pryanosti i pri-pravy) [On taste preferences of Bessarabian Bulgarians (spices and condiments)]. *XXIII Derzhavinskie chteniya: Sovremennye i istoricheskie problemy bolgaristiki i slavistiki. Sbornik statei po materialam XLVII Mezhdunarodnoi filologicheskoi konferencii. 2018* [XXIII Derzhavinskie readings: Modern and historical problems of Bulgarian and Slavic studies. Collection of articles on the materials of XLVII International Philological Conference. 2018]. SPb: BBM Publishing House, 2018. P. 25–28. In Russian.

Karpukhina V. V. *Bol'shaya entsiklopediya spetsii, priprav i pryanostei* [The Great Encyclopedia of Spices, Condiments and Flavourings]. Moscow: AST, 2015. 300 p. In Russian.

Kharchenko V. A. Pryanye kui'tury [Spicy crops]. *Bol'shaya Rossiyskaya Enziklopediya* [Great Russian Encyclopedia]. Moscow: Scientific publishing house Bol'shaya Rossiyskaya Encyclopedia, 2014. T. 27 (Poluprovodnik–Pustynya). [Vol. 27 (Semiconductor–Desert)]. Pp. 673. In Russian.

Kibal Ya. *Spetsii i pryanosti* [Condiments and Spices]. Prague: Artia, 1986. In Russian.

Maksimov S. A. Kommentarii k karte “Kartofel” [Comments on the map “Potatoes”]. *Dialektologicheskii atlas udmurtskogo yazyka. Karty i kommentarii. Vyp. I* [Dialectological atlas of the Udmurt language: Maps and comments. Issue I]. R. Sh. Nasibullin, S. A. Maksimov, V. G. Semenov, G. V. Otstavnova. Izhevsk: SIC “Regular and chaotic dynamics”, 2009. Pp. 111–122. In Russian.

Maksimov S. A. Kommentarii k karte «Lukovoe pero» i «Lukovoe pero» (motivazionnaya karta) [Comments on the maps “Onion Feather” and “Onion Feather” (motivational map)]. *Dialektologicheskii atlas udmurtskogo yazyka. Karty i kommentarii. Vyp. I Dialektologicheskii atlas udmurtskogo yazyka. Karty i kommentarii. Vyp. II* [Dialectological atlas of the Udmurt language: Maps and comments. Issue II] / R. Sh. Nasibullin, S. A. Maksimov, V. G. Semenov, G. V. Otstavnova. Izhevsk: SIC “Regular and chaotic dynamics”, 2010. Pp. 148–158. In Russian.

Maksimov S. A. Kommentarii k karte “Chesnok” [Comments on the map “Garlic”]. *Dialektologicheskii atlas udmurtskogo yazyka. Karty i kommentarii. Vyp. II* [Dialectological atlas of the Udmurt language: Maps and comments. Issue II]. R. Sh. Nasibullin, S. A. Maksimov, V. G. Semenov, G. V. Otstavnova. Izhevsk: SIC “Regular and chaotic dynamics”, 2010. Pp. 159–163. In Russian.

Migranova E. V. *Bashkiry: Traditsionnaya sistema pitaniya: Istoriko-etnograficheskoe issledovanie* [Bashkirs: The Traditional Food System: A Historical and Ethnographical Research]. 2nd edition, corrected and supplemented. Ufa: Kitap, 2016. 292 p. In Russian.

Mishanov V. I., Pokrovskii A. A. *Pryano-aromaticheskie rasteniya* [Spice-aromatic plants]. Moscow: Agropromizdat, 1991. 287 p. In Russian.

Mullagulov M. G. *Sobiratel'stvo i rybolovstvo u Bashkir* [Wildcrafting and Fishery at Bashkirs]. Ufa: Gilem Publ., 2007, 158 p. In Russian.

Napitki v kul'ture narodov Uralo-Povolzh'ya / Red. E.V. Popova [Drinks in the culture of the peoples of the Volga-Urals region] / Ed. by E.V. Popova]. Izhevsk: UIIYAL UdmFIC UrO RAN. 416 p. In Russian.

Plotnikova A. A. Chesnok [Garlic]. *Slavyanskije drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar': v 5 t.* [Slavic antiquities: Ethnolinguistic dictionary: in 5 vols.]. Ed. by N. I. Tolstoy. Moscow, Moscow: International Relations Publ., 2012. vol. 5. S (Skazka) – Ya (Yashcheritsa) [S (Fairy tale) – Ya (Lizard)]. Pp. 576–579. In Russian.

Pokhlebkina V. V. Vse o pryanostyakh [All about spices]. Moscow: Food Industry, 1974. 207 p. In Russian.

Pokhlebkina V. V. *Pryanosti, spezii, priprav* [Spices, flavourings, condiments]. Moscow: Eksmo, 2015. 328 p. In Russian.

Popova E. V. Napitki tradicionnoj narodnoj kuhni v prazdnikah i gastronomicheskikh festivalyakh [Drinks of traditional national cuisine on holidays and at gastronomic festivals]. *Napitki v kul'ture narodov Uralo-Povolzh'ya* / Red. E.V. Popova [Drinks in the culture of the peoples of the Volga-Urals region] / Ed. by E.V. Popova]. Izhevsk: UIIYAL UdmFIC UrO RAN. Pp. C. 97–121. In Russian.

Puzyp'ov N. A., Tuganaev V. V. *Dikorstushie s'edobnye rasteniya Udmurtii (kharakteristika, zagotovka, khranenie, ispol'zovanie)* [Wild edible plants of Udmurtia (characteristics, harvesting, storage, use)]. Izhevsk: Udmurtian University Press, 1991. 33 p. In Russian.

Rastitel'nye resursy SSSR. Tsvetkovye rasteniya, ikh khimicheskii sostav, ispol'zovanie; Semeistva Magnoliaceae – Limoniaceae [Flowering plants, their chemical composition and use; Families Magnoliaceae – Limoniaceae] Leningrad: Nauka, 1985. In Russian.

Sokolov S. V., Tuganaev V. V. *Biologicheskoi nimkyl'esyn kylbugor = Slovar' biologicheskikh terminov* [Dictionary of biological terms]. Edited by S. V. Sokolov. Izhevsk, Udmurtiya, 1994. In Udmurt und in Russian.

Suntsova N. Yu. Etnobotanicheskie aspekty ispol'zovaniya udmurtami rastenii i gribov (na primere XIX – nachala XX vv.) [Ethnobotanical aspects of the use of plants and mushrooms by the Udmurts (on the example of the XIX – early XX centuries)]. *Novye i netraditsionnye rasteniya i perspektivy ikh ispol'zovaniya: Materialy V Mezhdunarodnogo simpoziuma, 9–14 Iyunya 2003 g.* [New and non-traditional plants and perspectives for using them: Materials of the 5th International Symposium, June 9th – 14th, 2003]. Moscow: Publishing house of the Peoples' Friendship University of Russia, 2003. Vol. 3. Pp. 472–474. In Russian.

Suntsova N. Yu. *Ekologo-biologicheskii analiz i istoriya ispol'zovaniya resursnykh rastenii, a takzhe gribov i lishainikov Udmurtii* [Ecological and biological analysis and history of use of resource plants, as well as mushrooms and lichens of Udmurtia]. Izhevskaya gosudarstvennaya sel'skokhoziaistvennaya akademiya. Avtoref. dis. ... kand. biol. nauk. Ufa, 2005. In Russian.

Suntsova N. Yu. Rasteniya i griby, ispol'zuemye udmurtami i besermyanami v prigotovlenii napitkov [Beverage plants and mushrooms of the Udmurts and the Besermyan]. *Napitki v kul'ture narodov Uralo-Povolzh'ya* / Red. E. V. Popova [Drinks in the culture of the peoples of the Volga-Urals region]. / Ed. by E. V. Popova]. Izhevsk: UIIYAL UdmFIC UrO RAN. Pp. 11–27. In Russian.

Suntsova N. Yu. Griby i dikorastushie rasteniya v sisteme pitaniya udmurtov [Mushrooms and wild plants in the Udmurts' food system]. *Sovremennaya udmurtskaya kul'tura* [Contemporary Udmurt culture]. Tom 1. Tallinn: Tallinn University Press, 2020. Pp. 281–324. In Russian.

Tarakanov I. V. *Udmurtsko-tyurkskie yazykovye vzaimosvyazi: Teoriya i slovar'* [Udmurt-Turkic language interrelations: Theory and the dictionary]. Izhevsk: Publishing House Udm. University Publ., 1993. 170 p. In Russian.

Trofimova E. Ya. Sistema pitaniya [System of meal]. *Udmurty: istoriko-etnograficheskie ocherki* [Udmurts: historical and ethnographic essays]. Izhevsk: UIIIaL UrORAN, 1993. Pp. 149–164. In Russian.

Tuganaev V. V., Tuganaev A. V., Grishkina M. V., Suntsova N. Yu. *Materialy k istorii agroekosistem Vyatsko-Kamskogo Predural'ya (Materialy k kursu "Selskokhoziaistvennaya ekologiya")* [Materials to the History of Agroecosystems in the Vyatka-Kama Pre-Urals (Materials for the course "Agricultural Ecology")]. Izhevsk: Udmurt State University, 2006. 46 p. In Russian.

Usacheva M. N., Arkhangel'skii T. A., Biriuk O. L., Ivanov V. A., Idrisov R. I. *Tezaurus besermyanskogo narechiya. Imena i sluzhebnye chasti rechi (govor derevni Shamardan)* [Thesaurus of the Besermyan dialect. Nomina and auxiliaries of speech (the dialect of the village of Shamardan)]. Edit by Usacheva M. N. Moscow: Publishing Solutions, 2017. In Russian.

Usacheva V. V. Luk [Onion]. *Slavyanskije drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar': v 5 t.* [Slavic antiquities: Ethnolinguistic dictionary: in 5 vols.]. Ed. by N. I. Tolstoy. Moscow: International Relations Publ., 2004. Vol. 3. K (Krug) – P (Perepelka) [K (Circle) – P (Quail)]. Pp. 140–143. In Russian.

Usacheva V. V. Myata [Peppermint]. *Slavyanskije drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar': v 5 t.* [Slavic antiquities: Ethnolinguistic dictionary: in 5 vols.]. Ed. by N. I. Tolstoy. Moscow: International Relations Publ., 2004. Vol. 3. K (Krug) – P (Perepelka) [K (Circle) – (Quail)]. Pp. 349–350. In Russian.

Yurchenko L. A., Vasilkevich S. I. *Pryanosti i spetsii* [Spices and condiments]. Minsk: Polymya, 1989. 222 p. In Russian.

Received 13.08.2022

Suntsova Nadezhda Jurjevna,

Candidate of Science (Biology), Research Assistant,
National Museum of Udmurt Republic named after Kuzebay Gerd,
287, ul. Kommunarov, Izhevsk, 426034, Russia
e-mail: badjar@mail.ru

Popova Elena Vasilyevna,

Candidate of Science (History), Senior Research Associate,
Udmurt Institute of History, Language and Literature, UdmFRC UB RAS
4, ul. Lomonosova, Izhevsk, 426004, Russia
e-mail: elvpopova@yandex.ru

Г. И. Ульданова

**СОЗДАНИЕ И ОРГАНИЗАЦИЯ КУЙВОЗОВСКОГО (ТОКСОВСКОГО)
ФИНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО РАЙОНА**

История ингерманландских финнов в Советском Союзе полна трудностей и испытаний. Современная историография содержит в себе множество исследований о репрессиях финнов северо-запада России начиная со второй половины 1930-х гг. Но сейчас не существует труда, который бы описывал немного более ранние года их жизни: с 1920-х по первую половину 1930-х гг. До этого момента историография не описывала действия большевиков по отношению к Ингерманландским финнам, за исключением репрессий. Многие исследования посвящены отдельным лицам и их семьям, которые были переселены в другие части Союза. Данная работа посвящена финскому национальному району с центром в д. Куйвози, а впоследствии в пос. Токсово, которые являлись одними из исторических центров проживания ингерманландских финнов. Целью исследования является изучить, как реализовывалась национальная политика Советского Союза на примере финского меньшинства с помощью материалов Токсовского районного совета. В этой статье в основном используются документы, оставленные большевистской партией и местными органами власти. Анализ новых источников проливает свет на неизвестные ранее сведения о взаимоотношениях большевистских властей с местным населением. В работе показано, как Советский Союз пытался организовать жизнь этнических финнов в регионе, столь близко расположенном к Ленинграду – крупному, стратегическому центру страны. Также ситуация осложнялась близостью границы и опасностью коллаборационизма со стороны финнов, ведь по ту сторону реки Сестры жил тот же народ, к которому финны-ингерманландцы были близки по языку и культуре.

Ключевые слова: СССР, Ингерманландские финны, РСДРП(б), национальная политика, Токсовский финский национальный район.

DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-4-681-690

В первой трети XVIII в. Россия завоевала на северо-западе историческую область, которая носила наименование Ингерманландия. В состав страны вновь (после потери данной земли в 1617 г) вошли такие малые финно-угорские народы как, к примеру, водь, ижора. Однако отметим, что за время шведской власти сюда переселилось двумя крупными волнами около 20 тысяч финнов-лютеран. Они приходили изначально из западных приходов Карельского перешейка, а затем, в основном, с севера указанного перешейка и из восточных земель Финляндии. Пришедшие были безземельными крестьянами, на новые территории их влекли плодородные земли, различные привилегии и налоговые льготы [Конькова, Кокко 2009, 7].

На первых порах шведские власти противились стихийной миграции, но пересмотр переселенческой политики произошел во многом из-за разорения новой шведской провинции Ингерманланд многочисленными войнами и оттоком православного населения в русские земли. «Финны-лютеране встретили в Ингерманландии древние прибалтийско-финские народы – ижору и водь. На протяжении последующих веков финны ассимилировали некоторую часть ижор и води, создав новый самостоятельный народ – ингерманландских финнов» [Конькова, Кокко 2009, 8].

После неудачной для России русско-шведской войны 1656-1658 гг. отток православных на Русь увеличился [Kujala, 2016, 545]. На опустевшие земли вновь стало переселяться финское население. К концу XVII в. из примерно 50 тысяч жителей Ингерманландии 72% были финнами, остальные – православными (половину которых составляли ижоры и вожане) [Конькова, Кокко 2009, 8].

В мае 1703 г. был основан Санкт-Петербург, который изначально планировался как столица будущей империи. С этого времени Ингерманландия из пограничной провинции Швеции, которую порой называли «Шведской Сибирью», стала геополитическим центром набирающей силу империи. После присоединения финское крестьянство, жившее здесь уже более столетия, не ушло в Финляндию вслед за духовенством, дворянами и шведской администрацией. Они стали крепостными, но при этом, как считают некоторые ученые, для них сложились новые, благоприятные условия социально-экономического развития. С этого времени на данных землях стремительно менялся этнический состав населения, так как для строительства столицы привозили людей из внутренних губер-

ний России. К 1732 г. из практически 59 тысяч крестьян в Ингерманландии чуть менее 23 тысяч были финнами [Мусаев 2003, 25].

В первой половине XIX века в Ингерманландии зарождается школьное образование на финском языке. Колпанская школа [Каранов 2013, 123–127], которую открыл будущий император Павел I на свои средства в 1782 г., получила в 1800 г. собственное здание. Школа давала лишь самые начальные знания: там учили финский и русский язык, изучали Библию [Чистяков 2004, 110], но писать учили только тех, кто этого хотел. В дальнейшем школы открывались и в других частях региона. К 1888 г. их было уже 38 [Конькова, Кокко 2009, 10].

К тому же росла численность населения: в 1848 г. финнов здесь было 80 тысяч, а в 1897 г. – уже свыше 130 тысяч [Мусаев 2003, 26]. Финны практически повсеместно жили в западной, центральной и северной частях Санкт-Петербургской губернии. Конец XIX – начало XX века стало временем появления финской периодической печати и зарождения литературы на финском языке в Ингерманландии.

На рубеже XIX и XX вв. на землях Ингерманландии усилилась русификаторская политика. В 1913 г. в 229 школах, в которых обучалось 8 тысяч финских детей, основным языком преподавания также стал русский. Роль финского языка в образовательном процессе значительно снизилась, хотя уроки религии проводились, однако, по-фински [Конькова, Кокко 2009, 11].

«Большевистская революция и гражданская война развели финнов-ингерманландцев по разные стороны баррикад. Часть была в стане большевиков, поддавшись на страстную агитацию укrywшихся в Советской России «красных финнов» — в Петрограде их было около 6 тысяч. Другие крестьяне взяли за оружие после большевистских экспроприаций продовольствия и скота осенью 1918 г.» [Конькова, Кокко 2009, 13]. Так в сражениях 1919 г. за Петроград в состав белой армии входили отряды ингерманландских финнов [Таргяйнен 2001]. В результате Гражданской войны и образования новых государств на территории бывшей Российской империи финны-ингерманландцы оказались разделены между разными странами, многие мигрировали.

После утверждения Советской власти «в 1920-е годы в Ингерманландии действительно началось национальное строительство» [Конькова, Кокко 2009, 14]. При губернском отделе народного образования был сформирован финский отдел, который организовал переход на финский язык преподавания в начальных школах в районах с преобладанием финского населения. Создавались учебные программы, издавались учебники.

На месте их компактного проживания, к северу от Ленинграда, был образован исследуемый нами Куйвозовский финский национальный район в 1927 г. Хотя исторически финны-ингерманландцы проживали на всей территории Ингерманландии, а не только на земле от северных границ Ленинграда до реки Сестры. Население района на 6 января 1928 г. составляло 20 136 человек, из них 19 126 человек были финнами [ЛОГАВ. Ф. 3168. Оп. 1. Д. 29. Л. 5].

История образования района тесно связана с изменением административно-территориального деления Советского государства. Постановление XII съезда РКП(б) 1923 г., основанное на докладе А. И. Рыкова «О районировании», дало старт административно-территориальной реформе СССР 1923–1929 гг. Было решено полностью отказаться от структур, доставшихся в наследство от Российской империи. Старые небольшие губернии заменялись на крупные области. Последние же разделялись на округа, которые были больше чем существовавшие ранее уезды. А уже округ делился на район, также более крупный по размеру чем волость. Самым низшей инстанцией стал сельсовет.

Стоит отметить, что в 1926 г. была образована Северо-Западная область в РСФСР, в состав которой входило 5 губерний: Ленинградская, Череповецкая, Новгородская, Мурманская, Псковская. С 1 августа 1927 г. эта область была переименована в Ленинградскую. В ней было 9 округов, разделявшихся дальше на 140 районов.

Разделяли районы преимущественно по экономическому принципу с определением достаточного количества квалифицированных кадров. Последних не хватало, поэтому получились достаточно крупные единицы. Но недостатки в управлении столь большими образованиями выявились сразу и к 1930 г. стал вопрос о разукрупнении. К тому же было принято решение отказаться от округов. Остались лишь области, в которые входили районы, разделяемые на сельсоветы. В результате многочисленных административно-территориальных преобразований 1930-х гг. Ленинградская область в своей основе приобрела границы, которые более похожие на современные. [Как создавалась Ленинградская область].

30 октября 1930 г. центр Куйвозовского района был перенесен из д. Куйвози в дачный поселок Токсово, а меньше чем через 4 месяца, в феврале 1931 г. Куйвозовский район был преобразован в национальный финский район. Однако новое название, Токсовский, район получил только в 1936 г. Как известно, указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 22 февраля 1939 г. упразднены созданные по национальному признаку административно-территориальные единицы. Токсовский район был упразднен с передачей его территорий в состав Парголово-Парголовского района [Архивы Ленинградской области].

Получается, что рассматриваемый в данной работе Куйвозовский финский национальный район сформировался в результате нового административно-территориального деления, с учетом компактного проживания финнов вблизи Ленинграда, которое сложилось в следствии описанных выше событий.

Необходимо уделить особое внимание общим тенденциям развития национальной политики РСФСР, а позднее и СССР. Прежде всего стоит сказать, что политика большевиков первоначально была нацелена на стимулирование национального сознания этнических меньшинств и образования для этих меньшинств институциональных форм, которые были бы характерными для национального государства. Национальный язык на таких территориях объявлялся официальным, во многом эта мера объяснялась тем, что родной язык сделает власть Советов понятной и доступной [Мартин 2002, 56].

Такие отношения власти к меньшинствам можно объяснить стремлениями большевиков к сохранению территориальной целостности страны. Как считает немецкий ученый Й. Баберовски: «На национальную политику большевиков на раннем этапе влиял фактор страха перед возможностью повторения неконтролируемых этнических конфликтов, потрясших империю в 1914–1921 гг. Дореволюционный режим отстранил элиты имперской периферии от управления, потребовав от них безоговорочного подчинения имперской гегемонии. Во многом благодаря этому революция на окраинах многонациональной империи вылилась в бунт лишенных культурной самостоятельности меньшинств. В условиях множества межэтнических конфликтов не стоило и надеяться, что «чужаки» признают друг в друге друзей. Ведь без опоры на местные языки и традиции революционная программа по очистке сознания подданных от старого содержания и наполнению его новым осталась бы пустым обещанием» [Баберовски 2006, 191]. С методами управления Российской империи на окраинах можно подискутировать, но национальные конфликты, действительно имевшие место на окраинах империи, серьезно обострились в условиях Первой Мировой войны и революций 1917 г.

Такое направление национальной политики во многом согласовывалось с правом нации на самоопределение – всем известным лозунгом, провозглашенным В. И. Лениным. Однако большинство национальностей бывшей Российской империи были вынуждены реализовывать это право в рамках Советского Союза. При этом высшее руководство СССР (в лице В. И. Ленина и И. В. Сталина) было уверено, что позиции национализма будут крепки еще долгое время, так просто не уступив обращение к классам вместо обращения к нациям.

Как считают некоторые исследователи [Martin 2001; Lieven 2003], через образование национальных территорий и «агрессивное стимулирование символических маркеров национальной идентичности (фольклор, музеи, костюмы и т.д.)» советская власть пыталась в долгосрочной перспективе обеспечить мирное сосуществование различных национальных идентичностей с постепенно образующейся общесоюзной социалистической культурой, которая в будущем вытеснит существовавшие прежде национальные культуры. Национальная идентичность должна была быть деполитизирована показным проявлением уважения.

Однако мы не можем пройти мимо такого очевидного факта, что по сути своей советская национальная политика не предусматривала создание федерации, если этот термин обозначает что-то большее, чем простое образование административных территорий по национальным границам. Несмотря на то, что конституционно оформленное в 1922–23 гг. сообщество было названо федерацией, оно на самом деле сосредотачивало все полномочия по принятию решений в центре. Тем не менее, в республиках были созданы различные правительственные структуры, включая собственные Совнаркомы, несколько независимых комиссариатов, на Украине даже собственное Политбюро.

Так в каком же состоянии был Куйвозовский финский национальный район на момент своего формирования? Как в нем проявлялась национальная политика большевистского правительства?

На первый вопрос во многом дает ответ характеристика на Куйвозовский финский район, составленная подотделом по нацменьшинствам Ленинградского областного комитета КПСС [ЦГАИПД

СПб. Ф. 24. Оп. 8. Д. 139.]. В нем записано, что национальный район, граничивший на севере с буржуазной Финляндией, занимал площадь около 2 250 кв. километров с населением около 21 тысячи человек. Громадное большинство населения района (95 % от общего числа) составляли финны, остальные русские и другие, которые были вкраплены среди основного населения. Аппарат Районного исполнительного комитета (РИК), который обслуживал 154 деревни, представляющие 20 Сельсоветов, состоял из: Президиума РИК – 5 человек, технического персонала – 11 человек, милиции – 5 человек и Угрозыска – 1 человек. Как выяснилось из представленных в распоряжение Областкома материалов и бесед с отдельными работниками, РИК в общем и целом работал удовлетворительно. Президиум РИК с 1-го октября по 15-е декабря 1927 г. заседал 15 раз [ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 8. Д. 139. Л. 1.]. Также с определенной периодичностью проводились пленумы РИК.

Поскольку Куйвозовский район являлся местом компактного проживания финского населения, партию беспокоило, в какой степени был реализован финский язык в советском строительстве, а также как обеспечен прием письменных и устных обращений крестьян финнов (в большинстве своем не владеющих русским языком) со стороны РИК и Сельсоветов.

По данному поводу было сделано следующее заключение: со стороны РИК прием устных обращений на финском языке был вполне обеспечен. Из 5 членов Президиума РИК все владели финским языком. Заседания Президиума и Пленума РИК велись, как правило, на финском языке. Из 11 человек технического персонала только двое не знали финского языка, из пяти человек милиции, кроме делопроизводителя, все разговаривали на языке местного населения. Очень слабо был организован прием устных обращений на финском языке в лечебно-амбулаторных пунктах и совсем плохо в агрономическом участке и Угрозыске, где работали «русские» работники, совсем не владевшие финским языком. Что касалось приема письменных обращений на финском языке, то это аппаратом РИК было обеспечено, но ответы на бумаги, посланные Сельсоветами на финском языке, РИК давал на русском. Не трудно представить какие это создавало трудности. [ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 8. Д. 139. Л. 1 об.].

В документе указывалось, что громадное количество людей в сельсоветах – финны, которые все документы производили на финском, а русским владели очень слабо и составлявшие данный отчет отдельно заострили на этом внимание. На их вопрос местной администрации о том, как они понимают инструкции и постановления РИК, составленные на русском языке, последовал ответ, что часто приходится разбирать такие бумаги сообща, обращаться к помощи учителей и что это очень затрудняет процесс. Делался вывод, что это вело не только к тому, что «инструкция может быть понята неправильно, но и к безусловному задерживанию выполнения распоряжений вышестоящих советских органов» [ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 8. Д. 139. Л. 2.].

Причины этого докладчики видели в том, что, во-первых, технические работники РИК хотя владели финским языком хорошо, но, оказалось, что пишут по-фински плохо и неграмотно, во-вторых, в РИК не было машинки на финском алфавите и даже при наличии машинки, им трудно было бы подыскать машинистку, знавшую два языка, за существующую тогда ставку. Также затруднительно было подыскать грамотных технических работников, ввиду тяжелых квартирных и материальных условий. В итоге в докладе пришли к выводу о том, что любые меры по улучшению работы РИКа, которые повлекут увеличение расходов, должны быть предусмотрены при рассмотрении бюджета Куйвозовского РИК [ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 8. Д. 139. Л. 2 об.].

В дальнейшей характеристике обозначалось, что при сельсовете функционировали сельскохозяйственная и культурно-просветительная комиссии, а также по благоустройству. «Сельсоветы стоят достаточно близко к населению, зачастую правильно отражают его интересы; конечно этому способствует и облегчает постановка работы на родном, понятном населению языке» [ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 8. Д. 139. Л. 3.]. Хотя отмечалось, что Куйвозовский районный исполнительный комитет, как все остальные РИКи, вел переписку с вышестоящими органами на русском языке.

Как известно, большую роль для любого меньшинства играют местные школы, а также язык преподавания в них. В характеристике сообщалось, что на территории Куйвозовского района работала сеть из 42 школ, из них 2 школы семилетки и 40 школ 1-й ступени, из которых одна трехкомплексная, 13 двухкомплексных, 26 однокомплексных. При этом обозначалось, что только одна школа русская, а все остальные финские. Приводится и статистика: примерно 85% финских детей посещали школу.

Для данных школ существовали и проблемные моменты. Большое место школьной жизни, как это обозначалось в докладе, состояло в том, что дети поздно приходили и рано уходили из школы.

Это объяснялось специфическим явлением для данного района, которое заключается в том, что дети нанимались в пастушки и им приходилось оставлять школу.

Описывая благосостояние детей, докладчик указывал на тяжелые условия жизни, отсутствие охраны детского труда. Данный момент обозначался как очень важный вопрос, наравне с замечанием о том, что преподавание русского языка поставлено не на должную высоту. Это связано с тем, что учителя очень слабо знают язык. В характеристике указано, что была слабо организована работа в области самоуправления учащихся и плохо развивалось движение пионеров на территории Куйвозовского района [ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 8. Д. 139. Л. 3 об.].

Касаясь сельского хозяйства, докладчик говорит о сильном ущербе, понесенном за годы гражданской войны и революции. Однако отмечалась и тенденция к восстановлению на основании приведенной статистики. Указывалось, что на территории района преобладала *отрубная и хуторная* система землепользования. В системе хозяйства трехполье сохранилось на 20–25%. При этом многополье было введено только на 10%. В остальных хозяйствах преобладала четырехпольная система [ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 8. Д. 139. Л. 4.].

Продолжая характеристику сельского хозяйства, автор писал о том, что район малоземельный. К тому же он отмечал отсутствие изучения и учета расслоения в деревне, а также деятельности по организации бедноты. В докладе приводилась информация о недостаточной заинтересованности РИКа в решении данных вопросов. Хотя при этом обозначалось то, что и сельсоветы упустили из виду важность этой цели.

Отмечались значительные успехи кооперации на территории района за последнее время. Об этом свидетельствовало то, что здесь совершенно изжита частная торговля¹. Большим вопросом являлась концентрация в Куйвозовском районе большого количества безземельных-резвакуированных из Финляндии [ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 8. Д. 139. Л. 4 об.].

В конце характеристики написано: «ознакомление с состоянием советской работы в Куйвозовском районе позволяет сделать вывод, что организация национального финского района оправдала себя полностью». В отчете пришли также к заключению, что советская власть в этом районе близко стоит к населению и работает удовлетворительно по поднятию экономического и культурного уровня крестьян. А дальнейшая задача вышестоящих органов, то есть областных и окружных, – это всемерно поддерживать мероприятия Куйвозовского РИК и Сельсоветов, направленные на последующие улучшения благосостояния данного района [ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 8. Д. 139. Л. 5].

В данной характеристике мы видим основные пункты, которые интересовали Областной комитет (Областком) относительно организации района. Первый, и, как нам кажется, самый важный пункт, занимающий наибольшее количество места, – это состояние финского языка. Было важно, чтобы состав РИК и Сельсоветов был таким, чтобы существовала возможность полноценного общения между властью и крестьянством, где последнее преимущественно не говорит по-русски. В Куйвозовском районе, если верить характеристике, проблем с этим не существовало.

На настоящий момент документы, оставшиеся после Токсовского районного совета (райсовет) и его исполнительного комитета (РИКа), хранятся в Ленинградском областном государственном архиве в г. Выборге. В этих материалах содержится более подробная характеристика района: организация, национальная политика, населения. Политику большевистской власти на местах можно проследить на примере плана работы Хиппелимягского сельского совета (сельсовета) на октябрь – апрель 1928–1929 гг. [ЛОГАВ. Ф. 3168. Оп. 1. Д. 23. Л. 3–6 с об.]. План был достаточно типичным по структуре и содержанию и для других сельсоветов.

Осенью 1928 г. сельсоветы переизбирали свой состав, стараясь привлечь в его работу как можно большее количество крестьян. Важно отметить, что в это время производилось прикрепление по одному члену сельсовета к учреждениям и общественным организациям для присутствия их на заседаниях и совещаниях. Это делалось, как пишется в плане, для того, чтобы после выступлений с докладами руководителей этих заведений был заслушан и содоклад прикрепленного члена сельсовета. Подчеркивается, что последний предварительно должен провести обследование учреждения или организации, к которой он прикреплен.

¹ Однако, как нам кажется, к этой информации стоит подходить с осторожностью, поискав сведения из дополнительных источников.

Однако этим не ограничивалось взаимодействие между организациями и сельсоветом: прикрепленный член должен был на заседаниях комиссии сельсовета информировать о нуждах учреждений. При этом заранее Районным исполнительным комитетом ограничено какими это могут быть нужды и для какого конкретного учреждения.

В плане сельсовета уделялось внимание усилиям по своевременному сбору налогов, по учету военнообязанных граждан и их явки на военную службу. Существовали планы по обследованию и выявлению нужд школ, организации подписки на газеты и журналы. В будущем ставили задачу проводить мероприятия по улучшению сельского хозяйства: организация сельскохозяйственных курсов в зимнее время, с уклоном на многопольный севооборот и на выращивание посевных трав и корнеплодов, а также различные доклады о пользе искусственных удобрений.

Перед сельсоветом стояла задача втянуть во все виды кооперации возможно большее количество населения и помочь кооперативу в работе, провести правильный отпуск лесных материалов населению, способствовать борьбе с самовольной вырубкой леса. В плане прописана и помощь по повышению эффективности деятельности кресткомов (крестьянских комитет взаимопомощи) путем подготовки докладов на общих собраниях граждан. Ставил сельсовет себе цель и «по оказанию непосредственной помощи в организации различных заводов, станков и т.п.» [ЛОГАВ. Ф. 3168. Оп. 1. Д. 23. Л. 5].

Стоит отдельно обратить внимание на план работы Лемболовского сельского совета, так как здесь приведена небольшая характеристика местного крестьянства. В ней подчеркивается расслоение крестьянства: «большинство середняков, меньше бедняков, а зажиточные только некоторые». При этом культурный уровень населения низок [ЛОГАВ. Ф. 3168. Оп. 1. Д. 23. Л. 42].

Сохранился также и план работы Куйвозовского Районного исполнительного комитета за октябрь-март 1928–1929 гг., то есть общий для всех сельсоветов. В нем особый интерес представляет раздел по работе с национальным меньшинством. Самая главная задача – это обеспечить работу района на родном языке меньшинства (финском).

Что же было необходимо сделать для решения задачи, обозначенной в плане ?

- Подбирать работников во все учреждения и организации района из представителей национального меньшинства – финнов;
- Продолжать выписку периодических изданий финского издательства «Кирья» по советскому строительству, сельскому хозяйству, народному образованию и пр., а также финской газеты «Вапаус» для советов, больниц и школ;
- Освещать работу районного исполнительного комитета, ударных кампаний и т.д. в финской печати;
- Продолжать работу по переходу ведения делопроизводства РИКа и сельских советов на финский язык – для чего просить Президиум ОКРИКа (Окружной исполнительный комитет) изыскать средства на повышение ставки переводчика и пополнение штата машинисткой-финкой, а также на приобретение пишущей машинки с финским шрифтом, чтобы иметь возможность вести всю переписку с сельскими советами, школами и др. подведомственными учреждениями на родном языке;
- Проводить все собрания, совещания и заседания на финском языке [ЛОГАВ. Ф. 3168. Оп. 1. Д. 23. Л. 11].

Достаточно большое внимание в плане для всего района уделено школьному образованию. Приводился отчет об открытии двух новых школ, признавалась желательным организация временной мастерской для снабжения школ недостающей классной мебелью (партами, классными досками, столами, стульями и т.п.). Согласно инструкции Окружного здравотдела, районные власти стремились придерживаться планового обследования школ 2 раза в год на предмет тщательной проверки быта и здоровья учащихся, а также закончить работу по обследованию здоровья батрачества и подростков.

В области здравоохранения по плану было необходимо окончательно установить твердые территориальные границы обслуживания отдельными больницами района, руководствуясь радиусом селений и их тяготением к тем или иным больницам. Также из-за наблюдающейся перегруженности в работе персонала некоторых больниц и во избежание переработок, совместно с заведующими учреждений выработывались новые правила внутреннего распорядка, рационализируя распределение обязанностей по работе отдельных специальностей. Указывалось на необходимость увеличения или уменьшения штата в зависимости от ситуации на местах. [ЛОГАВ. Ф. 3168. Оп. 1. Д. 23. Л. 13 об. –14].

Помимо указанных планов, в фондах архивов Российской Федерации сохранилось еще множество других материалов о деревне Куйвози и её окрестностях, требующих внимательного изучения. Таким образом, рассматриваемый нами Куйвозовский (Токсовский) финский национальный район – один из ярчайших примеров деятельности национальной политики большевиков в конце 1920-1930 гг. В первые годы своего существования на его территории применялась практика поощрения распространения финского языка и культуры, правда, в рамках строительства советского государства.

Однако земли национального района – это пограничная зона, по другую сторону границы также жили финны, что рождало у центральной власти СССР опасения в коллаборационизме, особенно в рамках сложившейся в конце 1930х гг. политической ситуации. К тому же общее направление национальной политики большевиков к середине 1930х гг. стало подвергаться серьезным изменениям. В итоге в период коллективизации стали осуществляться первые притеснения, в том числе финнов, когда их стали насильственно выселять на строительство Беломорского канала и на Кольский полуостров. Лютеранские приходы подвергались гонениям уже в 1920е гг., однако полностью были уничтожены только в 1939 г.

Двумя волнами в 1935-1936 и в 1937-1938 гг. финны уже массово выселялись не только с территории Токсовского района, но и со всей Ленинградской области. На данный момент существует множество работ, посвященных этой трагической странице в истории финского меньшинства в России [Гильди 2003; Гильди, 2006; Риехкалайнен 2009; Кирьянен, Лабудин, Самодуров 2017, Gelb 1996].

Во время Великой Отечественной войны депортации из пограничных зон продолжались [Шлыгина 1996, 138–142], а уже после её завершения финнам не разрешали селиться в Ленинграде и его области без орденов и медалей, полученных на войне [Мусаев 2003, 280–281]. Конечно, начиная с времен правления Н.С. Хрущева, жизнь финнов в Ингерманландии, то есть на северо-западе современной России, налаживается. Однако с каждым годом становится все меньше и меньше тех, кто причисляется себя к финнам ингерманландцам, многие из них говорят только по-русски, а если и используют финский язык, то литературный, как в Финляндии, а совсем не ингерманландские, характерные для Ленинградской области, диалекты. Получается, что они выбирают одну из двух сторон: либо Россию, либо Финляндию [Mahonen T., Varjonen S., Prindiville N., Arnold L., Jasinskaja-Lahti I. 2009, 126–134].

ЛИТЕРАТУРА

- Архивы Ленинградской области. Историческая справка к Ф. 3168 ГКУ ЛОГАВ. URL: <https://archiveslo.ru/archives/logav/stocks/16087> (дата обращения: 09.11.2022)
- Баберовски Й.* Сталинизм и нация: Советский Союз как многонациональное государство, 1917-1953 // *Ab Imperio*. 2006. № 1. С. 177–196.
- Гильди Л. А.* Народ изгой в России. СПб., 2006. 293 с.
- Гильди Л. А.* Судьба «социально-опасного» народа. (Засекреченный геноцид финнов в России и его последствия. 1930-2002 гг.). СПб., 2003. 504 с.
- Как создавалась Ленинградская область. 1928–1932. [Электронный ресурс] URL: <https://spbarchives.ru/lenobl> (дата обращения: 09.11.2022).
- Каранов Д. П.* Колпанская учительско-кистерская семинария и ее роль в истории финнов Санкт-петербургской губернии // *Образование: ресурсы развития. Вестник ЛОИРО*. № 1. СПб., 2013. С. 123–127.
- Кирьянен А. И., Лабудин А. В., Самодуров А. А.* Ингерманландские финны: трудная история // *Управленческое консультирование*. М., 2017. № 5 (101). С. 130–141.
- Конькова О. И., Кокко В. А.* Ингерманландские финны. Очерки истории и культуры. СПб., 2009. 164 с.
- Мартин Т.* Империя позитивного действия: Советский Союз как высшая форма империализма? // *Ab Imperio*. 2002. № 2. С. 55–88.
- Мусаев В. И.* Политическая история Ингерманландии в конце XIX–XX веке. СПб., 2003. 450 с.
- Риехкалайнен Ю.* Ингерманландские финны. История и судьба. Петрозаводск, 2009. 173 с.
- Таргайнен М. А.* Ингерманландский излом: Борьба ингерманландских финнов в гражданской войне на Северо-Запад России (1918–1920 гг.). СПб., 2001. 361 с.
- Чистяков А. Ю.* Лютеранская церковь и формирование этнической культуры ингерманландских финнов в XIX–XX вв. // *Вестник СПбГУ. Серия 2. История*. Вып. 3–4. СПб., 2004. С. 109–119.
- Шлыгина Н. В.* Финляндская литература о переселении финнов-ингерманландцев на территорию Финляндии в годы II мировой войны // *Этнографическое обозрение*. М., 1996. № 5. С. 138–142.

Gelb M. The Western Finnic Minorities and the Origins of the Stalinist Nationalities Deportations // Nationalities Papers. Vol. 24. № 2. 1996. P. 237–268.

Kujala A. Sweden's Russian Lands, Ingria and Kexholm Province, 1617–ca. 1670: The Interaction of the Crown with Its New Subjects // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Vol. 4. 2016. Pp. 545–574.

Lieven D. Empire: The Russian Empire and Its Rivals. London: Pimlico, 2003. 486 p.

Martin T. The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. London: Cornell university press, 2001. 496 p.

Mahonen T., Varjonen S., Prindiville N., Arnold L., Jasinskaja-Lahti I. Boundaries of national belonging in Ingrian Finnish return migration: a multi-level perspective // *Nordic journal of migration research*. 2009. vol. 5. no 3. P. 126–134.

Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб).

Ф. 24. Ленинградский областной комитет КПСС. Смольнинский район, Ленинград. 1927–1991 ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 8. Д. 139. Л. 1–5.

Ленинградский областной государственный архив в г. Выборге (ЛОГАВ).

Ф. 3168. Токсовский районный Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Ленинградской области. Исполнительный комитет. пос. Токсово, Ленинградская область. 1927–1939

ЛОГАВ. Ф. 3168. Оп. 1. Д. 23. Л. 3 – 6 с об., 11, 42.

ЛОГАВ. Ф. 3168. Оп. 1. Д. 24. Л. 6 с об., 15–18 с об., 200–205 с об.

ЛОГАВ. Ф. 3168. Оп. 1. Д. 29. Л. 5.

ЛОГАВ. Ф. 3168. Оп. 1. Д. 41. Л. 81 с об.

Поступила в редакцию 13.08.2022

УльдANOва Галия Ильдусовна

Главный специалист

Отдела информации и научного использования документов

Российского государственного исторического архива

E-mail: galiya251@gmail.com

G.I. Uldanova

KUIVOZOVSKY (TOKSOVSKY) FINNISH NATIONAL DISTRICT

DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-4-681-690

The history of the Ingrian Finns in the Soviet Union has been very dramatic and difficult. Today historiography has a lot of research about violence against the Finnish minority since the second half of the 1930s. But there is no paper which describes the earlier years of their life: from 1920s to the first half of 1930s. Up to this point, historiography did not describe the actions of the Bolsheviks in relation to the Ingrian Finns, except for repression. Many studies focus on individuals and their families who have been resettled in other parts of the Union. This work is devoted to the Finnish national district with the center in the village of Kuivozi, and later in the village of Toksovo, which were one of the historical centers of residence of the Ingrian Finns. The aim of the study is to explore how the national policy of the Soviet Union was implemented on the example of the Finnish minority with the help of materials from the Toksovsky District Council. This article mainly uses documents left by the Bolshevik Party and local authorities. The analysis of new sources sheds light on previously unknown information about the relationship of the Bolshevik authorities with the local population. The paper shows how the Soviet Union tried to organize the life of ethnic Finns in a region so close to Leningrad – a large, strategic center of the country. The situation was also complicated by the proximity of the border and the danger of collaboration on the part of the Finns, because on the other side of the Sestra River lived the same people to whom the Ingrian Finns were close in language and culture.

Keywords: Soviet Union, Ingrian Finns, Bolshevik`s party, national policy, Finnish National District in Toksovo.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2022, vol. 16, issue 4, pp. 681–690

REFERENCES

- Arkhivy Leningradskoi oblasti. Istoricheskaya spravka k F. 3168 GKU LOGAV. [Archives of the Leningrad Region. Historical reference to F. 3168 GKU LOGAV.]. [Electronic resource]. URL: <https://archiveslo.ru/archives/logav/stocks/16087> (accessed: 09.11.2022).
- Baberovski J.** Stalinizm i natsiya: Sovetskii Soyuz kak mnogonatsional'noe gosudarstvo, 1917–1953 [Stalinism and the Nation: The Soviet Union as a Multinational State, 1917–1953]. *Ab Imperio*, 2006, no 1, pp. 177–196. In Russian.
- Chistjakov A.Ju.** Lyuteranskaya tserkov' i formirovanie etnicheskoi kul'tury ingermanlandskikh finnov v XIX–XX vv. [The Lutheran Church and the formation of the ethnic culture of the Ingermanland Finns in the XIX–XX centuries]. *Vestnik SPbGU* [Journal of Saint-Petersburg State University], Series 2, History, vol. 3–4, Saint-Petersburg, 2004. pp. 109–119.
- Gelb M.** The Western Finnic Minorities and the Origins of the Stalinist Nationalities Deportations. *Nationalities Papers*, Vol. 24, no 2, 1996, pp. 237–268.
- Gil'di L.A.** *Narod izgoi v Rossii* [The outcast people in Russia]. Saint-Petersburg, 2006. 293 p. In Russian.
- Gil'di L.A.** *Sud'ba «sotsial'no-opasnogo» naroda. (Zasekrechennyi genotsid finnov v Rossii i ego posledstviya. 1930–2002 gg.)* [The fate of the "socially dangerous" people. (The secret genocide of the Finns in Russia and its consequences. 1930–2002)]. Saint-Petersburg, 2003. 504 p. In Russian.
- Kak sozdavalas' Leningradskaya oblast' [How the Leningrad Region was created]. 1928–1932. [Electronic resource] URL: <https://spbarchives.ru/lenobl> (accessed: 09.11.2022).
- Karanov D.P.** Kolpanskaya uchitel'sko-kisterskaya seminariya i ee rol' v istorii finnov Sankt-peterburgskoi gubernii [Kolpan teacher-kuester Seminary and its role in the history of the Finns of the St. Petersburg province]. *Obrazovanie: resursy razvitiya. Vestnik LOIRO* [Education: development resources. Journal of the Leningrad regional institute of education development], no 1, Saint-Petersburg, 2013, pp.123–127. In Russian.
- Kir'janen A.I., Labudin A.V., Samodurov A.A.** Ingermanlandskie finny: trudnaya istoriya [Ingermanland Finns: A difficult story]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie* [Management consulting], no 5 (101), Moscow, 2017, pp. 130–141. In Russian.
- Kon'kova O.I., Kokko V.A.** *Ingermanlandskie finny. Ocherki istorii i kul'tury.* [Ingermanland Finns. Essays on history and culture]. Saint-Petersburg, 2009. 164 p. In Russian.
- Kujala A.** Sweden's Russian Lands, Ingria and Kexholm Province, 1617 – ca. 1670: The Interaction of the Crown with Its New Subjects. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, 2016, vol. 64, no 4, pp. 545–574.
- Lieven D.** *Empire: The Russian Empire and Its Rivals.* London: Pimlico, 2003. 486 p.
- Mahonen T., Varjonen S., Prindiville N., Arnold L., Jasinskaja-Lahti I.** Boundaries of national belonging in Ingrian Finnish return migration: a multi-level perspective. *Nordic journal of migration research*, 2009, vol. 5, no 3. pp. 126–134.
- Martin T.** Imperiya pozitivnogo deistviya: Sovetskii Soyuz kak vysshaya forma imperializma? [Empire of Positive Action: The Soviet Union as the highest form of imperialism?]. *Ab Imperio*, 2002, no 2, pp. 55–88. In Russian.
- Martin T.** *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1339.* London: Cornell university press, 2001. 496 p.
- Musaev V.I.** *Politicheskaya istoriya Ingermanlandii v kontse XIX – XX veke* [Political history of Ingermanland in the late XIX–XX century]. Saint-Petersburg., 2003. 450 p. In Russian.
- Riekkalajnen Ju.** *Ingermanlandskie finny. Istoriya i sud'ba* [Ingermanland Finns. History and fate]. Petrozavodsk, 2009. 173 p. In Russian.
- Shlygina N.V.** Finlyandskaya literatura o pereselenii finnov-ingermanlandtsev na territoriyu Finlyandii v gody II mirovoi voiny [Finnish literature on the migration of Finns-Ingermanlanders to the territory of Finland during World War II]. *Etnograficheskoe obozrenie* [The ethnographic review], no 5, Moscow, 1996. pp. 138–142. In Russian.
- Targajnen M.A.** *Ingermanlandskii izlom: Bor'ba ingermanlandskikh finnov v grazhdanskoi voine na Severo-Zapad Rossii (1918–1920 gg.)* [Ingermanland Fracture: The Struggle of the Ingermanland Finns in the Civil War in the North-West of Russia (1918–1920)]. Saint-Petersburg, 2001. 361 p. In Russian.
- Central'nyj gosudarstvennyj arhiv istoriko-politicheskikh dokumentov Sankt-Peterburga [Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg] (CGAIPD SPb).
- F. 24. Leningradskii oblastnoi komitet KPSS. Smol'ninskii raion, Leningrad. 1927–1991 [Leningrad regional Committee of the CPSU. Smolninsky district, Leningrad. 1927–1991] CGAIPD SPb. F. 24. Op. 8. D. 139. 1–5 l.
- Leningradskij oblastnoj gosudarstvennyj arhiv v g. Vyborg [Leningrad Regional State Archive in Vyborg] (LOGAV).

F. 3168. Toksovskii raionnyi Sovet rabochikh, krest'yanskikh i krasnoarmeiskikh deputatov Leningradskoi oblasti. Ispolnitel'nyi komitet. pos. Toksovo, Leningradskaya oblast'. 1927–1939 [Toksovsky district Council of workers', peasants ' and red army deputies of the Leningrad region. Executive Committee of the village Toksovo, Leningrad region. 1927–1939]

LOGAV. F. 3168. Op. 1. D. 23. 3–6 s ob., 11, 42 l.

LOGAV. F. 3168. Op. 1. D. 24. 6, 15–18, 200–205 l

LOGAV. F. 3168. Op. 1. D. 29. 5. l

LOGAV. F. 3168. Op. 1. D. 41. 81 l

Received 13.08.2022

Uldanova Galiya Ildusovna

Main expert

Department of Information and Scientific Use of Documents,

The Russian State Historical Archives

36, Zanevsky ave, St. Petersburg, 195112, Russia

Email: galiya251@gmail.com

В. С. Ясаков

**МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЕ СВЯЗИ МЕЖДУ ЮЖНОЙ АЗИЕЙ
И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПОЙ ПО МАТЕРИАЛАМ
ИЗДЕЛИЙ ИЗ РАКОВИН (XXX В. ДО Н.Э. – VII В. Н.Э.)**

С начала III тыс. до н.э. население п-ва Индостан использовало раковины моллюсков *Turbinella rugum* и *Surgaea moneta* (каури) для производства различных категорий инвентаря. Примерно с этого же времени и вплоть до начала XX в. эти раковины и предметы из них доставлялись в другие азиатские регионы. С VIII в. до н.э. на территорию Восточной Европы через Кавказ стали поступать раковины *Surgaea moneta*, а с рубежа эр – и *Turbinella rugum*. Наибольшее количество последних было обнаружено в погребальных памятниках праудмуртской мазунинской культуры III-V вв. н.э. в Прикамье (Тарасовский, Ижевский, Ныргындинский I и др. могильники). В IV-V вв. поступление раковин *Turbinella rugum* на территорию Восточной Европы прекратилось.

Ключевые слова: раковины *Turbinella rugum* и *Surgaea moneta*, археологические памятники, торговые пути, Прикамье, Южная Азия.

DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-4-691-700

В финно-пермских могильниках мазунинской культуры III-V вв. были обнаружены створки раковин крупного морского моллюска (вероятнее всего – *Turbinella rugum*). Местное население использовало их в качестве накладок на пояса, иногда из этих раковин вытачивались бусины и подвески, украшавшие женский костюм. На побережье р. Белой праудмуртское бахмутинское население в V-VII вв. изготавливало из них бусины, которые украшали женские ожерелья. Также у бахмутинского населения становятся распространенными раковины *Surgaea moneta* (каури), использовавшиеся в ожерельях и тканевых нагрудниках.

Раковины *Turbinella rugum* и *Surgaea moneta* применялись для производства предметов не только финно-пермским населением, но и племенами Восточной Европы и, в особенности, Азии. В отличие от раковин *Turbinella rugum* более мелкие каури применялись в основном как денежная единица, сначала в Древнем Китае, а затем в Индии, Японии и других регионах. Торговля изделиями из раковин *Turbinella rugum* начала развиваться еще с начала III тыс. до н.э., а *Surgaea moneta* – с середины II тыс. до н.э.

Моллюски вида *Turbinella rugum* обитают только в некоторых заливах полуострова Индостан. Наибольшая концентрация их наблюдается на глубоководье в заливе Маннар, рядом с Мадрасом и побережьем острова Шри-Ланка. Меньшая популяция обитает на восточной стороне пролива Памбан, в заливе Палк. Незначительное количество моллюсков *Turbinella rugum* встречено рядом с устьем р. Годавари, в заливе Катч, а также в бухте рядом с г. Карачи [Kenoyer 1984, 66-72].

Моллюски *Surgaea moneta* обитают у восточного побережья Африки, южного побережья Азии, Австралии, Новой Зеландии и Америки [Ершов, Кантор 2008, 86]. В древности главным источником добычи раковин каури были расположенные к юго-западу от Индии Мальдивские острова [Грин 2022, 25].

1.1. Связи между Индией и другими азиатскими регионами (XXX в. до н.э. - IX в. н.э.)

Ранее добычей раковин *T. rugum* занимались исключительно жители полуострова Индостан. К народам других территорий Евразии раковины могли быть доставлены только по торговым маршрутам, соединявшим их с государствами Древней Индии.

Обработка раковин производилась в специализированных мастерских, располагавшихся рядом с местами добычи сырья. Уже к XXX в. до н.э. в нижней части долины Инда существовала развитая торговая сеть, благодаря которой целые раковины и предметы из них могли доставляться во внутренние районы Индостана. Примерно к XXV в. до н.э. сеть торговых путей расширилась. Теперь она охватывала уже и верхнюю часть долины Инда. Обработка раковин стала производиться даже в таких удаленных от побережья местах, как Хараппа и Калибанган [Gensheimer 1984, 70].

В некоторых случаях данная категория предметов могла доставляться и за пределы Индии. Так, изделия из раковин *Turbinella rugum* были найдены в Систане во время раскопок городского поселения Шахри-Сухте XXX-XIX вв. до н.э. С. Дюранте предложил 4 возможных пути, по которым раковины могли быть туда доставлены: 1. морской путь, соединявший п-ов Катхиявар (где данный вид моллюсков и добывался) с побережьем Белуджистана; 2. сухопутно-морской путь соединявший п-ов Катхиявар и Систан; 3. сухопутная дорога через долину Инда, проходившая по внутренним районам Макрана, параллельно побережью; 4. сухопутный путь, связывавший Хараппскую цивилизацию с Систаном через перевалы Гомал и Болан [Durante 1979, 38-40, fig. 5].

С XXV в. до н.э. начинаются постоянные торговые контакты Индии с Месопотамией. В пользу этого свидетельствуют и некоторые шумерские тексты. В них говорится о морских торговцах, поставлявших товары из регионов Дильмун, Маган и Мелухха. Последний из них ученые соотносят с долиной р. Инд [Potts 1978, 36].

Примерно с XV в. до н.э. уже распространенные в Китае раковины *Surgaea moneta* по различным сухопутно-морским путям завозили в Японию, Корею, Индию, Таиланд, Филиппины. В Индии раковины каури стали применяться с начала I тыс. до н.э.

В VI-V вв. до н.э., укрепились торговые контакты Индии с Ираном. Так, в нижних слоях Бхир Маунда (Таксила) обнаружены изделия, иранские по происхождению или являющиеся подражанием западным образцам. Кроме того, процветают связи Индии с Бирмой, Синьцзяном и Тибетом [Ильин 1958, 11, 15].

С X в. до н.э. начинаются контакты индийского населения с саками Восточного Памира. О существовании постоянных торговых связей между Индией и Памиром свидетельствует типологическая близость железно-бронзовых стрел, найденных в Памире и Фергане, со стрелами, обнаруженными в Таксиле (Бхир Маунд, III в. до н.э.). Б. А. Литвинский утверждает, что в Северной Индии они появились вследствие продвижения памирских саков [Литвинский 1972, 100-101]. В письменных источниках содержатся сведения о том, что на северных границах Индии находилась еще с доахеменидского времени обширная группировка сакских племен, памирские племена были частью этой группировки [Литвинский 1972, 186].

Доказательством индо-памирских контактов служат и найденные в памирских погребальных комплексах X-III вв. до н.э. предметы из раковин *T. rugum* (наглазники, подвески, бусы). Согласно мнению Б. А. Литвинского, они идентичны изделиям, найденным в мегалитах Южной Индии. Однако пока нет достаточных оснований утверждать, что предметы из раковин привозились на Восточный Памир непосредственно с юга Индии, хотя это и вполне вероятно. Возможно, что они попадали вначале в какие-то центры Северо-Восточной Индии (Таксила), а затем, через памирские перевалы, в Центральную Азию [Литвинский 1964, 155-156].

С конца II в. до н.э. огромную роль в развитии торгового обмена между регионами Евразии стал играть Великий Шелковый путь (ВШП). Одно из его ответвлений проходило через индийский город Таксила. Данное обстоятельство, а также обилие монет и множество иноземных вещей, обнаруженных в Сиркапе в слоях I в. н.э., свидетельствуют о более или менее постоянных и очень оживленных торговых отношениях Таксилы со Средней Азией, Ираном, Египтом и другими странами; можно упомянуть также Сибирь, Китай и Японию, связи с которыми в то время были эпизодическими [Ильин 1958, 56]. Контакты Индии с Южной Сибирью в IV-V вв., в частности, подтверждает находка накладки из раковины *Turbinella rugum* в погребении воина на р. Ераска (Алтай) [Егоров 1993, 80].

В VII в. н.э. арабские купцы завезли раковины каури в Западную Африку в качестве платежного средства. Бурное развитие работоторговли в начале XVI в. стало причиной более быстрого распространения каури в Африке.

О том, что торговые связи индийского населения со Средней Азией имели место и в более позднее время, свидетельствуют находки накладок из раковин на территории Южного Казахстана. Оба изделия были обнаружены в погребальных комплексах: одна – на поселении Кзыл-Кайнар-Тобе (IV-V вв.), другая – в могильнике Кызыл-Кайнар (VII-IX вв. н.э.) [Мершиев 1970, 88, 90; Максимова 1972, 137, 138].

1.2. Связи между Индией и Восточной Европой (VIII-II вв. до н.э.)

С VIII в. до н.э. раковины каури доставлялись в Восточную Европу по Великому индийскому пути, основная трасса которого соединяла Индию со странами Средиземноморья. Этот путь был составным: одна часть его проходила по суше, другая – по рекам, третья – по морям.

Великий индийский путь можно разделить на несколько больших частей. Путь начинался в Юго-Восточном Китае (области Шу и Цюн), откуда шел в Северо-Западную Индию до Гандхары. Второй отрезок пути от г. Таксила пролегал в Бактрию вплоть до р. Амударья. Здесь начинался водный участок, по реке торговые караваны плыли до переправ через Амударью и дорог, ведущих в Маргиану. Отсюда снова начинался путь, шедший в двух направлениях – в водном, по Узбою, и сухопутном, от Амударьи к Маргиане и далее через Парфию в Гирканию и Дахистан, в долину р. Атрек или же от Амударьи по Келифскому Узбою через Маргиану к Узбою, а затем к Каспийскому морю. Последняя часть пути была полностью сухопутной и следовала от Каспийского к Черному морю по странам Северного Кавказа [Ртвеладзе 2012, 32].

Через Кавказские горы караваны могли двигаться несколькими возможными путями. Во-первых, товары могли доставляться через Дарьяльский проход или по Меото-колхидскому тракту. Однако, это маловероятно, так как верблюжьих караванов вряд ли могли одолеть данные каменные дороги. Второй, более вероятный маршрут движения торговцев пролегал по так называемому Прикаспийскому пути (Дербентскому проходу) вдоль западного побережья Каспийского моря [Давудов 2009, 72].

Впервые на территории Северного Кавказа раковины вида *Surgaea moneta* появляются в VIII в. до н.э. Так, самые ранние их находки в памятниках кобанской культуры (Клин-Яр III, Султан-Гора III, Тамгацик, Моздок, Каменноостровский, Березовский, «Лермонтовская Скала» и др. могильники) датируются второй половиной VIII в. до н.э. В это же время раковины каури получают распространение и у протомеотов (поселение Ясенева Поляна в долине реки Кубань).

Не ранее середины VII в. до н.э. раковины каури появляются в раннескифских погребальных комплексах днепровских лесостепей. Данный факт позволяет предположить, что в распространении раковин в Причерноморье принимали активное участие греческие торговцы. Косвенно это могут подтвердить совместные находки раковин каури и предметов классического импорта в раннескифских погребальных комплексах. Так, в курганах Синявки и Медвина каури были составной частью ожерелий, в которые кроме них входили и импортные бусины [Ковпаненко 1981, 51, рис. 42-19; Ковпаненко 1977, 48, 65, рис. 3-1, 4-17].

Однако, участие греческих торговцев в распространении раковин каури в раннескифский период представляется маловероятным по трем причинам. Во-первых, значительный классический импорт зафиксирован только на раннескифских памятниках днепровских лесостепей. Напротив, на Северном Кавказе, в погребениях кобанской и протомеотской культур, а также в археологических комплексах горного Крыма предметы греческого происхождения отсутствуют.

Во-вторых, несмотря на то, что в конце VII – начале VI вв. не было никаких препятствий для проникновения раковин каури в лесостепи через раннегреческие колонии и низовья р. Буг, ни на о. Березань, ни в Ольвии, ни на Ягорлыцком поселении, они не были обнаружены. К настоящему времени, самые ранние находки каури в древнегреческих городах Причерноморья датируются лишь второй половиной VI в. до н.э.

Наконец, последний аргумент связан с раннескифской группой Чумбруд, появившейся в Трансильвании в середине VII в. до н.э. В погребальных комплексах могильников этой группы было обнаружено значительное количество раковин каури, в то время как предметы классического импорта в них практически отсутствовали. Согласно мнению В. Васильева, раковины в Трансильванию принесли с собой ранние скифы, оставившие после себя могильники группы Чумбруд.

Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что в VII-VI вв. до н.э. раковины каури распространялись в Восточной Европе в основном благодаря локальным миграциям скифских племен в западном и юго-западном направлении. И лишь с V в. до н.э. греческие торговцы начали принимать активное участие в доставке раковин каури в Причерноморском регионе. В V-IV вв. до н.э. каури широко использовались как скифским, так и древнегреческим населением Северного Причерноморья [Bruyako 2007, 228-233].

В V-II вв. до н.э. по северному ответвлению Великого индийского пути раковины каури доставлялись и на территорию Южного Урала (могильники Валит-2, Покровка, Яковлевка II, Аландское

II). В этом случае торговцы также следовали по Амударье, однако, на более продолжительном её участке, вплоть до Аральского моря. Затем торговые караваны следовали от Приаралья на северо-запад к Южному Уралу [Сиротин, Трейстер 2014, 211, 212, 215].

1.3. Связи между Индией и Восточной Европой (I в. до н.э. – V в. н.э.)

Усилившееся в I в. до н.э. Парфянское царство в значительной степени нарушило функционирование главной трассы Великого шелкового пути. Данное обстоятельство способствовало укреплению ранее лишь намечавшихся путей из среднеазиатского региона в области греко-римского мира в обход Ирана с севера, т.е. связей между Средней Азией и Причерноморьем [Ставиский 1964, 177].

Одну из таких торговых трасс описывает китайская историческая хроника «Хань шу», называя ее Северной. Она начиналась в Турфанском оазисе и проходила вдоль Тянь-Шаня, через Памир. Далее, возможны были два варианта путей. Первый следовал вдоль по бассейну р. Амударьи, южнее Аральского моря. Второй – вдоль р. Сырдарьи, через северное Приаралье. Рядом с Нижней Волгой два пути соединялись в один, который заканчивался в Северном Причерноморье, у г. Танаис [Мамлеева 1999].

Доказательствами того, что индоокеанские раковины доставлялись по этому пути, являются находки данной категории предметов в погребальных комплексах Нижнего Дона сер. I – сер. III вв. н.э. (Первомайский VII, Камышевский I, Кобяковский, Новый, Новоаннинский) [Мамонтов 2000, рис. 17-17; Безуглов 2000, рис. 4-9; Прохорова, Гугуев 1992, рис. 8-46] и Южного Приуралья III – начала IV вв. н.э. (Покровка 10, Лебедевка VI, Красный Яр) [Малашев, Яблонский 2008, рис. 162-5; Мошкова, Демиденко 2010, рис. 2-4]. Особое внимание следует обратить на материалы Лебедевского могильника. Это вызвано тем, что в его погребальных комплексах найдены предметы импорта как западного, так и восточного происхождения. По мнению М. Г. Мошковой, данное обстоятельство может свидетельствовать о том, что кочевники, оставившие эти вещи, контролировали, или в какой-то форме участвовали в караванной торговле между Западом и Востоком.

Однако индоокеанские раковины могли поступать на территорию Восточной Европы также и другими путями. Есть свидетельства о том, что в то время в торговых целях активно использовались кавказские проходы: через Дарьяльское ущелье и вдоль западного берега Каспийского моря, через Дербент [Мамлеева 1999]. Обнаруженные в могильниках Северного Кавказа (Паласа-Сырт) [Гмыря 2011, 36-80] и Прикубанья (Цемдолинский, «Золотое кладбище») [Аспургиане... 2008, рис. 66-67, 102-103; Гущина, Засецкая 1994, табл. 40-362] изделия из раковин, – свидетельства того, что данная категория предметов могла поступать и через Закавказье. До сих пор точно неизвестно, каким именно путем из вышеперечисленных раковины *Turbinella rugum* доставлялись в Европу. Возможно, что были задействованы несколько маршрутов.

Возможно, через Прикубанье и Керченский пролив раковины каури попали и на территорию Крыма. Здесь они обнаружены в некрополях I-VII вв. н.э. (Нейзац, Усть-Альма, Дружное, Лучистое, Совхоз №10) [Стоянова 2016, 143, рис. 10-20, 21; Пуздровский 2007, 162, рис. 148-1, 4, 9, 10; Алексева 1982, 30-31]. Сарматы, либо греческие торговцы способствовали доставке раковин в лесостепи Приднепровья (могильники Липовец (I-II вв. н.э.) и Ново-Александровка (IV-V вв. н.э.)) [Воронятов 2012, 416] и в Приднестровье (некрополи III-IV вв. н.э. – Беленькое, Будешть, Дэнчень) [Гопкало 2008, 78, табл. X-4].

Определенное затруднение вызывает ответ на вопрос, каким образом накладка из раковины *T. rugum* оказалась на территории Восточной Болгарии. Согласно предположению Хр. Буюклиева, раковина и найденные вместе с ней предметы вооружения ранее принадлежали сарматскому воину. И, соответственно, возможны три варианта объяснения того, как изделия попали во фракийское погребение: дипломатический дар, результат торговых контактов или часть трофейного вооружения. Сам автор отдает предпочтение последнему варианту [Буюклиев 1995, 44-45].

Точно не определен отрезок пути, по которому индоокеанские раковины доставлялись в прикамский регион. Скорее всего, предметы попадали в Прикамье не по Волге. Волжский путь в III-V вв. н.э., главным образом, был ориентирован на поставки товаров из юго-западных областей Восточной Европы. Согласно предположению Р. Д. Голдиной, раковины доставлялись по сухопутному пути «из Средней Азии, через северное Приаралье на р. Белую и оттуда на Каму». Тем более, верховья р. Урал расположены всего лишь в 50-60 км от верховий р. Белой [Голдина, Голдина 2010, 175-176]. Р. Д. Голдиной предложен ещё один вариант поступления в Прикамье раковин *Turbinella rugum*: по северному ответвлению ВШП от северного Приаралья до р. Урал и да-

лее до ее верховий [Голдина 2019, рис. 1]. Данную версию подтверждают находки накладок из раковин на памятниках III в. левобережья р. Урал (Красный Яр, Покровка 10, Лебедевка VI).

Необходимо отметить, что в I-II вв. н.э. предметы из раковин *T. rugum* оседали в Северном Причерноморье (могильники Первомайский VII, Камышевский I, Золотое кладбище и др.). Лишь с III в. *Turbinella rugum* стали поступать в Приуралье, главным образом в Прикамье.

В отличие от них, раковины *Сураеа moneta* использовались прикамским населением с I в. до н.э. Их находки зафиксированы как в могильниках Башкирии (Урманаевский II, Камышлы-Тамакский, Кушулевский III – I в. до н.э. – III в. н.э.) [Васюткин 1982, 134-141; Мажитов, Пшеничнюк 1968, 43, 53, 55-57] и Вятки (Азелинский – III-V вв. н.э.) [Генинг 1963, 98-99], так и Верхнего Прикамья (Пыштайн II, Митинский и Верх-Саинский – V-VII вв. н.э.) [Мингалев, Юкова 2017, 199; Генинг, Голдина 1973, 111; Голдина, Перевозчикова, Голдина 2018, 37-38].

В III-IV вв. основная масса раковин *T. rugum* оседала у населения правобережья р. Камы. Однако уже в середине IV в. их доставка в данный район прекращается [Голдина, Бернц 2016, 24; Голдина, Бернц 2017, 57]. Это было связано с событиями Великого переселения народов, прервавшими торговые связи Прикамья со Средней Азией. Из тех раковин, которые были доставлены ранее, население правобережья р. Белой изготавливало подвески и бусины.

Таким образом, Индия на протяжении нескольких тысячелетий имела развитые торговые связи с различными регионами Азии и Восточной Европы. В числе тех товаров, которые поставлялись с полуострова Индостан, были и предметы из раковин *Turbinella rugum* и *Сураеа moneta*. Вплоть до рубежа эр данная категория изделий не доставлялась на территорию Прикамья. Возможно, это было связано с тем, что к I в. н.э. значительно усилилось Парфянское царство, которое препятствовало функционированию главной магистрали Великого шелкового пути. В свою очередь, данное обстоятельство лишь способствовало увеличению торгового потока, идущего через Северный путь, по которому раковины могли попасть к прикамскому населению. Торговля раковинами и предметами из них между племенами Индией и финно-пермским населением Прикамья (при посредничестве сарматов) была особенно развита в III-IV вв. н.э.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья. М., 1982. 105 с.
- Аспургинане на юго-востоке азиатского Боспора: по материалам Цемдолинского некрополя. (Некрополи Черноморья. Т. I) / под ред. А. А. Малышева. М.: Гриф и К., 2008. 304 с.
- Безуглов С. И.* Позднесарматские мечи (по материалам Подонья) // Сарматы и их соседи на Дону / МИАД. Вып. 1. Ростов-на-Дону, 2000. С. 169-193.
- Буюклиев Хр.* К вопросу о фракийско-сарматских отношениях в I начале II века н.э. // РА. 1995. №1. С. 374-6.
- Васюткин С. М.* Исследования пьяноборских могильников в Западной Башкирии // Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа / Под ред. В.А. Иванова, А.Х. Пшеничнюка. Уфа, 1982. С. 125-144.
- Воронятов С. В.* О проблеме появления сарматских тамг и антропоморфных изображений в ареалах позднедьяковской и мощинской культур // Ежегодник археологический. № 2. 2012. С. 412-432.
- Генинг В. Ф.* Азелинская культура III-V вв. Очерки истории Вятского края в эпоху Великого переселения народов // ВАУ. Свердловск-Ижевск, 1963. Вып. 5. 144 с.
- Генинг В. Ф., Голдина Р. Д.* Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье // ВАУ. 1973. Вып. 12. С. 58-121.
- Гмыря Л. Б.* Паласа-Сыртский курганный могильник IV-V вв.: 130 лет исследования // Вестник ИИАЭ. № 4. 2011. С. 3680.
- Голдина Е. В., Голдина Р. Д.* «Дальний импорт» Прикамья – своеобразное проявление процессов взаимодействия народов Евразии (VIII в. до н.э. - IX в. н.э.) // Голдина Е. В. Бусы могильников неволинской культуры (конец IV-IX вв.). Ижевск: ОАО «Ижевская республиканская типография», 2010. С. 156-247.
- Голдина Р. Д.* Финно-пермский мир в евразийском пространстве (I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.) // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья. 2019. № 2 (7). С. 3948.
- Голдина Р. Д., Бернц В. А.* Хронология мужских погребений III-V вв. Тарасовского могильника // Поволжская археология. 2016. №3. С. 17-58
- Голдина Р. Д., Бернц В. А.* Хронология женских погребений III-V вв. Тарасовского могильника // Поволжская археология. 2017. № 2. С. 47-72.

- Голдина Р. Д., Перевозчикова С. А., Голдина Е. В. Могильник VI-IX вв. у д. Верх-Сая в Кунгурской лесостепи. Ижевск, 2018. 720 с.
- Гопкало О. В. Бусы и подвески черняховской культуры. Киев, 2008. 252 с.
- Грин Е. История денег. От раковин каури до евро. М.: Центрполиграф, 2022. 280 с.
- Гущина И. И., Засецкая И. П. «Золотое кладбище» Римской эпохи в Прикубанье. СПб: «Фарн», 1994. 172 с.
- Давудов О. М. Прикаспийская торговая дорога в свете исторических источников // Вестник института ИАЭ. 2009. № 1. С. 64-80.
- Егоров Я. В. Новое исследование погребения воина эпохи Великого переселения народов на Алтае // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул, 1993. С. 77-80.
- Ершов В. Е., Кантор Ю. И. Морские раковины. Краткий определитель. М.: Курсив, 2008. 288 с.
- Ильин Г. Ф. Древний индийский город Таксила. М.: Издательство Восточной литературы, 1958. 84 с.
- Ковпаненко Г. Т. Курганы скифского времени у с. Медвин в Поросье // Скифы и сарматы. Киев: «Наукова думка», 1977. С. 40-72.
- Ковпаненко Г. Т. Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось. Киев: Наукова думка, 1981. 160 с.
- Литвинский Б. А. Таджикистан и Индия (примеры древних связей и контактов) // Индия в древности: сборник статей. М., 1964. С. 143-165.
- Литвинский Б. А. Древние кочевники «Крыши мира». М.: Наука, 1972. 267 с.
- Мажитов Н. А., Пишеничнюк А. Х. Камышлы-Тамакский могильник // АЭБ. Т.3. Уфа: БФАН СССР, 1968. С. 33-59.
- Максимова А. Г. Курганный могильник в урочище Кызыл-Кайнар // Поиски и раскопки в Казахстане: сборник статей. Алма-Ата, 1972. С. 123-138.
- Малашев В. Ю., Яблонский Л. Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время: по материалам могильника Покровка 10. М.: Восточная литература, 2008. 368 с.
- Мамлеева Л. А. Становление Великого шелкового пути в системе трансквиализационного взаимодействия народов Евразии // Vita Antiqua. 1999. № 2. URL: <http://archaeology.kiev.ua/pub/mamleyeva.htm> (дата обращения 01.06.2022).
- Мамонтов В. И. Древнее население левобережья Дона (по материалам курганного могильника Первомайский VII). Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2000. 194 с.
- Мерциев М. С. Поселение Кызыл-Кайнар-Тобе I-IV вв. и захоронение на нем воина IV-V вв. // По следам древних культур Казахстана: сборник статей. Алма-Ата: «Наука» Казахской ССР, 1970. С. 79-92.
- Мингалев В. В., Юкова М. К. Хронология могильников Пыштайн I-III // Труды КАЭЭ ПГГПУ. Вып. XII: Средневековая археология Восточной Европы. Пермь, 2017. С. 114-124.
- Мошкова М. Г., Демиденко С. В. Военное погребение в кургане 37 группы VI Лебедевского могильного комплекса // Археология и палеоантропология Евразийских степей и сопредельных территорий: сборник статей в честь 60-летия Л.Т. Яблонского / МИАР. № 13. М.: «Таус», 2010. С. 254-261.
- Население архаической Синдики (по материалам некрополя у хутора Рассвет) / Некрополи Черноморья. Т. III / Отв. ред. А. А. Малышев. М.: «Гриф и К», 2010. 268 с.
- Прохорова Т. А., Гугуев В. К. Богатое сарматское погребение в кургане 10 Кобяковского могильника // СА. 1992. № 1. С. 142-161.
- Пуздровский А. Е. Крымская Скифия II в. до н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники. Симферополь: «Бизнес-Информ», 2007. 480 с.
- Ртвеладзе Э. В. Великий индийский путь: из истории важнейших торговых дорог Евразии. СПб.: Нестор-История, 2012. 296 с.
- Сиротин С. В., Трейстер М. Ю. Погребение с ближневосточными (?) и центрально-азиатскими импортными из кургана Яковлевка II // Уфимский археологический вестник. № 14. 2014. С. 207-217.
- Ставиский Б. Я. Средняя Азия, Индия, Рим (к вопросу о международных связях в кушанский период) // Индия в древности: сборник статей. М., 1964. С. 166-187.
- Стоянова А. А. Подвески из могильника Нейзац // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). II. 20 лет исследований могильника Нейзац. Сб. научных статей / Симферополь: Наследие тысячелетий, 2016. С. 122-165.
- Вруяко I. V. Seashells and Nomads of the Steppes (Early Scythian Culture and Molluscs of the Cyprea family in Eastern Europe) // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 2007. № 13. P. 225-240.

Durante S. The Utilization of *Xancus pyrum* (L.) at Shahr-i-Sokhta // *South Asian Archaeology*, 1975: Papers from the Third International conference of the association of South Asian archaeologists in Western Europe held in Paris. Leiden: E.J. Brill, 1979. P. 27–42.

Gensheimer T. R. The role of shell in Mesopotamia: evidence for trade exchange with Oman and the Indus valley // *Paleorient*. 1984. № 10. P. 65–73.

Kenoyer J. M. Shell working industries of the Indus civilization: a summary // *Paleorient*. 1984. № 10. P. 49–64.

Potts D. Towards an integrated history of culture change in the Arabian Gulf area: Notes on Dilmun, Makkan and the economy of ancient Sumer // *Journal of Oman Studies*. 1978. № 4. P. 29–51.

Поступила в редакцию 15.08.2022

Ясаков Виктор Сергеевич,

аспирант 3 курса Института истории и социологии
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1,
e-mail: jasakovvictor7@gmail.com

V. S. Yasakov

**INTERREGIONAL RELATIONS BETWEEN SOUTH ASIA AND
EASTERN EUROPE ON THE MATERIALS OF SHELL PRODUCTS
(XXX CENTURY BC - VII CENTURY AD)**

DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-4-691-700

Since the beginning of the III millennium BC, the population of the Hindustan peninsula has used the shells of *Turbinella pyrum* and *Cypraea moneta* mollusks for the production of various categories of inventory. From about the same time and up to the beginning of the XX century, these shells and objects made of them were delivered to other Asian regions. Since the VIII century BC, shells of *Cypraea moneta* began to arrive on the territory of Eastern Europe through the Caucasus, and *Turbinella pyrum* began to arrive from the turn of the era. The largest number of the latter were found in the funerary monuments of the Praudmurtian Mazunin culture of the III-V centuries AD in the Kama region (Tarasovsky, Izhevsk, Nyrgyndinsky I and other burial grounds). However, in the IV-V centuries, the arrival of *Turbinella pyrum* shells on the territory of Eastern Europe ceased.

Keywords: *Turbinella pyrum* and *Cypraea moneta* shells, archaeological sites, trade routes, Kama region, South Asia.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2022, vol. 16, issue 4, pp. 691–700

REFERENCES

Alekseeva E. M. Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ya [Antique beads of Northern Black Sea Region]. Moscow, 1982. 105 p. In Russian.

Aspurgiane na yugo-vostoke aziatskogo Bospora: po materialam Cemdolinskogo nekropol'ya. (Nekropoli Chernomor'ya. T. II) [Aspurgians in the southeast of the Asian Bosphorus: based on the materials of the Tsemdolin necropolis. (Necropolis of the Black Sea region. Vol. II)]. Moscow, Grif i K Publ., 2008. 304 p. In Russian.

Bezuglov S. I. Pozdnesarmatskie mechi (po materialam Podon'ya) [Late Sarmatian swords (based on the materials of the Don region)]. Sarmaty i ih sosedi na Donu [Sarmatians and their neighbors on the Don]. Rostov-na-Donu, 2000, pp. 169-193. In Russian.

Buyukliev Hr. K voprosu o frakijsko-sarmatskih otnosheniyah v I - nachale II veka n.e. [On the question of Thracian-Sarmatian relations in the I - beginning of the II century A.D.]. RA [Russian archaeology], 1995, no. 1, pp. 37-46. In Russian.

Vasyutkin S. M. Issledovaniya p'yanoborskih mogil'nikov v Zapadnoj Bashkirii [Studies of the Pyanobor burial grounds in Western Bashkiria]. Priural'e v epohu bronzy i rannego zheleza [The Urals in the Bronze Age and Early Iron]. Ufa, 1982, pp. 125-144. In Russian.

Voronyatov S. V. O probleme poyavleniya sarmatskih tamg i antropomorfnyh izobrazhenij v arealah pozdned'yakovskoj i moshchinskoy kul'tur [On the problem of the appearance of Sarmatian tamgas and anthropo-

morphic images in the areas of the Late Dyak and Moshin cultures]. *Ezhegodnik arheologicheskij* [Archaeological Yearbook], 2012, no. 2, pp. 412-432. In Russian.

Gening V. F. Azelinskaya kul'tura III-V vv. Ocherki istorii Vyatskogo kraja v epohu Velikogo pereseleniya narodov [Azelinsky culture of the III-V centuries. Essays on the history of the Vyatka Region in the era of the Great Migration of peoples]. *VAU* [Questions of the archeology of the Urals], 1963, vyp. 5. 144 p. In Russian.

Gening V. F., Goldina R. D. Kurgannye mogil'niki harinskogo tipa v Verhnem Prikam'e [Burial mounds of the Kharinsky type in the Upper Kama region]. *VAU* [Questions of the archeology of the Urals], 1973, vyp. 12, pp. 58-121. In Russian.

Gmyrya L. B. Palasa-Syrtskij kurgannyj mogil'nik IV-V vv.: 130 let issledovaniya [Palasa-Syrt barrow burial ground of IV-V centuries: 130 years of research]. *Vestnik IIAE* [Bulletin of IAE Institute], 2011, no. 4, pp. 36-80. In Russian.

Goldina E. V., Goldina R. D. «Dal'nij import» Prikam'ya – svoeobraznoe proyavlenie processov vzaimodejstviya narodov Evrazii (VIII v. do n.e. - IX v. n.e.) [«Distant import» of the Kama region – a peculiar manifestation of the processes of interaction of the peoples of Eurasia (VIII century BC - IX century AD)]. *Busy mogil'nikov nevolinskoj kul'tury (konec IV-IX vv.)* [Beads of the burial grounds of the Nevolin culture (late IV-IX centuries)]. *Izhevsk, OAO «Izhevskaya respublikanskaya tipografiya» Publ.*, 2010, pp. 156-247. In Russian.

Goldina R. D. Finno-permskij mir v evrazijskom prostranstve (I tys. do n.e. – I tys. n.e.) [Finno-Permian world in the Eurasian space (I thousand BC – I thousand AD)]. *Istoriko-kul'turnoe nasledie narodov Uralo-Povolzh'ya* [Historical and cultural heritage of the peoples of the Ural-Volga region], 2019, no. 2 (7), pp. 39-48. In Russian.

Goldina R. D., Bernc V. A. Hronologiya muzhskih pogrebenij III-V vv. Tarasovskogo mogil'nika [Chronology of male burials of the III-V centuries. Tarasovsky burial ground]. *Povolzhskaya arheologiya* [The Volga river region archaeology], 2016, no. 3, pp. 17-58. In Russian.

Goldina R. D., Bernc V. A. Hronologiya zhenskikh pogrebenij III-V vv. Tarasovskogo mogil'nika [Chronology of women's burials of the III-V centuries. Tarasovsky burial ground]. *Povolzhskaya arheologiya* [The Volga river region archaeology], 2017, no. 2, pp. 47-72. In Russian.

Goldina R. D., Perevozchikova S. A., Goldina E. V. Mogil'nik VI-IX vv. u d. Verh-Saya v Kungurskoj lesostepi [Burial ground of VI-IX centuries near village Verkh-Saya in Kungur forest-steppe]. *Izhevsk*, 2018. 720 p. In Russian.

Gopkalo O. V. Busy i podveski chernyahovskoj kul'tury [Beads and pendants of Chernyakhov culture]. *Kiev*, 2008. 252 p. In Russian.

Grin E. Istoriya deneg. Ot rakovin kauri do evro [History of money. From cowry shells to euro]. *Moscow, Centrpoligraf Publ.*, 2022. 280 p. In Russian.

Gushchina I. I., Zaseckaya I. P. «Zolotoe kladbishche» Rimskoj epohi v Prikuban'e [«Golden cemetery» of the Roman era in Prikubanye]. *SPb, «Farn» Publ.*, 1994. 172 p. In Russian.

Davudov O. M. Prikaspijskaya trgovaya doroga v svete istoricheskikh istochnikov [The Caspian trade road in the light of historical sources]. *Vestnik instituta IAE* [Bulletin of IAE Institute], 2009, no. 1, pp. 64-80. In Russian.

Egorov Ya. V. Novoe issledovanie pogrebeniya voina epohi Velikogo pereseleniya narodov na Altae [A new study of the burial of a warrior of the epoch of the Great Migration of peoples in the Altai]. *Kul'tura drevnih narodov Yuzhnoj Sibiri* [Culture of the ancient peoples of Southern Siberia]. *Barnaul*, 1993, pp. 77-80. In Russian.

Ershov V. E., Kantor Yu. I. Morskie rakoviny. Kratkij opredelitel' [Sea crabs. Concise guide]. *Moscow, Kursiv Publ.*, 2008. 288 p. In Russian.

Il'in G. F. Drevnij indijskij gorod Taksila [The ancient Indian city of Taxila]. *Moscow, Izdatel'stvo Vostochnoj literatury*, 1958. 84 p. In Russian.

Kovpanenko G. T. Kurgany skifskogo vremeni u s. Medvin v Poros'e [Barrows of Scythian time near village Medvin in Porosye]. *Skify i sarmaty* [Scythians and Sarmatians]. *Kiev, «Naukova dumka» Publ.*, 1977, pp. 40-72. In Russian.

Kovpanenko G. T. Kurgany ranneskifskogo vremeni v bassejne r. Ros' [Barrows of Early Scythian time in the Ros basin]. *Kiev, Naukova dumka Publ.*, 1981. 160 p. In Russian.

Litvinskii B. A. Tadjikistan i Indiya (primery drevnikh svyazei i kontaktov) [Tajikistan and India (examples of ancient ties and contacts)]. *Indiya v drevnosti: sbornik statei* [India in antiquity: collection of articles]. *Moscow*, 1964, pp. 143-165. In Russian.

Litvinskij B. A. Drevnie kochevniki «Kryshi mira» [Ancient nomads «Roofs of the world»]. *Moscow, Nauka Publ.*, 1972. 267 p. In Russian.

Mazhitov N. A., Pshenichnyuk A. H. Kamyshly-Tamakskij mogil'nik [Kamyshlytamak burial ground]. AEB. T.3 [Archeology and ethnography of Bashkiria. Vol. 3]. Ufa, BFAN SSSR Publ., 1968, pp. 33-59. In Russian.

Maksimova A. G. Kurgannyj mogil'nik v urochishche Kyzyl-Kajnar [Kurgan burial ground in the Kyzyl-Kainar tract]. Poiski i raskopki v Kazahstane: sbornik statej [Searches and excavations in Kazakhstan: collection of articles]. Alma-Ata, 1972, pp. 123-138. In Russian.

Malashev V. Yu., Yablonskij L. T. Stepnoe naselenie Yuzhnogo Priural'ya v pozdnesarmatskoe vremya: po materialam mogil'nika Pokrovka 10 [Steppe population of Southern Cisurals in Late Sarmatian period: based on materials of burial ground Pokrovka 10]. Moscow, Vostochnaya literature Publ., 2008. 368 p. In Russian.

Mamleeva L. A. Stanovlenie Velikogo shelkovogo puti v sisteme transcivilizacionnogo vzaimodejstviya narodov Evrazii [The formation of the Great Silk Road in the system of trans-civilizational interaction of the peoples of Eurasia]. Vita Antiqua [Vita Antiqua], 1999, no. 2. In Russian. URL: <http://archaeology.kiev.ua/pub/mamleyeva.htm> (accessed 01 June 2022).

Mamontov V. I. Drevnee naselenie levoberezh'ya Dona (po materialam kurgannogo mogil'nika Pervomajskij VII) [Ancient population of the Don Left Bank (based on materials of barrow burial ground Pervomajskij VII)]. Volgograd, Izd-vo VolGU Publ., 2000. 194 p. In Russian.

Mershchiev M. S. Poselenie Kzyl-Kajnar-Tobe I-IV vv. i zahoronenie na nem voina IV-V vv. [The settlement of Kzyl-Kainar-Tobe of the I-IV centuries and the burial of a warrior of the IV-V centuries on it]. Po sledam drevnih kul'tur Kazahstana: sbornik statej [In the footsteps of ancient cultures of Kazakhstan: a collection of articles]. Alma-Ata, «Nauka» Kazahskoj SSR Publ., 1970, pp. 79-92. In Russian.

Mingalev V. V., Yukova M. K. Hronologiya mogil'nikov Pyshtajn I-III [Chronology of Pyshtein burial grounds I-III]. Trudy KAEE PGGPU. Vyp. XII: Srednevekovaya arheologiya Vostochnoj Evropy [Proceedings of the KAE PGPU. Issue XII: Medieval Archaeology of Eastern Europe]. Perm, 2017, pp. 114-124. In Russian.

Moshkova M. G., Demidenko S. V. Voinskoe pogrebenie v kurgane 37 gruppy VI Lebedevskogo mogil'nogo kompleksa [Military burial in kurgan 37 of group VI of the Lebedev burial complex]. Arheologiya i paleoantropologiya Evrazijskih stepej i sopredel'nyh territorij: sbornik statej v chest' 60-letiya L.T. Yablonskogo [Archaeology and paleoanthropology of the Eurasian steppes and adjacent territories: a collection of articles in honor of the 60th anniversary of L.T. Yablonsky]. Moscow, «Taus» Publ., 2010, pp. 254-261. In Russian.

Naselenie arhaicheskoj Sindiki (po materialam nekropol'ya u hutora Rassvet) [The population of the archaic Syndics (based on the materials of the necropolis at the farm Dawn)]. Nekropoli Chernomor'ya. T. III [Necropolis of the Black Sea region. Vol. III]. Moscow, «Grif i K» Publ., 2010. 268 p. In Russian.

Prohorova T. A., Guguev V. K. Bogatoe sarmatskoe pogrebenie v kurgane 10 Kobayakovskogo mogil'nika [Rich Sarmatian burial in kurgan 10 of the Kobayakovskij burial ground]. SA [Soviet archaeology], 1992, no. 1, pp. 142-161. In Russian.

Puzdrovskij A. E. Krymskaya Skifiya II v. do n.e. – III v. n.e. Pogrebal'nye pamyatniki [Crimean Scythia II century BC – III century AD. Funerary monuments]. Simferopol, «Biznes-Inform» Publ., 2007. 480 p. In Russian.

Rtveladze E. V. Velikij indijskij put': iz istorii vazhnejshih torgovyh dorog Evrazii [The Great Indian Way: from the History of the most important trade roads of Eurasia]. SPb., Nestor-Istoriya Publ., 2012. 296 p. In Russian.

Sirotnin S. V., Trejster M. Yu. Pogrebenie s blizhnévostochnymi (?) i central'no-aziatskimi importami iz kurgana Yakovlevka II [Burial with Middle Eastern (?) and Central Asian imports from barrow Yakovlevka II]. Ufimskij arheologicheskij vestnik [Ufa archaeological bulletin], 2014, no. 14, pp. 207-217. In Russian.

Staviskij B. Ya. Srednyaya Aziya, Indiya, Rim (k voprosu o mezhdunarodnyh svyazyah v kushanskij period) [Central Asia, India, Rome (on the question of international relations in the Kushan period)]. Indiya v drevnosti: sbornik statej [India in antiquity: collection of articles]. Moscow, 1964, pp. 166-187. In Russian.

Stoyanova A. A. Podveski iz mogil'nika Nejzac [Pendants from the Neyzats burial ground]. Krym v sarmatskuyu epohu (II v. do n.e. – IV v. n.e.). II. 20 let issledovanij mogil'nika Nejzac. Sb. nauchnyh statej [Crimea in the Sarmatian era (II century BC – IV century AD). II. 20 years of research of the Neyzats burial ground. Collection of scientific articles]. Simferopol, Nasledie tysyacheletij, 2016, pp. 122-165. In Russian.

Bruyako I. V. Seashells and Nomads of the Steppes (Early Scythian Culture and Molluscs of the Cyprea family in Eastern Europe) – Ancient Civilizations from Scythia to Siberia, 2007, no. 13, pp. 225–240. In English.

Durante S. The Utilization of *Xancus pyrum* (L.) at Shahr-i-Sokhta – South Asian Archaeology, 1975: Papers from the Third International conference of the association of South Asian archaeologists in Western Europe held in Paris, 1979, pp. 27-42. In English.

Gensheimer T. R. The role of shell in Mesopotamia: evidence for trade exchange with Oman and the Indus valley – Paleorient, 1984, no. 10, pp. 65-73. In English.

Kenoyer J. M. Shell working industries of the Indus civilization: a summary – *Paleorient*, 1984, no. 10, pp. 49-64. In English.

Potts D. Towards an integrated history of culture change in the Arabian Gulf area: Notes on Dilmun, Makkan and the economy of ancient Sumer – *Journal of Oman Studies*, 1978, no. 4, pp. 29-51. In English.

Received 15.08.2022

Yasakov Viktor Sergeevich,

3rd year postgraduate student of the Institute of History and Sociology,

Udmurt State University,

1, Universitetskaya str., Izhevsk, 426034, Russia,

e-mail: jasakovvictor7@gmail.com

Zsuzsa Várnai¹, Sándor Szeverényi²

**IDENTITY AND LANGUAGE IN AN ARCTIC CITY:
THE CASE OF THE INDIGENOUS PEOPLES IN DUDINKA³**

In our study, we explore the identity constructions of indigenous peoples living in Arctic urban environment. The choice of topic is justified by the fact that studies of indigenous peoples living in urban settings in the Arctic have focused on cities outside of the Russian Arctic. The purpose of this article is to provide a contemporary overview of Arctic urban indigenous peoples in terms of their identity and language use. Important issues are urbanization processes and the position of indigenous peoples in the Arctic. Comparing the eight Arctic countries, the largest gaps in research on northern urban communities can be found in the Russian Federation. The migration of ethnic minorities to urban settlements has been particularly rapid under the conditions of globalization and industrialization. It should be emphasized that moving to the city may be one of the appropriate ways for these minorities to survive in Siberia. In the urban settlements surveyed, ethnic groups are trying to establish their own minority organizations and groups to preserve minority culture, language, and identity. The starting point of the study is the activities of the organizations, the current multifaceted language situation, patterns of language use, and the study of language attitudes specific to these urban minorities. In this article, we analyze the current situation of indigenous peoples in Dudinka in light of the research questions. The findings are based on recent literature and field research conducted in 2008, 2016, and 2019. We conclude by saying that although the language is disappearing, its value remains important to the community. We also think it is important to investigate the city in terms of language use because, contrary to previous expectations, urbanization does not simply mean the disappearance of small languages. On the one hand, new, highly efficient and independent scenes of language use are opening, and on the other hand, the decline in language use is not at all accompanied by a decline in language prestige, which can also be a justification for revitalization. In addition to language, other elements of identity become important.

Keywords: indigenous peoples, minorities, urbanization, identity, Taimyr

DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-4-701-720

1. Introduction

In our study, we explore the identity concepts of indigenous minorities living in Arctic urban environments. The choice of topic is justified by the fact that this type of research on indigenous minorities living in the Arctic urban environment is largely focused on cities outside the Russian Arctic, the focus has been primarily on Canada, Greenland, Scandinavia and Alaska. The aim of the paper is to give an up-to-date overview about native minorities in an arctic city from the point of view of their identity and language use. Urbanization processes and the situation of aboriginal/indigenous peoples in Arctic territories is an important question (e. g. Dybbroe 2008; Laruelle 2019). Comparing the eight arctic countries, the biggest gap in the research of the urban societies of the Far North can be detected in the Russian Federation. Migration of ethnic minorities to urban settlements has been especially rapid in the overwhelming globalization and industrialization [e.g. Larsen & Fondahl 2014]. It must be emphasized that moving to the city seems to be the relevant way for these minorities to stay alive in Siberia. In the urban settlements under consideration, ethnic groups make attempts to form their own minority organizations and groups which aim at preserving minority culture, language and identity. The starting point of the research is to identify these organizations and to explore the current multifaceted linguistic situation, patterns of language use and language attitudes characteristic to these

¹ Zsuzsa Várnai was supported by NKFIH (National Research, Development and Innovation Office, Hungary) in the frame of the project *Minority languages in the process of urbanization: A comparative study of urban multilingualism in Arctic indigenous communities* (2015-2020, K11246) at the Research Institute for Linguistics, Budapest, Hungary.

² Sándor Szeverényi was supported by NKFIH (National Research, Development and Innovation Office, Hungary) in the frame of the project *Ethnosyntactic Analysis of Siberian Uralic Languages* (K129186) at the University of Szeged, Hungary.

³ The talk was presented at the “VIII Mikael Agricola päeva konverents” conference. Tartu Ülikooli Narva kolledž, Narva, 3 – 4 April, 2020.

urban minorities. For this purpose we seek to address the questions. In this paper we analyze the current situation of native peoples in Dudinka in the light of the research questions. The materials and results are based on the freshest literature and fieldwork in 2008, 2016 and 2019. In conclusion, we argue that the “traditional” ethnic labels exist, but are transformed in urban circumstances. We can establish similar processes to the other parts of the Arctic: basing on the traditional values there are new forms of ethnic and cultural identities.

In this paper we give a “big picture” of Dudinka. Our data and conclusion mostly based on the results of the project of Várnai et al. and partly some presuppositions from an ongoing project on ethnosyntax (Ethnosyntactic Analysis of Siberian Uralic Languages (2018-2021, NKFIH-K129186, University of Szeged). Project of Várnai et al. investigated indigenous multilingual Arctic minorities living in urban settings in **Enontekiö** (Finland), **Dudinka** and **Khanty-Mansiysk** (Russia): Minority languages in the process of urbanization: A comparative study of urban multilingualism in Arctic indigenous communities (2015-2020, NKFIH-K11246) Research Institute for Linguistics, Budapest (Duray, Zsuzsa; Hámori, Ágnes; Horváth, Csilla; Mácsai, Boglárka; Szeverényi, Sándor; Várnai, Zsuzsa). The overall aim of the project was to investigate linguistic and cultural identity among Arctic minorities in urban settings and to explore the ways minority members engage in multilingual urban communities and adapt to multilingual contexts. The research aimed at examining linguistic and cultural identity and the integration of minorities into a multilingual urban environment among representatives of northern indigenous multilingual communities living in urban settlements in Arctic Russia and Finland. The main questions of the research: To what extent minority language is an essential part of ethnic identity? What are the markers of ethnic minorities that are left to the minority people after their traditional way of life and subsistence has been lost? What kind of minority language attitudes characterize urban minority members? How are attitudes reflected in the patterns of language use? How do they manifest themselves in behavior in various minority language domains? And, finally, what role do alternative educational and cultural institutions and social media play in preserving minority culture and language? Designing and compiling a summary volume of the results of the study (with methodological, descriptive and analytical chapters).

The participants of the project applied traditional methods, such as participatory observation, structured guided interviews, focus group interviews, skype-interviews. Interviews were prepared, recorded and processed (approximately 40 hours; Dudinka 18, Enontekiö 10, Khanty-Mansiysk 10 interviews). In the frame of the project a new vehicle, a so-called „identity game” was developed and applied – developing a common methodological approach. The methodological framework designed in this study fits in the investigation of the identity constructions of other ethnic minorities, and in the comparative studies of minority identity constructions. This methodology due to its interdisciplinary nature is useful for researchers from other fields of science. During our fieldworks we examined language use, language attitude, changing language and cultural identities, ethnic groups in the city; cultural activities of minorities; educational systems, educational institutions and communities involved in linguistic revitalization; activists of revitalization programs and processes; media and internet activities; linguistic landscape [Várnai 2016, Duray & Horváth & Várnai 2017, Várnai 2019, Várnai & Hámori 2021, Várnai 2021a].

This paper has two major parts. The first one (section 2) deals with the detailed theoretical context of the research (section 3): the concept and types of identity and its components and their relevance in the Arctic. In the second main part (section 3) we give a description of the indigenous peoples of Dudinka in the light of demographic data and the main findings of our research.

2. Concepts of identity

2.1. Identity

Identity is a sense of sameness which is a layered network that connects the individual to different groups in society. The social self-image formed by the community towards the outside world. On the one hand, ethnic self-awareness symbolizes the separation of ethnicity, on the other hand, a system of moral, behavioral, and customary norms toward its members.

Identity exists on an individual level and it is socially constructed depending on one’s experiences and one’s relations with other members of society. Furthermore, identity depends on one’s calculated, strategic decisions and can be formed and reformed over the course of one’s lifetime. Social, cultural and ethnic identities emerge in any given situation where social interaction, political formation or cultural meetings take place.

At the same time, however, the concept of identity itself is multi-layered, on the other meaning the identity of these small communities and ethnicities is much more complex, heterogeneous and non-permanent.

The traditional linguistic and Uralic studies presuppose an ethnic identity based on (scientific) historical traditions, and for a long time defined these peoples only on the basis of a presumed ethnic identity that is constant and fixed in time and space. But it is not typical only for Uralic peoples, “most historical population records are based on rigid ideas of unchangeable cultural units. Prior to the 19th century many local peoples relied on very inclusive identity systems based on kinship, while governments increasingly relied on a race-based definition that focused on the individual’s blood quantum.” [Schweitzer et al. 2014, 130]

2.2. Ethnic identity, ethnicity

According to the more recent constructivist approach, ethnic identity can be determined on the basis of non-objective criteria [Barth 1969, 14–15]. It does not assume static and lasting group membership and is not defined by isolated cultural contents but is formed during specific interactions. A dynamic form of organization and process in which interacting groups, in the practice of everyday interaction, jointly create their boundaries along symbols and insignia of culture that are chosen by the members of the group themselves [Eriksen 1993, 47; Horowitz 1975, 120]. Thus, an individual can be a member of more than one group. Ethnic identities are not necessarily mutually exclusive, and boundaries are not given once and for all, but can be crossed [Barth 1969, 19; Horowitz 1975, 118] and it is constantly changing. According to situationalist theory, it is situation-bound, it can change in a given situation according to the development and requirements of the given situation.

Group membership, identification, use of a name of a group means self-classification. When the individual accepts the name of the group, assumes group membership, identifies with a group. It is the own subjective decision of the individual. When one declares, “I am of xy nationality”, marks the boundaries of ethnic identity [Csepeli 1992, 60]. Thus, group membership will actually be identity itself [Barth 1996]. Adherence to the name is one of the keys to preserving ethnic existence, a kind of survival strategy. We use ethnonyms to differentiate ourselves from other communities, thus designating the most fundamental dimension of our cultural self [Eriksen 1993].

One of the most important features of identity consciousness is the pursuit of survival, the desire to preserve qualities, which allows individuals and communities to remain permanently identical with themselves. As in our case, small peoples, endangered minority communities are particularly vulnerable. In the societies of globalization, national and ethnic identities are undergoing a significant transformation: organizations above nation-states (union, federation) appear, and in addition to these, regional organizations are formed. Within these, local and regional identities are also emerging, which are playing an increasingly important role. Thus, the conditions for the formation and survival of identity change radically [Csepeli 2002, 11].

Ethnicity is a cornerstone in identity construction. The notion of ethnicity may be characterized as a sense of belonging to a community, as a social elaboration of collective identities whereby individuals see themselves as one among others like themselves [Fenton 1999, 6] or as a collective identification that is socially constructed with reference to putative cultural similarity [Jenkins 1997, 76]. Ethnicity binds people together. Like identity, ethnicity is not a homogeneous phenomenon. Different social contexts give rise to different types of ethnicity. Further, ethnicity has a dual character; it can be understood as a recourse to belonging to a group and as a device of social categorization and differentiation.

“Culture as identity” refers to individuals or groups trying to express themselves through an objective or emblematic culture that others see about someone or that someone wants to show about themselves. From this perspective, we see culture as the result and product of interaction, in other words, that people are actively involved in the creation of culture and not just passive recipients of it, so culture is a means by which we create meanings and by which the world becomes saturated with meaning for us and we gain meaning for the outside world has become a form of representation: it refers to the decision that people make to symbolically represent themselves or others as bearers of a particular cultural identity. Culture as an identity is represented by symbols that have a simple form and complex content, referring to cultural icons such as culinary arts, folk costumes, music, etc. The process by which pieces of culture are selected from everyday life to represent identity has been called “ethnognomy” by American anthropologist Theodore Schwartz.

2.3. Elements of the ethnic identity

Identification with ethnicity can take place along several lines of thought at the same time [Schmidt 2008, Horváth 2006: 108]. These identity components, or identity elements, identity-forming factors are categories that carry certain socio-cultural meanings, which may differ from community to community, and even from individual to individual [Horváth 2006, 109]. Different elements may appear in the identity construction for each community. There may be differences in gender, age, and even individuals in terms of affinity and sensitivity to identity elements.

Most often, our ethnic identity is determined by our origins. Ethnic group membership is based on birth, so it is not optional. Origin is biologically inherited, the most basic criterion for ethnic classification. However, commitment, identification with the group, and group loyalty are the subjective decisions of the individual. Blood is a symbol of tradition, continuity and togetherness, an acceptance of the commitment of the ancestors. Other important elements in the definition of ethnicity could be [Horváth 2006]:

- language;
- external, visibility (phenotypic or cultural): External physical features such as skin color, stature, facial style, eye type, etc.; and cultural visibility, which is a characteristic appearance of a given ethnic group, e.g. folk costumes, hairstyles, tattoos and other body modifications;
- religion;
- cultural practices;
- legal practice (entry or relocation, listing, citizenship);
- the habitat, which is not only to be understood as physical presence, but can also serve as a kind of identification frame. This is how local communities are created in a country, region, city, etc.

2.4. Language and identity

Ethnic identity is closely linked to the use of the mother tongue. In the literature, the language plays a particularly prominent role in the issue of ethnicity as the most important retaining force in maintaining group cohesion. Language is the ‘essence of ethnicity’, a symbol that marks the boundary of ethnicity (Barth 1969; Horowitz 1975, Schmidt 2008). However, the use of the mother tongue is not necessarily linked to ethnic identity. For a long time, language and identity were thought to be inseparable factors because “the identity that an individual tries to preserve is compelled primarily to be linguistically represented” [Krappman 1980, 19].

According to Fishman’s [1975, 1977] theory, language is not a conscious factor. By this he means that language is used as a means of communication in everyday speech acts, and in itself has no particular value to be protected. However, according to the national ideals of the European region, but especially of the Central and Eastern European region, the created literary language, which functions both as a mother tongue and as an official language, has become a central category of national identity [Kis 1996]. For ethnic groups in this region, their mother tongue was the central basis of their existence, self-determination and identity. In this sense, language is not just a means for communication and everyday speech acts, but “the sweet mother tongue,” which has become a value, it has to protect, to love. [Szabó 1984/85].

If the mother tongue does not go hand in hand with group membership, it loses its role of identifying identity. Language can only become an element of identity if it is coupled with an assumed group membership. Conversely, this is not the case: a decrease or loss of the importance of a language does not mean a loss of ethnic identity, it only shows the weakening role of language. Commitment to origin and group membership can be identity-forming even without the mother tongue, from which it can be concluded that language alone is not an identity-forming factor [Bindorffer 1996, 1997, 2001, Schmidt 2008].

In multilingual communities, the coexisting languages remain those whose role and functions better cover the needs of current social activities. The condition for the survival of a group’s mother tongue is that the language is used and useful in all areas of social roles and activities. In the absence of the mother tongue of public life, language inevitably narrows. [Herman & Imre 1987, 528; 529].

Although it is generally accepted that language is one of the main elements of identity formation. However, it can be stated on the example of several minorities, such as those we have researched, that an ethnic group lives not only in its language. The loss of language does not mean the loss of culture, it is not legal to disintegrate an ethnic group [Bindorffer 1997]. An ethnic minority can continue to live in its customs, music, dances, foods, in the elements of folklore, religion, in values and norms, in its historical con-

sciousness. The retaining power of communities that forget their language is increasingly rooted in culture. Cultural traditions are perhaps the last field of ethnic self-expression, a survival strategy.

Language change is always determined by expediency. As a result of modernization, minority languages are losing more and more of their function. However, culture is not determined by expediency, their emotional elements are emphasized. So ethnic identity finds a place in the cultural field. The minority culture that has lived in everyday life, interweaving and defining all areas of life and includes customs and folk costumes, no longer exists in its entirety and in the traditional sense of most minorities. They are often expressed on an occasional basis. The traditional elements and customs of minority culture continue to live on stage at events and cultural centers choreographed as festive customs at local, regional and national or even international ethnic meetings and events. The reason for this is modernization and assimilation [Bindorffer 1997].

2.5. Local identity

An important part of our self-determination is our territorial affiliation, by defining which we satisfy our strongest social need, the need to belong somewhere [Raagmaa 2002]. Obviously, our settlement affiliation and local identity are particularly decisive. Regional identity, uniformly referred to in the international literature as regional identity [Paasi 2000; 2002; 2003; van Houtum & Lagendijk 2001; Raagmaa 2002; Landaboso 2003]

Common identity dates back to social, territorial, historical and cultural roots [Paasi 2003], it can appear in ideas, cultural elements, specific dialects, traditions, natural landscape or built environments, but even in economic success. Regional identity is both a conscious and an emotional identification, a connection to a region, which is the result of a process of historical and territorial socialization. Emotional attachment is highly dependent on e.g. from how long someone has lived in that place and in what form and how much they are attached to those who live there [Raagmaa 2002].

Recent approaches suggest that regional identity can be grasped in three closely intertwined dimensions: the strategic, cultural, and functional identity dimensions [van Houtum & Lagendijk 2001]. This also means that a region will have its own identity if it differs from other regions in terms of its strategic plans (strategic identity), cultural assets (cultural identity) and its functional activities / dimension (functional identity). Strategic identity means that the population, institutional and organizational actors of a given region have common goals, and have a common, documented vision of the given area, since in part this makes the area special. Cultural identity is the process through which a common self-consciousness, a sense of belonging, develops and strengthens. Its value bases and elements are usually the common symbols that help individuals recognize their belonging and express the unity of the region. Functional identity (dimension) refers to socio-economic cooperation, relationships and bonds within a region.

Regional identity is expressed in different ways. It may be simply a regional inferiority complex or regional pride. More intense regional identity is expressed in a certain sense of belonging. Paasi [1986] identifies in his model four shapes in regional identity formation:

- (1) the constitution of the territorial shape,
- (2) the symbolic shape,
- (3) the institutional shape,
- (4) the emerging socio-spatial consciousness of the inhabitants and the establishment of the region/locality in the regional system.

Existing strong regional identity enables the growth of social capital (networking, shared values and trust) and cooperation. Regionally and locally embedded identity creates greater collective and personal work motivation, induces learning and civic activities, as Harvey wrote:

“This dynamism of regions and identities has been increasing particularly nowadays, when competition in the image building trade becomes a vital aspect of inter firm competition ... and the search for historical roots are all signs of a search for more secure moorings and longer lasting values in a shifting world.” [Harvey 1990, cited by Raagmaa 2002, 62].

Identity can refer to those aspects which make a place identifiable, or unique but can also refer to the way individuals or groups identify with a place. A common view so far is that uniform concepts of planning and development together with the ‘commodification’ of places has led to the loss of localized identity. However, it now appears that the increased pressure on city managers to compete for investment and ‘market’ their locality has led to a renewed interest in local difference. Creating a sense of identity is essential for successfully generating economic activity and urban marketing. “As urban management moves closer to urban mar-

keting the city will become increasingly fragmented into discrete stereotypical pieces with a thematic rather than spatial relationship.” [Erickson & Roberts 1997, 35]. Local areas are now increasingly seen as places for entertainment, leisure activities. These developments are closely connected with a redefinition of local identity. They reflect a cultural interest in locality in the larger society, which encourages customs, practices and social demands. At the local level these new demands and images are incorporated into the construction and identification of new local identities. In examining the processes of transformation and redefinition of local identity can consider the heritage feature as an element of tourist development at local level. [Erickson & Roberts 1997].

We will focus here on the relations between identity, ethnicity and location. Northern identities are also profoundly tied in with the region. Regardless of their ethnicity, people living in the same region share similar problems as citizens in their local communities. On the one hand, northern identities are seen here in terms of hybrid and changing phenomena. At the same time, strong claims are being made about the ancient heritage and essential features of northernness. Second, northern identities are influenced by individual and collective experiences that are emphasized in sharing and understanding northernness. Finally, there are social practices and structures that both contribute to and constrain northern identities.

Sari Pietikäinen and her colleagues made the following findings regarding Sámi indigenous identity [Pietikäinen 2003, 583–584]: “Sami identity has been articulated through time and territories, and across changing political, cultural and legal circumstances. This identity work has been - and still is - a dialogue between the past and the present, between the traditional and the new conditions. For instance Veli-Pekka Lehtola (1997), a prominent Sami scholar, notes that the Sami have survived as an indigenous people precisely because accommodating to changes has always been part of Sami identity and culture... Another Sami scholar, Rauna Kuokkanen (1999) describes Sami identity as ‘jutaava’ (moving). This is a Finnish word that refers to moving one’s place of habitation, but has a specific reference to the trek the Sami follow due to the migration of the reindeer and the circulation of the seasons... Sami identity not only involves language, livelihood or living in a specific area, but it also presupposes a deeper and more complex sense of belonging to a culture, family and heritage that stretches over the North and across the centuries”. The abovementioned findings are also true of the indigenous peoples of Taimyr.

2.6. Arctic and mixed identity; “Northerner”/’Severyan’

Since the Arctic is being influenced by extensive processes of change, including internet access, migration, and globalization, the complexity of identities increases correspondingly. Overall, a slightly improved understanding of mixed or multiple identities is a trend since the first AHDR. [Schweitzer et al. 2014, 131]. As it stated, “The emergence of Arctic identities and a sense of Indigenous and, more broadly, Northern identity becoming an asset: Culture, especially indigenous culture in the North, has increasingly become a resource, both in the sense of a commodity and in the sense of a tool that makes external recognition easier. Also, there is a growing sense of the marketability of the North, which may present certain advantages to being in the North.” [Larsen & Fondahl 2014, 23] – Our experience confirms this statement in the context of Dudinka.

The 3rd chapter of AHDR-II [Schweitzer et al. 2014] discussed in detail the context of identity in the Arctic.⁴ It is well-known that the identity of individuals is socially constructed and can be formed and reformed over the course of one’s lifetime. It means that the personal identity depends on one’s experiences and one’s relations with other members of society: it depends on one’s calculated, strategic decisions. Identity always has individuality and group affiliations. The different types of identity, such as social, cultural and ethnic identities can emerge in any given situation where social interaction, political formation or cultural meetings take place, therefore identities are not easily classified. Identity can be changed, and the change is based on choices that can be strategic. A person can change identity over time, but it is also possible to experience and be associated with different identities at the same time and it often has varying degrees of status.

⁴ We apply the definition of AHDR-I: “Arctic encompasses all of Alaska, Canada North of 60°N together with northern Quebec and Labrador, all of Greenland, the Faroe Islands, and Iceland, and the northernmost counties of Norway, Sweden and Finland. The situation in Russia is harder to describe in simple terms. The area included, as demarcated by our demographers, encompasses the Murmansk Oblast, the Nenets, Yamalo-Nenets, Taimyr, and Chukotka autonomous okrugs, Vorkuta City in the Komi Republic, Norilsk and Igarka in Krasnoyarsky Krai, and those parts of the Sakha Republic whose boundaries lie closest to the Arctic Circle.” (AHDR-I, p. 17–18)

The identity of a person from an older generation can differ from that of a person from a younger generation of the same family. [Schweitzer et al. 2014, 127]

The result is “an increased awareness of »mixed« identities, and of the fact that many northerners have a mixed heritage.” The Arctic subregions have diverse ethnic profiles, some of them made up mostly of migrants from outside the Arctic. But it is more typical that indigenous peoples are dominant. Furthermore “There are significant demographic differences among the various ethnic groups residing in the Arctic in terms of size, urban-rural residence, household size and composition, fertility levels, mortality levels and migration patterns.” [Heleniak 2014, 89] Thus, despite the fact that the climatic and geographical conditions have a lot of similarities and parallel processes can be established in the whole arctic area, each country and sub-region has its own peculiarities. This is why it is important to have comparable data from as many regions as possible.

According to the indigenous peoples of the Taimyr peninsula, we can cite John Ziker’s Dolgan informant from the village of Ust-Avam in the ‘90s: “We are not Dolgan and Nganasan anymore. We are people of the former Soviet Union.” [Ziker 2002, 153]. As it was proposed in an earlier paper – agreeing with Krivonogov [2001] – that “*ethnicity* has no real significance and function without real cultural values. (...) Ethnicity is becoming more important for the younger generation, but their identity seems to be bereft of almost any significant meaning. They express values (e.g. the importance of language, way of life), but they do not live according to them.” [Szeverényi & Wagner-Nagy 2011, 402]. We can agree with this statement, but a great deal has happened in the last 10 years on the basis of which this statement needs to be reworded, especially in the light of urbanization.

2.7. Urban indigenous identity and Arctic urbanization

There is a difference between urban and non-urban indigenous identity as in the literature of Western territories (e.g. Australia, Canada, USA, Mexico) is accepted – in spite of the different national traditions. The question is “what makes urban Indigenous communities distinctive and unique from other Indigenous communities such as remote or rural remote communities.” (Detez et al. 2016). Detez et al. established the followings that illustrate that the main processes and distinctions are similar in the Northwest Russian context [Detez et al. 2016, 29–30]:

- Generally, a remote community is one clan or language group or all have very close tribal links.
- Like other urban Indigenous communities, the social indigenous space is filled with an array of diverse interests, agendas and power structures, all grounded in a sense of Indigenous culture, identity, ethnicity and history. All these interests play out in time, shifting landscapes, identity and culture, all contributing to the construction of an ever-changing boundary of the Indigenous social space and defining the nature and the experience of the Indigenous community.
- During the Soviet era “many of the languages, the stories, rituals and song lines were lost. As a result, opportunities for cultural participation in urban settings are now often less than those of remote communities, where traditional languages remain stronger.”
- “Aboriginal culture, like any other, is not static and Aboriginal people neither become bereft of culture when they ‘lose’ the traditional, nor are they suddenly transformed into non-Aborigines”. [Morrisey et al. 2007, 245]
- “In urban environments experiences and practice of culture and belonging can be complicated by a range of different factors. Formal bureaucratic constructions of ‘Aboriginality’ are currently centred on Aboriginal descent, identification as an Aboriginal person, and acceptance as Aboriginal by one’s community. However, as Hansen and Butler (2013) have argued, non-Aboriginal people have constructed views of urban Aboriginal identity as illegitimate or ‘less authentic’ ”. [Detez et al. 2016, 29]
- The urban indigenous communities exist within larger non-indigenous communities and are generally very much in the minority.

The research interest of indigenous peoples/communities in urban environments has a long tradition in anthropology and sociolinguistics. The process of the Arctic urbanization increasing interest since the turn of the millennium (primarily cf. Aboriginal People’s Survey 2001 (APS, Statistics Canada 2003) and the Arctic Human Development Report (AHDR, Einarsson et al. 2004)), but as early as the 1960s. “Arctic urbanization” is a separate research field, despite the fact that the situation, historical, political and economic context

of Arctic cities (and their inhabitants, including indigenous peoples) are very different. The concept of “city” itself varies from region to region/country to country, for example in the US, Norway or Russia (e.g depending on population), and although the 2nd AHDR highlights that there is a need for more knowledge on the impacts of global change on Arctic cities and urban areas, [Larsen & Fondahl 2014, 22], the research on Arctic cities of Russia are still underrepresented, but more and more studies are dealing with the region (e.g. Rozanova 2019). There are many reasons for the increasing interest: „Interest in the Arctic has mushroomed, due in large part to climate change and expected resource development opportunities, and the media hype regarding these developments. The Arctic is becoming more “marketable” and Arctic identities are seen increasingly as an asset. Concomitantly Arctic residents are themselves redefining what it means to be “a Northerner” [Larsen & Fondahl 2014, 22].

Another of the major findings of the AHDR-II was that „The emergence of Arctic identities and a sense of Indigenous and, more broadly, Northern identity becoming an asset: Culture, especially indigenous culture in the North, has increasingly become a resource, both in the sense of a commodity and in the sense of a tool that makes external recognition easier. Also, there is a growing sense of the marketability of the North, which may present certain advantages to being in the North.” [Larsen & Fondahl 2014, 23]. This is true not only for Scandinavia and North-America, but this is the tendency also in the Russian Arctic.

2.8. Urbanization in Russian Arctic

From a historical point of view three waves of urbanization can be established in the Arctic. The first is the colonial wave, the “Soviet’ wave and the “globalization’ wave [Laurelle 2019]. The “globalization wave” has three “engines” [Laurelle 2019]: industrial activities, the militarisation of the Arctic, and the development of regional administrative centres. In Russia, the definition of "Arctic City" is also unclear from an indigenous point of view, as many indigenous minorities who live in non-Arctic, preferably subarctic, and cities are also considered Arctic (this justified the involvement of Khanty-Mansiysk in the project). In a narrower sense, 16 Arctic cities can be examined (Murmansk, Norilsk, Mirnyi, Dudinka, Arkhangelsk, Naryan Mar, Salekhard, Apatity, Kirovsk, Vorkuta, Severodvinsk, Yakutsk, Noyabrsk, Monchegorsk, Novyi Urenгой). Globally, increasing urbanization can be observed, however, in the case of the Russian Arctic Cities this is not clear, there are also examples of urbanization, e.g. The population of Dudinka is also declining from year to year, and this is more the case: only 5 of the 16 cities mentioned have grown in population over the last decade. Behind this duality are the opposite effects of the 2nd Soviet-era urbanization (followed by the industrial, mining activity typical of the SU period, and the economic downturn after the dissolution of the Sovietunion) and the 3rd Wave (another Arctic activity, mainly related to mining). An example of the former is Vorkuta, the latter Salekhard [Laurelle 2019: 7]. “Russia is a highly urbanised country, with 73 percent of the population living in urban areas and only 27 percent in rural settlements. With the indigenous peoples of the North, the picture is reversed: in the 2010 census, only 33 percent fall under “urban population”, while 67 percent are rural dwellers” [Rohr 2014, 10].

The data about the Russian Federation show many things when we look at the statistics of indigenous peoples. Between 1955 and 1975, 800 new cities were born in Siberia [Nagy 2015, 55]. The urban population in the region and its ratio to the total population is growing steadily and exponentially. A study [Sokolova & Stepanov 2007, 76], referring to data from the 2002 census, finds that more than 16 of the 40 northern peoples surveyed have an urban population of more than one-third, while the highest proportion is more than two-thirds, and the overall rate 31.2%. Data from the 2010 census are extremely similar to this. These proportions are also true for the Krasnoyarsk Territory.

Table 1

Urban/rural population in the Krasnoyarsk Territory

	total population, thousand people				percentage of the total population			
	urban		rural		urban		rural	
	2002	2010	2002	2010	2002	2010	2002	2010
Krasnoyarsk Krai	2245,7	2157,7	720,3	670,5	75,7	76,3	24,3	23,7

Settling in the city is not a completely voluntary decision. Indigenous peoples are under administrative and existential pressure, leading to settlement. But it should also be noted that the oil industry, mining, and industrialization are in fact a competition for the traditional way of life. Moving between the town and the village is essential to understanding the ethnic identity of the Siberian indigenous minorities. It is difficult to classify informants by municipality who have not lived in a city since birth but have moved there later, such as university students, or who may commute between the countryside and the city at variable intervals. The most typical form of this in Russia (e.g. in the Khanty-Mansi Autonomous Area) is the so-called *vahtovanie* form of work in which workers commute in two-weeks or monthly shifts between their home and workplace, a large city, or an oil-producing area. This kind of lifestyle and other new forms of migration call into question the community and spatial theories of science used so far [cf. Nagy 2015, 64], so the village-city opposition is also becoming more and more relational, the endpoints of which are connected by the movement of people and their relationship is determined by the dynamism of the movement. Therefore, the linguistic effects thus obtained should not be neglected in urban research issues either. Those belonging to these groups are exposed to significant urban influences, while also pursuing their rural lifestyle to a greater or lesser extent [Mácsai 2017].

Traditionally, the concepts of group, culture and space are closely intertwined, where the group always means a society tied to one space, necessarily with a unified culture. Territoriality was also a principle of community and identity. Migration, change of location was thus basically interpreted as a change of culture and identity, according to which migration is the transition to another culture, which meant the loss of the original culture in exchange for another admission. However, migration is no longer necessarily a detachment from the original community and, in fact, often explicitly confirms identification with it. The “distant” locality may even be more important than what we are in, so the space of residence and cultural identity may be separated in translocal space: the space where we live and the space that is the basis, reference point of our identity [cf. Nagy 2015, 64].

3. The research

3.1. The research site

3.1.1. Indigenous peoples in Russia: the official data and possibilities

The Russian Federation has an unusually complex structure. Since the annexation of Crimea in March 2014, it has now had 85 subjects (members) of the Federation. There are 22 ethnic republics, each with the constitutional right to an official language in addition to Russian. Russia’s population is falling, currently around 140 million. “Russia stated in the first periodical report of the Russian Federation that, the Russian Federation is one of the largest multinational states in the world, inhabited by more than 170 peoples, the total population being about 140 million.” Russia also reported that, “The education in Russia’s schools is now available in 38 languages. As many as 75 national languages are a part (including languages of national minorities) of the secondary schools curricula (to the Advisory Committee under the Framework Convention for the Protection of National Minorities (FCNM) Council of Europe 2000)” [Browning & Borgoyakova 2017, 350].

Russian (and the former Soviet) legislation distinguishes between “indigenous numerically-small peoples” (less than 50,000), and other non-Russian peoples, – e.g. in the Arctic, the Sakha and the Komi. This feature is more relevant than their location (as Arctic or Subarctic etc.). Administratively, the “Arctic Russia” covers Arctic and subarctic areas as well (see footnote 1). In linguistic, ethnic or cultural context, therefore, the term *Arctic* (арктический) is not widely used in Russia, but, mainly in economic-political context. Languages are really used for those living in the Arctic, but seemingly contradictory: e.g. by definition in the Народы Арктики wikipedia article, this includes peoples living north of the Arctic Circle, but the list includes the Evenkis, Mansis, Finns, and Komi, who typically live below the Arctic Circle. Furthermore, and partly because of this, not specifically Arctic territories and even more so non-Arctic languages/peoples are classified as “Northern”.

According to the laws – “On the State Guarantees and Compensations for the Persons Employed and Residing in the Far North and Equivalent Regions” of February 19, 1993, and in 1994 provided the enumeration of the peoples who were included in the special treatment within the scope of this law – the “Small-numbered indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East” are the peoples who

- count less than fifty thousand persons in Russia;
- inhabit the traditional territories of their ancestors;

– preserve their original lifestyle.

In 2000 governmental decree N 255 “On the Uniform Register of the Small-Numbered Peoples of the Russian Federation” officially recognized 45 ethnic categories.⁵

According to the laws these peoples are protected under the following minority rights provisions in Russian legislation:

- exempted from military service and land-use taxes;
- have priority rights to wildlife resources;
- have a right to compensation if the state uses their territory for mineral extraction,
- have a quota in higher education facilities,
- have an earlier retirement age.

These provisions raised the numbers of many small-numbered indigenous ethnic groups. They have changed their identity if they were born in mixed families. Most of them are less indigenous, do not practice hunting herding or fishing activities and are highly urbanized (50-70%).

3.1.2. Dudinka

Dudinka is a port city on the banks of the Yenisei, in the northernmost part of Siberia, beyond the Arctic Circle in Russia. Administratively, it also includes five villages: Volochanka, Levinskie Peski, Potapovo, Ust-Avam, and Khantaiskoe Ozero, which are located 90 km to 340 km from Dudinka. It is the seat of the district of Taimyr (Dolgan-Nenets) M. D. in the Krasnoyarsk Krai.

Accurate data on the ethnic distribution of the urban population are rarely published: Indigenous Peoples in K.K. (2010) and Taimyr M.D. (2008)

Table 2

Ethnic distribution in the Krasnoyarsk Region and in Taimyr M.D. (2008)

	Russia	Krasnoyarsk Krai (2010)		Taimyr Municipal District (2008)
All		2 727 566		
Russian*		2 490 730		
Nenets	44 640	3 633	8,1 %	3,486
Evenki	37 843	4 372	11,5 %	270
Dolgan	7 285	5 810	79,7 %	5,517
Nganasan	862	807	93,6 %	749
Enets	227	221	97,3 %	168
Indigenous minorities in Krasnoyarsk Krai			0,54%.	

65% of the population of the Taimyr M.D. lives in cities. There are 21,978 people living in Dudinka (according to the city’s official website on the basis of data as of January 1, 2018) and 22,175 people according to the 2010 census in Russia (25,132 in 2002 and 32,325 in 1989). The city is inhabited by five indigenous minorities in addition to the Russian majority, the largest number of Nenets and Dolgans, as well as Nganasans, Evenkis and Enets.

The next table shows urban-rural rates by the indigenous peoples of the Russian Fed. living in the Taimyr Peninsula basing on the 2010 Census:

⁵ Aleut, Alyutor, Veps, Dolgan, Itelmen, Kamchadal, Kerek, Ket, Koryak, Kumandin, Mansi, Nanaj, Nganasan, Negidal, Nenets, Nivkh, Oroch, Oroch, Saami, Selkup, Soyot, Taz, Teleut, Tofalar, Tubalar, Tuvins, Udegej, Ulchi, Khanty, Chelkan, Chuvan, Chukchi, Chulym, Shor, Even, Evenki, Enets, Yukaghir, Eskimo (raipon.org)

Table 3

Urban-rural rate by the indigenous peoples of the Russian Fed. living in the Taimyr Peninsula

	In RF	urban	rural
Dolgan	7885	1840	6045
Nganasan	862	315	547
Nenets	44640	9543	35097
Evenki	37843	10021	27822
Enets	227	57	170

As it can be seen, the rate of urban/rural population of the five indigenous peoples of the Taimyr Peninsula is similar: appr. 30-40% of them live in cities and 60-70% live in rural areas. Almost all Nganasan and Enets live only in Taimyr Peninsula/Mun. District. Most Nenets and Evenki peoples live outside the District, but their urban/rural rate can be similar in the other districts as well.

The freshest data⁶ shows that although the population of indigenous peoples of Dudinka is relatively high it is not true entirely, because the Dudinka's five villages also belong to the city officially. For instance, in Dudinka the number of Nganasans is 654, but only 111 live in the city, most of them live in Ust-Avam and Volochanka which are cc. 300 km far from the city of Dudinka:

Table 4.

Population of indigenous peoples of Dudinka

	Dudinka		Potapovo Volochanka	Khantaiskoe ozero Levinskie peski	Ust Avam
Summa	21 978	8,9 %	402	604 364	170 628
Dolgan	1715/786	45,8%	26	295 184	97 327
Nenets	550/390	70,9 %	149	3 0	7 1
Nganasan	654/111	16,9%	10	266 0	7 260
Evenki	260/71	27,3%	40	0 148	0 1
Enets	37/24	64,8%	11	0 2	0 0
	3216/1971		236	564 334	111 589

The official language of the city is Russian. The members of the indigenous population are very different and diverse in terms of language skills from individuals to individuals and ethnic communities, and their language use habits are also very variable. Whereas for some of the minority languages language can be a mother tongue, for others it is learnt at school or later in life. There are also people who hardly speak their minority language.

Regarding their language use habits, in addition to strong language assimilation tendencies, the use of the mother tongue can be observed among all minorities living in the city, however, we can only talk about the general level of mother tongue use considering the older generations. In the younger age groups, the process of language assimilation has practically ended, language shift has taken place, they, without exception, speak the majority language better. At the same time, each minority strives to preserve its mother tongue in some form and level. However, the language of the grandparents is only learned by the grandchildren as a foreign language at school or in the framework of specially organized language teaching.

It is mainly the older generations that speak and use their language. They work mostly in educational and cultural centers, in the media, where the indigenous minority culture, language and identity have been preserved. However, the majority of communities have no or little knowledge of their mother tongue.

Although to a very small extent, in recent decades revitalization efforts can be observed in the city: family clubs have been established (Nenets, Dolgan, Nganasan), events, classes, language courses have started, "language nests", summer schools have been organized. However, these are mainly ad hoc, project-based initiatives of the state.

⁶ Data collected during fieldwork, from the local administration (2019).

The teaching of minority languages is the prerogative of some schools only, where typically only one language (Nenets, Nganasan, or Dolgan) is taught, sometimes in the absence of mother tongue teachers and teaching materials. Pupils can learn them as a foreign language in 2-4 hours a week.

There are 19 educational institutions engaged in mother tongue education in Taimyr, employing 51 minority language teachers. (16 Nenetses, 25 Dolgans, 5 Nganasans, 1 Enets and 1 Evenki). “Mother tongue” is taught at Taimyr College (Dolgan, Nenets, Nganasan, Enets and Evenki). However, textbook publishing is the most deficient area of mother tongue education in Taimyr. There is a shortage of both properly trained authors and methodology with regard to their language skills, but there is also a lack of language standard and tradition of writing in some of the languages in question. For all that, between 2012 and 2017, no less than 5,920 teaching aids were published.

Several major national and international educational projects were developed during the last decades. Among other things, one of the largest is the Language Nest Project in kindergartens, which was launched in 2008 in cooperation with the Finnish leadership and further Finno-Ugric peoples

There are primary school projects aiming to reorganize traditional national cultural groups in minority communities. The pedagogic program of the 1th Boarding school of Dudinka concentrated on nomadic culture for a whole school year: “Ethnograd - city of the nomad culture”. In addition, several art ensembles have been formed in the recent period:

- *Taimyr* children's choreographic ensemble, 1996
- *Sare Tes* folklore ensemble, 2013 (Karaul)
- *Huluksan* Dolgan dance ensemble, 2001 (Volochnanka)

Family clubs:

- *Maj'ma* Nenets family club, 2005 (Dudinka)
- *N'a tansa* Nganasan family club (Dudinka)
- *Biirge* Dolgan family club (Dudinka)
- *Jalmd* Nenets family club (Karaul)
- *Sare Tes* is multiethnic club (Karaul)
- *Vavle Nenyng* Nenets family club (Ust Port)
- *Rainbow* Nenets family club (Nosok)

There are also two cultural and folklore centers in the city: City Folk Art Center of Dudinka and the House of Folk Arts of Taimyr – Chum, which are home to indigenous artists, the preservation and transmission of traditional culture, traditions, and language: exhibitions of arts and crafts, folklore performances in native language, organizing traditional national ceremonies, activities and sports, trips to the tundra to study flora and fauna, sewing national clothes, embroidering and weaving beads, cooking national foods, etc.. Both are located in the heart of the city, surrounded by indoor museums and outdoor community areas. [Bataeva 2017]

3.2. Fieldwork in Dudinka [Várnai 2021a]

In our latest fieldwork in Dudinka (December, 2019) we worked with the so-called identity game. On the basis of our former knowledge regarding the specialties of the region and speech communities in question, as well as our fieldwork experience, our team has developed and applied a so-called identity game (see 3.3.)

We conducted 19 interviews (16 hours). The interviews have been structured to map (1) the domains and patterns of personal language use, (2) language attitudes, (3) the presence of the communities involved in the maintenance of the heritage language and culture in the target city and the participation of the interviewees in their activities, (4) the ways personal ethnic identities are constructed. The block of questions under (4) on identity construction is in the focus of this investigation containing closed and open-ended questions on the role of the language and other elements of the indigenous culture in the construction of today's ethnic identity. The interview ends with an ‘identity game’ requesting the participants to arrange constituents of the indigenous culture in order of importance with regard to their own ethnic identity.

Semi-structured interviews conducted with 19 participants born between 1950s and 2000s who identify themselves and whom the local community also identify as aboriginal people. We had 13 female/ 6 male consultants, two 70 years old, three of them 60 years old, 6x40-50 years old, 2x30 years old, 6x20 years old. By nationality they considered themselves as Nenets (5), Dolgan (5), Nganasan (5), Enets (2) and Evenki (2).

19 people took part in the interviews: 6 (3 men and 3 women) were born after the 1990s; 8 (3 men and 5 women) were born near the 1970s and 1980s; and 4 women are the members of the elder generation, they were born in the 1950s- 1960s. Most of them resided in the municipality of Dudinka most of their adult lives.

Regarding their ancestry, all of the participants have indigenous parents, and all grandparents as well. In terms of language proficiency data is based on self-assessment of the four language skills: speaking, listening, reading and writing. Most of the participants consider themselves fluent or good speakers of his/her heritage language. Fluent speakers also have fluent listening skills, but they often lack reading and writing skills. The respondents from the elderly generation have very good language skills in speaking, listening, reading and writing also.

Young respondents are mostly students, two of them work as artists at the Folklore Center. Men are engaged in traditional occupations, they are all craftsman, carvers, while the majority of women work in education and folk art in the urban areas of the Taimyr. Respondents were all born in villages or on the Tundra in the rural areas of the Taimyr Peninsula. In terms of participant mobility, usually they have not left the arctic area, its rural areas, while during their education they had some urban experience when studying in secondary and / or higher institutions, e.g. in Norilsk, Krasnoyarsk or Saint Petersburg. Ten of the participants are married, most of them to aboriginal spouses, while nine are single. Those respondents who are married all have children.

Our aim during the interviews on the one hand, was to see how significant the linguistic aspect of ethnic identity used to be in the early years of participants' lives versus today, especially in informal domains of language use. On the other hand, we were also interested in mapping out the participants', their parents' and/or their grandparents' attitudes to transferring their language to the young generations.

Each participant claims to be proud of being a member of the aboriginal peoples of the Taimyr. At the beginning of the interview each participant was asked to talk about his or her childhood, most specifically about norms of language use in the family and in the school domain.

During the interview participants were also asked to assess their language proficiency in heritage language. While thirteen of them believe to be able to speak fluently, six of them cannot speak it at all. They were all brought up exclusively in Taimyr, except one man who had spent his childhood in the Evenki area. All of the interviewees were brought up in indigenous families and none of them have Russian parents. All of them are today advocates of their indigenous language and culture. Education in primary schools has played a significant role in their linguistic identity. All of the eighteen speakers had taken part in some sort of institutional education in Russian language. Many participants had the opportunity to receive education in their mother tongue, but these project-based forms were ad hoc and short lived. Many people complained about the scarcity of teaching materials or the poor qualifications of teachers. In accordance with Russian educational practice since the Soviet regime, children are collected and taken to a boarding school from those settlements where they were not schools. All interviewees reported on the difficult years of starting school. Changing the language and the foreign environment definitely put a strain on their childhood. Regardless of their age, there are some who have experienced these years as a serious psychological trauma.

Most of the youngest participants, unless they were born in aboriginal family with a Dolgan/Nenets/Enets mother and father, explain that their parents did not consider it important to speak with their child at home. All of them spoke Russian with other family members as well. So many of them don't speak their mother tongue at all. There are also some middle-aged interviewees, who did not have the opportunity to learn their language as an L1. As for their family background, their parents are aboriginal people who decided to speak Russian with their children so that they could manage better in the Russian majority community.

The traditional fishing hunter lifestyle, and the traditional living space contributing to the maintenance of the heritage language. Many interviewees said that urban conditions are not conducive to the preservation of the language. Rural conditions are conducive to the preservation of the language not only among elderly people. Two men said that moving to the city later did not forget their mother tongue, but they experienced changes in their language and language use, and they are ashamed of this.

3.3. Identity elements

In the framework of the project mentioned above the participants applied traditional methods and a new vehicle, a so-called „identity game” was developed and applied – developing a common methodological approach. Identity construction is in the focus of this investigation, the link between identity and language. Thus, a deeper understanding of what exactly the linguistic and non-linguistic markers of this identity mean

for the indigenous peoples. To investigate this, we developed a special method based on minority identity elements determined with the help of fieldwork observations and the results of our research.

The following concepts were defined as the main components of the identity of the examined minorities: kinship, nationality of parents; traditions and culture; language; religion; knowledge of the past; genetic similarity. During the 'Identity game' requesting the participants to arrange constituents of the indigenous culture in order of importance with regard to their own ethnic identity. The items related were printed on pieces of paper, and participants were asked to arrange them in order of importance, i.e. to put the item that describes their ethnic identity the best in the first place and the one that describes it the least in the last place.

Comparing the data during the analysis we examine the individual elements in their relation to each other, so we get a picture about which elements of the minority identity of the communities losing their language are the ones that come to the fore during assimilation and language shift. Each element was identified separately for the different urban communities — in Dudinka, Enontekiö, and Khanty Mansiysk — studied. For the sake of comparability, we sought uniformity, but this principle could not be fully enforced. There were elements that all indigenous communities could claim, but there were some that were unique to one: for example, while being listed in the electoral register is an important element of the minority identity of the Sámi community in Finland, it is a completely negligible for those living in Russia due to their different political status. Or while traditional food is an important part of the identity of Russian communities, it should not be included among the identity elements in the case of Sami in Finland, as Sami traditional food is not different from the food of the majority Finnish cuisine [Duray 2018]. Table 5 illustrates the relative importance of each item as each participant perceives them.

Table 5.

Aspects and components of minority identity in Enontekiö and Dudinka
[Duray 2018, Horváth 2021, Várnai 2021b]

Results of Dudinka (Zsuzsa Várnai)	Results of Enontekiö (Zsuzsa Duray)	Results of Khanty Mansiysk (Csilla Horváth)
1. Close relatives	1. Close Sámi relatives	1. Speaking the indigenous minority language
2. Language	2. The Sámi language	2. Knowing traditions and folklore
3. Religion, traditional holidays	3. Reindeer herding and related activities	3. Having minority ancestors and/or relatives
4. Folk art, handicrafts	4. Traditional Sámi costumes	4. Practicing traditional ritual activities and customs
5. Traditional way of life (reindeer hunting/herding, fishing, living in tundra)	5. Keeping contacts with the Sámi community	5. Owning and wearing folk costumes
6. Folklore, fairy tales, stories, songs	6. Sámi handicrafts	6. Practicing traditional crafts
7. Living in Taimyr	7. Fishing	7. Playing traditional music and doing traditional dance
8. Active participation in the activities of local cultural organizations	8. Living in Lapland	8. Living in the traditional territories
9. Contact with the community, participation in cultural events	9. Sámi indigenous religion	9. Fishing, hunting
10. Eating habits, cooking traditional dishes	10. Taking part in the activities of Sámi organizations	10. Reindeer breeding
11. External / internal properties	11. Being listed in the electoral register of the Sámi Parliament	11. Preparing traditional food

	12. The Sámi joiks/Joiking	12. Living in a traditional type of building
	13. Staying in a Sámi tent	13. Participating in the programs of indigenous organisations

It should be noted that this survey provides only a comprehensive picture, it is not a representative sample, because of the relatively small number of respondents. There could be significant differences between each indigenous group (population, spoken language). All this can fundamentally affect e.g. the establishment and survival of the traditional group. But there can also be differences at the individual and family level depending on whether the given person e.g. keeps in touch with relatives living in the tundra (are there relatives, and what kind of lifestyle do they have), do they have direct ancestors (parents, grandparents) from whom they can learn on the first hand (language, recipe, dance, folk customs, dressmaking etc.) or from others, this is only possible in a community space. Thus, this picture can be nuanced later by analyzing interviews, which will be the subject of another study.

Our results are in line with expectations. The ancestry came among the first. We predicted that language would play an important role in these communities, despite the fact that language use patterns did not show any correlation with who professed to belong to which community or what they considered their mother tongue. While the traditional way of life (reindeer husbandry) was ranked as the most important by Sámi respondents, it does not play such an important role in urban communities in Russia. Living in a traditional type of building does not play an important role in any of the communities.

4. Conclusion

4.1. Identity context

The identity in the city arises in the context of “others”, in this respect, the indigenous should differ in the city. Urban identity is valued in the context of the identities of others and becomes “different” that can be manifested first of all in native institutions and cultural events. It has been revealed that the aspects operating in an urban environment and ensuring the survival of native identity elements are relatively important.

Because of the minority culture that has survived in everyday life, interweaving and defining all areas of life, it no longer exists in its entirety and in the traditional sense in any minority, but is occasionally expressed. The reason for this is modernization and assimilation. The traditional elements and customs of minority culture no longer live in everyday life, but in stage events and cultural centers choreographed as festive customs at local, regional and national or even international ethnic meetings and events. Usually, urban intellectual activists are the ones who make the culture of the indigenous peoples of a given area visible. They organize celebrations, festivals, conferences, launch magazines and newspapers, and operate folklore ensembles. The ethnic culture thus created is primarily a festivalized, professionalized culture, with a well-grasped, limited number of well-interpreted cultural elements that have excellent advertising value. At the same time, it is the urban intelligentsia who have the most access to economic and political resources: it is their organizations that develop the framework for the distribution of benefits and subsidies, and those that do so in practice - validly for the villagers. The urban intelligentsia has a prominent role in the enforcement of ethnic interests and in the shaping of ethnic discourses. The existence of these organizations strongly depends on the size of the urban population, the degree of urban intelligence lined up behind it. In ethnopolitical arenas, only these urban activists and ethnic entrepreneurs have the opportunity to represent the interests of a group represented as an ethnic group, including non-urban residents. One of the main goals of these movements is to provide the institutional and legal possibilities of the traditional way of life, which is considered to be closely related to the given ethnicity, which can be realized primarily in a non-urban context. At the same time, it is clear that non-city dwellers also provide the legitimacy base for the functioning of urban activists: they are the current reference point, their traditional way of life is what can be presented as an emblem that can be used in ethnopolitical and even in some places regional politics [cf. Nagy 2015].

According to Nagy [2015] the example of Jugra in the Khanty-Mansi Autonomous. District similar can be said to the indigenous peoples of Taimyr. On the one hand, it can be seen how important the maintenance of ethnic discourse is for the elite representing local indigenous minorities, and how it is used to represent the interests of the referenced ethnic group - and themselves - in relation to the majority society in local politics. On the other hand, this elite and the culture they represent are used by the district's administrative

leaders to articulate regional interests toward Moscow in big politics. A serious institutional system has been established in the region to present the culture of the local indigenous peoples: institutions cultivating traditional culture, folk art centers, folklore ensembles, museums, where dozens of “Russian folk artists” work. Some elements of the culture of the five indigenous peoples of Taimyr are also used in state-sponsored but alternatively organized art life. The increasing use of the name "Taimyr" as brand, the inclusion of the ornamentation of indigenous peoples in the urban landscape, the presentation of the customs and traditions of indigenous peoples at regional and state holidays, sports events are all examples of how to create an independent identity of the region within the Russian Federation. However, language is one of the most important factors, although the knowledge and use of the language disappears.

4.2. Language and city

The role of the native, indigenous language in the city differs from rural circumstances, however, the decreasing number of speakers in villages shows some parallel characteristics. The language is disappearing but its value remains important for the community. It is also important to examine the city in terms of language use, as, contrary to previous expectations, urbanization does not simply mean the disappearance of small languages. On the one hand, new, highly effective and independent scenes of language use are discovered, and on the other hand, the reduction of language use is not accompanied at all by a decrease in the prestige of language, which is also the basis for revitalization. There is also an important contradiction between the fact that ethnic entrepreneurs closely link the existence of ethnicity and language, in line with Russian expectations, which has virtually nothing to do with everyday language use.

As the results of the “identity game” show, language is the second most important factor of the identity of Dudinka’s indigenous peoples, in spite of a small number of the speakers. In this respect there are differences among the minorities depending on their population and number of speakers. What can the importance of language mean in a city where there are a few possibilities/occasions to use it? In the case of rural minorities of Taimyr, no exact and fresh data about the usage of the language, data is based on some former research [e.g. Krivonogov 2001, Szeverényi & Wagner-Nagy 2011, Siegl 2013]. The value of the language lies in its factor of identity, the native language as an abstract or relique object or an instrument for saving the culture (e.g. in nests and clubs), and not as the instrument of well-being, the basic education. Institutions and native clubs first of all that deal with indigenous heritage serve for the remembrance and preservation of traditions and one of the few places where indigenous language use has prestige. It seems that native indigenous identity (as a part of another identity) can exist without use of the native language. Decreasing or losing the practical role of language does not mean losing ethnic identity, language alone is not an identity-forming factor [Bindorffer 1996, 1997, 2001, Schmidt 2008].

REFERENCES

- Bataeva L. V.** *Etnoorientirovannoe obrazovaniye Taimyra* [Ethno-oriented education of Taimyr]. Sankt-Peterburg: Almaz-Graf. 2017. In Russian
- Krivonogov V. P.** *Narody Taimyra – sovremennyye etnicheskiye processy* [Peoples of the Taymyr - Modern Ethnic Processes]. Krasnoyarsk: Izd-vo KGPU. 2001. In Russian
- Sokolova Z. P. & Stepanov V. V.** *Korennoye malochislennyye narody Severa. Dinamika chislennosti po dannym perepisey n aseleniya* [Indigenous small-numbered peoples of the North. Numbers dynamics according to census data]. Этнографическое Обозрение 2007, no. 5, pp. 75–95. In Russian
- Socialno-demograficheskiy potret Rossii po itogam vserossiyskoy perepisi naseleniya 2010 goda* [Socio-demographic portrait of Russia, based on the results of the 2010 national census] Oficial’noye izdaniye. Moskva Statistika Rossii 2012. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/portret-russia.pdf (accessed August 26, 2021). In Russian.
- AHDR-I = Arctic Human Development Report* 2004. Akureyri: Stefansson Arctic Institute https://pame.is/mema/MEMAdatabase/349_Arctic%20Human%20Development%20Report.pdf (accessed August 30, 2021) In English
- Barth F.** (ed.) *Ethnic Groups and Boundaries*. London: George Allen & Unwin, 1969. In English.
- Barth F.** Régi és új problémák az etnicitás elemzésében [Old and new problems in the analysis of ethnicity]. *Régió*, 1996, vol. 1, pp. 2–25. In Hungarian.
- Bindorffer Gy.** *Identitás kettős kötésben. Etnikai identitás és kulturális reprezentáció a dunabogdányi svábok körében*. [Identity in a double bind. Ethnic Identity and Cultural Representation among the Swabians of Dunabogdany] Budapest: MTA PTI, 1996. In Hungarian.

Bindorffer Gy. Nyelvében él az etnikum. Identitás, nyelvi és kulturális reprezentáció egy magyarországi sváb faluban [The ethnicity lives in its language. Identity, language and cultural representation in a Swabian village in Hungary] *Szociológiai Szemle*, 1997, vol. 2, pp. 125–141. In Hungarian.

Bindorffer Gy. *Kettős identitás: Etnikai és nemzeti azonosságtudat Dunabogdányban* [Dual identity: ethnic and national identity in Dunabogdany] Új Mandátum Kiadó. MTA Kisebbségkutató Intézet. 2001, vol. 205. In Hungarian.

Bindorffer Gy. (ed.) *Változatok a kettős identitásra: Kisebbségi léthelyzetek és identitás alakzatok a magyarországi horvátok, németek, szerbek, szlovákok, szlovének körében* [Variations on Dual Identity: Minority Existence and Identity Formations among Croats, Germans, Serbs, Slovaks, Slovenes in Hungary] Budapest. Gondolat. MTA Etnikai-nemzeti Kisebbségkutató Intézet. 2007, vol. 300. In Hungarian.

Bowring B., Borgoyakova T. Language policy and education in Russia. In: May, S. and McCarty, T. (eds.) *Language Policy and Political Issues in Education. Encyclopedia of Language and Education 1*. New York, U.S.: Springer, 2017, pp. 349–365. DOI 10.1007/978-3-319-02344-1_27. In English.

Csepeli Gy. *Nemzet által homályosan* [Now we see a blurred image in a nation] Budapest: Századvég, 1992. In Hungarian.

Csepeli Gy. *A nagyvilágon e kívül...: nemzeti tudat és érzésvilág Magyarországon, 1970-2002* [In the great world outside of here... national consciousness and emotions in Hungary, 1970-2002] Budapest: Jászöveg Műhely Kiadó, 2002. In Hungarian.

Detez G., Yarra R. *The Urban Indigenous Community: Connections Culture, Country, Identity and Health. ACELG - The report has been funded by the Australian Centre for Excellence in Local Government and Yarra Ranges Council*, 2016. In English.

Duray Zs. "If you don't speak the language, you're excluded. You're a tough one, so to say." Conceptions of being a Sámi today as reflected in interviews on language and identity with Sámi people in Enontekiö, Finland. *Finnisch-Ugrische Mitteilungen*, 2018, vol. 42, pp. 1–51. In English.

Duray Zs., Horváth Cs., Várnai Zs. Visual multilingualism in the Arctic minority context of indigenous urban communities (Enontekiö, Dudinka and Khanty-Mansiysk) — *Journal De La Société Finno-Ougrienne*, 2017, vol. 96. pp. 21–54. In English.

Dybbroe S. Is the Arctic really urbanising? *Études/Inuit/Studies*, 2008, Vol. 32, No. 1, Inuit urbains / Urban Inuit, pp. 13–32. In English.

Eriksen T. H. *Ethnicity and Nationalism. Anthropological Perspectives*, London-Boulder: Pluto Press, 1993. In English.

Erickson B., Roberts M. Marketing local identity. *Journal of Urban Design*, 1997, vol. 2, no. 1, pp. 35–59, DOI: 10.1080/13574809708724395 In English.

Fenton S. *Ethnicity: Racism, Class and Culture*. London: Macmillan, 1999. In English.

Fishman, J. A. Az "etnicitás" és a nyelvi tudatosság változatai [Varieties of "ethnicity" and linguistic awareness]. In: Pap M. & Szépe Gy. (eds.) *Társadalom és nyelv. Szociolingvisztikai írások*. [Society and language. Writings on Sociolinguistics] Budapest: Gondolat, 1975, pp. 321–334. In Hungarian.

Fishman, J. A. Language and Ethnicity. In: Giles, H. (eds.): *Language, Ethnicity and Intergroup Relations*. New York: Academic Press, 1977, pp. 1–51. In English.

Hansen C., Butler K. *Exploring Urban Identities and Histories, Australian Institute of Aboriginal and Torres Strait Islander Studies*, Canberra, 2013. In English.

Harvey D. *The Condition of Postmodernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change*. Oxford: Blackwell, 1990. In English.

Häuser, K., Frey H. P. *Identität*. [Identity] Stuttgart: Enke, 1987. In German.

Heleniak T. Arctic Populations and Migration. In: Joan Nymand Larsen and Gail Fondahl (eds.) *Arctic Human Development Report. Regional Processes and Global Linkages*. Nordic Council of Ministers, 2014, pp. 53–104. In English.

Herman J., Imre S. Nyelvi változás, nyelvi tervezés Magyarországon [Language change, language planning in Hungary]. *Magyar Tudomány* [Hungarian Sciences], 1987, vol. 94, no. 7-8, pp. 513–531. In Hungarian.

Horowitz D. L. Ethnic Identity. In Glazer N., Moynihan D. P. (eds): *Ethnicity Theory and Experience*, Cambridge & London: Harvard University Press, 1975, pp. 111–140. In English.

Horváth Cs. "Everyone in my family is Russian, but I'm Mansi." *The role of the Mansi language in constructing ethnic identity* (manuscript), 2021 In English.

Horváth I. Az etnikai kategóriák és a klasszifikáció változó logikái – fogalmi rendszerezési kísérlet. [The changing logics of ethnic categories and classification - an attempt at conceptual systematisation] *Erdélyi Társadalom*, [Transylvanian Society] 2006, vol. 4, no. 2, pp. 101–115. In Hungarian.

Jenkins R. *Rethinking Ethnicity: Arguments and Explorations*. London: SAGE, 1997. In English.

- Kis J.** Túl a nemzetállamon [Beyond the nation] *Beszélő*, 1996, vol. 3, pp. 28-38; vol. 4, pp. 24–35. In Hungarian.
- Kiss J.** *Társadalom és nyelvhasználat. Szociolingvisztikai alapfogalmak.* [Society and language use. Basic Sociolinguistic concepts] Nemzeti Tankönyvkiadó, 1995. In Hungarian.
- Krapmann L.** *Az identitás szociológiai dimenziói. Az interakciós folyamatokban való részvétel szerkezeti feltételei.* [Sociological dimensions of identity. Structural conditions of participation in interaction processes.] Oktatási Minisztérium Marxizmus-Leninizmus Főosztálya, 1980. In Hungarian.
- Kuokkanen R.** Etnostressistä sillanrakennukseen. Saamelaisen nykykirjallisuuden minäkuva [From ethnostress to bridge-building. Self-images in contemporary Sámi literature] In: M. Tuominen, S. Tuulentie, V-P. Lehtola and M. Autti (eds) *Pohjoiset identiteetit ja mentaliteetit.* [Northern identities and mentalities] Outamaalta tunturiin, Osa 1. Lapin yliopiston taiteiden tiedekunnan julkaisuja C. Katsauksia ja puheenvuoroja, 1999, pp. 95–112. In Finnish.
- Landaboso M.** *The Role of Social Capital in Promoting Competitiveness in Less Favoured Regions: Policy Options in Perspective*, 2003. In English.
http://www.ebms.it/SS/background_paper.pdf (accessed 26 August, 2021) In English.
- Larsen, J. N., G. Fondahl** (eds.) *Arctic Human Development Report. Regional Processes and Global Linkages.* Nordic Council of Ministers, 2014. In English.
- Laurelle M.** The three waves of Arctic urbanisation. Drivers, evolutions, prospects. Drivers, evolutions, prospects. *Polar Record* 2019, vol. 55, pp. 1–12. In English.
- Lehtola V-P.** *Saamelaiset. Historia, yhteiskunta, taide* [Sámi people. History, society, art.] Jyväskylä: Gummerus, 1997. In Finnish.
- Mácsai B.** Létezik-e városi kutatás az uralisztikában? (Magyarországi kutatások) [Does urban research exist in urban studies? (Research in Hungary)] *Folia Uralica Debreceniensia* 2017, vol. 24, pp. 90–114.
- Morrissey M., Pe-Pua R., Brown A., Latif A.** Culture as a Determinant of Aboriginal Health. In: Anderson I. & F. Baum & M. Bentley (eds.) *Beyond Band-aids: Exploring the Underlying Social Determinants of Aboriginal Health. Papers from the Social Determinants of Aboriginal Health Workshop*, Adelaide, July 2004, Darwin: Cooperative Research Centre for Aboriginal Health, 2007, pp. 239-254. <https://www.lowitja.org.au/content/Document/Lowitja-Publishing/BeyondBand-aidsText.pdf>. In English.
- Nagy Z.** Szibéria néprajza és a város. Akik kimaradtak az összefoglalókból [The ethnography of Siberia and the city. Those left out of the summaries.] In: Szeverényi S. & Szécsényi T. (eds.), *Érdekes nyelvészet* [Interesting linguistics] Szeged: JATEPress, 2015, pp. 57–72. URL: <http://ling.bibl.u-szeged.hu/erdekes/05-NagyZ.pdf>. (accessed 26 August, 2021) In Hungarian.
- Nárai M.** Gondolatok a regionális identitásról. - Identitáselemek a Nyugat-dunántúli régióban [Reflections on regional identity - Identity elements in the Western Transdanubian region] *Tér és Társadalom* [Space and society] 2009, vol. 23, no. 4, pp. 137–159. In Hungarian.
- Paasi A.** The institutionalization of regions: a theoretical framework for the understanding of the emergence of regions and the constitutions of regional identity, *Fennia*, 1986, vol. 164, pp. 105–146. In Hungarian.
- Paasi A.** *Re-constructing regions and regional identity.* 2000. <http://gpm.ruhosting.nl/avh/Paasi1.pdf> (accessed on 26 August, 2021) In English.
- Paasi A.** Regional Transformation in the European Context: Notes on Regions, Boundaries and Identity. *Space & Policy*, 2002, vol. 2, pp. 197–201. In English.
- Paasi A.** Region and Place: regional identity in question. *Progress in Human Geography*, 2003, vol. 4, pp. 475–485. In English.
- Pietikäinen S.** Indigenous identity in print: representations of the Sami in news discourse. *Discourse & Society*, 2003, vol. 14, no. 5, pp. 581–609. In English.
- Pietikäinen S., Hujanen J.** At the crossroads of ethnicity, place and identity: representations of northern people and regions in Finnish news discourse *Media Culture & Society*, 2003, vol. 25, no. 2, pp. 251–268. In English.
- Raagmaa G.** Regional identity in Regional Development and Planning. *European Planning Studies*, 2002, vol. 1, pp. 55–76. In English.
- Rohr J.** *Indigenous Peoples in the Russian Federation.* IWGIA (International Work Group For Indigenous Affairs) Report 18. 2014. URL: <https://www.iwgia.org/en/resources/publications.html> (accessed August 26, 2021) In English.
- Rožanova M.** Indigenous Urbanization in Russia's Arctic. The Case of Nenets Autonomous Region. *Sibirica*, 2019, Vol. 18, No. 3, 54–91. DOI: 10.3167/sib.2019.180304 In English.
- Schmidt U.** Language Loss and the Ethnic Identity of Minorities. *The European Centre for Minority Issues*, 18. ECMI Working Paper, 2008. In English.

URL: http://edoc.vifapol.de/opus/volltexte/2009/2004/pdf/brief_18.pdf (accessed August 26, 2021) In English.

Schweitzer P. , Sköld P. , Ulturgasheva O. Cultures and Identities. In: Joan Nymand Larsen and Gail Fondahl (eds.) *Arctic Human Development Report. Regional Processes and Global Linkages*. Nordic Council of Ministers, 2014, pp. 105–150. In English.

Siegl F. The sociolinguistic status quo on the Taimyr Peninsula. *Études finno-ougriennes*, 2013, vol. 45, pp. 239–280. In English.

Szabó M. A magyar nemzettudat problémái a huszadik század második felében. [The problems of Hungarian national consciousness in the second half of the twentieth century] In Szabó M.: *Politikai kultúra Magyarországon 1896-1986* [Political culture in Hungary 1896-1986] Budapest 1998, pp. 225–252. In Hungarian.

Szeverényi S., Wagner-Nagy B. Visiting the Nganasans in Ust'-Avam. In R. Grūthall & M. Kovács (eds.) *Ethnic and Linguistic Context of Identity*. Finno-Ugric Minorities, *Uralica Helsingiensia* 5, Helsinki: Helsingin yliopisto: Suomen kielen, suomalais-ugrilaisen ja pohjoismaisten kielten ja kirjallisuuksien laitos - Suomalais-Ugrilainen Seura, 2011, pp. 385–404. In English.

van Houtum H., Lagendijk A. Contextualising Regional Identity and Imagination in the Construction of Polycentric Urban Regions: The Cases of the Ruhr Area and the Basque Country, *Urban Studies*. 2001, vol. 38, no. 4, pp. 747–767. doi:10.1080/00420980120035321. In English.

Várnai Zs. Az őslakos kisebbségi identitás vizuális megjelenése egy arktikus szibériai városban: A nyelvi tájkép vizsgálata Dugyinkában. *Folia Uralica Debreceniensia*, 2016, vol. 23, pp. 275–292. In Hungarian.

Várnai Zs. Suveniry severa. Kisebbségi identitás és diskurzus: Őslakos közösségek reprezentációja a tajmiri közösségi médiában [Minority identity and discourse: representations of indigenous communities in social media in the Taimyr Peninsula] *Folia Uralica Debreceniensia*, 2019, vol. 26, pp. 277–292. In Hungarian.

Várnai Zs. „Ki vagyok én?” Őslakos identitás sarkvidéki városi közösségekben. Szociolingvisztikai interjúk Dugyinkában I. [“Who am I?” Indigenous identity in Arctic urban communities. Sociolinguistic interviews in Dudinka I.] *Alkalmazott Nyelvtudomány* [Applied Linguistics], 2021a. vol. 21, no. 1, pp. 190–206. DOI: <http://dx.doi.org/10.18460/ANY.2021.1.012>. In Hungarian.

Várnai Zs., Hámori, Á. “Сувениры Севера” Minority identity and discourse. *Studia Uralo-Altica*, 2021, vol. 54, pp. 201–227. DOI: <https://doi.org/10.14232/sua.2021.54.201-227> In English.

Várnai Zs. „Ki vagyok én?” Őslakos identitás sarkvidéki városi közösségekben. Szociolingvisztikai interjúk Dugyinkában II. [“Who am I?” Indigenous identity in Arctic urban communities. Sociolinguistic interviews in Dudinka II.] Budapest, (Manuscript) 2021b. In Hungarian.

Ziker J. *Peoples of the Tundra*. Prospect Heights. IL: Waveland Press, 2002. 208 p. In English.

Received 21.02.2021

Zsuzsa Várnai,

PhD in Linguistics, Research Fellow
Hungarian Research Center for Linguistics
Hungary 1145 Budapest Benczúr u. 33.
e-mail: varnai.zsuzsa@gmail.com

Sándor Szeverényi,

PhD in Linguistics, associate professor
University of Szeged
Hungary 6722 Szeged, Egyetem str. 2.
e-mail: szevers@hung.u-szeged.hu

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2022, vol. 16, issue 4, pp. 701–720

Жужа Варнаи, Шандор Северени

**ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЯЗЫК В АРКТИЧЕСКОМ ГОРОДЕ:
КОРЕННЫЕ НАРОДЫ В ДУДИНКЕ**

DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-4-701-720

В нашем исследовании мы исследуем конструкты идентичности коренных малочисленных народов, проживающих в арктической городской среде. Выбор темы оправдан тем, что исследования коренных малочисленных народов Севера, проживающих в городской среде Арктики, фокусируются на городах за пределами Российской Арктики. Цель данной статьи - предоставить современный обзор коренных малочисленных народов арктического города с точки зрения их идентичности и использования языка. Важными вопросами являются процессы

урбанизации и положение коренных народов в Арктике. Сравнивая восемь арктических стран, наибольшие пробелы в исследованиях северных городских сообществ можно выявить в Российской Федерации. Миграция этнических меньшинств в городские поселения происходила особенно быстро в условиях всеобщей глобализации и индустриализации. Следует подчеркнуть, что переезд в город может быть одним из подходящих способов выживания этих меньшинств в Сибири. В обследованных городских поселениях этнические группы пытаются создать свои собственные организации и группы меньшинств с целью сохранения культуры, языка и самобытности меньшинств. Отправной точкой исследования является деятельность организаций, текущая многогранная языковая ситуация, модели использования языка и изучение языковых установок, характерных для этих городских меньшинств. В данной статье мы анализируем текущее положение коренных народов Дудинки в свете вопросов исследования. Результаты исследования основаны на литературе последних лет и полевых исследованиях, проведенных в 2008, 2016 и 2019 годах. В заключение говорим о том, что хотя язык и исчезает, его ценность остается важной для сообщества. Также считаем важным исследовать город с точки зрения использования языков, поскольку, вопреки предыдущим ожиданиям, урбанизация не означает просто исчезновение малых языков. С одной стороны, открываются новые, высокоэффективные и независимые сцены использования языка, а с другой стороны, сокращение использования языка вовсе не сопровождается падением престижа языка, что также может служить оправданием возрождения. Помимо языка важными становятся и другие элементы идентичности.

Ключевые слова: коренные народы, урбанизация, идентичность, Таймыр.

Поступила в редакцию 21.02.2021

Жужа Варнаи,
доктор философии (PhD), языковедение, научный сотрудник,
Венгерский исследовательский центр лингвистики
Венгрия 1145 Будапешт Бенцзур у. 33
e-mail: varnai.zsuzsa@gmail.com

Шандор Северени,
доктор философии (PhD), языковедение, доцент
Венгрия 6722, Сегед, пл. Едетем 2
e-mail: szevers@hung.u-szeged.hu

Инновации, технологии

УДК: 81'25:821.511.113(=511.113)=661.1(045)

Б. Балясный

ОСОБЕННОСТИ СОЗДАНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДВУЯЗЫЧНОЙ КНИГИ В УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ. ОПЫТ ТРАДИЦИОННЫХ ЗАНЯТИЙ И ИННОВАЦИОННОГО КУРСА ELU¹

Методика обучения мастерству перевода методом «обучайся, переводя» не нова, но от этого не становится менее продуктивной. Преподаватели-переводоведы знают, что входящие в стандартный курс теории перевода дисциплины весьма сложны для восприятия, потому некоторые из них стараются сделать процесс обучения более творческим. Ранее нашей Литературно-переводческой школой-студией уже были подготовлены и выпущены двуязычная (эстонско-русская) детская книга «Loe veel! – Почитай ещё!» и двухтомник «Эстонский писатель-шестидесятник», в которые вошли переводы поэтических, прозаических и драматических произведений представителей «кассетного поколения» эстонской литературы². Уже давно возникла необходимость выпустить книгу сказок народов Эстонии на эстонском (государственном) языке и русском – самом распространенном на сегодняшний день языке межнационального общения на постсоветском пространстве. Это оказалось возможным благодаря появлению в расписании Таллиннского университета инновационных и интердисциплинарных курсов ELU. Цель проекта – создать книгу, которая познакомит детей и их родителей со сказками народов, проживающих в Эстонии. Этим были обусловлены и задачи проекта: выяснить, сколько и каких национально-культурных обществ зарегистрировано в Эстонии, выбрать по одной сказке каждого из народов, выполнить предпечатную подготовку и выпустить сборник. Актуальность проекта обусловлена тем, что в нем задействована широкая аудитория. Перед студентами различных специальностей ставились новые рабочие задачи, успешное выполнение которых повышало качество знаний.

Ключевые слова: перевод, обучение, осмысленность, переводоведение, мультикультурность, интердисциплинарность, инновация, интерактивность, команда.

DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-4-721-727

В настоящей статье речь пойдет не столько о переводе, сколько об обучении ему. Методика обучения мастерству перевода методом «обучайся, переводя» не нова, но от этого не становится менее продуктивной, а вопросы интеграции давно стали неотъемлемой частью любого мультикультурного общества. Им посвящено немало исследовательских работ [Chesterman 2000, 135-146]; [Schäffner 1998, 117-134] и др.

После восстановления независимости в Эстонской Республике сложилась беспрецедентная ситуация: большая часть не владеющего эстонским языком населения к этому моменту уже пребывала (в том числе и родилась) в стране. Принятая программа многоуровневой (как лингво-коммуникативной, так и социально-экономической) интеграции русскоязычного населения оказалась нацеленной исключительно на изучение эстонского языка (например, в рамках программы PHARE³ стали осуществляться такие проекты как: курсы языкового погружения, детские языковые лагеря, отправка русскоязычных детей в эстонские семьи на хутора и т.д.). При всей первостепен-

¹ ELU переводится с эстонского как жизнь, но это аббревиатура (Erialasid Lõimiv Uuendus, переводится как Специальная Интеграция Инноваций).

² В 60-ые годы книги, точнее тоненькие карманного формата книжечки молодых писателей называли кассетами и выпускали, складывая по несколько таких книжечек-кассет в картонные коробки. Позднее эстонские литературоведы для обозначения этого поколения писателей стали называть их «кассетным поколением».

³ Первоначально созданная в 1989 году как программа «Польша и Венгрия: помощь в реструктуризации их экономики». Poland and Hungary: Assistance for Restructuring their Economies (PHARE). Программа FARE (Phare) является одним из трех инструментов подготовки к вступлению, финансируемых Европейским Союзом для оказания помощи странам-кандидатам из Центральной и Восточной Европы в их подготовке к вступлению в Европейский Союз. Phare в переводе с французского означает маяк. (<https://en.wikipedia.org/wiki/Phare>).

ной важности проводимых мероприятий часто забывалось, что интеграция заключается не только в освоении государственного языка, но и в сохранении этнических различий всех народов, живущих на территории одного государства. Ежегодно в Эстонской Республике выходят десятки книг, написанных на русском языке и переведенных на него, и это не только учебники. Однако качество переводов порой весьма невысоко.

В. Н. Комиссаров отмечал: «В процессе обучения переводу должны изучаться не способы перевода используемого учебного материала (текста, высказывания, слова), а методы решения типичных переводческих задач и стратегия поиска индивидуальных творческих решений, что заставляет учащегося обращаться к разным вспомогательным источникам, волей-неволей пропускать через себя больше разносторонней информации» [Комиссаров 2001, 323-325].

Переводоведение – далеко не самая простая дисциплина, поэтому и возникла мысль о целесообразности введения в процесс обучения элементов игры и практической осмысленности: обучение должно заканчиваться не только дипломной работой, но и чем-то предметно-доступным для потенциального читателя, например, статьёй, а ещё нагляднее – книгой, подготовленной при непосредственном участии обучающихся.

Преподаватель должен обладать качествами, свойственными подвижникам, ведь личность наставника играет одну из главных ролей для достижения цели обучения. По мнению выдающегося переводоведа Питера Ньюмарка, 65% успеха в подготовке будущих переводчиков зависит от личности преподавателя, 20% – от структуры курса и 15% – от учебного материала [Newmark 1981]. Следовательно, профессиональной компетенции преподавателей перевода следует уделять особое внимание.

Представлялось логичным, что занятия переводом как в эстонских, так и в русских школах могут сблизить учеников (эстонцев и неэстонцев). Учащиеся смогут развивать лингво-культурное сотрудничество между школами (например, проводить совместные литературные вечера, на которых эстонцы смогут выступать с переводами произведений русской литературы, а неэстонцы – произведений эстонской литературы; организовывать совместные олимпиады, викторины и т. д.). Это способствует развитию терпимости и уважения к другой культуре. Такие эксперименты существуют по сей день: например, во французском лицее Таллинна несколько лет назад проводился конкурс на лучший перевод стихотворений А. Пушкина на эстонский язык, а Центр Народной Культуры Пярнумаа (Pärnumaa Rahvakultuuri Keskselts), отмечая 200-летнюю годовщину со дня рождения Ганса Христиана Андерсена, провел литературный конкурс «По следам Ганса Христиана Андерсена» среди живущих в Эстонии учащихся иноязычных школ. **Неэстоноязычные** дети писали **на эстонском языке** сказки, эссе, стихи, рассказы посвященные творчеству Г. Х. Андерсена [Прибыльская 2005]. Конкурс проводился с целью повысить интерес к эстонскому языку.

Будучи профессиональным переводчиком и имея опыт академического (университетского) и специфического (работа литературным консультантом Союза писателей Эстонии, проведение занятий на различных курсах, в литературных кружках) преподавания, автор статьи предпринял попытку организовать подготовку литературных переводчиков. Для такого нестандартного решения было три причины:

- 1) в рамках университетских учебных программ подготовка литературных переводчиков не предусмотрена;
- 2) помимо студентов литературным переводом хотели заниматься бывшие студенты и школьники;
- 3) желающие учиться представляли собой неоднородную группу, различаясь по уровню владения эстонским и русским языками, наличию / отсутствию переводческих навыков, месту проживания (в разных населенных пунктах Эстонии).

Поэтому потребовалось создать своеобразное «неакадемическое образование», достаточно мобильное и состоящее из разных групп. Тогда возник проект «Литературно-переводческая школа-студия», который был одобрен и реализован при финансовой поддержке фонда «Капитал культуры Эстонии» (Eesti Kultuurkapital).

В первый год обучения теоретические и практические занятия носили исключительно учебный характер. Но позднее, когда были усвоены теоретические и практические азы художественного перевода, возникла идея повернуть занятия в более конкретное русло, а именно – подготовить и выпустить двуязычную (эстонско-русскую) детскую книгу под девизом «Молодые – маленьким!» [Балясный 2005, 96-108]. Обложка и иллюстрации тоже были выполнены детьми; они не стилизованы «под детский рисунок», как может показаться.

Позже ученики студии решили взяться за проект, более созвучный их возрасту, – «Эстонский писатель-шестидесятник». Было подготовлено пять, а выпущено два одноименных сборника, в которые вошли переводы поэтических, прозаических и драматических произведений представителей «кассетного поколения» эстонской литературы (Эстонский писатель-шестидесятник-1 2007; Эстонский писатель-шестидесятник-2 2009).

«Эстонская литература (как и другие европейские литературы) во время Второй мировой войны понесла большие потери. Но уже в конце 1950-х – начале 1960-х, когда в общественной жизни наметились признаки оттепели, эстонская литература оживилась. Об этом довольно подробно в предисловии к 1 тому написал Матс Траат – представитель «кассетного поколения», заслуженный писатель ЭССР, эстонский поэт, прозаик, драматург, сценарист [*Балясный (сост.)* 2007, 3-5]. В двухтомник «Эстонский писатель-шестидесятник» вошли следующие авторы: Эллен Нийт, Пауль-Эрик Руммо, Матс Траат, Арви Сийг, Энн Ветемаа, Линда Рууд, Александер Сууман, Яан Каплинский, Хандо Руннель, Рудольф Риммель, Вийви Луйк, Николай Батулин, Андрес Эхин, Мати Унт, Арво Валтон, братья Юло и Юри Туулики и др.

К писателям-шестидесятиникам относились по-разному. Когда в 1990-е стали оценивать все прошедшее с позиции постмодернизма, заговорили даже о том, что лучше бы «золотых 1960-х» не было, это облегчило бы определение кривых развития эстонской литературы. Но писателей-шестидесятников нельзя оставить за пределами исторического и литературного процесса, тем более что некоторые из них пишут и поныне. Без их произведений представление об эстонской, европейской, и даже мировой литературе было бы неполным. Поэтому книги этих писателей не должны быть обделены вниманием и русскоязычных читателей (в первую очередь проживающих на территории Эстонии). Выпущенные переводные книги – это своеобразный срез работ молодых переводчиков. Отметим, что представленным в книге переводчикам по столько же лет, сколько было авторам тогда, 40 лет назад. По словам Матса Траата, эти книги «являются символическим рукопожатием во времени и истории – уже в другой культурной ситуации и на другом языке» [*Балясный (составитель)* 2007, 5].

В предыдущих проектах объектом внимания молодых переводчиков была эстонская литература и её перевод только на русский язык. Эстония – многонациональная страна, и каждый народ имеет свое литературное наследие. Так возникла идея выпустить книгу сказок народов Эстонии на эстонском (государственном) и русском – одном из основных языков межнационального общения в постсоветском пространстве. Это оказалось возможным благодаря появлению инновационных и междисциплинарных курсов ELU в расписании Таллиннского университета. Подготовка и выпуск книги – междисциплинарное занятие, но состав участников был неоднородным: филологи, журналисты, педагоги, арт-терапевты, логопеды, художники и многие другие.

Феномен двуязычной книги продолжает привлекать исследователей, т.к. она остается актуальной и востребованной в таких гуманитарных направлениях как:

- 1) подготовка переводчиков и компьютерный перевод;
- 2) параллельный научный перевод как повышение достоверности;
- 3) учебные тексты по сопоставительной стилистике и т.п.;
- 4) учебные тексты в преподавании языков;

5) тексты (включая детскую литературу) для бытового общения на двух языках в условиях определенной культурной политики (мультикультурализм и бикультурализм, интеграция, социальная педагогика и т.п.).

Группе студентов разных специальностей и курсов предстояло подготовить и выпустить в свет двуязычную электронную книгу, которая познакомит читателей с небольшой частью фольклорного наследия народов, живущих в Эстонии.

Если в предыдущих проектах участники не делились на группы, потому что каждый из них переводил тексты только с эстонского языка на русский или редактировал такие переводы, то в новом проекте участники естественным образом разделились на 3 группы:

- 1) переводчики на эстонский язык и редакторы переводов на эстонский язык;
- 2) переводчики на русский язык и редакторы переводов на русский язык;
- 3) художники-дизайнеры-верстальщики (без разделения по языковому признаку).

При этом каждый участник проекта руководствовался и собственными профессиональными интересами. Так, учителя (нынешние и будущие) детских садов и начальных классов школ, а также учителя рисования и арт-терапевты смогли использовать книгу (либо её части) на занятиях. Но и для

будущих филологов (в том числе переводчиков, редакторов) работа над книгой стала серьезным практическим опытом.

Иржи Левый отмечал, что «все виды перевода – устный, научный, художественный – объединены прежде всего общими проблемами, вытекающими из различия языков, а затем проблемами техническими, психологическими и другими, встающими в связи с расшифровкой исходного текста и передачей информации на другом языке. Однако эти общие элементы переводческого труда носят во всех трех видах перевода разный характер, поскольку каждый вид перевода преследует свою цель» [Левый 1974, 32].

Целью проекта было создать книгу, которая познакомит детей и их родителей со сказками народов, проживающих в Эстонии. Например, помимо русской и эстонской сказок в книге представлены грузинская, украинская польская, китайская, белорусская, башкирская, греческая, удмуртская, аварская и многие другие. Предполагалось, что книга поможет детям не только лучше освоить эстонский и русский языки, но ещё понять некоторые культурные особенности представителей разных народов и их причастность к жизни страны.

Для достижения цели были поставлены задачи:

- выяснить, сколько и каких национально-культурных обществ зарегистрировано в Эстонии;
- отобрать по одной сказке каждого из народов, выявленных при выполнении предыдущего пункта;
- перевести или найти их переводы на эстонский и русский языки;
- обеспечить соблюдение авторских прав переводчиков;
- составить и отредактировать сборник;
- подготовить иллюстрации и обложку сборника;
- выполнить вёрстку сборника;
- подготовить сайт и разместить на нём сборник;
- провести поэтапную пиар-компанию;
- подготовить и провести презентацию сборника;
- осветить выпуск сборника в эстонских и международных СМИ.

Проект по подготовке и выпуску двуязычной книги *Eesti rahvaste muinasjutud* – «Сказки народов Эстонии» (2020), помимо поистине бесценной практики овладения навыками переводческой и редакторской работы (но и работ, сопутствующих основному процессу), призван помочь в решении по крайней мере ещё двух задач:

- 1) дать почувствовать маленьким жителям Эстонии, что о них заботятся, проявляя интерес к их родным литературам;
- 2) их ненавязчиво обучают эстонскому языку на самом удобном для их возраста материале.

Приведённый выше список задач подтверждает заявленную ранее интердисциплинарность проекта; более того, студенты разных дисциплин, интересующиеся теми или иными этапами работы, были приглашены в команду проекта на порой непривычные роли. Это могли быть и филологи, и журналисты, и художники, но мы были рады и всем остальным: интерес к работе – лучший стимул для качественного её выполнения.

В проекте использовались как классические, так и инновационные приёмы современного издательского дела. Учитывая, что сегодня все (в том числе и дети) читают гораздо меньше, чем раньше, мы провели небольшое социологическое исследование с целью улучшения качества работы, что сказалось и на её результатах.

Подобные проекты могут стать чрезвычайно актуальными в современную мультикультурную эпоху, поскольку требуют междисциплинарного подхода. Занятия актуальны в современном эстонском контексте и, следовательно, нуждаются в популяризации, поскольку пока не принимают заметного участия в текущих гуманитарных и социальных исследованиях, которые отвечали бы на поставленные нами вопросы.

Актуальность этого проекта заключается в том, что более широкая аудитория (студенты различных дисциплин) была задействована в работах, которые ранее им не предлагались; соответственно, оправдались надежды на получение новых знаний, умений и навыков.

Именно цель определяет подход к переводу. Под подходом в данном случае понимается совокупность методов, способов, приемов рассмотрения предмета исследования (в нашем случае – перевода). Иными словами, подход – это целевая установка. Но к переводам различных литературных текстов (например, эссе, детектив, пьеса, басня и т.д.) следует подходить по-разному.

Е. Г. Эткинд отмечал: «Нет и не может быть универсального критерия для оценки верности перевода оригиналу. Верность – понятие непостоянное, меняющееся в зависимости от того, к какому виду поэзии относится переводимая вещь» [Эткинд 1963, 42]. Сказанное, естественно, относится не только к поэзии: любое занятие, предполагающее оценку результата, не может обойтись без критериев. А текст сказки и вовсе можно назвать условно поэтическим, так как ему свойственны все особенности поэтического текста. «Сказка – один из основных жанров устного народно-поэтического творчества, эпическое, преимущественно прозаическое художественное произведение волшебного, авантюрного или бытового характера с установкой на вымысел». Сказку называют и одним из видов устной прозы, отсюда и идет разнобой в определении ее жанровых особенностей [Кожевников, Николаев 1987, 383]. Впрочем, мы предпочли относиться к сказочному тексту, как к поэтическому.

Еще в ходе занятий школы-студии был выработан (а в настоящем проекте подтвержден) следующий перечень критериев оценки перевода (не претендующий на универсальность):

- 1) ни один критерий не может быть единственным;
- 2) критерии перевода определяются жанром произведения и техникой исполнения;
- 3) от верно / неверно выбранных критериев во многом зависят как возникающие потери, так и возможные их компенсации;
- 4) в процессе работы над переводом критерии неоднократно пересматриваются и уточняются (корреляция);
- 5) перевод всегда кому-то адресован, и переводчик должен знать адресата.

Полезность проекта для начинающих переводчиков, редакторов, верстальщиков и иллюстраторов заключалась в приобретении бесценного опыта и применении на практике полученных за время учебы в университете знаний, что, безусловно, пригодится им в дальнейшей творческой деятельности. Полезным стал и приобретенный опыт работы в команде.

Отбором сказок занимались сами участники проекта. На весь проект (включая отчет о проделанной работе) был отведен только один семестр, поэтому перевести и включить в издание сказки представителей всех народов нашей страны не представилось возможным. Студенты переводили эти произведения с русского языка на эстонский и с эстонского на русский, потому что среди участников проекта не нашлось достаточного количества носителей других языков, на которых написано большинство оригинальных сказок. Пришлось нарушить главный принцип переводческого искусства – переводить с языка оригинала. По той же причине студенты перевели только часть сказок, а остальные переводы были выполнены ранее другими переводчиками. Можно заметить, что эстонские и русские версии сказок не всегда совпадают по объёму. Это происходит потому, что в одних случаях переводчик объясняет не вполне понятные места, а в других опускает, если не видит в этом ущерба для содержания.

Поэтому перед нашими переводчиками стояли следующие задачи: во-первых, «в первом приближении» познакомить аудиторию с наследием разных народов и, во-вторых, предоставить возможность студентам разных специальностей в рамках командной работы поучаствовать во всех этапах издательского процесса, пусть и ограниченного во времени. Несмотря на это, были достигнуты определённые результаты, работа оказалась полезной и интересной для всех участников.

Книга адресована в первую очередь юным читателям, но и взрослый сможет почерпнуть информацию о быте самых разных народов, их нравах, взаимоотношениях с животными и т.д.

После публикации книги каждый участник проекта описал свои ощущения: какой работа представлялась ему до начала проекта, какой она оказалась, какие поправки пришлось сделать с учётом работы в команде, чему он научился, и как проделанная работа может помочь в дальнейшей деятельности.

Новое направление в обучении и приобщении к переводу оказалось интересным для всех участников проекта ещё и потому, что:

- 1) была отработана ещё одна нестандартная методика обучения переводу;
- 2) ещё несколько потенциальных переводчиков обучены и приобщены к практической деятельности;
- 3) выпущена содержательно разнообразная и полезная детская книга;
- 4) мультикультурность оказалась «мультиинтересной»;
- 5) проект выглядит жизнеспособным и может быть продолжен в предложенном виде (у каждого из представленных в книге народов есть и другие произведения небольшого формата:

не только сказки, но и стихи и т.д.). Интересна также возможность сотрудничества с переводчиками на языки представленных народов.

Все этапы подготовки и выпуска электронной книги *Eestirahvaste nelikümmend muinasjuttu* – «Сорок сказок народов Эстонии» были проведены в сети Facebook. Там можно ознакомиться с самой книгой, этапами её обсуждения и подготовки, а также с обратной связью [<https://docs.google.com/presentation/d/1UzyVR6-1pIHvdoLkvt6B0LHB5nxCECVjHosAccqWRo/edit#slide=id.p>].

ЛИТЕРАТУРА

- Балясный Б. И.* Семиотические аспекты перевода и прикладное переводоведение. Таллинн: TLÜ Kirjastus, 2005. 140 с.
- Кожевникова В. М., Николаева П. А.* Сказка. Литературный энциклопедический словарь. М. : Сов. Энциклопедия, 1987. 752 с.
- Комиссаров В. Н.* Современное переводоведение. М.: «ЭТС», 2001. 431 с.
- Левый И.* Искусство перевода. М.: Прогресс, 1974. 394 с.
- Прибыльская Л.*: О великом сказочнике на эстонском языке // Газета «Молодежь Эстонии». 09. 08. 2005
- Эстонский писатель-шестидесятник-1: сборник / Сост.: Б. И. Балясный. Таллинн : BRI & Ко, 2007. 256 с.
- Эстонский писатель-шестидесятник-2: сборник / Сост.: Б. И. Балясный. Таллинн: BRI & Ко. 2009. 260 с.
- Эткинд Е. Г.* Поэзия и перевод. Л.: Советский писатель, 1963. 430 с.
- 40 сказок народов Эстонии. URL: <https://docs.google.com/presentation/d/1UzyVR6-1pIHvdoLkvt6B0LHB5nxCECVjHosAccqWRo/edit#slide=id.p> (дата обращения: 10.02.2021)
- Loe veel! – Почитай ещё!* : Сказки, занятные рассказы и стихи для детей / Сост.: Б. И. Балясный. Таллинн: BRI & Ко, 1999. 232 с.
- Chesterman A.* 2000. Empirical Research Methods in Translation Studies. P. Jauhola, O. Järvi, D. Wilske (eds). Erikoiskielet ja käännösteoria. VAKKI: n julkaisut, 26.
- Newmark, P.* Approaches to Translation. Oxford, 1981.
- Schäffner CH.* (ED). 1998. Translation and Quality. Clevedon, Philadelphia a.o.: Multilingual matters Ltd.

Поступила в редакцию: 15.08.2022

Балясный Борис Исаакович,
доктор философии по семиотике и культурологии, лектор
Таллиннский университет.
Narva mnt 25, 10120 Tallinn, Estonia
boribal@hotmail.com

B.I. Baljasnyj

FEATURES OF THE CREATION AND USE OF A BILINGUAL BOOK IN THE EDUCATIONAL PROCESS. EXPERIENCE OF TRADITIONAL CLASSES AND INNOVATIVE ELU⁴ COURSE

DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-4-721-727

The “learn by translating” method of teaching translation skills is not new, but this does not make it any less productive. Translation teachers know that the disciplines included in the standard translation theory course are very difficult for students to understand, so some of them try to make the learning process more creative. Earlier, our Literary and Translation School-Studio prepared and published a bilingual (Estonian-Russian) children's book “Loe veel! - Read more!” and a two-volume book “Estonian Writer of the Sixties”, which included translations of poetic, prose and dramaturgical works of representatives of the “cassette generation” of Estonian literature⁵. It has long been necessary to publish a book of fairy tales of the peoples of Estonia in the Estonian (state) and Russian (still the most common language of inter-

⁴ ELU is translated from Estonian as life, but it is an abbreviation (Erialasid Lõimiv Uuendus, translated as Special Innovation Integration).

⁵ In the 60s, books, or rather thin pocket-sized little books by young writers, were called cassettes and were released by folding several such cassette books into cardboard boxes. Later, Estonian literary scholars began to refer to this generation of writers as the “cassette generation”.

ethnic communication in the post-Soviet space) languages. And this was made possible thanks to the addition of innovative and interdisciplinary ELU courses to the schedule of Tallinn University. The aim of the project was to create a book that would introduce children and their parents to the fairy tales of many peoples living in Estonia.

This was also the reason for the objectives of the project: to find out how many and which national cultural societies are registered in Estonia; select one fairy tale of each of the peoples; prepress and release the collection. The relevance of the project lies in the fact that a wider audience - students of various specialties - was involved in work that they had not previously been offered to do, respectively, the existing hopes for obtaining a new quality of study were justified.

Keywords: translation, learning, meaningfulness, translation studies, multiculturalism, interdisciplinarity, innovation, interactivity, team.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2022, vol. 16, issue 4, pp. 721–727

REFERENCES

Baljasnyj B. I. Semioticheskiye aspekty perevoda i prikladnoye perevodovedeniye [Semiotic aspects of translation and applied translation studies]. Tallinn, TLÜ Kirjastus. 2005. 140 p. In Estonian

Baljasnyj B. I. (compiler). Estonskiy pisatel'-shestidesyatnik-1 [Estonian writer of the sixties-1, collection]. Tallinn, BRI & Ko. 2007. 256 p. In Estonian

Baljasnyj B. I. (compiler). Estonskiy pisatel'-shestidesyatnik-2 [Estonian writer of the sixties-2, collection]. Tallinn, BRI & Ko. 2009. 260 p. In Estonian

Etkind E. G. Poeziya i perevod [Poetry and translation]. Leningrad. Soviet writer. 1963. 430 p. In Russian

Komissarov V. N. Sovremennoye perevodovedeniye [Modern translation studies]. Moscow, "ETS". 2001. 431 p. In Russian

Levyj I. Iskusstvo perevoda [The art of translation]. Moscow, Progress. 1974. 394 p. In Russian

Kozhevnikova V. M., Nikolaeva P. A. Skazka. Literaturnyy enciklopedicheskiy slovar' [Fairy tale. Literary encyclopedic dictionary]. Moscow, Sov. Encyclopedia. 1987. 752 s. In Russian

Chesterman A. 2000. Empirical Research Methods in Translation Studies. P.Jauhola, O.Järvi, D.Wilske (eds). Erikoiskielet ja käänteoria. VAKKI:n julkaisut, 26.

Newmark P. Approaches to Translation. Oxford, 1981.

Schäffner CH. (ED). 1998. Translation and Quality. Clevedon, Philadelphia a.o.: Multilingual matters Ltd.

Pribilskaya L.: 2005 About the great storyteller in Estonian. Tallinn: Youth of Estonia newspaper, 9 August. [<https://docs.google.com/presentation/d/1UzyVR6-1pIHvdoLkvt6B0LHB5nxCECVjHosAccqWRo/edit#slide=id.p>]

Received 15.08.2022

Baljasnyj Boris Isaakovich,
PhD in semiotics and cultural studies, lecturer
Tallinn University.
Narva mnt 25, 10120 Tallinn, Estonia
boribal@hot.ee

Рецензии

УДК 821.161.1-1"19".09(049.32)

Т. В. Зверева

«ГЕНИЙ МЕСТА»: СОВРЕМЕННАЯ ПОЭЗИЯ УДМУРТИИ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИРИНЫ КАДОЧНИКОВОЙ

Рецензия на книгу: Кадочникова И. С. Современная поэзия Удмуртии: имена, тенденции, смыслы. Ижевск: Шелест, 2021. 290 с.

DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-4-728-731

Имя Ирины Сергеевны Кадочниковой хорошо известно в литературном и научном мире Удмуртии. Будучи исследователем русской литературы XX в. (в 2011 г. защищена кандидатская диссертация «Синтез искусств в лирике Ю. Левитанского и А. Тарковского»), Кадочникова является автором целого ряда стихотворных книг («Единственный полюс», «Без темы», «Два лета», «Пластинка черная земля»). Непосредственная близость к поэтической среде во многом определила исследовательскую оптику в сборнике «Современная поэзия Удмуртии: имена, тенденции, смыслы»: аналитический взгляд позволяет выявить закономерности региональной поэзии и вписать ее в общероссийский контекст, а метафорическое мышление – угадать то «единственное слово», которое точно характеризует творческую манеру того или иного поэта. Именно этот симбиоз научного и поэтического отличает исследовательский стиль Ирины Кадочниковой.

Рецензируемая книга разворачивает проблематику региональной литературы и продолжает серию исследований, начатых в соавторстве с М. В. Серовой: «Проблема культурно-исторической идентичности в литературе Удмуртии» [Серова, Кадочникова 2014] и «Проблема художественной индивидуальности в литературе Удмуртии» [Серова, Кадочникова 2016]. Именно в этих работах была предпринята первая попытка структурирования региональной поэзии, выявлены ведущие имена писателей и поэтов, обозначены творческие стратегии, определяющие развитие русской словесности в Удмуртии. В своей последней книге И. Кадочникова не отходит от этой проблематики, но углубляет и расширяет ее. Кроме того, данное исследование вписывается в ряд современных литературоведческих работ, обращенных к региональной проблематике. В частности, в 2021 вышло два монументальных тома «Истории литературы Урала. XIX век» под редакцией Е. К. Созиной [История 2021]. Отметим, что Ирина Кадочникова один из авторов этого обобщающего исследования.

Объектом научных изысканий в «Современной поэзии Удмуртии» стало творчество таких поэтов, как Сергей Жилин, Владислав Шихов, Александр Корамыслов, Татьяна Репина, Андрей Баранов, Андрей Гоголев, Алексей Арзамазов, Владимир Парамонов, Игорь Чурбанов, Алексей Сомов, Сергей Кулясов, Максим Сентяков. Важно, что проблема региональной идентичности увидена не только глазами исследователя, но и поэта, чье собственное творчество во многом устремлено на преодоление «территориальности». В Предисловии к книге И. Кадочникова следующим образом формулирует решаемые ею задачи: «В поле исследования оказались тексты, отсылающие к вопросу об идентичности, взаимосвязи “своего” и “чужого”, “личного” и “исторического”, феномену “удмуртскости”, автометаописательному коду» [Кадочникова 2021: 6]. Статьи, входящие в сборник, затрагивают очень широкий круг проблем, выходящий за пределы, обозначенным автором в Предисловии. Вследствие этого остановимся на ключевых идеях, которые, как нам кажется, имеют методологическое значение для дальнейших изысканий в области регионального литературоведения.

Открывает сборник программная статья «Поэт в Удмуртии: литературная репутация и региональная идентичность». Констатируя проблемы, с которыми встречается современная поэзия Удмуртии, Ирина Кадочникова признает, что «русскоязычный контекст находится пока в стадии становления» [Кадочникова 2021: 8]. Современная литературная ситуация требует от авторов не только правильной писательской и издательской тактики, но и осознанного «жизнетворчества», т.е. конструирования собственного образа в жизненном пространстве. Знаменитая максима Евгения Евтушенко («Поэт в России больше, чем поэт»), как это не парадоксально, актуальна именно сегодня. Сделать

свое имя значимым и узнаваемым – задача непростая не только для выходцев из Удмуртии, но и для столичных поэтов.

Суммируя происходящие в русскоязычной поэзии процессы, Кадочникова выделяет несколько возможных способов пребывания в региональной литературе:

1. Осознанная ориентация на территориальную образность, репрезентация «символических ресурсов» ижевского и шире – удмуртского – локусов. На примере поэзии Сергея Жилина показано, что подобная стратегия неизбежно приводит к тому, что поэт позиционирует себя как человека, чья судьба неразрывно связана с «малой Родиной». Выбирая данный путь, поэт как бы изначально отказывается от притязаний на включенность в общероссийский литературный контекст.

2. Противоположным выше сказанному становится отказ от включенности в периферийные структуры. Такую стратегию выбирает Влад Шихов, чьи стихи ориентированы на вневременную парадигму и почти полностью игнорируют пространственную и историческую конкретику. Этот рискованный путь не может быть общим, именно поэтому поэзия Шихова находится в стороне от столбовых путей литературы Удмуртии.

3. Стратегия Александра Корамыслова, ставшего «самым известным поэтом республики», признается наиболее успешной, поскольку имя поэта включено как в региональный, так и в общероссийский контекст. Весомость имени обеспечена в первую очередь благодаря верно найденной стратегии – продвижению своего творчества в сетевом пространстве.

Безусловно, выявленные И. Кадочниковой тенденции остаются тенденциями, во многом упрощающими противоречивый и неоднозначный литературный процесс Удмуртии. Как правило, реальная картина всегда вносит свои существенные правки. Важно, что сама исследовательница осознает это и, заканчивая размышления над вопросом «Как быть писателем в провинции?», пишет: «Полученные выводы носят характер общей тенденции и свидетельствуют, скорее, о тех сложностях, с которыми сталкивается писатель, живущий в провинции» [Кадочникова 2021: 26].

Еще одной стороной проблемы региональной поэзии является кризис идентичности. Данная проблема решается в статье, обращенной к творчеству Татьяны Репиной («Кризис территориальной идентичности в отражении Татьяны Репиной»). Поэтические искания молодого поэта связаны с поиском духовной Родины – особого места на географической карте, совпадающего с внутренними интенциями. «Автор вне географии», – так называет себя Т. Репина. И. Кадочникова показывает, что обретение свободы от «территориальности» сопряжено с риском утраты «бытия как Дома»: «...существование в режиме свободного передвижения – все эти этапы внешней и внутренней биографии героини приводят к осознанию ситуации бездомности, неукорененности не только как частной проблемы, но и как экзистенциальной проблемы современности» [Кадочникова 2021: 58].

Мысль о поиске места развита Кадочниковой и в следующей части работы («Поэтические травелогии Андрея Баранова»), в которой ставится важнейший методологический вопрос об условиях принадлежности автора к региональной поэзии. Андрей Баранов – поэт, покинувший свою «малую Родину», давно и прочно обосновавшийся в столичной литературе. В отличие от рефлексирующей поэзии Татьяны Репиной, стихотворения Андрея Баранова свободны от привязанности к «гению места». В его творчестве время от времени возникают узнаваемые реалии «ижевского текста», но они, скорее, случайны и относятся к внесистемным элементам. В итоге автор исследования уклоняется от прямого ответа на вопрос, можно ли считать Баранова поэтом, связанным с литературой Удмуртии. Думается, что в своих дальнейших работах И. Кадочникова обязательно определит грань, разделяющую региональную поэзию и поэзию общероссийскую.

Если в первой части сборника речь шла главным образом о символической репрезентации пространства в творчестве поэтов Удмуртии, то во второй части исследовательница обращается к вопросам о феноменологии формы и языка. Здесь следует выделить такие статьи, как «Удмуртские лексемы в танкетках Александра Корамыслова», «Книга Алексея Арзамазова “Ивор” в контексте проблемы этнокультурной идентичности», «“Другое” и “свое” в книге Алексея Арзамазова “Ивор”». «Поэтический язык как проблема: творчество Андрей Гоголева», «“Удмуртия” и “удмуртское” в творчестве Андрей Гоголева». Как видно из названий статей, в фокусе исследовательского зрения оказываются механизмы смыслопорождения, возникающие на «пересечении двух языковых кодов» – русского и удмуртского [Кадочникова 2021: 111].

Особое внимание И. Кадочникова уделяет А. Гоголеву, который «снимает оппозиции, традиционные для поэзии региона (провинция – столица, удмуртское – русское), и раскрывает “удмуртское” как новую тему в русской поэзии» [Кадочникова 2021: 123]. Важным, по мнению автора исследова-

ния, является и опыт Алексея Арзамазова, связанный с «расширением образно-тематического диапазона удмуртской поэзии, ее словаря» [Кадочникова 2021: 185]. Углубляясь в проблематику языка и формы, Ирина Кадочникова демонстрирует образцы блестящего филологического анализа.

Наконец, для автора сборника важнейшим является вопрос об «языке как доме» Поэта. Пожалуй, именно эта тема оказывается сквозной для Ирины Кадочниковой, для которой язык также стал пристанищем, той единственной данностью, где обретается подлинное бытие. «Бытие в конкретной культуре – это всегда бытие в конкретной языковой реальности» [Кадочникова 2021: 51], – эта, сформулированная по отношению к творчеству Татьяны Репиной максима, может быть приложима ко всему сборнику. Вот почему в центре исследовательского внимания так часто оказываются авторефлексивные тексты, в которых поэтическая речь пытается увидеть и осознать себя.

Завершает сборник рецензия на книгу сарапульского поэта Алексея Сомова «Грубей и небесней: стихотворения, эссе». Это единственный из вышеперечисленных поэтов, в жизни которого уже поставлена последняя точка. Соответственно, изменяются и принципы анализа завершенной поэтической системы. И. Кадочникова осмысляет жизненный и творческий путь поэта, но сам этот путь в силу пройденности может меняться в зависимости от траектории исследовательского взгляда: «Может быть, есть большой смысл в том, чтобы прочитать Алексея Сомова “наоборот”: пройти путь от грубого до небесного, от безысходного – до жизнеутверждающего, от злобы – до принятия, от “рождества в аду” – до той самой страницы, “где смерть почил в бозе и живы – все”. Тогда действительно возникает ощущение прибывающего света» [Кадочникова 2021: 288].

«Современная поэзия Удмуртии: имена, тенденции, смысла» Ирины Кадочниковой – книга чрезвычайно важная не только для региональной, но и для общероссийской культуры. С одной стороны, перед нами еще одна значительная попытка конструирования регионального литературного пространства, с другой – уточнение констант существования российской литературы, уже немислимой сегодня вне «провинциального текста».

ЛИТЕРАТУРА

История литературы Урала. XIX век: в 2 кн. / Под ред. проф. Е. К. Созиной. М.: Издательский Дом ЯСК, 2021. 1439 с.

Серова М. В., Кадочникова И. С. Проблема культурно-исторической идентичности в литературе Удмуртии. Ижевск, 2014. 181 с.

Серова М. В., Кадочникова И. С. Проблема художественной индивидуальности в литературе Удмуртии. Ижевск, 2016. 180 с.

Поступила в редакцию 25.03.2022

Зверева Татьяна Вячеславовна

доктор филологических наук, профессор
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп.2)
E-mail: tvzver.1968@yandex.ru

T. V. Zvereva

"THE GENIUS OF THE PLACE": MODERN POETRY OF UDMURTIA INTERPRETED BY IRINA KADOCHNIKOVA

DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-4-728-731

Review of the book: Kadochnikova I. S. Modern poetry of Udmurtia: names, trends, meanings. Izhevsk: Shelest, 2021. 290 p. In Russian.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2022, vol. 16, issue 4, pp. 728–731

REFERENCES

Istoriya literatury Urala. XIX vek [The history of literature of the Urals. XIX century]: in 2 vol. / Pod red. prof. E. K. Sozinoj. M.: Izdatel'skij Dom YASK, 2021. 1439 p. In Russian.

Serova M. V., Kadochnikova I. S. Problema kul'turno-istoricheskoy identichnosti v literature Udmurtii [The problem of cultural and historical identity in the literature of Udmurtia]. Izhevsk, 2014. 181 p. In Russian.

Serova M. V., Kadochnikova I. S. Problema hudozhestvennoj individual'nosti v literature Udmurtii [The problem of artistic individuality in the literature of Udmurtia]. Izhevsk, 2016. 180 p. In Russian.

ORCID ID: 0000-0002-0485-7664

Received 25.03.2022

Zvereva Tatyana Vjacheslavovna

Doctor of Philology, Professor

Udmurt State University

1/2, Universitetskaya st., Izhevsk, 426034, Russia,

E-mail: tvzver.1968@yandex.ru

УДК: 821.511.131(092)(049.32)

В. И. Рогачёв, В. М. Ванюшев

УСЛЫШАТЬ ГОЛОС СЕРДЦА

Рецензия на: «Сюлэм куара (Голос сердца)». Жизнь и творчество Егора Загребина: сборник статей. / Сост. А. Е. Загребин, Р. В. Кириллова, А. З. Диева. Ижевск: Удмуртский университет, 2022. 370 с. ISBN 978-5-4312-1026-6

DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-4-732-736

В Удмуртии есть хорошая традиция – чествовать деятелей культуры, писателей и поэтов, литературоведов, внесших вклад в развитии филологии, гуманитарной мысли региона. Это давняя практика издания сборников научных статей, освещающих трудный путь служения народу. В октябре 2022 г. в Ижевске вышел сборник статей «Сюлэм куара (Голос сердца)», посвященный жизненному пути и творческой деятельности классика удмуртской литературы, члена Союза писателей Российской Федерации Егора Егоровича Загребина (1937–2015). В содержательных статьях, вошедших в книгу, раскрывается разносторонний и универсальный характер его творческого вклада в историю национальной литературы.

Егор Егорович Загребин известен в финно-угорском мире, в литературе народов Урало-Поволжья как прозаик, драматург, публицист, долгое время возглавлявший правление Союза писателей Удмуртской Республики. О его авторитете в филологии, гуманитарной сфере свидетельствует присвоение ему званий народного писателя Удмуртии, заслуженного работника культуры Российской Федерации; он лауреат Государственной премии и премии Правительства Удмуртской Республики.

В научно-популярном издании, осуществленном под эгидой Министерства науки и высшего образования РФ, ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет» тиражом 300 экз., объемом 23,73 усл. печ. л., насчитывается 370 страниц; VII главах всесторонне рассматривают творчество писателя, драматурга. Непосредственно о юбиларе говорится в первых пяти главах, в VI главе размещены стихи и юбилейные посвящения Е. Е. Загребину – В. Н. Глушкова, Н. Н. Закировой, Н. Ю. Дмитрошкина, Л. С. Анисимовой, Ю. Н. Никитина, А. Г. Шкляева. Характерно одно четверостишие из посвящения поэта С. В. Вострокнута «Памяти Е. Е. Загребина», очень точно отражающее суть его деятельности:

Он был патриотом, художником слова,
Писательской братии добрым отцом.
В тяжёлые годы мог снова и снова
Для нас оставаться достойным лицом [Сюлэм куара 2022, 318].

В главе V «Из дневника писателя» содержатся статьи-размышления Е. Е. Загребина о литературе, искусстве. Отраднo заметить, что пять из семи материалов этой главы написаны Е. Загребиным на удмуртском языке. Особенно это касается обширной статьи «Фауст», в которой рассматривается важность постановки произведения на сценах национальных театров России как серьезный шаг в развитии сценического искусства. Это ли не свидетельство любовного отношения к своей культуре, знания тончайших нюансов языка и способности выражать на нем свои мысли, теоретические обобщения в парадигмах родной стихии?! В главе VII опубликованы произведения

Егора Загребина в разных переводах: «*Punainentaulurätti. Gorddsystari*» («Красная тряпка») (1990), перевод на финский язык Эса-Юсси Салминена, на марийский Н. А. Федосеевой и др.

В I главе «Творчество Егора Загребина в зеркале критики» В. Л. Шибанов в статье «Верить и сопротивляться» отмечает, что Е. Е. Загребина как драматурга и трагика привлекают сильные характеры, острые сюжетные линии и конфликты; его трагедии «*Эш-Тэрек*» («Эш-Тэрек») и «*Кикы нош силе, но силе...*» («Кукушка все кукует...») уведят зрителя в средневековую эпоху и суровые времена сталинских репрессий, но при этом поднимают злободневные проблемы современности.

Критик обращает внимание на творческие удачи Егора Загребина в жанрах «малой прозы»; его талант особенно ярко проявился в новеллистическом очерке «Любовь моя, ревность моя...» (2004), где изображена трагическая судьба яркой удмуртской актрисы Анны Колесниковой. В очерке проводятся параллели с трагедией Еврипида «Медя» и драмой А. Островского «Гроза». Исследователь подчеркивает такую важную черту творческого миропонимания Егора Загребина, как осознание большого духовного и нравственного потенциала своего народа, России в целом. Ему свойственна беспредельная любовь к родному краю, желание разобраться в непростых явлениях прошлого и настоящего [1, 10].

Н. А. Федосеева в статье «Мастер рассказов и новелл» размышляет о прозаических циклах Е. Загребина «Искры огня» и «Эхо войны», связанных одной тематикой – верой в Бога, где автор не раз отмечает, что жизнь без веры – трагедия для народа. Эта идея очень тонко представлена в обоих циклах. При этом в своих мемуарных рассказах и очерках автор не навязывает свое мнение читателю, а деликатно подводит его к выводу, что ведущее место принадлежит православному миропониманию. Рассказывая о непростых жизненных ситуациях, произошедших с его родными людьми во время войны, Е. Загребин вновь возвращается к теме веры в Бога. Он откровенно пишет о силе материнской молитвы, силе креста в рассказе «Огонь» [1, 21–23]. Ничто не проходит мимо пристального внимания писателя: ни то, как выживали в деревне во время войны, ни то, как мучились, страдали, голодали, питаясь мороженой картошкой, найденной в оттаявшей ранней весной борозде (рассказы «Крапива», «Жаворонок»); и все равно веря в победу.

Эта же мысль развивается в статье А. В. Ельцовой «Тема военного детства в творчестве Е. Загребина, И. Торопова, А. Ванеева», где автор обращает внимание на то, что «стихи и проза «мальчишек военного времени» – это впечатления тяжелого детства, омраченного войной, память об ушедших на фронт отцах и старших братьях, о скудном хлебе военной поры, о раннем взрослении и тяжелом труде наравне со взрослыми».

Всех этих авторов, принадлежащих к одному поколению, роднит неоднократное обращение на протяжении всего творчества к теме военного детства. И в обширном наследии удмуртского писателя Е. Загребина «большое место занимают рассказы-воспоминания о детстве военной поры, объединенные в цикл «Эхо войны» и включенные в книгу писателя «Лебеди моего детства» (2008): «Красная тряпка», «Огонь», «Пилотка», «Жаворонок», «Летят журавли» и др.

В весьма актуальной статье Р. В. Кириллова в точных и лаконичных наблюдениях раскрывает «Нравственно-этические проблемы в творчестве Е. Е. Загребина», отмечая, что его лирические миниатюры, короткие рассказы, пьесы, эссе, новеллы полны удивительных событий, нравственной чистоты, <...> способны настроить душу на доброе, благожелательное отношение к миру и людям. В его книгах зримо предстает автор, обеспокоенный нравственным обликом современника, судьбой родины и природы. Литературовед отмечает, что все светлые помыслы писателя были связаны с родной землей и своим народом, все сокровенные тайны и мысли были доверены удмуртским просторам. Следствием повышенного внимания к малой родине ученый объясняет в творческом наследии Е. Е. Загребина большое число автобиографических рассказов, повестей этнографического характера – «*Нюлэс куараос*» («Лесные голоса») (1971), «*Ткды юсь*» («Белый лебедь») (1976), «*Палэз нускиос*» («Гроздь рябины») (1978), «Лебеди моего детства» (2008) и др. Воспоминания автора-рассказчика о войне не только связывают воедино жизнь нынешнюю с днем прошедшим, но и несут в себе сильный антивоенный пафос. Исследователь справедливо указывает на то, что в рассказах Загребина дети – самые активные защитники справедливости, они вступаются за обиженных и возмущаются дурными поступками взрослых. Они «гениальны в своей пытливой, доверчивой открытости миру, влекущему, как тайна, в своей способности удивляться цветку, лику солнца, жаворонку, котенку, что сидит на крыше» [1, 40–44].

В статье «Талант душевной щедрости» Н. Н. Закирова отмечает, что для всего сообщества деятелей литературы и искусства Егор Егорович Загребин «был и остаётся образцом принципиальности,

взыскательности и справедливости, символом мудрости и душевной щедрости, воплощением демократизма, духовного богатства, мощного творческого потенциала удмуртского народа».

Отдельные особенности поэтики и проблематики прозаических произведений Е. Е. Загребина описаны в исследованиях С. Л. Скопкаревой, Т. Г. Пантелеевой, А. С. Зуевой-Измайловой, А. Г. Шкляева, А. З. Диевой. II глава книги («Е. Е. Загребин-драматург: традиции и новаторство») посвящена важной и значительной части творческого наследия писателя – его драматургии. Т. И. Зайцева, характеризуя мастерство Е. Загребина-драматурга, отмечает принадлежность писателя к плеяде удмуртских художников – «шестидесятников», что и определило, по мнению исследователя, его общественную позицию и социально-историческую проблематику пьес [1, 70]. Проанализировав пьесу социального содержания «*Мынам яратонэ татын*» (Моя любовь здесь), комедию «*Насьток но Исьток*» («Степан и Настя») и трагедию «*Эш-Тэрек*», Т. И. Зайцева показывает ведущую роль Е. Загребина в развитии удмуртской драматургии второй половины XX в.

К важной и еще не вполне изученной проблеме обращается Т. В. Зверева. Традиции русской драматургии рассмотрены в ее глубокой статье на примере пьесы Егора Загребина «*Лебедь белая*». Говоря о том, что драматургия Е. Е. Загребина восходит к театру А. Н. Островского, исследователь справедливо отмечает, что в отношении развития удмуртской драматургии Е. Е. Загребин оказывается в «типологически сходной ситуации» с А. Н. Островским-реформатором и создателем нового репертуара для русского театра: «Перед молодым писателем и актером (*Е. Загребиным – В. Р., В. В.*) стояла задача создания национального театра, из-под его пера выходит около двух десятков пьес». В пьесе Е. Загребина исследователь обнаруживает множество отсылок к «*Грозе*» А. Островского и «*Чайке*» А. Чехова на уровне образной системы, мотивов, структуры конфликта и вместе с тем подчеркивает принципиальные отличия: «<...> национальная литература не просто усваивает лучшие образцы русской словесности, но творчески преобразует и переосмысляет материал, адаптируя его к условиям самобытной почвы» [1, 88].

В статьях Л. Г. Романова «Егор Загребин – писатель, драматург и артист» и А. З. Диевой «Влияние авторской субъективности на архитектуру трагедии Е. Загребина «*Эш-Тэрек*»» сделаны интересные выводы о специфике творческой позиции писателя и театрального деятеля. Замечательную особенность Е. Загребина-драматурга раскрывает Е. Г. Красновская в статье «Музыка – составляющая загребинской драматургии», показывая, что герои его пьес живут в особой музыкальной среде, и уже в первой пьесе «*Тулъс зор*» («Весенний дождь») музыка становится «своеобразным действующим лицом».

Л. П. Федорова характеризует в своей статье «Голос сердца: пьеса Е. Загребина «*Сюлэм куара*» и роман Г. Красильникова «*Арлэн кутсконэз*» еще одну важную грань драматургического искусства писателя – умение инсценировать, адаптировать крупные эпические произведения удмуртских классиков для постановки на сцене.

Творчество Е. Е. Загребина изучают в курсе школьной программы по удмуртской литературе. В III главе – «Национальная литература в школе и вузе» – конструктивно рассматривается этот вопрос в статьях Л. В. Бусыгиной «Изучение творчества Егора Загребина в системе школьного литературного образования», Л. Е. Сурниной «К вопросу об изучении автобиографического произведения на уроках литературы (на примере рассказов Е. Загребина)». С современными инновационными предложениями выступают И. Г. Павлова, М. И. Юркеева в своем развернутом проекте «Квест-игра для старшеклассников по произведениям Е. Е. Загребина». А. З. Диева темы природы в творчестве М. Пришвина, М. Юхмы и Е. Загребина. Продолжает близкое тематическое направление О. С. Зиявадинова в статье «Пейзаж в коми и удмуртской прозе второй половины XX в.».

В Удмуртии Е. Е. Загребин прослыл человеком исключительной отзывчивости, душевной щедрости и доброты, обращенности к простым людям. В IV главе – «Воспоминания» – отражается ответная любовь: публикации главы демонстрируют, как бережно, с каким теплом, благодарностью и уважением сохраняют представители творческой интеллигенции, ученики, друзья и знакомые память о замечательном современнике. А. П. Сидорова дает оценку писательскому «следу» в истории народа; включены труды З. А. Богомоловой некоторые биографические факты из жизни писателя; в библиографическом исследовании «Е. Е. Загребин: штрихи к биографии» А. И. Вепрёв идет дальше, выводя размышления на более высокую орбиту, разворачивает сравнительный контекст: «Писатель Егор Загребин, или удмуртский Шарль Бодлер».

А. А. Блинов, А. Ш. Абдулаев, В. И. Красовская, Г. А. Склярова, Ю. А. Сакерин, А. З. Диева в своих воспоминаниях развивают и дополняют творческую биографию писателя, привносят новые, свежие краски в портрет Е. Загребина, опираясь на личные впечатления от встреч с ним.

Отметим тщательно продуманную, и, на наш взгляд, весьма удачную структуру сборника: в нем дается слово не только авторам литературно-критических публикаций и воспоминаний, но и самому Е. Е. Загребину в виде его прижизненных трудов, произведений.

В предисловии к сборнику яркий тон размышлениям о судьбе писателя задает Р. В. Кириллова, отмечающая, что «в истории и культуре каждого народа есть особенные личности, жизнь и деятельность которых сохраняется в памяти и сознании поколений». По ее мнению, Егора Егоровича Загребина с полным правом можно отнести к личностям подобного масштаба: достойный представитель удмуртского народа, выходец из крестьянской среды, он стал одним из самых известных национальных писателей и драматургов второй половины XX – начала XXI в., оказал большое влияние на общественную и культурную жизнь республики. Доброжелательный, остроумный, внимательный к собеседнику, Е. Е. Загребин всегда был в центре внимания. Он был душой коллектива, потому что мог аккумулировать и выражать мнения людей, генерировать идеи. Его публичные выступления заинтересованно принимала любая аудитория, потому что он обладал неким магнетизмом, притягательной доброй аурой харизматичной личности. В нем слились народная культура, мягкость, такт, природная интеллигентность удмуртов и элитарная музыкально-театральная культура такого цивилизационного центра, как Ленинград, Ленинградский театральный институт имени А. Н. Островского, где он обучался с 1956 по 1961 г. Впрочем, как и вся его последующая жизнь в качестве актера, заведующего литературной частью Удмуртского драматического театра, режиссера и редактора литературно-художественных передач Ижевской студии телевидения, главного редактора молодежного журнала «*Инвож*», была нацелена на творческий и культурный рост, перспективу служения искусству, литературе.

Есть какая-то осмысленная провиденциальность в том, что именно таким людям, как Е. Е. Загребин, при рождении судьба определила сложный жизненный путь, голодное военное детство, вкус хлеба пополам с лебедой, смерть кормильца на войне, безотцовщину, ранний и тяжелый труд, становление и самостоятельный выбор пути, – сделала все для того, чтобы, пройдя через горнило страданий, в своем видении и осмыслении жизни поднявшись на одну ступень выше остальных, они смогли стать пророками в своем народе, любимом крае. Такие люди волею судеб оказываются там, где они наиболее востребованы и могут принести больше пользы.

Память о выдающихся деятелях российской культуры нужна нам для того, чтобы на их примере воспитывать патриотов родимой земли, людей деятельных, инициативных, способных достойно продолжить дела старшего поколения. Сборник статей о Егоре Егоровиче Загребине – выдающемся сыне удмуртского народа – успешно выполняет эту задачу. Не случайно составители и авторы адресуют свое издание молодому поколению, студентам и преподавателям вузов, школьным учителям, широкому кругу читателей, интересующихся удмуртской литературой, культурой народов России.

ЛИТЕРАТУРА

Сюлэм куара (Голос сердца). Жизнь и творчество Егора Загребина: сборник статей. / Сост. А. Е. Загребин, Р. В. Кириллова, А. З. Диева. Ижевск: Удмуртский университет, 2022. 370 с.

Поступила в редакцию 10.11.2022

Рогачев Владимир Ильич,

доктор филологических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический
университет имени М. Е. Евсевьева»
430007, Россия, г. Саранск, ул. Студенческая, 11а
E-mail: rogachev-v@bk.ru,
ORCID 0000-0003-2830-8667

Ванюшев Василий Михайлович,

доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Удмуртский
институт истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН
426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4
E-mail: vvanushev@mail.ru

V. I. Rogachev, V. M. Vanyshev
HEAR THE VOICE OF THE HEART

Book review: "Sulem kuara" ("The Voice of the heart"). The life and work of Egor Zagrebin: a collection of articles. / Comp. A. E. Zagrebin, R. V. Kirillova, A. Z. Dieva. Izhevsk: Udmurt University, 2022. 370 p.

DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-4-732-736

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2022, vol. 16, issue 4, pp. 732–736

REFERENCES

Sulem kuara" ("The Voice of the heart"). The life and work of Egor Zagrebin: a collection of articles. *Syulem kuara (Golos serdtsa). Zhizn' i tvorchestvo Egora Zagrebina: sbornik statei.* / Sost. A. E. Zagrebin, R. V. Kirillova, A. Z. Dieva. Izhevsk: Udmurtskii universitet, 2022. 370 p.

Received 10.11.2022

Rogachev Vladimir Ilich,
Doctor of Philology, Professor,
Mordovian State Pedagogical University,
11a Evsevevast., Saransk, 430007, Russian Federation
E-mail: rogachev-v@bk.ru, ORCID 0000-0003-2830-8667

Vanyshev Vasilii Mihailovich,
Doctor of Philological Sciences, Chief Researcher
The Udmurt Institute of History, Language and Literature UdmFRC UB RAS,
426004, Russian Federation 4, Lomonosova st., Izhevsk,
E-mail: vvanushev@mail.ru

Ю. А. Перевозчиков, Е. Н. Зайцева

ЭТНОГРАФ В ПОЛЕ

Рецензия на: Серафима Лебедева. Полевые заметки музейного этнографа. Тарту, 2021. 161с

DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-4-737-739

В последние годы в российской культурной антропологии активно переосмысливаются как теоретические постулаты прошлого, так и значение и роль субъективных аспектов этнографических исследований. Личность ученого, его взгляды, жизненный опыт и карьерные перипетии оказываются существенной стороной в понимании логики научных изысканий и полученных результатов.

Советская (и российская) этнография в XX веке была нацелена преимущественно на создание аналитических исследований традиционных культур, полевые материалы играли роль иллюстраций к научным работам, публикации сделанных непосредственно в экспедициях записей были нечастыми. Заниматься этнографией нередко значило найти «нужное» место, подобрать правильных информантов, записать как можно точнее текст песни или легенды, зарисовать максимально близко к оригиналу изображение постройки или орнамента, Интеллектуальные усилия, которые прилагали ученые при работе в поле, сами по себе как будто не являлись ценными и важными. Радуется, что сегодня в отечественной этнографии и социальной антропологии все чаще ученые обращаются к теме «Исследователь и поле».

Не стоит в стороне от этого исследовательского тренда и удмуртская этнографическая наука. Блестящим примером научной эссеистики обозначенного плана является двухтомник разноплановых диалогов с учёными, информантами, коллегами, учениками д.и.н., профессора В. Е. Владыкина [Владыкин 2013, 2018]. Относительно недавно персонифицированная историография удмуртоведения пополнилась новым изданием. Эстонский национальный музей опубликовал «Полевые заметки музейного этнографа» С. Х. Лебедевой.

Серафима Христофоровна Лебедева без преувеличения является главной фигурой в удмуртском этнографическом музееведении. Благодаря ее многолетнему неустанному, а временами даже самоотверженному музейному служению сначала в Республиканском краеведческом / Национальном музее Удмуртской Республики, а затем в Архитектурно-этнографическом музее-заповеднике «Лудорвай» сформирован обширный и репрезентативный корпус предметов-источников информации о материальной культуре, и шире – о культурном наследии удмуртского народа классического этнографического периода домашнего ручного производства конца XIX - начала XX веков. Итоги этой многотрудной работы отражены в ряде научных и научно-популярных публикаций автора, однако впервые благодаря новому изданию мы можем воочию познакомиться с научной лабораторией и фактически «полевой кухней» выдающегося собирателя-музееведа.

Необходимо отметить, что удмуртская этнографическая наука с самого начала складывалась в тесном сотрудничестве с финно-угорскими научными сообществами. Советский период богат на примеры такого рода совместной деятельности. Особую ценность издание может представлять как источник по изучению становления и развития советской и удмуртской этнографической науки. В рецензируемом издании мы видим описание организационного и научного сотрудничества исследователей Государственного Этнографического музея Эстонской ССР, Государственного музея этнографии народов СССР и краеведческого музея Удмуртской АССР, что само по себе как опыт реализации многосторонних научных проектов в советский период вызывает безусловный научный интерес.

Появление данной книги было приурочено к 85-летию автора опубликованных текстов, почетного зарубежного члена Финно-угорского общества имени Кастрена, лауреата Национальной премии им. Кузубая Герда, лауреата Государственной премии Удмуртской Республики и к 90-летию Алексея Петерсона (1931–2017), директора Эстонского национального музея в 1958-1992 гг., соратника и партнера Серафимы Христофоровны по многим совместным экспедициям. Издание подготовлено при поддержке Программы родственных народов Министерства науки и образования Эстонской Республики.

Компактная на первый взгляд электронная книга обладает глубоким и многослойным содержанием, призванным разносторонне представить научную и собирательскую деятельность С. Х. Лебедевой в ходе совместных экспедиций с эстонскими коллегами. Авторские дневниковые записи, очень тактично и грамотно отредактированные, чередуются с музейными фотоиллюстрациями и дополняются авторским вступлением и логическим заключением в виде интервью, где автор и редактор раскрывают примечательный исторический и бытовой контекст межмузейного сотрудничества.

Хронологические рамки представленного научно-дневникового материала С. Х. Лебедевой охватывают период сотрудничества в области полевого сбора предметов музейного значения и фиксации этнографического контекста их бытования между ведущим краеведческим музеем Удмуртии и Эстонским национальным музеем с 1977 по 1993 годы. За этот период совместные экспедиции успели побывать в репрезентативных поселениях южных, центральных и северных удмуртов как в самой республике в Киясовском, Алнашском, Завьяловском, Увинском, Вавожском, Кезском районах, так и у всех периферийных групп этноса в Агрызском, Бавлинском, Балтасинском районах Татарстана, в Ермакеевском, Татышлинском, Янаульском районах Башкирии, в Слободском, Зуевском, Унинском, Фаленском, Кильмезском районах Кировской области, в Куединском районе Пермской области, в Мари-Турекском районе Марийской автономной республики и в Красноярском крае.

Дневниковые записи представляют собой полевые описания различных сторон традиционного быта, занятий, народных технологий, календарных праздников, религиозных ритуалов удмуртов. Несмотря на объяснимую фрагментарность, в опубликованных дневниках С. Х. Лебедевой мы можем найти сегодня уже практически не фиксируемые приемы прядения и ткачества, домашнего самогонварения, пчеловодства, выжигания древесного угля, плетения самодельных охотничьих и рыбацких ловушек, других лесных промыслов.

Как водится, в ходе музейных сборов полевыми фиксируется народная терминология элементов гардероба и деталей одежды, различных домашних производственных процессов. Любопытны записи автора, касающиеся сбора лекарственных трав и приемов народной медицины.

Представляют интерес описания локальных вариантов семейных («каша», похороны) и календарных обычаев (Пасха – *Быдзым нунал, кулэмпотон уй, акашка, Виль, сйзыл кисьтон* и др.), сохранившихся дохристианских молений (*лудэ пырон, йыр-пыд сётон, куяськон, ныл кураськон* и др.).

В ходе экспедиций С. Х. Лебедевой удалось зафиксировать и образцы традиционного песенного фольклора, как обрядового (*солдат келян гур, сюан гур, ярашон гур, йыр-пыд сётон гур, айкай гурьёс*), так и бытового (частушки, любовные песни).

Помимо сбора музейных предметов, в совместных экспедициях были сняты киноматериалы, которые легли в основу уже ставших классическими в отечественной аудиовизуальной музеологии фильмов о южных и северных удмуртах в начале XX века, а также о религиозных обрядах южных удмуртов в начале XX века. Последний фильм в отличие от двух первых не только включал в себя кадры реконструированных обрядов, но и зафиксировал живую дохристианскую религиозную традицию поздней советской эпохи. О различных эпизодах киносъёмки удачно напоминают иллюстрирующие текст фотографии из фондов Эстонского национального музея.

Можно согласиться с тезисом заключительного интервью о том, что съёмки этнографических фильмов стимулировали процесс изучения и сохранения традиционных промыслов удмуртов, способствовали развитию ремесел и декоративно-прикладного искусства в республике. Кинофильмы действительно стали наглядным пособием для нескольких поколений удмуртской молодежи, наглядно демонстрируя прежнюю жизнь народа.

Особую ценность для изучающих удмуртскую традиционную культуру имеют опубликованные в книге в качестве иллюстраций многочисленные фотоматериалы, запечатлевшие различные стороны народной жизни. Эти фотографии относятся как к периоду описанных в книге экспедиций – вторая половина XX века, когда советская этнография фиксировала уже уходящие стороны «живой старины», так и к началу XX века, где традиционная культура удмуртов еще представляла собой реальность, живую «натуру».

Новое издание Эстонского национального музея безусловно является данью уважения выдающемуся удмуртскому этнографу и ученому-музееведу. Нельзя не отметить филигранную работу творческого коллектива, работавшего над книгой: редактора-составителя и переводчика текстов Светланы Карм, переводчика песенного материала Николая Анисимова, корректоров Наталии Пыллу, Туули Каалеп, дизайнера Сергея Сидорова и оцифровщика удмуртской фотоколлекции Арпа Карма. Благодаря их труду удмуртская историография пополнилась примечательной кни-

гой, позволяющей не только воочию познакомиться с ремеслом музейщика-собираателя, но и услышать подлинные, порой весьма откровенные голоса людей, из которых и складывается народ.

ЛИТЕРАТУРА

Владыкин В.Е. Монолог в диалогах. Ижевск: Изд-во «Удмуртия», 2013. 535 с.

Владыкин В.Е. Диалог продолжается. Ижевск: УдмФИЦ УрО РАН, 2018. 399 с.

Поступила в редакцию 15.08.2022

Перевозчиков Юрий Александрович,

кандидат исторических наук, доцент,
ученый секретарь,

БУК УР «Национальный музей УР»,

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»,
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1

e-mail: uchsek_nmur@mail.ru

Зайцева Елена Николаевна,

кандидат исторических наук,

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1

e-mail: e.zajtseva@mveu.ru

Y. A. Perevozchikov, E. N. Zaitseva
ETHNOGRAPHER IN THE FIELD

DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-4-737-739

Review of: Serafima Lebedeva. Field notes of a museum ethnographer. Tartu, 2021. 161 p.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2022, vol. 16, issue 4, pp. 737–739

REFERENCES

Vladykin V.E. Monolog v dialogah [Monologue in dialogues]. – Izhevsk: Udmurtiya, 2013. – 535 p.
In Russian.

Vladykin V.E. Dialog prodolzhaetsya [Dialogue continues]. – Izhevsk: UdmFRC UB RAS, 2018. –399 p.
In Russian.

Received 15.08.2022

Perevozchikov Yuri Aleksandrovich,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Scientific Secretary,

National Museum of the Udmurt Republic,

Udmurt State University,

1, Universitetskaya Str., Izhevsk, 426034, Russian Federation,
e-mail: uchsek_nmur@mail.ru

Zaitseva Elena Nikolaevna,

Candidate of Historical Sciences,
Udmurt State University,

1, Universitetskaya Str., Izhevsk, 426034, Russian Federation,
e-mail: e.zajtseva@mveu.ru

Юбилей

УДК: 81'25:821.511.113(=511.113)=661.1(045)

О. Сергеев

К ЮБИЛЕЮ М. Т. ИПАКОВОЙ

Статья посвящена талантливому исследователю марийского языка, кандидату филологических наук, ведущему научному сотруднику Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В. М. Васильева (МарНИИЯЛИ) М. Т. Ипаковой. Охарактеризована её научная и творческая деятельность, описан вклад лингвиста в развитие родного языка. Область научных интересов М. Т. Ипаковой – диалектология, лексикология, терминология, практическая лексикография, морфология, переводоведение.

Ключевые слова: диалектный словарь, калтасинский говор, лексикографическое произведение, марийский язык, переводческая работа.

DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-4-740-746

*Шочмо йылмын ямже шўм-чоным вўчка
М. Т. Ипакова*

Нет на свете ничего ценнее родного языка. С материнским молоком мы впитывали его богатство, экспрессивность речи, культуру общения. Язык как компас: в любое время он поможет тебе, выручит в трудную минуту. Отличное знание, владение языком матери является мостиком для изучения других языков. А лингвисты, изучающие свой родной язык, всегда играли важную роль в его исследовании и развитии. Одним из таких лингвистов, посвятивших свою жизнь исследованию языка, является представитель восточных мари М. Т. Ипакова.

Свой юбилей кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник направления «Лингвистика» Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В. М. Васильева Марина Тимерьяновна Ипакова отметила в ноябре.

М. Т. Ипакова родилась 23 ноября 1972 г. в далёкой марийской деревне Нижняя-Татья (мар. *Ўлыл Такия*) Краснокамского района Башкирской АССР. Это местность, где с давних времен проживают вместе, рука об руку, марийцы, татары, удмурты, русские и башкиры. Живя в окружении людей разных национальностей, она с детских лет воспитала в себе любовь к языку матери и уважение к соседним языкам. В школе всегда училась с особым прилежанием. После окончания Нижне-Татянской восьмилетней школы она продолжает учёбу в Арланской средней школе. В 1990 г. М. Т. Ипакова (тогда ещё Марина Фаткуллина) поступает на историко-филологический факультет Марийского государственного университета. В 1995 г. оканчивает полный курс университета и успешно защищает дипломный проект. Уже будучи студенткой, она проявила большой интерес к исследованию родного марийского языка. В стенах *alma mater* М. Т. Ипакова глубже узнала диалектные особенности лугового, горного и северо-западного наречий марийского языка, также ещё ближе стал ей родной калтасинский и другие говоры восточного диалекта. Здесь же она познакомилась с финно-угорскими/уральскими языками. Учила эстонский язык. Слушала лекции и получила необходимую консультацию у таких известных профессоров, как И. С. Галкин, Л. П. Грузов, И. Г. Иванов, Н. И. Исанбаев, З. В. Учаев, Ф. И. Гордеев, Н. Н. Глухова, Е. Н. Мустаев, Ю. В. Андуганов.

После окончания университета М. Т. Ипакова работала старшим лаборантом кафедры финно-угорских языков (1995–1999), заведующим кабинетом кафедры финно-угорских языков (1999–2000),

методистом кафедры марийского языка (2000–2002) Марийского государственного университета. В 2002–2003 гг. (сентябрь–май) и в 2008 г. (март–апрель) проходила научную стажировку в университете г. Турку (Финляндия). Там она посещала разные практические курсы по углубленному изучению финского языка.

В 2003–2006 гг. работала преподавателем кафедры марийского языка, в 2008–2009 гг. совмещала преподавательскую работу на кафедре общего и финно-угорского языкознания Марийского государственного университета. Вела разные дисциплины. Ее занятия всегда захватывали студентов, побуждали вдумчиво относиться к изучению языка, познанию нового о нем. В 2006–2007 учебном году вела занятия по финскому языку в Коркатовской гимназии Моркинского района Республики Марий Эл.

В 2001–2004 гг. обучалась в очной аспирантуре Марийского государственного университета. Под руководством доктора филологических наук, профессора И. Г. Иванова написала диссертацию на тему «Соматическая лексика марийского языка», которую успешно защитила в феврале 2012 г. Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук, профессор Н. Н. Глухова (г. Йошкар-Ола) и кандидат филологических наук А. М. Кочеваткин (г. Саранск). Целью исследовательской работы М. Т. Ипаковой является выявление соматической лексики марийского языка, лингвистический анализ основных её компонентов, анализ и описание данной лексики как системы на синхронном уровне.

С 2005 г. по настоящее время работает ведущим научным сотрудником направления «Лингвистика» Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В. М. Васильева, вначале – на должности младшего научного сотрудника, с 2009 г. – научного сотрудника, с 2015 г. – старшего научного сотрудника, с конца марта 2022 г. – ведущего научного сотрудника.

В отечественных и зарубежных изданиях М. Т. Ипакова опубликовала свыше 70 научных, научно-популярных и учебно-методических работ. Среди них пособие «Наименования государственных органов, организаций, учреждений и предприятий Республики Марий Эл с переводом на марийский язык» (Йошкар-Ола, 2018). Книга представляет собой издание справочного характера по переводу официальных текстов с русского на марийский язык. В ней систематизированы тексты переводов наименований государственных органов, организаций, учреждений и предприятий Республики Марий Эл с русского на марийский язык и предпринята попытка системного исследования способов передачи русских терминов на марийский язык (1). Юбиляр один из авторов «Энциклопедии Марий Эл» (Йошкар-Ола, 2009), в которой помещены её статьи по вопросам диалектологии (17. – С. 337–338) и фразеологии (18. – С. 790). М. Т. Ипакова принимала участие в подготовке фундаментального труда «Марийцы. Историко-этнографические очерки» (Йошкар-Ола, 2013), написала раздел «Диалекты марийского языка» (29. – С. 108–116). Книга переиздана в 2018 г., с некоторыми дополнениями и изменениями включена также статья юбиляра (30. – С. 108–116). Из-под её пера вышли биографические статьи справочного характера о жизни и деятельности известных исследователей, как, например, финские языковеды профессор Алхо Алхониemi (13, 31) и доктор философии Йорма Луутонен (38), марийские учёные профессор И. Г. Иванов (57), языковеды В. И. Вершинин (51, 58) и О. А. Сергеев (59–61, 63). По её же инициативе был составлен сборник «Язык, Ученый, Письмена» (4), посвящённый юбилею О. А. Сергеева (Йошкар-Ола, 2021).

Научная деятельность М. Т. Ипаковой характеризуется пятью основными направлениями: 1) исследование лексического слоя марийского языка, а именно соматической лексики (6–11, 14–16, 19–28, 32–37, 53); 2) исследование грамматики марийского языка (5, 42, 49–50, 55–56, 62); 3) диалектология (12, 17, 29–30); 4) переводоведение (39–41, 43–48, 52, 54); 5) лексикографическая работа, направленная на составление русско-марийского словаря и других типов словарей (2, 3).

Ценность исследований М. Т. Ипаковой заключается в том, что она непосредственно обращается к оригиналам ранних письменных памятников марийского языка XVIII–XIX вв., хранящихся в разных архивах и библиотеках нашей страны и за рубежом (6, 7, 19, 21, 53).

М. Т. Ипакова была руководителем проекта составления «Русско-марийского словаря». Ценнейшее лексикографическое произведение марийского языка XXI в. в двух томах (Том I. А–О. – 592 с.; Том II. П–Я. – 468 с.) издано в 2019 г. Была одним из редакторов данного издания. Она же активно участвовала в составлении словарных статей. Ей принадлежит часть раздела на букву П (2): (плодородие – посылка). Юбиляр принимал также участие в подготовке дополнительного тома (А–Я) «Словаря марийского языка» (Йошкар-Ола, 2019. – 560 с.). Работала над подготовкой словарных материалов по восточному наречию (3). Одновременно М. Т. Ипакова занималась составлением диалектного слова-

ря йошкар-олинского говора, материалы которого в настоящее время в объёме около 3 п.л. хранятся в личном фонде автора.

М. Т. Ипакова активно участвует в научных и научно-практических конференциях, симпозиумах и конгрессах, проводимых как в России, так и за рубежом. В её содержательных докладах, прочитанных на многих научных форумах, рассматриваются актуальные и неразработанные вопросы марийского языка. Она участница трёх международных конгрессов финно-угроведов (Йошкар-Ола, 2005; Пилишчаба, 2010; Оулу, 2015). Занимается редактированием и рецензированием рукописей научных трудов, монографий и учебных пособий. Была оппонентом диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук.

Марина Тимерьяновна участвовала в организации ежегодного проведения круглого стола, посвященного Дню марийской письменности (2015–2018, 2020), Всероссийской научно-практической конференции «Современные проблемы финно-угорских языков и финно-угроведения», посвящённой 80-летию профессора И. С. Галкина (Йошкар-Ола, 2011) и Всероссийской научно-практической конференции «I Упымарий лудмаш», посвящённой 90-летию профессора Н. И. Исанбаева (2019).

В последнее время принимает участие в совместных научных экспедициях по сбору лингвистических и фольклорных материалов. С коллегами из Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан участвовала в комплексной экспедиции в районе компактного проживания марийцев Агрызского района. Затем было опубликовано издание «Калейдоскоп культур: сборник материалов по результатам научных экспедиций по изучению культуры народов Республики Татарстан» (Казань: Издательство АН РТ, 2021), куда включена статья юбиляра «Национальный праздник «Семык» агрызских мари» (С. 94–100, в соавторстве с М. В. Пеньковой). Летом 2022 г. (11–21 июня) была участником аналогичной экспедиции в Звениговском районе Республики Марий Эл, проводимой Марийским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории им. В. М. Васильева и Чувашским государственным институтом гуманитарных наук.

С 2007 г. юбиляр является исполнителем работы по переводу названий учреждений и организаций, а также различных официальных текстов по обращению высших государственных органов республики (Главы Правительства Республики Марий Эл, Государственного Собрания Республики Марий Эл, Центральной избирательной комиссии, министерств и др.). Как известно, переводческая работа, письменный перевод текстов способствуют и разработке новой лексики языка. В образовании отдельных неологизмов в современном марийском лугово-восточном литературном языке, безусловно, есть заслуга М. Т. Ипаковой. С 2016 по 2018 гг. была председателем проекта по переводу официальных текстов. В 2010 г. работала секретарем Комиссии по государственным языкам Республики Марий Эл при Правительстве Республики Марий Эл. Была секретарем международного курса финского языка и культуры при кафедре марийского языка Марийского государственного университета (2006). С 2017 г. по настоящее время – член аккредитационной комиссии по аккредитации экскурсоводов (гидов), гидов-переводчиков и инструкторов – проводников, осуществляющих деятельность на территории Республики Марий Эл, ответственный за выпуск научного журнала «Финно-угроведение» (2021), заместитель Председателя Марийского регионального комитета финно-угроведов (2022).

Юбиляр постоянно повышает свой научный уровень, использует в исследовательской деятельности новые методы лингвистического анализа. В 2021 г. защитила магистерскую диссертацию по направлению подготовки 44.04.01 Педагогическое образование. Магистерская программа «Филологическое образование в этнокультурной среде».

М. Т. Ипакова – активный пропагандист научных знаний. По вопросам функционирования марийского языка в различных сферах общества часто выступает на республиканском радио и телевидении («ВГТРК «ГТРК Марий Эл», «МЭТР»).

М. Т. Ипакова внесла значительный вклад в развитие марийской лингвистики и функционирования государственных языков в Республике Марий Эл. Её заслуги в научной и общественной жизни республики отмечены Почетной грамотой Государственного Собрания Республики Марий Эл (2010 г.), Почетной грамотой Министерства культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл (2018 г.) и Почетной грамотой Министерства образования и науки Республики Марий Эл (2020 г.).

Целеустремленная и последовательная в своих научных изысканиях, исключительно трудолюбивая, М. Т. Ипакова пользуется заслуженным авторитетом как среди своих коллег, так и среди учёных-лингвистов, финно-угроведов других республик нашей страны и за рубежом.

Коллеги по работе и друзья от всей души поздравляют Марину Тимерьяновну с юбилеем и желают крепкого здоровья, успехов в творческой деятельности, исполнения всех замыслов.

Пагалыме Марина Тимерьяновна, таза, эсен, рыскалан лийза! Ончыко, у сенымашыш! Илыш корныда Чолман энерын йогынжо гаяк шыман шыргыктыже.

СПИСОК ОСНОВНЫХ НАУЧНЫХ ТРУДОВ

1. Наименования государственных органов, организаций, учреждений и предприятий Республики Марий Эл с переводом на марийский язык. – Йошкар-Ола: Издательский дом «Марийское книжное издательство», МарНИИЯЛИ, 2018. 188 с.
2. Русско-марийский словарь: [в 2-х томах]. том II. П-Я / авт.-сост.: Л. И. Барцева, В. Г. Гаврилова, М. Т. Ипакова [и др.]. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2019. 500 с.
3. Словарь марийского языка. Дополнительный том: А–Я / авт.-сост.: А.А. Абрамова, И.С. Галкин, М. Т. Ипакова [и др.]. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2019. 560 с.
4. ЯЗЫК, УЧЁНЫЙ, ПИСЬМЕНА... К юбилею О.А. Сергеева / сост.: М.Т. Ипакова. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2021. 160 с., илл.
5. *Ипакова М. Т.* Марий йылмыште финн-угор инструктив. Семантика да синтаксис ойыртем (Финно-угорский инструктив в марийском языке. Семантические и синтаксические особенности) / *М.Т.Ипакова* // Ончыко. 2001. № 10. С. 170–173.
6. Соматическая лексика в словаре В. Крекнина и И. Платунова «Краткий черемисский словарь с российским переводом» // Тезисы докладов Международной финно-угорской студенческой конференции IFUSCOXIX. Сыктывкар, 2003. С. 33–34.
7. Особенности образования соматической лексики в рукописном словаре И. Молярова «Черемисско-русский словарь. На козмодемьянскій черемискій языкъ» // Язык и литература в поликультурном пространстве: материалы региональной научно-практической конференции (18–19 декабря 2003 г.). Бирск, 2003. С. 152–154.
8. *Ипакова М. Т.* Описательные названия как способ номинации соматической лексики / М.Т. Ипакова // Актуальные проблемы межкультурных и межъязыковых контактов: материалы научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения профессора Н. Т. Пенгитова (30.03.2004). Йошкар-Ола, 2004. С.117–118.
9. Термины соматического состояния в марийском языке // Актуальные проблемы финно-угроведения: материалы региональной научно-практической конференции 22-23 апреля 2004 г. Бирск, 2004. С. 67–70.
10. Словообразовательная структура соматизмов. Лексико-синтаксический и морфологический способы // Труды Института финно-угроведения. Выпуск 2: сб. статей / науч. ред. О. Н. Тихонов. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2005. С. 101–105.
11. О соматической лексике финно-угорского происхождения в марийском языке // Тезисы секционных докладов X Международного конгресса финно-угроведов: Лингвистика. Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2005. II часть. С. 74–75.
12. Научные исследования восточного диалекта марийского языка // Башкортостан и Марий Эл: Исторический опыт и перспективы сотрудничества: сборник научных трудов Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию Первого Всероссийского съезда мари. Бирск, 25-26 мая 2007 г. Бирск – Йошкар-Ола: Бирск. гос. соц.-пед. акад., 2007. Часть I. С. 185–193.
13. Профессору Алхо Алхониemi – 75 лет // Финно-угроведение. 2008. № 1. 126–132.
14. Лексика, обозначающая соматическое состояние человеческого организма // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. 2009. № 4. С. 222–224.
15. История изучения соматической лексики в финно-угорских языках // Финно-угроведение. 2009. № 2. С. 62–68.
16. Названия болезней в марийском языке // Языки и культура финно-угорских народов в условиях глобализации: материалы IV Всероссийской конференции финно-угроведов. Ханты-Мансийск: Инф.-изд. Центр ЮГУ, 2009. С. 64–67.
17. Диалекты марийского языка // Энциклопедия Республики Марий Эл. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2009. С. 337–338.
18. Фразеология // Энциклопедия Республики Марий Эл. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2009. С. 790.
19. Печатные лексикографические памятники XVIII–XX вв. как источники изучения соматической лексики марийского языка // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. 2010. № 1. С. 194–196.

20. Лексико-семантические группы соматизмов в марийском языке // *Congressus XI Internationalis Fenno-Ugristarum. Summaria acroasium in sectionibus*. Piliscsaba, 2010. Pars II. С. 108.
21. Ранние письменные памятники как источники изучения соматической лексики марийского языка // *Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки*. 2011. № 2. С. 313–315.
22. Состояние изучения соматической лексики марийского языка // *Современные проблемы финно-угорских языков и финно-угроведения: материалы Всероссийской научной конференции (16 сентября 2010 г.)*. Йошкар-Ола: ГУП РМЭ «Типография Правительства РМЭ», 2011. С. 36–43.
23. Лексико-семантические группы соматизмов в марийском языке // *Congressus XI. Internationalis Fenno-Ugristarum: Piliscsaba, 9–14. VIII. 2010. Piliscsaba, 2011. Pars IV*. С. 153–157.
24. Спланхнонимическая лексика марийского языка // *Языки, литература и культура народов полиэтнического Урало-Поволжья (современное состояние и перспективы развития): материалы VIII Международного симпозиума «Языковые контакты Поволжья» (18–20 августа 2011 г.)* / Мар. гос. ун-т; отв. ред. Р.А. Кудрявцева. Йошкар-Ола: Типография «Вертикаль», 2011. С. 143–148.
25. Сомонимическая лексика марийского языка // *Развитие гуманитарных исследований в Республике Марий Эл: материалы научной конференции, посвященной 90-летию Республики Марий Эл и 80-летию МарНИИЯЛИ*. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2011. С. 17–22.
26. *Ипакова Марина Тимерьяновна*. Соматическая лексика марийского языка: автореф. дис. ... на соиск. учен. степ. канд. филол. наук / Марина Тимерьяновна Ипакова. Йошкар-Ола, 2012. 25 с.
27. Простые производные соматизмы марийского языка // *Филологические исследования на рубеже XX–XXI веков: традиции, новации, итоги, перспективы: сборник статей по итогам Всероссийской научной конференции (19–21 октября 2011 г., Сыктывкар)*. Сыктывкар, 2012. С. 101–105.
28. Ангионимическая лексика марийского языка // *Урал-Алтай: через века в будущее: материалы V Всероссийской тюркологической конференции, посвященной 80-летию Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН*. Уфа, 2012. С. 45–46.
29. Диалекты марийского языка // *Марийцы. Историко-этнографические очерки*. – Издание 2-е, дополненное. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2013. С. 108–116.
30. Диалекты марийского языка // *Марийцы. Историко-этнографические очерки*. – Издание 3-е, дополненное. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2018. С. 108–116.
31. Крупный лингвист, доктор философии: [финн. проф. А. Алхониemi – 80 лет] // *Ончыко*. 2013. № 5. С. 80–85.
32. Сенсонимическая лексика // *Современное удмуртоведение в контексте компаративистики, контактологии и типологии языков: сборник статей*. – Ижевск–Будапешт: Изд-во «Удмуртский университет», 2015. С. 267–275.
33. The problem of distinguishing between complex and composite somatisms in the Mari language (Проблема разграничения сложных и составных соматизмов в марийском языке) // *Congressus Duodecimus Internationalis Fenno-Ugristarum*. Oulu, 2015. Book of Abstracts. P. 257.
34. Проблема разграничения сложных и составных соматизмов в марийском языке // *Ежегодник финно-угорских исследований*. 2015. Выпуск 3. С. 9–18.
35. Названия костей человеческого тела (остеоимы) в марийском языке // *Вестник Марийского государственного университета*. 2015. № 5 (20). С. 83–87.
36. Простые производные соматизмы марийского языка // *XV Игнатъевские чтения. Горные марийцы в культурно-историческом ландшафте Урало-Поволжья (Козьмодемьянск, 21–22 мая 2015 г.)*: материалы докладов и выступлений на Международной научно-практической конференции. Йошкар-Ола, 2016. С. 133–141.
37. Концепт *вуи* ‘голова’ в марийском языке // *Folklore and written traditions of the finno-ugric peoples. Abstracts of the Day of Agricola Conference*. Edited by Szilard Tibor Toth. – University of Tartu Narva College, 2016. – С. 26.
38. К юбилею финского лингвиста Йормы Луутонена // *Linguistica Uralica*. 2016. № 3. С. 237–239.
39. Некоторые проблемы перевода официальных и рекламных текстов с русского на марийский язык // *Проблемы марийской и сравнительной филологии: сб. ст.* / Мар. гос. ун-т.; отв. ред. Р.А. Кудрявцева. Йошкар-Ола, 2016. С. 51–59.
40. Сопоставительный анализ текстов перевода официальных наименований учреждений с русского на марийский язык // *XVI Игнатъевские чтения. Наследие горных мари: история и современность (Козьмодемьянск, 1 апреля 2016 г.)*: материалы докладов и выступлений на Региональной научно-практической конференции. – Йошкар-Ола, 2017. С. 31–39.
41. Некоторые особенности переводов официальных наименований учреждений с русского на марийский язык // *Языковые контакты народов Поволжья X: актуальные проблемы нормативной*

и исторической фонетики, грамматики, лексикологии и стилистики: сборник статей. Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2017. С. 99–108.

42. Из истории изучения наречий в марийском языке (конец XVIII – 1-ая половина XX вв.) // Проблемы марийской и сравнительной филологии: сб. ст. / Мар. гос. ун-т; отв. ред. Р. А. Кудрявцева. Йошкар-Ола, 2017. С. 17–23.

43. Некоторые теоретические обобщения по переводу текстов официальных названий учреждений Республики Марий Эл с русского на марийский язык // Проблемы марийской и сравнительной филологии: сб. ст. / Мар. гос. ун-т; отв. ред. Р. А. Кудрявцева. Йошкар-Ола, 2017. С. 23–27.

44. Актуальные проблемы перевода официальных текстов с русского на марийский язык // Folklore and written traditions of the Finno-Ugric peoples III. Abstracts of the 6th Day of Agricola Conference. Edited by Szilard Tibor Toth. University of Tartu Narva College, 2018. С. 26–27.

45. О некоторых особенностях перевода рекламных текстов с русского на марийский язык // XVII Игнатъевские чтения. Горные мари в поликультурном пространстве: материалы докладов и выступлений на ежегодной научно-практической конференции с международным участием, посвященной 90-летию со дня рождения доктора филологических наук, почётного профессора МарГУ Л.П. Васиковой (1927–2012) (Пайгусово, 28 мая 2017 г.). Йошкар-Ола, 2018. С. 52–57.

46. О некоторых теоретических обобщениях по переводу текстов с русского на марийский язык на основе сопоставительного анализа // Языковые контакты народов Поволжья и Урала: сб. ст. XI Междунар. симпозиума (Чебоксары, 21–24 мая 2018 г.) / сост. и отв. ред. А.М. Иванова, Э.В. Фомин. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2018. С. 268–271.

47. Особенности перевода текстов вывесок с официальными названиями учреждений Республики Марий Эл с русского на марийский язык // Музейный вестник: ежегодный сборник / ГБУК «Национальный музей РМЭ им. Т. Евсеева»; науч. ред. Д.Ю. Ефремова. Йошкар-Ола, 2018. Выпуск 12. С. 233–236.

48. Некоторые теоретические обобщения по переводу названий гражданства и национальностей с русского на марийский язык // Современное образование: опыт и перспективы: материалы II Всероссийской научно-практической конференции (28–30 ноября). Бирск: Бирск. фил. Баш. гос. ун-та, 2018. С. 54–58.

49. Особенности употребления наречий в песнях восточных мари // Современное образование: опыт и перспективы: материалы II Всероссийской научно-практической конференции (28–30 ноября). Бирск. фил. Баш. гос. ун-та, 2018. С. 66–71.

50. Наречие как средство формирования временных отношений в марийском языке // Проблемы марийской и сравнительной филологии: сб. ст. / Мар. гос. ун-т; отв. ред. Р.А. Кудрявцева. Йошкар-Ола, 2018. С. 21–26.

51. Научная деятельность марийского исследователя В.И. Вершинина (к 70-летию юбилею) // Финно-угроведение. 2018 (№ 59). С. 157–164.

52. К вопросу о проблеме перевода текстов с русского на марийский язык // Финно-угроведение. 2018 – № 59. С. 84–90.

53. Роль рукописного материала марийского просветителя Г.Я. Яковлева в изучении марийских соматизмов // Финно-угорский мир в культуре России: сборник материалов Международного форума к 100-летию государственной архивной службы России (18–19 апреля 2018 г., г. Кудымкар, Пермский край). Кудымкар, 2018. Часть 2. С. 185–192.

54. Грамматические особенности перевода официальных текстов с русского на марийский язык // Folklore and written traditions of the Finno-Ugric peoples. Abstracts of the 7th day of Agricola conference. Narva 2019. С. 36–37.

55. Особенности употребления наречий времени в «Псалтыри» на марийском языке // XVIII Игнатъевские чтения. Роль просветителей в истории, культуре и образовании горных мари: материалы докладов и выступлений на ежегодной Региональной научно-практической конференции, посвящённой 175-летию со дня рождения педагога-священника Г.Я. Яковлева (1843–1912) (Козьмодемьянск, 10 апреля 2018 г.). – Йошкар-Ола, 2019. – С. 46–52.

56. Наречия, выражающие определённое время, в марийском языке // Финно-угорский мир в полиэтничном пространстве России: культурное наследие и новые вызовы: сборник статей по материалам VI Всероссийской научной конференции финно-угроведов (Ижевск, 4–7 июня 2019 г.) / УдмФИЦ УрО РАН. Ижевск: Издательство Анны Зелениной, 2019. С. 27–31.

57. Иванов Иван Григорьевич // Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева. 90 лет: история в лицах (1930–2020): библиографический сборник. Йошкар-Ола, 2020. С. 118–121.

58. Вершинин Валерий Иванович // Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В. М. Васильева. 90 лет: история в лицах (1930–2020): биобиблиографический сборник. Йошкар-Ола, 2020. С. 165.
59. О.А. Сергеев – известный ученый-лингвист // ЯЗЫК, УЧЁНЫЙ, ПИСЬМЕНА... К юбилею О.А. Сергеева / сост.: М.Т. Ипакова. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2021. С. 7–27.
60. О. А. Сергеев. Василий Крекнин, Иоанн Платунов, Краткий черемисский словарь с российским переводом: лингвистический анализ (с приложением словаря), Йошкар-Ола, МарНИИЯЛИ, 2020. 348 с.
61. Научная деятельность известного ученого-лингвиста О. А. Сергеева (к 60-летнему юбилею) // Финно-угроведение. 2021. № 62. С. 134–140.
62. Наречия, указывающие на начало действия с определенного периода в марийском языке // Этнокультурные ценности в современном информационном обществе: материалы VII республиканской научно-практической конференции, посвященной 100-летию Республики Марий Эл и Сернурского района, «Йыван Кырла лудмаш» (п. Сернур, 9 апреля 2021 г.) / отв. ред. С.К. Свечников. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2021. С. 146–154.
63. К юбилею марийского лингвиста О.А. Сергеева // *Linguistica Uralica*. 2022. № 1. С. 74–76.
64. Ипакова М. Т. Ранние письменные памятники как источники изучения соматической лексики марийского языка. URL:<http://cyberleninka.ru/article/n/rannie-pismennyye-pamyatniki-kak-istochniki-izucheniya-somaticheskoy-leksiki-mariyskogo-yazyka> (дата обращения: 1.08.2022)

ЛИТЕРАТУРА О М. Т. ИПАКОВОЙ

Аликаева М. Марий йылме чатка, лывырге да яндар лийшаш // Чолман, 8 декабрь. 2010.

Пекшеева Э. Марий йылмызе-влак радамыште у лум // Марий Эл, 23 март. 2013.

Пекшеева Э. Пошкырт кундем гыч самырык шымлызе // Чолман, 10 апрель. 2013.

Поступила в редакцию 08.08.2022

Сергеев Олег Арсентьевич,

кандидат филологических наук, доцент,

старший научный сотрудник направления «Лингвистика»

Марийского научно-исследовательского института

языка, литературы и истории им. В. М. Васильева (МарНИИЯЛИ),

424036, Россия, Йошкар-Ола, ул. Красноармейская, 44

e-mail: olsemar@rambler.ru

O.A. Sergeev

TO THE ANNIVERSARY OF M.T. IPAKOVA

DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-4-740-746

The article is devoted to the researcher of the Mari language, Candidate of Philological Sciences, senior researcher of the «Linguistics» direction of the Mari Research Institute of Language, Literature and History named after V.M. Vasilyev M.T. Ipakova. Her scientific and creative activity is characterized; the contribution of the linguist to the development of her native language is described. The field of scientific interests of M. Ipakova: dialectology, lexicology, terminology, practical lexicography, morphology, translation studies.

Keywords: dialect dictionary, Kaltasin dialect, lexicographic work, Mari language, translation work.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2022, vol. 16, issue 4, pp. 740–746

Received: 8.08.2022

Sergeev Oleg Arsentyevich,

Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Senior Researcher,

Mari Research Institute of Language, Literature and History

named after V.M. Vasilyev

44, Krasnoarmeyskaya st., Yoshkar-Ola, 424036, Russia

e-mail: olsemar@rambler.ru